

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL OF ECONOMIC SOCIOLOGY = EKONOMICHESKAYA SOTSILOGIYA

Читайте в номере:

Четверикова И. В. Мобилизация уголовного закона бизнесом и государством: социально-экономический статус обвиняемых и предварительное заключение по экономическим делам

Туз А. Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики

Бумагин Р. Е., Рогозин Д. М. Критика опросного подхода к анализу взаимного сходства во внешнем виде потребительских продуктов внутри одной товарной категории

Коротаев А. В., Хохлова А. А., Цирель С. В. Безработица как предиктор социально-политической дестабилизации в странах Западной и Восточной Европы

**Экономическая
социология**
Т. 19. № 2.
Март 2018

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,
г. Москва,
ул. Мясницкая,
д. 20, комн. 406
тел.: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Электронный журнал «Экономическая социология» издаётся с 2000 г. Учредителями являются Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (с 2007 г.) и Вадим Валерьевич Радаев (главный редактор).

Цель журнала — утверждать международные стандарты экономико-социологических исследований в России, представлять современные работы российских и зарубежных авторов в области экономической социологии, информировать профессиональное сообщество о новых актуальных публикациях и исследовательских проектах, а также вовлекать в профессиональное сообщество молодых коллег.

Журнал представляет собой специализированное академическое издание. В нём публикуются материалы, отражающие современное состояние экономической социологии и способствующие развитию данной области в её современном понимании. В числе приоритетных тем: теоретические направления экономической социологии, социологические исследования рынков и организаций, социально-экономические стратегии индивидов и домашних хозяйств, неформальная экономика. Также публикуются тексты из смежных дисциплин — неинституциональной экономической теории, антропологии, экономической психологии и других областей, которые могут представлять интерес для экономсоциологов.

Журнал публикует пять номеров в год: в январе, марте, мае, сентябре и ноябре. Доступ ко всем номерам журнала постоянный, свободный и бесплатный по адресу: <http://www.ecsoc.hse.ru>. Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).

Журнал входит в список ВАК России, индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), Emerging Sources Citation Index (ESCI) из Web of Science Core Collection и Scopus.

Требования к авторам изложены по адресу: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html

В журнале применяется двойное анонимное рецензирование статей. Все материалы проходят через полный цикл редакторской обработки и корректуры.

Плата с авторов журнала не взимается. Ускоренные сроки публикации статей не предусмотрены.

Journal of Economic Sociology was established in 2000 as one of the first academic e-journals in Russia. It is funded by the National Research University Higher School of Economics (HSE).

Journal of Economic Sociology promotes international standards of research in economic sociology, presenting new research carried out by Russian and international scholars, introducing new books and research projects, and attracting young scholars into the field.

Journal of Economic Sociology is a specialized academic journal representing the mainstreams of thinking and research in international and Russian economic sociology. Journal of Economic Sociology provides a framework for discussion of the following key issues: major theoretical paradigms in economic sociology, sociology of markets and organizations, social and economic strategies of households, informal economy. Journal of Economic Sociology also welcomes research papers written within neighboring disciplines — new institutional economics, anthropology, economic psychology and related fields, which can be of interest for economic sociologists.

Journal of Economic Sociology has a wide Russian speaking audience, living both in Russia and abroad. Its main target group comprises research scholars, university professors, policy-makers, post-graduates, undergraduates and others who are interested in economic sociology.

Journal of Economic Sociology is indexed by Emerging Sources Citation Index (ESCI) from Web of Science™ Core Collection and Scopus.

Journal of Economic Sociology is a bimonthly journal released in five issues (January, March, May, September, and November). Journal of Economic Sociology provides permanent free access to all issues in PDF. Journal of Economic Sociology applies blind peer-review procedures (two referees for each research paper). All papers are subject to editing, proofreading, and professional design layout.

Guidelines for authors: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html

**Journal of
Economic Sociology**
Vol. 19. No 2.
March 2018

Electronic journal
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Contacts

20 Myasnitskaya street,
room 406
101000, Moscow,
Russian Federation
phone: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

**Экономическая
социология**
Т. 19. № 2.
Март 2018

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Журнал выходит
пять раз в год

Учредители:

- Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
- В. В. Радаев

Издаётся с 2000 года

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Редакция

Главный редактор:

Радаев Вадим Валерьевич (НИУ ВШЭ, Россия)

Редактор выпуска:

Соколова Татьяна Виленовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Вёрстка:

Мишина Мария Евгеньевна (Россия)

Корректор:

Андрианова Надежда Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Ответственный секретарь:

Котельникова Зоя Владиславовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Сотрудники редакции:

Назарбаева Елена Алексеевна (НИУ ВШЭ, Россия)
Конрой Наталья Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Международный редакционный совет

Ашвин Сара
(Ashwin, Sarah)

Лондонская школа экономики и политических наук
(Великобритания)

Гербер Тед
(Gerber, Ted)

Висконсинский университет в Мэдисоне
(США)

Гусева Аля (Guseva, Alya)

Университет Бостона (США)

Зависка Джейн (Zavisca, Jane)

Университет Аризоны (США)

Линднер Петер
(Lindner, Peter)

Университет Франкфурта-на-Майне
им. И. В. Гёте (Германия)

Сводер Кристофер
(Swader, Christopher)

Лундский университет (Швеция)

Якубович Валерий
(Yakubovich, Valery)

Бизнес-школа ESSEC (Франция)

Редакционный совет

Богомолова
Татьяна Юрьевна

Институт экономики и организации промышленного
производства СО РАН (Россия)

Веселов
Юрий Васильевич

Санкт-Петербургский государственный
университет (Россия)

Волков
Вадим Викторович

Европейский университет
в Санкт-Петербурге (Россия)

Гимпельсон
Владимир Ефимович

НИУ ВШЭ (Россия)

Лапин
Николай Иванович

Институт философии РАН (Россия)

Малева
Татьяна Михайловна

Институт социального анализа
и прогнозирования РАНХиГС (Россия)

Овчарова
Лилия Николаевна

НИУ ВШЭ (Россия)

Радаев
Вадим Валерьевич
(главный редактор)

НИУ ВШЭ (Россия)

Хахулина
Людмила Александровна

Аналитический центр Юрия Левады
(Россия)

Чепуренко Александр Юльевич

НИУ ВШЭ (Россия)

Шанин Теодор

Московская Высшая школа
социальных и экономических наук (Россия)

Шкаратан Овсей Ирмович

НИУ ВШЭ (Россия)

- National Research
University
Higher School of
Economics
- Vadim Radaev

Editors

Editor-in-Chief:	Vadim Radaev (HSE, Russia)
Editor:	Tatyana Sokolova (HSE, Russia)
Design and Layout:	Maria Mishina (Russia)
Proofreader:	Nadezda Andrianova (HSE, Russia)
Managing Editor:	Zoya Kotelnikova (HSE, Russia)
Editorial Staff:	Elena Nazarbaeva (HSE, Russia) Natalia Conroy (HSE, Russia)

International Editorial Council

Sarah Ashwin	The London School of Economics and Political Science (UK)
Ted Gerber	University of Wisconsin-Madison (USA)
Alya Guseva	Boston University (USA)
Peter Lindner	Goethe University Frankfurt (Germany)
Christopher Swader	Lund University (Sweden)
Valery Yakubovich	ESSEC Business School (France)
Jane Zavisca	The University of Arizona (USA)

Editorial Council

Tatyana Bogomolova	Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)
Alexander Chepurenko	HSE (Russia)
Vladimir Gimpelson	HSE (Russia)
Lyudmila Khakhulina	Yuri Levada Analytical Center (Russia)
Nikolay Lapin	Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences (Russia)
Tatyana Maleva	Institute of Social Analysis and Forecasting, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia)
Lilia Ovcharova	HSE (Russia)
Vadim Radaev (Editor-in-Chief)	HSE (Russia)
Theodor Shanin	Moscow School of Social and Economic Sciences (Russia)
Ovsey Shkaratan	HSE (Russia)
Yuriy Veselov	Saint Petersburg State University (Russia)
Vadim Volkov	European University at Saint Petersburg (Russia)

Содержание

Вступительное слово главного редактора (*В. В. Радаев*) 8

Тексты на русском языке

Новые тексты

И. В. Четверикова

Мобилизация уголовного закона бизнесом и государством:
социально-экономический статус обвиняемых и предварительное
заключение по экономическим делам..... 12

Новые переводы

А. Туз

Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики 50

Расширение границ

Р. Е. Бумагин, Д. М. Rogozin

Критика опросного подхода к анализу взаимного сходства
во внешнем виде потребительских продуктов внутри одной товарной категории 86

А. В. Коротаев, А. А. Хохлова, С. В. Цирель

Безработица как предиктор социально-политической дестабилизации
в странах Западной и Восточной Европы..... 118

Дебютные работы

Д. М. Асатурян, В. Э. Ергунева

Съесть или не съесть? Современная модель потребления
через призму выбрасывания продуктов питания: на примере москвичей 168

Новые книги

Н. В. Конрой

Креолизация ценностей: как достигается налоговая справедливость для каждого
Рецензия на книгу: Björklund Larsen L. 2017. *Shaping Taxpayers: Values in Action*
at the Swedish Tax Agency. New York; Oxford: Berghahn Books. 220 p..... 196

Р. Н. Абрамов

«Нам хватает!»: жизнь и приключения постсоветского рабочего класса,
увиденные глазами зарубежного этнографа
Обзор книги: Morris J. 2016. *Everyday Post-Socialism. Working-Class*
Communities in the Russian Margins. London: Palgrave Macmillan. 292 p..... 209

Конференции

XIX Апрельская международная научная конференция
по проблемам развития экономики и общества, 10–13 апреля 2018 г., г. Москва, НИУ ВШЭ.....230

Contents

Editor's Foreword (*Vadim Radaev*)..... 8

Texts in Russian

New Texts

Iryna Chatsverykova

Mobilization of Criminal Law by Business and State: Socio-Economic Status of Defendants and Pretrial Detention in Economic Cases..... 12

New Translations

Adam Tooze

The Wages of Destruction. The Making and Breaking of the Nazi Economy (*an excerpt*) 50

Beyond Borders

Roman Bumagin, Dmitry Rogozin

Criticism of Interview Approach in Examining Similarity of Appearance of Products Belonging to the Same Product Category..... 86

Andrey Korotayev, Alina Khokhlova, Sergey Tsirel

Unemployment as a Predictor of Socio-Political Destabilization in Western and Eastern Europe 118

Debut Studies

Daria Asaturian, Valeriya Erguneva

To Eat or Not to Eat? The Modern Consumption Model Through the Prism of Food Wasting: Moscow Citizens Case..... 168

New Books

Natalia Conroy

Creolization of Values: How Fair Taxation is Achieved for Everyone
Book Review: Björklund Larsen L. (2017) *Shaping Taxpayers: Values in Action at the Swedish Tax Agency*, New York; Oxford: Berghahn Books. 220 p..... 196

Roman Abramov

“It Is Enough!”: The Life and Adventures of the Post-Soviet Working Class Seen by Through the Eyes of a Foreign Ethnographer
Book Review: Morris J. (2016) *Everyday Post-Socialism. Working-Class Communities in the Russian Margins*, London: Palgrave Macmillan. 292 p..... 209

Conferences

19th April International Academic Conference on Economic and Social Development, 10–13 April 2018, Moscow, Higher School of Economics..... 230

VR ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

На грядущей XIX Апрельской международной научной конференции НИУ ВШЭ (Москва, 10–13 апреля 2018 г.) впервые состоится круглый стол главных редакторов журналов НИУ ВШЭ. Дело в том, что в последние годы в НИУ ВШЭ появился ряд новых научных журналов, а ранее созданные журналы приняли новые стратегии развития и добились определенного признания, войдя, помимо Russian Science Citation Index, в международные базы цитирования Scopus и Web of Science (ESSI). Многие журналы переходят на платформу для рецензируемых научных изданий Open Journal Systems. Каким видится будущее журналов? Какие материалы и каких авторов они ожидают? Как меняются требования к журнальным публикациям? Эти вопросы станут предметом обсуждения на круглом столе, где будет также представлен журнал «Экономическая социология».

Несколько слов о новом номере журнала.

В рубрике «**Новые тексты**» мы публикуем статью *И. В. Четвериковой* (научный сотрудник Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге) «Мобилизация уголовного закона бизнесом и государством: социально-экономический статус обвиняемых и предварительное заключение по экономическим делам». Статья посвящена социальному неравенству обвиняемых при избрании им меры пресечения в процессе расследования экономических дел с разными типами потерпевших. Результаты исследования показывают, что состав преступления, криминальная история, пол, гражданство и место жительства обвиняемого имеют существенное значение при принятии следствием и судом решения о заключении под стражу.

В рубрике «**Переводы**» мы публикуем «Введение» к книге профессора истории им. Кэтрин и Шелби Каллом Дэвисов факультета истории Колумбийского университета *Адама Туза* «Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики». Автор предложил радикально новое описание Второй мировой войны. Он утверждает, что глобальный баланс экономической и военной силы с самого начала складывался совершенно не в пользу Германии, и именно с целью предупредить угрозу с Запада Гитлер бросил свои недооснащенные армии на беспрецедентное и в конечном счёте обернувшееся крахом завоевание Европы. Перевод с английского *Николя Эдельмана* под научной редакцией *Артёма Космарского*. Публикуется с разрешения Издательства Института им. Е. Т. Гайдара.

В рубрике «**Дебюты**» печатается статья *Д. М. Асатурян* (стажёр-исследователь ЛЭСИ НИУ ВШЭ) и *В. Э. Ергуневой* (студентка департамента социологии НИУ ВШЭ) «Съесть или не съесть? Современная модель потребления через призму выбрасывания продуктов питания: на примере москвичей». На основе 22 глубинных интервью была предпринята попытка выявить смысловые контексты, удерживающие информантов от выбрасывания продуктов питания или же стимулирующие такое выбрасывание. Выяснено, что, помимо ожидаемых рациональных установок, связанных с оптимизацией использования продуктов питания, наблюдается социальная укоренённость практик выбрасывания или сбережения продуктов питания, которые также осмысливаются в ракурсе дихотомии «достаток — бедность», корни которой уходят в «гастрономические травмы», пережитые российским обществом в XX веке.

В рубрике «**Расширение границ**» публикуется статья канд. соц. н. *Р. Е. Бумагина* (генеральный директор исследовательского агентства «Рефакта») и канд. соц. н. *Д. М. Rogozina* (старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, заведующий лабораторией методологии социальных исследований Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте РФ) «Критика опросного подхода к анализу взаимного сходства во внешнем виде потребительских продуктов внутри одной товарной категории». Задача данной статьи — создать основу для научной критики методических решений, применяемых российскими социологами, которые выступают поставщиками доказательств в спорах хозяйствующих субъектов. Критика доминирующего в российской практике опросного подхода представлена через описание альтернативного экспериментального плана.

Также в рубрику «Расширение границ» включена статья д. ист. н. *А. В. Коротаева* (заведующий Лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации НИУ ВШЭ), *А. А. Хохловой* (стажёр-исследователь Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации) и д. техн. н. *С. В. Циреля* (Санкт-Петербургский горный университет) «Безработица как предиктор социально-политической дестабилизации в странах Западной и Восточной Европы». В статье рассматривается влияние безработицы на политическую дестабилизацию в посткоммунистической (Западной) и посткоммунистической (Восточной) Европе. Используются данные Всемирного банка по ежегодным уровням безработицы в 45 странах Европы и численные значения показателей нестабильности из базы данных CNTS за 1991–2014 гг. Полученные результаты показали сильную положительную корреляцию между безработицей и социально-политической дестабилизацией в западных странах и слабую отрицательную — в посткоммунистических. Определено, что главной причиной различных реакций на безработицу являются размеры, сроки и условия выплат социальных пособий, а дополнительным фактором — трудовая миграция из Восточной Европы в Западную.

В рубрике «**Новые книги**» канд. ист. н. *Н. В. Конрой* (ЛЭСИ НИУ ВШЭ) рецензирует книгу шведского антрополога *Лотты Бьёрклунд Ларсен*, которая пытается выяснить, почему малые предприниматели ошибаются при заполнении налоговых деклараций. В этой книге о достижении налоговой справедливости также рассказывается, как налоговый орган оправдывает свою миссию и легитимирует свои интерпретации закона в глазах шведского общества, для того чтобы обеспечивать справедливый вклад каждого, поощрять желание людей участвовать и поддерживать налоговую дисциплину.

Канд. соц. н. *Р. Н. Абрамов* (НИУ ВШЭ) подготовил рецензию на книгу этнографа *Джерemi Морриса* «Повседневный постсоциализм: сообщества рабочего класса в российской периферии». Книга основана на этнографическом исследовании жизни и труда населения провинциального индустриального российского города Излучино в 2009–2012 гг. Автор анализирует социальное положение жителей Излучина и описывает их семейные, трудовые, биографические траектории, показывает, как на смену мягкому патернализму советских предприятий приходят жёсткие менеджеральные модели управления.

В заключение мы анонсируем XIX Апрельскую международную научную конференцию по проблемам развития экономики и общества, проводимую НИУ ВШЭ при участии Всемирного банка в Москве 10–13 апреля 2018 г. Приводится программа секций, которые могут вызвать интерес экономсоциологов.

VR INTRODUCTORY REMARKS

Dear colleagues,

The program of the forthcoming XIX April International Academic Conference on Economic and Social Development arranged by the Higher School of Economics (HSE) in Moscow, April 10–13, 2018 will include a roundtable of editors-in-chief of the academic journals published by the HSE. This is the first time such an event has been offered. The point is that some new journals were established by the university over the last several years. Concurrently, previously established journals developed new strategies and obtained formal recognition by being accepted into the Russian Science Citation Index, Scopus, and Web of Science—Emerging Sources Citation Index (ESSI). Many journals began moving to the Open Journal Systems, an open source software for the management of peer-reviewed academic journals. What are the prospects for further development of academic journals at the HSE? What types of papers are most often invited? How are contributors' guidelines being changed? These issues will be subjects for discussion at the roundtable. *The Journal of Economic Sociology*, no doubt, will participate in this event.

Meanwhile, let us say a few words about the new issue of our journal.

Iryna Chatsverykova (Research Fellow of the Institute for the Rule of Law at the European University at St. Petersburg) presents a paper entitled “Mobilization of Criminal Law by Business and State: Socio-Economic Status of Defendants and Pretrial Detention in Economic Cases.” Using police data on all defendants charged from 2013–2014 in Russia with economic and corruption crimes, the author examines how the socio-economic status of the defendant and the type of the victim are related to pretrial detention decisions. Results indicate that not only the offense, but also the defendant's criminal history, gender, citizenship, and place of residence weigh heavily in investigatory and judicial decision-making on detention in economic and corruption cases.

We publish a new translation of the “Introduction” to *Adam Tooze's* (Kathryn and Shelby Cullom Davis Professor of History, Department of History, Columbia University of the City of New York) *The Wages of Destruction: The Making and Breaking of the Nazi Economy*. Tooze has written a radical new history of the Second World War. He argues that a global balance of economic and military forces did not initially favor Hitler. With the goal of preventing the threat from the West, he sent poorly armed troops to conquer Europe, which then led to the crash of his intentions.

In the section entitled “*Beyond the Borders*,” we publish a paper by *Roman Bumagin* (Ph.D. in Sociology, Director of REFACTA) and *Dmitry Rogozin* (Ph.D. in Sociology, Senior Researcher, Institute of Sociology, SIC RAS, Head of Laboratory of Social Research Methodology, Institute of Social Analysis and Forecasting, RANEPa under the President of the Russian Federation) entitled “Criticism of Interview Approach in Examining Similarity of Appearance of Products Belonging to the Same Product Category.” The aim of the paper is to create the basis for scientific criticism of methodological decisions applied by sociologists. This criticism of the interview approach dominating Russian practice of sociological expertise in intellectual property trials is presented through the description of an alternative experimental plan.

Dr. *Andrey Korotayev* (Head of the Laboratory for the Monitoring of Socio-Political Destabilization Risks of the Higher School of Economics), *Alina Khokhlova* (Research Associate of the Laboratory for the Monitoring of Socio-Political Destabilization Risks of the Higher School of Economics), and Dr. *Sergey Tsirel* (Chief Researcher of the Institute of Mining Geomechanics and Mine Surveying, St. Petersburg) present a paper entitled “Unemployment as a Predictor of Socio-Political Destabilization in Western and Eastern Europe.”

Their work examines the impact of unemployment on political destabilization in non-post-Communist (Western) and post-Communist (Eastern) Europe. The authors use World Bank data on annual unemployment rates in 45 European countries and numerical values of instability indicators from the Cross-National Time-Series Data Archive (CNTS) database for 1991–2014. The results indicate a strong positive correlation between unemployment rate and socio-political destabilization indicators in non-post-Communist countries and a weak negative correlation in post-Communist ones. The primary reason for different reactions to unemployment originates in the differences in amounts, timing, and conditions for social payments. Additional factors are associated with the labor migration from the East to the West in Europe.

Daria Asaturian (Research Assistant, Laboratory for Studies in Economic Sociology, Higher School of Economics) and *Valeriya Erguneva* (BA Student, Faculty of Social Sciences, Higher School of Economics) present their paper “To Eat or Not to Eat? The Modern Consumption Model Through the Prism of Food Wasting: Moscow Citizens Case.” This research is based on 22 in-depth interviews and attempts to identify the semantic contexts that keep informants from wasting food or that stimulate food waste. They reveal that, in addition to the expected rational attitudes associated with the optimization of food management, this issue can be interpreted in terms of the informant’s values, coupled with the social embeddedness of the practices of throwing out or saving food products, with the roots originating in Soviet history and transmitted through the following generations.

Natalia Conroy reviews Björklund Larsen's book, *Shaping Taxpayers: Values in Action at the Swedish Tax Agency* published by Berghahn Books in February of 2017. It is an ethnography written as a “social biography of things,” which is not a rare case in modern Western anthropology. The work examines a report by in-house analysts of the Swedish Tax Agency based on their own two-year research into errors made by small businesses on their annual tax returns. The author attempts to understand how the Agency obtains its information about tax compliance and uses it to motivate citizens to comply. It also considers to what extent the Agency itself is shaped by taxpayers’ perceptions of fairness and by their way of defining the boundaries between private and public and between household and business in everyday life.

Dr. *Roman Abramov* (Higher School of Economics) provides a review of Jeremy Morris’s *Everyday Post-Socialism: Working-Class Communities in the Russian Margins* published by Palgrave Macmillan in 2016. This ethnographic study examines the life and work of the population of the provincial industrial Russian town of Izluchino from 2009–2012. The author explores the social positions of Izluchino inhabitants and describes their families, labors, and biographical traces. This study also shows how rigid managerial models of business administration changed former soft paternalism in the management of soviet enterprises.

Finally, we would like to draw your attention once more to the XIX April International Academic Conference on Economic and Social Development, which is arranged by the Higher School of Economics in collaboration with the World Bank in Moscow and will take place April 10–13, 2018. We publish information on the conference sessions that might be of interest to economic sociologists.

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

И. В. Четверикова

Мобилизация уголовного закона бизнесом и государством: социально-экономический статус обвиняемых и предварительное заключение по экономическим делам

ЧЕТВЕРИКОВА

Ирина Васильевна — магистр социологии, научный сотрудник Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге. Адрес: 191187, Россия, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., 6/1, лит. А.

Email: ichetverikova@eu.spb.ru

Статья посвящена социальному неравенству обвиняемых при избрании им меры пресечения в процессе расследования экономических дел с разными типами потерпевших. В контексте использования уголовной репрессии для давления на бизнес в России исследование отвечает на вопросы о том, имеет ли статус предпринимателя стигматизирующий эффект на решение заключить обвиняемого под стражу и кто наиболее успешен в мобилизации уголовного закона до суда в защиту своих экономических интересов — бизнес или государство. Чем больше вероятность предварительного заключения под стражу, тем успешнее можно считать мобилизацию уголовного закона до суда. Выводы основаны на анализе данных ведомственной статистики МВД России о всех обвиняемых по экономическим делам, включая коррупционные составы, расследованные в 2013–2014 гг.

Результаты показывают, что состав преступления, криминальная история, пол, гражданство и место жительства обвиняемого имеют существенное значение при принятии следствием и судом решения о заключении под стражу. При контроле на социальные характеристики обвиняемых, наличие судимости и рецидива, размер ущерба и вменяемый состав преступления вероятность заключения в СИЗО (следственный изолятор) до суда предпринимателей значимо не отличается от вероятности заключения под стражу госслужащих и рабочих, но ниже по сравнению с правоохранителями и безработными. Наиболее благоприятным положением при избрании меры пресечения обладают служащие коммерческих и бюджетных организаций, к которым значительно менее вероятно применение заключения под стражу, чем к предпринимателям. При этом, если не учитывать различия в социально-демографических характеристиках обвиняемых и правовой квалификации преступлений, доля заключённых под стражу за экономические преступления наиболее высока среди предпринимателей. В случаях причинения экономического вреда частным интересам, будь то

¹ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 17–18–01618).

Автор признателен Вадиму Волкову, Алексею Кнорре, Дмитрию Скугаревскому, Кириллу Титаеву, Марии Шклярчук, а также другим участникам Летней школы Института проблем правоприменения (2016) за ценные комментарии к исследованию и проведённую работу по формированию массива данных. Развитию исследования также способствовали участники семинара серии «Социология рынков», организованного ЛЭСИ НИУ ВШЭ. Комментарии анонимных рецензентов помогли улучшить статью.

гражданам или бизнесу, мобилизация уголовного закона до суда с большей вероятностью происходит по репрессивной модели (то есть с заключением обвиняемого под стражу) по сравнению с делами, где потерпевшим было признано государство.

Ключевые слова: заключение под стражу; социально-экономический уклон; государство и бизнес в России; экономические преступления; мобилизация права; агентская проблема.

Введение

В случае конфликтов, неизбежно возникающих при ведении бизнеса, будь то с контрагентами или регуляторами, обычной практикой является обращение к третьей стороне — в арбитражные или коммерческие суды, специальные государственные органы или компании по урегулированию конфликтов. Дональд Блэк предложил понятие «мобилизация права» (*mobilization of law*), обозначающее процесс, с помощью которого правовая система получает свои дела, и, таким образом, задействуется и реализуется право [Black 1973]. В концепции Блэка закон «появляется в момент соприкосновения сферы сообществ, регулирующих себя изнутри, и сферы государства, осуществляющего регуляцию и контроль снаружи» [Кузнецов 2015: 35].

Первой ассоциацией экономического спора является тяжба между коммерческими компаниями, для разрешения которой последней инстанцией служит арбитражный суд. Однако экономические споры могут происходить между самыми разными хозяйствующими субъектами, выступающими в качестве таковых, включая государственные органы и некоммерческие организации. Граждане также могут быть стороной или сторонами в экономическом по сути споре. Кроме того, претензии экономического характера могут возникнуть у государственных органов к организациям или гражданам в связи с неисполнением налоговых, таможенных, лицензионных обязательств. Иными словами, любая экономическая деятельность — от репетиторства до строительства — создаёт возможность для конфликтов между разными типами участников. Основная масса таких конфликтов или споров решается в гражданско-правовом или административном (если был нарушен публичный интерес) порядке. В случаях большой общественной опасности, когда умышленно наносится значительный вред частным или общественным интересам, может быть мобилизован уголовный закон. Однако в зависимости от социального положения участников конфликта шансы на успешную мобилизацию уголовного закона могут существенно отличаться в силу самых разных обстоятельств (доступ к квалифицированной юридической помощи, правила разрешения конфликтов в том либо ином сообществе, виктимность жертвы² и т. п.). Кроме того, применение уголовной репрессии подвержено социальным уклонам (*bias*) правоприменителей [Spohn 2009; Титаев 2014; Volkov 2014], организационным стимулам [Панеях et al. 2012; Nazrullaeva, Baranov, Yakovlev 2013], а также коррупционным интересам правоохранителей [Кравцова 2012].

Организационные стимулы могут увеличивать или снижать социальное неравенство между людьми с разными социальными характеристиками, проявляющееся при обращении в полицию или при защите от уголовного преследования. Также и возможности для реализации коррупционных интересов правоохранителей могут положительно коррелировать с определёнными характеристиками обвиняемых и потерпевших. Как итог, мобилизация уголовного закона происходит по-разному в зависимости от состава участников конфликта при схожих правовых и криминологических обстоятельствах. В настоящей статье анализируется, как применение уголовной репрессии в защиту экономических интересов различается в зависимости от типа потерпевшего и социально-экономического статуса обвиняемого.

² Применительно к экономическим спорам, например, отсутствие у предпринимателя разрешения на какой-либо вид деятельности может препятствовать его обращению в полицию в связи растратами, допущенными работниками во время осуществления этой деятельности.

Право — это государственный социальный контроль, присутствие которого в жизни обратно пропорционально задействию других нормативных систем, например, религиозных норм, системы понятий. В ситуации слабого российского государства 1990-х гг. правоохранители, наряду с другими агентами, обладавшими силовым ресурсом, были одним из инструментов — но далеко не главным — в решении различного рода проблем, возникавших в ходе ведения бизнеса, при этом силовой ресурс использовался правоохранителями преимущественно в неформальных приработках и в нерабочее время [Волков 2012]. Однако с начала нулевых роль правоохранительной и судебной систем в решении конфликтов меняется в сторону монополизации этой сферы деятельности [Gans-Morse 2011].

Во-первых, повысилось участие правоохранительных органов в перераспределении активов, которые значительно потеснили на этом поле конкурентов — охранные предприятия и криминальные организации [Волков 2012; Gans-Morse 2012]. При этом государственные органы и формальные институты (например, банкротства) нередко используются в качестве инструментов давления для передачи прав собственности и захвата активов [Osipian 2012; Rochlitz 2013]. Именно уменьшение силового давления в предпринимательской сфере являлось лейтмотивом либеральных поправок последних семи лет в уголовное законодательство в сфере хозяйственной деятельности, успешность которых до сих пор остаётся под вопросом [Четверикова 2016a; 2016b]. В связи с этим можно предположить, что практика мобилизации уголовного закона по экономическим делам с участием предпринимателей принципиально отличается от уголовного преследования без их участия.

Во-вторых, объективно спрос на право и решение споров в судебном порядке вырос, что относится как к предпринимателям [Hendley 2007], так и к остальному населению [Hendley 2012]. Однако даже полный выигрыш в суде ещё не гарантирует фактическое получение компенсации. Так, в 2016 г. судебные приставы смогли полностью взыскать долг или обязать выполнить другие действия лишь в 58% дел, находящихся у них в производстве [Бочаров 2016]. Использование уголовной репрессии поэтому может выглядеть более привлекательным способом защиты своих прав и интересов по сравнению с коммерческим арбитражем или общегражданским судом (ведь уже сам факт уголовного преследования несёт в себе карательный, репрессивный элемент)³.

В-третьих, государство через создаваемую централизованную систему управления стало формировать и поддерживать спрос на активность правоохранителей в сфере экономики, создавая стимулы к производству вала дел экономической направленности через «палочную систему» [Гладырев 2009; Ходжаева 2010; Панях et al. 2012; Nazrullaeva, Baranov, Yakovlev 2013]. «Палочная система» представляет собой такую систему оценки деятельности сотрудников, в которой имеют значение количественные показатели — раскрытые преступления и оформленные административные правонарушения по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года; так называемые палки не имеют качественного измерения [Гладырев 2009; Ходжаева 2010]. То же касается надзорных органов, которые своей активностью играют значимую роль в формировании правил игры для предпринимателей [Панях 2008; 2013; Барсукова 2009; Kazun 2015]. Иными словами, инициаторами уголовного преследования за экономические преступления могут быть не только конкуренты, но и сами правоохранители, движимые «палочной системой» и заинтересованные в лёгком прохождении уголовного дела [Nazrullaeva, Baranov, Yakovlev 2013]. В схеме Дональда Блэка активные правоприменительные действия полиции без обращения граждан относятся к проактивной мобилизации права [Black 1973].

В контексте «палочной системы» проактивная мобилизация уголовного закона по экономическим делам может способствовать уменьшению различий между уголовным преследованием предпринимателей и

³ Репрессивный характер уголовного преследования проявляется и в следственных действиях (допросы, обыски), и в мерах процессуального принуждения (арест имущества, отстранение от должности), и особенно — в мерах пресечения (подписка о невыезде, домашний арест, заключение под стражу).

других обвиняемых. Ведомственными инструкциями устанавливается список статей УК и дополнительных признаков, когда преступление учитывается как имеющее экономический характер в отчетности о работе правоохранительных органов [Четверикова, Титаев 2017]. Среди этих признаков важными являются совершение преступления должностными или материально-ответственными лицами и(или) иными лицами в процессе осуществления производственно-хозяйственной или финансовой деятельности (либо под видом её осуществления). Иначе говоря, система стимулирования правоохранителей предполагает возможность вести уголовное преследование в отношении не столько предпринимателей, сколько служащих и работников организаций и предприятий, а также государственных служащих для того, чтобы выполнить формальные требования по выявлению и расследованию экономических преступлений. Расследование экономических дел в отношении рядовых служащих и работников организаций, включая бухгалтеров и менеджеров, является выгодным для правоохранителей с точки зрения экономии времени на формирование уголовного дела (затраты времени в этом случае значительно меньше, чем при ведении расследования в отношении предпринимателей) [Четверикова 2016b]. Таким образом, давление «палочной системы» может приводить к тому, что успешность мобилизации уголовного закона по экономическим делам в отношении предпринимателей будет меньшей или одинаковой по сравнению с другими экономически активными обвиняемыми.

Однако каким образом можно оценить успешность мобилизации права разными типами участников? Мобилизация уголовного закона начинается на этапе обращения в полицию и может заканчиваться вынесением приговора и исполнением наказания. При этом существует множество промежуточных этапов (предъявление обвинения, передача дела в суд), а также задействуются разные уголовно-правовые институты, которые увеличивают количество права в жизни (избрание меры пресечения, арест имущества). Согласно концепции Дональда Блэка, исследователь может квантифицировать и квалифицировать закон на любом участке социальной реальности [Кузнецов 2015]. Чем более репрессивный институт применяется государством, тем больше права присутствует в жизни [Black 1976]. Заключение под стражу является наиболее репрессивным уголовно-процессуальным институтом, так как, по сути, лишает человека свободы до суда, до признания его виновным и до назначения соразмерного наказания, которое может быть и не связано с реальным лишением свободы. При этом лишение свободы — наиболее суровый вид наказания, существующий в уголовно-правовом пространстве России. Исследования, в которых анализировались легальные и экстралегальные факторы назначения наказаний в России, показывают, что заключение под стражу до суда имеет сильную положительную связь с последующим реальным лишением свободы [Титаев 2014; Volkov 2016]. В связи с этим заключение под стражу было выбрано в качестве индикатора успешности мобилизации уголовного закона до суда.

Таким образом, исследование фокусируется на социально-экономическом неравенстве обвиняемых при решении о заключении их под стражу по экономическим делам. Иными словами, отличается ли практика досудебного заключения предпринимателей по сравнению с другими обвиняемыми при прочих равных?

Следующий вопрос касается различий в практике досудебного заключения предпринимателей по делам, где потерпевшим признан бизнес (частные коммерческие компании или индивидуальные предприниматели) или государство. Ответ на этот вопрос является актуальным в контексте консолидации российского государства, сопровождаемой коммерциализацией государственных органов и полиции [Barsukova, Radaev 2012; Kosals, Dubova 2012]. С одной стороны, мы наблюдаем усиление государства, но с другой — государственные ресурсы принуждения используются в интересах частных лиц и компаний. Возникает закономерный вопрос: в защиту чьих интересов — государства или бизнеса — наиболее успешно задействуется уголовная репрессия?

Обзор литературы

В эмпирических исследованиях уголовной юстиции, основанных на концепции Блэка, учёные часто концентрируют внимание на решениях, принимаемых самими гражданами об обращении в полицию, а основным методом выступают виктимизационные опросы [Avakame, Fyfe, McCoy 1999; Copes et al. 2001; Felson et al. 2002; Kuo et al. 2012; Graham, Borg, Miller 2013]. Однако и после обращения в полицию и принятия заявления правоохранительные органы могут не усмотреть криминальной составляющей в случившемся, и, соответственно, уголовное право не будет задействовано, а гражданам придётся искать другие способы разрешения конфликта — от подачи в суд гражданского иска до обращения к криминальным структурам. Даже если обращение в полицию пройдёт успешно и будет возбуждено уголовное дело, это ещё не означает, что преступник будет найден, а само дело будет доведено до суда [Шклярчук et al. 2015; Четверикова, Титаев 2017]. Дональд Блэк подчёркивал, что мобилизация права происходит на разных стадиях правового процесса и не заканчивается на этапе обращения в полицию [Black 1973: 126].

Более поздние стадии мобилизации уголовного права — арест подозреваемого и выдвижение обвинения — в теоретической рамке, предложенной Дональдом Блэком, изучаются реже и касаются общеуголовных преступлений [Roberts 2007; Schulenberg 2015]. Отчасти такое положение дел может быть связано с меньшей доступностью данных для социальных исследователей, относящихся к более поздним стадиям уголовного преследования и содержащих информацию о потерпевших.

Согласно предложенной теории о поведении закона, в разных точках социальной структуры успешность мобилизации права различна [Black 1976]. Так, индивиды менее успешно задействуют формальный контроль, чем организованная группа, способная к коллективному действию. Закон, скорее всего, не будет задействован, когда потерпевший обладает низким социально-экономическим статусом, а обидчик — высоким. Исследование практики назначения меры пресечения в городском суде (*urban county*) Мичигана показало, что наличие дохода (более 75 дол. в месяц) или сбережений (1500 дол.) негативно связано с вероятностью заключения под стражу [Freiburger, Hilinski 2010], что можно объяснить просто: денежные средства нужны как минимум для того, чтобы выйти под залог, который по умолчанию является альтернативой заключению. Интересно, что именно отсутствие дохода или сбережений во многом объясняет расовое неравенство обвиняемых при заключении их под стражу [Freiburger, Hilinski 2010], которое демонстрировалось предыдущими исследованиями [Demuth, Steffensmeier 2004]. Таким образом, доход и, можно предположить, социально-экономический статус являются важными предикторами принятия решения о мере пресечения. Российские исследования также показывают, что применение уголовного закона может значительно отличаться в отношении обвиняемых с разным социально-экономическим статусом [Волков 2014; Volkov 2014; 2016].

Мобилизация закона также зависит от социальной дистанции между участниками конфликта и степени интеграции сообщества, от уровня образования и доступа к информации. На практике не все предположения, выдвинутые Дональдом Блэком, нашли подтверждение в эмпирических исследованиях обращений в полицию [Berg, Rogers 2017]. Исследователи сходятся на том, что теория уголовно-правовой мобилизации требует дальнейшего уточнения и развития [Berg, Rogers 2017]. В связи с этим теория о мобилизации права, сформулированная Дональдом Блэком, используется в качестве теоретической рамки, а отдельные гипотезы выдвигаются на основании конкретных эмпирических исследований.

Первое и единственное подробное эмпирическое исследование о практике заключения под стражу в России, выполненное на количественных данных, было проведено Кириллом Титаевым на выборке текстов приговоров за 2011 г. [Титаев 2014]. В этой же работе можно найти обзор литературы, посвящённой эмпирическим исследованиям принятия решений о предварительном заключении в других

юрисдикциях, а также краткую справку о системе уголовной юстиции в России. Из текстов приговоров кодировалась информация о поле судьи, государственного обвинителя, адвоката, о социальных и легальных характеристиках обвиняемого и уголовно-правовых и процессуальных обстоятельствах дела. Анализ данных показал наличие положительной связи между судимостью, отсутствием работы, признанием вины и предварительным заключением, а само предварительное заключение положительно связано с последующим назначением наказания в виде реального лишения свободы. Однако в исследовании отсутствовали сведения о социально-экономическом положении обвиняемого, за исключением факта наличия или отсутствия работы. Кроме того, анализируемая выборка охватывала только конвенциональные преступления — причинение тяжкого телесного повреждения по ч. 1 ст. 111 УК (Уголовный кодекс Российской Федерации от 1996 г. с изменениями и дополнениями), кражи по ч. 2 ст. 158 УК и хранение наркотиков по ч. 1 ст. 228 УК. Важной особенностью настоящей работы является то, что объектом исследования выступают экономические дела, тогда как факторы мобилизации права чаще изучаются по общеуголовным преступлениям — убийствам, нанесению телесных повреждений, домашнему насилию, кражам и разбоям [Felson et al. 2002; Roberts 2007; Graham et al. 2013;]4.

Гипотезы исследования

Первая группа гипотез касается отличий в применении предварительного заключения по экономическим делам в отношении предпринимателей и других социально-экономических групп обвиняемых. Определяющей социально-экономической характеристикой обвиняемых, разделяющей их на две большие группы, является наличие либо отсутствие работы. Отсутствие постоянной занятости у обвиняемых — стигматизирующая характеристика, повышающая вероятность лишения свободы при схожих обстоятельствах дела и других социальных характеристиках [Chiricos, Bales 1991; Volkov 2016]. Кроме того, отсутствие работы положительно связано с заключением под стражу по обвинению в совершении кражи по ч. 2 ст. 158 УК [Титаев 2014]. В связи с этим можно предположить, что по сравнению с предпринимателями безработные обвиняемые имеют большую вероятность досудебного заключения.

Гипотеза 1а (H 1a). *Вероятность заключения под стражу безработных значительно выше, чем предпринимателей.*

Сложнее прогнозировать уклоны правоприменителей в отношении обвиняемых, имеющих постоянный легальный доход от профессиональной деятельности. Осуждённые за мошенничество предприниматели получают консистентно более тяжкие наказания, чем другие обвиняемые, имеющие постоянный легальный источник дохода [Volkov 2016]. При этом предварительное заключение под стражу статистически влияет на выбор вида наказания — лишение свободы, но не связано напрямую с определением его размера [Титаев 2014], поэтому мы ориентировались только на данные о назначении реального лишения свободы за мошенничество. Так, предприниматели и правоохранители в случае осуждения за мошенничество имеют большую вероятность реального лишения свободы по сравнению с рабочими и в отличие от государственных служащих и офисных работников [Volkov 2016]. Отсюда можно предположить, что, во-первых, к рабочим правоприменители будут относиться более благосклонно, чем к предпринимателям. Во-вторых, госслужащие и служащие также будут находиться в более выгодном положении при избрании им меры пресечения по сравнению с предпринимателями.

Гипотеза 1б (H 1b). *Вероятность заключения под стражу рабочих значительно ниже, чем предпринимателей.*

⁴ Известна одна работа, которая развивает концепцию Блэка и основана на анализе сообщений о мошенничестве, но она принципиально отличается от настоящего исследования именно использованием виктимизационных опросов населения и, соответственно, изучением самой первой стадии мобилизации уголовного права — сообщения о преступлении полиции или другим правоохранительным органам [Copes et al. 2001].

Гипотеза 1с (H 1c). *Вероятность заключения под стражу госслужащих и служащих значительно ниже, чем предпринимателей.*

По сравнению с рабочими вероятность лишения свободы по обвинению в мошенничестве выше на 13% у правоохранителей и на 7% у предпринимателей [Volkov 2016], поэтому мы предполагаем, что при схожих обстоятельствах дела правоохранители будут чаще содержаться в СИЗО до суда, чем предприниматели.

Гипотеза 1d (H 1d). *Вероятность заключения под стражу правоохранителей значительно выше, чем предпринимателей.*

Следующая группа гипотез касается успешности мобилизации уголовного закона бизнесом и государством в случае причинения им ущерба. Коммерческие и некоммерческие организации, частные и государственные организации обладают разными ресурсами в отстаивании своих интересов и, как следствие, имеют разные шансы на успех в правовом поле разрешения конфликтов [Титаев, Дмитриева, Четверикова 2014]. В контексте права российского государства, наследовавшего советские традиции, ситуации мобилизации уголовного права принципиально отличаются в зависимости от того, были затронуты интересы государства или нет. В Советском Союзе государственная собственность подлежала значительно большей защите по сравнению с личной (которую мы условно обозначим как частную)⁵. Современные исследования показывают, что, при прочих равных, в арбитражном процессе государство-истец по сравнению с истцом-предпринимателем значительно реже выигрывает гражданские дела, но более успешно — в административном процессе [Титаев, Дмитриева, Четверикова 2014]. Уголовно-правовой порядок более схож с административным — имеет публичный характер, а для его мобилизации до суда задействуются государственные органы. В связи с этим мы предполагаем, что государство в защиту своих экономических интересов будет более успешным, чем частные организации в мобилизации уголовного закона.

Гипотеза 2а (H 2а). *По сравнению с бизнесом вероятность заключения под стражу предпринимателей выше в случае, когда потерпевшим является государство.*

Однако государственные организации в большей степени подвержены агентской проблеме, чем частные. Агентская проблема и связанные с ней издержки возникают тогда, когда происходит разделение собственности и контроля [Jensen, Meckling 1976], что вероятно как в частном секторе, так и в публичном; например, между собственниками фирмы (принципалы) и менеджерами (агенты); между избирателями и политиками; между правительством и бюрократами более низкого уровня. Чем больше действия агентов расходятся с интересами принципалов, тем выше агентские издержки и, соответственно, ниже выгода для принципалов. Анализ эмпирических исследований приватизации показал, что в среднем частные компании более эффективны и прибыльны, чем госкомпании [Megginson, Netter 1999].

В связи с возникающей перед государственными органами и организациями проблемой «принципал — агент» можно предположить, что защита государственной собственности осуществляется менее эффективно, чем частной. Так, исследование правоприменения в случае мошенничества в государственных

⁵ Один из самых простых способов проверить это утверждение — посмотреть на очерёдность глав советских уголовных кодексов, где глава о хищениях государственной собственности располагалась перед главой о хищениях частной собственности. Ранее принцип построения Уголовного кодекса был иным — от наиболее серьёзных преступлений и наказаний к наименее тяжким. Можно также сравнить санкции, которые обычно были мягче за преступления против частной собственности. Например, согласно Уголовному кодексу 1960 г., по ст. 89 и 144 о хищении собственности разных форм, максимальный срок лишения свободы за кражу социалистической или общественной собственности — 15 лет, личной собственности граждан — 10 лет.

компаниях (в компаниях, полностью принадлежащих государству) и в негосударственных компаниях (компаниях с минимальным участием государства), проведённое в Китае, показало, что, при прочих равных, негосударственная форма собственности положительно связана с частотой реагирования регулятора (специальной постоянно действующей комиссией) на мошенничество [Hou, Moore 2010].

Иными словами, в случае причинения ущерба коммерческим компаниям или индивидуальным предпринимателям, как правило, есть конкретное лицо, заинтересованное в наказании виновника и возмещении вреда, в отличие от государственных органов и организаций. Соответственно, можно предположить, что частные лица будут более настойчиво добиваться возмещения вреда и использовать для этого все доступные способы, чем представители, защищающие государственную собственность. Так, коммерческие компании могут обладать важным ресурсом, которым не обладают многие государственные организации, — устойчивыми коррупционными отношениями с правоохранителями [Кравцова 2012]. В отличие от государственных органов и организаций, у коммерческих организаций намного больше возможностей для предоставления неформальных бесплатных услуг сотрудникам полиции, чем последние пользуются, согласно свидетельствам, полученным из эмпирических качественных исследований [Zernova 2011]. Опросные данные свидетельствуют в пользу того, что сотрудники полиции часто оказывают охраняющие услуги фирмам и предприятиям, выходя за рамки своих должностных обязанностей [Wilson et al. 2008]. Таким образом, происходит приватизация принудительных ресурсов государства [Barsukova, Radaev 2012]. В свою очередь, коммерциализация правоохранительных органов может способствовать более успешной мобилизации уголовного закона в случае причинения ущерба бизнесу, а не государству.

Гипотеза 2b (H 2b). *Вероятность заключения под стражу предпринимателей выше в случае, когда потерпевшим является бизнес, а не государство.*

Данные и методы

Для проверки гипотез использовался аналитический массив Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, сформированный на данных МВД о выявленных преступлениях (форма 1), результатах расследования преступлений (форма 1.1) за 2013–2014 гг. и данных об обвиняемых (форма 2). За основу были взяты данные об обвиняемых⁶. Состав преступления в многоэпизодных делах определялся по наиболее тяжкому.

Исследование выполнено на данных, которые можно отнести к Big Data. Их особенностью является то, что они не были предназначены для эмпирических исследований на этапе создания [Волков, Скугаревский, Титаев 2016]. Отсюда следует проблема интерпретации и адекватного конструирования категорий, в связи с чем дальнейшее моделирование принятия решений о заключении под стражу будет проводиться одновременно с эмпирическим анализом основных категорий.

Отдельно была проведена работа по оценке достоверности заполнения статистических карточек об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Практики заполнения статистических карточек могут сильно различаться в зависимости от требований региональных информационных центров МВД. Во многих регионах информация о мере пресечения не считается обязательной к заполнению до тех пор, пока речь не идёт о заключении под стражу. В связи с этим при указании о содержании под стражей обвиняемого зависимая переменная кодировалась как «1», в случае иной меры пресечения

⁶ Более подробно о единицах учёта, соотношении массива с данными опубликованной официальной статистики см. в аналитическом обзоре о структуре и основных чертах экономических преступлений в России: [Четверикова, Титаев 2017].

или пропуска присваивалось значение «0»⁷. Если данные о мере пресечения были заполнены менее чем в 80%, а доля заключённых под стражу была 4% и ниже, а за совершение убийства по ст. 105 УК — ниже 50%, то регион исключался из анализа.

Гипотезы исследования проверялись с помощью логистической регрессии с последующей оценкой усреднённых предельных эффектов.

Основные переменные: экономические составы преступлений, социально-экономический статус обвиняемых и типы потерпевших

При определении экономических составов преступлений и социально-экономического статуса (СЭС) обвиняемых мы ориентировались на предыдущие работы по анализу экстралегальных факторов принятия судебных решений [Волков 2014; Volkov 2014; 2016;] и социальной обусловленности уголовного преследования за экономические преступления в России [Четверикова 2016b; Четверикова, Титаев 2017]. В настоящем исследовании *группа экономических преступлений* определяется широко и включает нетяжкие составы мошенничества и присвоения [Четверикова 2016b], а также некоторые коррупционные преступления, которые были введены в анализ для корректности сравнения практики по экономическим делам в отношении предпринимателей с госслужащими и правоохранителями. Таким образом, к экономическим составам преступлений в широком смысле были отнесены следующие статьи обвинения: ст. 145.1, 146, 147, 159–159.6, 160, 165, 169–174.1, 176–204 УК, а также коррупционные ст. 285–285.2, 289, 290–292 УК, связанные с нецелевым расходованием бюджетных средств, злоупотреблением должностным положением из корыстных побуждений и взяточничеством.

В основу категории СЭС обвиняемых был положен профессиональный статус. В эмпирических исследованиях права в сфере уголовной юстиции именно профессиональная позиция обвиняемых является основой для конструирования их экономического статуса, что часто обусловлено недоступностью других индикаторов [Zatz 2000]. Особенностью ведомственной статистики является то, что категории для анализа строятся на основе первоначальных определений, содержащихся в статистических карточках и присваиваемых следователем или дознавателем⁸. По специальным справочникам сотрудники определяют социальное и должностное положение обвиняемых на момент совершения преступления. Из пересечения различных характеристик, содержащих информацию о месте работы (правоохранительный орган, орган исполнительной власти, коммерческая организация, СМИ и т. д.), профессиональной позиции (помощник, консультант, рабочий, бухгалтер, руководитель и т. д.), и наличия властных полномочий (выполнение управленческих функций в организации) была сформирована переменная «СЭС обвиняемых», состоящая из семи категорий: предприниматели; государственные служащие; правоохранители; служащие; рабочие, безработные и др.

В 2013–2014 гг. предприниматели составляли 8,1–8,8% всех обвиняемых по экономическим делам (см. табл. 1). К категории предпринимателей в настоящей статье отнесены обвиняемые со статусом собственник — владелец предприятия, землевладелец (42,4%)⁹; предприниматель без образования юриди-

⁷ Для надёжности мы также проанализировали вероятность заключения под стражу обвиняемых, исключив из анализа пропущенные значения, когда информация о мере пресечения в регионе заполнялась хорошо (более 80%). Результаты были схожими с полученными нами и публикуемыми в настоящей статье, когда пропуски в хорошо заполненных регионах интерпретируются как случаи, когда мера пресечения не избиралась.

⁸ Анализ интервью, а также наблюдения автора в отделах полиции (проведённых в 2014 г. в рамках исследования практик обеспечения общественной безопасности) показывают, что иногда поля карточек с социальными характеристиками обвиняемых и некоторые другие заполняет специальный сотрудник, работающий в штабе или формально в следствии (дознании).

⁹ Данные приведены по экономическим и коррупционным составам, отобраным для анализа.

ческого лица (51,4%); лицо, занимающееся мелкооптовой торговлей, совладелец на паях коллективной собственности и рантье (6,2%). Самыми немногочисленными из выделенных социально-экономических групп являются госслужащие (2,2–2,7%) и правоохранители (2,8%), несмотря на широкое определение группы экономических преступлений, включающей коррупционные составы. К госслужащим были отнесены только те служащие государственных органов и органов местного самоуправления, которые обладали управленческими функциями. Сотрудники правоохранительных органов классифицировались как правоохранители.

Таблица 1

Социально-экономический статус (СЭС) обвиняемых по уголовным делам, расследованным в 2013–2014 гг.

СЭС обвиняемых	Состав обвиняемых по экономическим преступлениям			Состав обвиняемых по всем преступлениям в 2013–2014 гг., количество, чел.	Процент обвиняемых в экономических преступлениях для разных СЭС, %
	Количество, чел.	2013 г., %	2014 г., %		
Предприниматели	9374	8,8	8,1	27 701	33,8
Госслужащие	2715	2,7	2,2	4213	64,4
Правоохранители	3082	2,8	2,8	7929	38,9
Служащие	19 593	18,4	17,0	42 622	46,0
Рабочие	26 120	23,0	24,3	359 355	7,3
Безработные	44 999	40,3	41,1	1 199 928	3,8
Другие	4662	3,9	4,5	174 151	2,7
Всего обвиняемых, %		100,0	100,0		6,1
Всего обвиняемых, чел.	110 545	55 933	54 612	1 815 899	

В категорию служащих, составляющих 17,0–18,4% обвиняемых по экономическим делам ежегодно, вошли следующие группы обвиняемых:

- сотрудники бюджетных организаций — служащие государственных организаций и государственных органов, за исключением госслужащих и правоохранителей: 24,8%;
- служащие коммерческих и некоммерческих организаций: 34,5%;
- служащие с управленческими функциями в коммерческих и некоммерческих организациях, в том числе бухгалтеры и директора, не обладающих правами собственности в отношении компании: 40,7%.

Отдельно были выделены группы рабочих и безработных, включая тех, кто не был зарегистрирован на бирже труда. Несмотря на то что безработными и рабочими оказываются более 60% обвиняемых по экономическим делам ежегодно, сами обвинения в совершении экономических преступлений составляют всего 11,1% всех уголовных дел в отношении этих групп обвиняемых (см. табл. 1). И наоборот, для предпринимателей, госслужащих, правоохранителей и служащих обвинения в совершении преступлений экономического характера являются «типичными» и составляют $\frac{1}{3}$ – $\frac{2}{3}$ всех уголовных дел (см. табл. 1). К категории «Другие» отнесены неработающие пенсионеры, студенты, получатели социальных пособий и другие.

Мошенничество является наиболее распространённым составом обвинений по экономическим делам в отношении предпринимателей и других обвиняемых (см. табл. 2).

В отличие от остальных обвиняемых, предпринимателям часто вменялись специфичные для них составы, например — неуплата налогов юридическими лицами (11,0%; среди других обвиняемых — 1,5%) или физическими лицами (8,6 и 0,2% соответственно), нарушение авторских и смежных прав (6,7 и 2,3% соответственно), мошенничество в предпринимательстве¹⁰ (5,9 и 0,7% соответственно).

При анализе практики заключения под стражу необходимо учитывать специфику экономических преступлений, в которых обвиняются представители разных социально-экономических групп населения, а именно квалификацию обвинений. Кроме того, при интерпретации результатов стоит иметь в виду, что квалификация преступлений может быть частью стратегии правоприменителя, например, когда обвиняют по более тяжкой статье, чтобы повысить шанс отправить обвиняемого в СИЗО до суда.

Таблица 2

**Наиболее частые составы обвинений по экономическим делам,
расследованным в 2013–2014 гг.**

Статья УК	Суть обвинения	Предприниматели		Другие обвиняемые	
		Количество, чел.	%	Количество, чел.	%
159	Мошенничество	2296	24,4	34311	33,8
199	Неуплата налогов юридическими лицами	1040	11,0	1469	1,5
198	Неуплата налогов физическими лицами	806	8,6	193	0,2
159.2	Мошенничество с социальными выплатами	686	7,3	10192	10,0
291	Дача взятки	649	6,9	7087	7,0
146	Нарушение авторских и смежных прав	632	6,7	2284	2,3
159.4	Мошенничество в предпринимательстве	559	5,9	668	0,7
160	Присвоение или растрата	453	4,8	19674	19,4
145.1	Невыплата зарплаты	330	3,5	393	0,4
159.1	Мошенничество с кредитами	243	2,6	11036	10,9
180	Незаконная маркировка товаров	226	2,4	148	0,2
171	Незаконное предпринимательство	212	2,3	413	0,4
Другие статьи УК		1296	13,8	13601	13,4
Всего обвиняемых		9428	100,0	101 469	100,0

Потерпевшие от экономических преступлений были поделены на четыре категории¹¹: граждане; некоммерческие организации; бизнес; государство. К бизнесу отнесены случаи, когда потерпевшими признавались коммерческие компании (66,9%), предприниматели (30,2%) или топ-менеджеры (2,9%). Государство признавалось потерпевшим как в случае прямого указания на это в статистических карточках (51,2%), так и в случае, когда отмечалось, что ущерб был причинён муниципальной (11,3%) или государственной (37,5%) собственности.

Чаще всего в совершении экономических преступлений обвинялись безработные, за исключением случаев, когда потерпевшим оказывалось государство, ущерб которому почти в трети случаев был причинён служащими (27,3%) (см. табл. 3). Именно в случаях потерпевшего-государства наблюдается наибольший процент госслужащих (6,1%), правоохранителей (3,2%) и предпринимателей (12,9%)

¹⁰ Статья утратила силу в соответствии с Федеральным законом от 3 июля 2016 г. (№ 325-ФЗ).

¹¹ Определить тип потерпевшего удалось в 80% случаев.

среди обвиняемых. Структура дел по СЭС обвиняемых очень похожа по делам с потерпевшими некоммерческими организациями и бизнесом. По расследованным делам граждане, как правило, были потерпевшими от действий безработных (62,3%).

Таблица 3

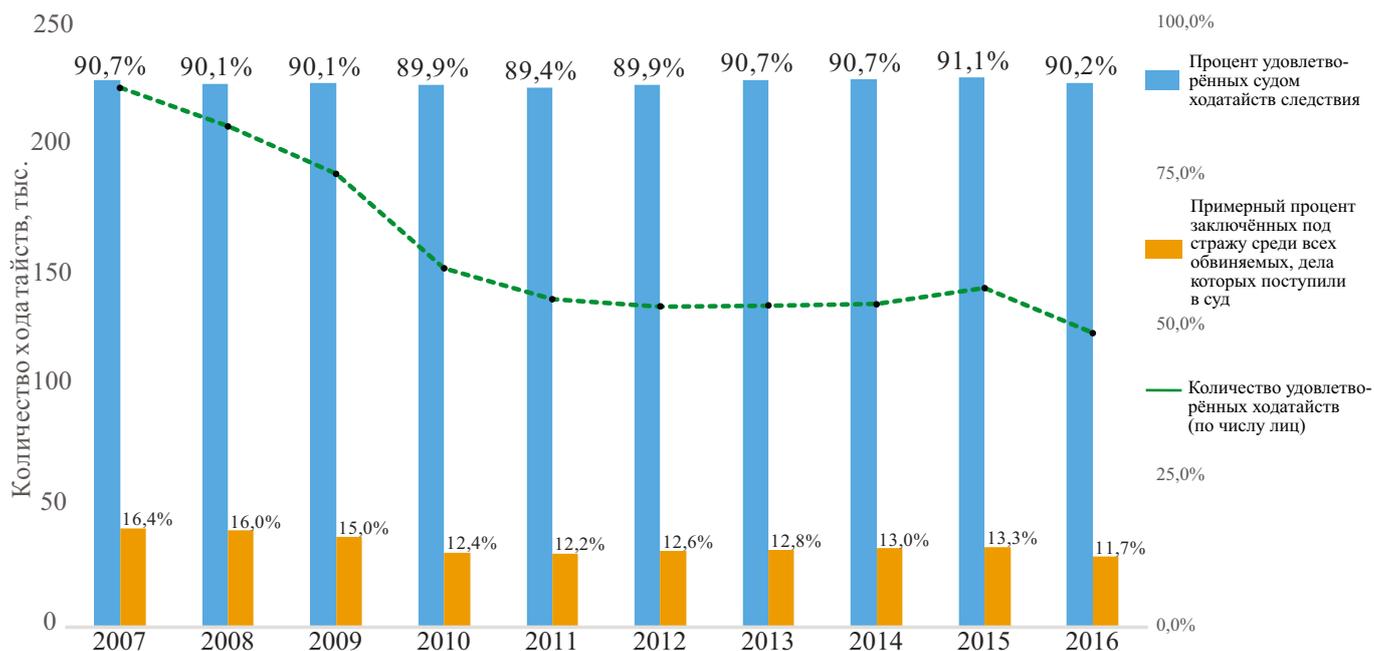
Социально-экономический статус (СЭС) обвиняемых по экономическим делам, расследованным в 2013–2014 г., в зависимости от типа потерпевших

СЭС обвиняемых	Граждане, %	Некоммерческие организации, %	Бизнес, %	Государство, %
Предприниматели	5,5	5,7	7,1	12,9
Госслужащие	0,6	0,3	0,6	6,1
Правоохранители	2,5	0,4	0,9	3,2
Служащие	7,9	13,6	15,6	27,3
Рабочие	17,2	32,1	31,5	20,5
Безработные	62,3	45,4	41,8	24,0
Другие	4,1	2,6	2,6	6,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0
Всего обвиняемых, чел.	26 839	15 966	15 944	29 964
В среднем	30,3	18,0	18,0	33,8

Моделирование досудебного заключения под стражу

Следствие ходатайствует о заключении под стражу, а решение принимает суд. Однако, по данным статистики Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, суд удовлетворяет около 90% всех ходатайств следствия о заключении под стражу обвиняемых по всем делам (см. рис. 1). Такое единодушие следствия и суда в принятии решения о заключении под стражу обвиняемых характерно для многих постсоветских стран [Трошев 2012]. Процент удовлетворённых ходатайств от года к году остаётся стабильным, несмотря на общее снижение количества обвиняемых, отправленных в СИЗО до суда, и их доли среди всех обвиняемых, дела которых поступили в суд (16,4% в 2007 г.; 11,7% в 2016 г.). Снижение произошло не потому, что суды стали реже удовлетворять ходатайства следствия, или потому, что уменьшилось общее количество обвиняемых, а потому, что следствие стало реже выходить в суд с ходатайством об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Таким образом, дискреция по поводу применения предварительного заключения сосредоточена у следствия, а не у суда, что даёт нам основания игнорировать характеристики суда при моделировании принятия этого правового решения. Получается, что именно *следствие фактически решает, отправить обвиняемого в СИЗО или избрать ему иную меру пресечения.*

Согласно п. 1 ст. 108 УПК (Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 2001 г. с изменениями и дополнениями), заключение под стражу применяется по тем составам преступлений, по которым предусмотрено в качестве наказания *лишение свободы на срок свыше трёх лет* (52,6% обвиняемых по экономическим делам). По таким делам 11,4% обвиняемых находится в СИЗО до суда (см. табл. 4). В исключительных случаях обвиняемый может быть заключён под стражу и тогда, когда максимальный срок лишения свободы меньше трёх лет (обвиняемый не имеет места жительства; его личность не установлена; нарушалась ранее избранная мера пресечения; обвиняемый скрывался). В нашей выборке экономических дел только 1,0% обвиняемых в совершении преступлений небольшой тяжести (до трёх лет лишения свободы) был заключён под стражу до суда, поэтому основной анализ проводился только по делам о преступлениях средней тяжести, тяжких и особо тяжких.

Источник: Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru>

Рис. 1. Судебная практика заключения под стражу обвиняемых до суда, 2007–2016 гг.

В зависимости от СЭС обвиняемых значительно различаются шансы оказаться в СИЗО до суда. Наименьшая доля таких заключённых среди рабочих и госслужащих (3,3 и 3,5% соответственно), проходящих по экономическим делам (см. табл. 4). Однако исключение из анализа преступлений небольшой тяжести, по которым практически не применяется досудебное заключение, показывает, что меньшими шансами оказаться в СИЗО обладают служащие и госслужащие (5,5%). Правоохранители и безработные чаще всего заключаются под стражу как в целом по экономическим составам, так и по более тяжким. Среди предпринимателей 4,7% обвиняемых по экономическим делам (8,6% в случае более тяжких преступлений) ожидают судебного разбирательства в СИЗО, что меньше, чем среди правоохранителей и рабочих, но больше по сравнению с госслужащими, служащими и рабочими.

Таблица 4

Доля заключённых под стражу по расследованным в 2013–2014 гг. экономическим делам в зависимости от социально-экономического статуса (СЭС) обвиняемых и тяжести преступления

СЭС обвиняемых	Обвиняемые за преступления средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие		Заключённые под стражу по всем преступлениям, %
	Количество, чел.	Заключённые под стражу, %	
Предприниматели	4 786	8,6	4,7
Госслужащие	1 668	5,5	3,5
Правоохранители	2 470	11,8	9,6
Служащие	12 950	5,5	3,8
Рабочие	12 098	6,4	3,3
Безработные	21 754	19,3	10,1
Другие	2 538	6,3	3,7
Всего	58 264	11,4	6,5

При исключении из анализа нетяжких преступлений наиболее частые составы обвинений становятся более однородными среди представителей из разных социально-экономических групп, чем это представлено в таблице 2. Так, более 70% обвинений, в том числе в отношении предпринимателей, образуют дела о мошенничестве, присвоении или растрате, в даче взяток и мошенничестве с социальными выплатами.

Учёт криминологических обстоятельств дела важен для корректной оценки связи между принятием правового решения и социальными характеристиками участников. Так, количество преступлений и совокупный размер ущерба от их совершения являются индикаторами общественной опасности и могут оцениваться следствием и судом как дополнительные основания к избранию меры пресечения в виде заключения под стражу. Медианный размер ущерба от преступлений, в которых обвиняются предприниматели, значительно выше, чем от преступлений, совершённых представителями других социально-экономических групп (см. табл. 5). Наличие судимости и рецидив преступлений также являются важными факторами принятия решений о назначении наказания, значительно повышающими его суровость [Chatsverykova 2016; Volkov 2016]. Наименьшая доля судимых и совершивших рецидив — среди правоохранителей, государственных служащих и служащих. Зарубежные исследования также показывают, что наличие криминальной истории положительно связано с досудебным заключением под стражу [Freiburger, Hilinski 2010; Wermink et al. 2017]. Более того, учёт судимости может значительно менять оценку социального неравенства обвиняемых при анализе практики избрания им меры пресечения. Так, различия в шансах на заключение под стражу до суда между женщинами и мужчинами значительно уменьшаются при учёте криминального прошлого обвиняемых [Freiburger, Hilinski 2010].

Таблица 5

**Криминологические обстоятельства совершения преступления
в зависимости от социально-экономического статуса (СЭС) обвиняемых**

СЭС обвиняемых	Медиана ущерба, тыс. руб.	Судимость (одна и более), %	Рецидив, %	Неоконченные преступления, %	Выявленные органами по борьбе с экономическими преступлениями и противодействию коррупции, %	Преступления, совершённые в городе, %
Предприниматели	531,8	9,7	2,3	12,6	78,5	85,0
Госслужащие	50,0	4,1	0,7	8,3	81,6	55,8
Правоохранители	20,0	1,6	0,0	15,5	30,7	84,3
Служащие	112,4	5,1	1,0	7,6	83,5	79,6
Рабочие	42,8	13,4	5,6	16,1	63,7	83,3
Безработные	23,0	28,6	15,2	16,2	38,0	84,7
Другие	17,0	8,8	3,3	15,7	58,2	84,8
По всем обвиняемым	44,1	16,0	7,4	13,7	58,6	82,5
Всего обвиняемых, чел.	51 709	9267	4315	7984	34 138	48 034

Увеличивать шансы на предварительное заключение может и неоконченный характер преступления (например, при покушении). В отношении служащих и государственных служащих меньше всего дел

экономического характера, по которым преступление не было окончено (см. табл. 5). Неоконченный характер преступления означает, что деятельность обвиняемого была прервана правоохранительными органами, а значит, выше шанс сохранения для следствия доказательств преступного характера этой деятельности. Также при неоконченном характере преступления следствие и суд могут посчитать, что обвиняемый продолжит преступную деятельность, что является основанием к избранию меры пресечения согласно п. 2 ч. 1 ст. 97 УПК.

Чем выше профессиональная активность правоохранителей, тем больше уголовного закона присутствует в жизни. При этом активность правоохранителей во многом зависит от организационных стимулов — «палочной системы» и других административных факторов [Lundman 1979; Волков et al. 2010; Paneyakh 2013], а также от профессиональной культуры и социализации в ней [McConville, Sanders, Leng 1991; Innes 2003]. Органы по борьбе с экономическими преступлениями и противодействию коррупции (ОБЭП) — это специализированные подразделения полиции, оценка деятельности которых во многом основана на показателях выявленных и раскрытых преступлений экономической направленности¹². Сотрудники ОБЭП сопровождали уголовные дела в отношении 78,5% предпринимателей, 81,6% госслужащих и 83,5% служащих, обвинённых в экономических преступлениях (см. в табл. 5); показатели в отношении других социально-экономических групп значительно ниже. Выявление и раскрытие преступления сотрудниками ОБЭП может быть значимым фактором для принятия следствием и судом решения о заключении обвиняемого под стражу.

Кроме того, совершение преступления в сельской местности или городе может опосредованно влиять на решение о мере пресечения. Например, исследование правосудия по уголовным делам в отношении несовершеннолетних в Миннесоте показало, что практика изъятия из семьи и тяжесть наказания существенно разнятся между судами, рассматривающими дела в условиях города, пригорода или села [Feld 1991].

СЭС — не единственная характеристика социального положения обвиняемых, опосредующая принятие правовых решений. Наличие гражданства РФ является одним из главных экстралегальных факторов при назначении наказаний [Волков et al. 2014]. Наличие гражданства РФ и постоянного места жительства там, где было совершено преступление и, соответственно, производится расследование, может напрямую влиять на оценку правоприменителями риска скрыться от следствия. Рабочие и безработные чаще других обвиняемых не обладали гражданством РФ и (или) являлись местными жителями (см. табл. 6).

Правоприменительные практики по отношению к женщинам могут быть более мягкими, что показывают исследования роли гендера при вынесении приговоров [Четверикова 2014; Chatsverykova 2016], а значит, пол также способен влиять на решение о мере пресечения. Учитываются и возрастная категория обвиняемых, и наличие высшего образования (см. табл. 6).

¹² О преступлениях экономической направленности более подробно см. в аналитическом обзоре: [Четверикова, Титаев 2017].

Таблица 6

**Социальные характеристики обвиняемых в зависимости
от их социально-экономического статуса (СЭС), %**

СЭС обвиняемых	Гражданство РФ	Местный житель	Женщины	Возраст			Наличие высшего образования
				18–30 лет	от 30 до 60 лет	старше 60 лет	
Предприниматели	98,7	89,2	21,3	18,1	78,0	3,9	53,3
Госслужащие	99,9	95,9	44,8	8,1	84,1	7,9	75,0
Правоохранители	100,0	93,9	16,0	36,0	63,7	0,4	70,2
Служащие	99,4	90,0	42,8	18,3	74,2	7,5	64,6
Рабочие	95,4	87,0	33,8	38,9	59,4	1,7	25,2
Безработные	90,8	79,6	26,7	46,6	52,4	0,9	12,9
Другие	98,9	81,8	45,9	42,4	36,4	21,3	22,2
В среднем	95,3	85,4	32,2	34,7	61,5	3,8	34,9
Всего обвиняемых, чел.	53 257	49 762	18 768	20 192	35 839	2233	20 301

Таким образом, при анализе вероятности досудебного заключения под стражу мы учитывали социальные характеристики обвиняемых, тип потерпевшего, криминологические обстоятельства дела, состав преступления, год окончания следствия и региональный контекст (описательная статистика и кодирование переменных приведены в приложении, см. табл. П.1).

Результаты

Базовая модель (М 1), помимо СЭС обвиняемых, учитывает региональную специфику и временной тренд (см. табл. 7). Результаты такой регрессионной модели показывают, что вероятность заключения в СИЗО до суда по экономическому делу значительно ниже у обвиняемых из всех социально-экономических групп по сравнению с предпринимателями, за исключением правоохранителей и безработных. Наблюдаемые различия в вероятности досудебного заключения между предпринимателями и другими группами обвиняемых соответствуют выдвинутым ранее гипотезам Н 1а — Н 1д, однако такая модель не учитывает другие важные социальные и криминологические факторы принятия решения о мере пресечения.

Добавление в модель социальных характеристик обвиняемых (М 2) показывает, что часть различий в вероятности досудебного заключения предпринимателей и «белых воротничков» (служащих и госслужащих) можно объяснить не столько профессиональным статусом, сколько различным распределением других социальных характеристик в этих группах. Так, различия в вероятности досудебного заключения между предпринимателями и «белыми воротничками» значительно снижаются при учёте любого из следующих факторов — пола обвиняемых, их гражданства или места жительства. Таким образом, вероятность досудебного заключения значительно снижается в случае, когда обвиняемый является женщиной (– 6,3%), имеет гражданство РФ (– 2,5%), постоянно проживает в месте совершения преступления (– 10,1%) и (или) для тех, чей возраст старше 60 лет, то есть для пенсионеров (– 3,7%) (см. табл. 7). Именно среди обвиняемых служащих и госслужащих такие характеристики наиболее распространены (см. табл. 6).

При учёте других социальных характеристик обвиняемых различия в вероятности досудебного заключения предпринимателей и рабочих практически не меняются, что можно объяснить отсутствием

значительных расхождений между группами по основным социальным характеристикам, связанным с выбором меры пресечения, в первую очередь — с наличием гражданства РФ и постоянного места жительства в месте проведения расследования (см. табл. 6). Вероятность заключения под стражу безработных выше на 7,7% по сравнению с предпринимателями (М 2) (см. табл. 7), что значительно меньше, чем показывала базовая модель (М 1). И наоборот, различия между предпринимателями и правоохранителями становятся значимыми после учёта социально-демографических характеристик.

Различия в вероятности досудебного заключения предпринимателей и других обвиняемых по экономическим делам уменьшаются при учёте в модели криминологических факторов, включая судимость и рецидив (М 3). Вероятность заключения под стражу обвиняемых положительно связана с наличием у них судимости, рецидивом преступлений, суммой ущерба, количеством преступлений в деле и неоконченным характером преступлений (М 3). Вероятность досудебного заключения ниже, если преступление было выявлено ОБЭП. Скорее всего, такая негативная связь обусловлена тем, что, помимо сотрудников ОБЭП, оперативным сопровождением экономических и коррупционных дел часто занимаются сотрудники собственной безопасности МВД или ФСБ, которые могут обладать большими организационными ресурсами для успешной мобилизации уголовного закона.

После добавления в модель принятия решения о заключении под стражу контроля на составы преступлений (М 4) пропадает значимость различий в вероятности досудебного заключения между предпринимателями и рабочими, но значительно увеличиваются различия между предпринимателями и правоохранителями. И здесь важную роль играют именно составы преступлений (в данном случае — части статей УК), а не их тяжесть, контроль которой не меняет значительно результаты предыдущей модели (М 7) (см. табл. П.3).

Таким образом, как и предполагалось в гипотезе Н 1а, при прочих равных, вероятность досудебного заключения безработных значительно выше (на 4,4%), чем предпринимателей (М 4). Гипотеза Н 1b не подтвердилась, так как результаты анализа показывают отсутствие значимых различий между вероятностью заключения предпринимателей и рабочих при учёте различий в квалификации преступлений. Гипотеза Н 1с подтвердилась частично, так как, при прочих равных, только обыкновенные служащие имеют меньшую вероятность заключения под стражу (– 2,2%), чем предприниматели; статистически значимых различий между госслужащими и предпринимателями не обнаружено. Вероятность досудебного заключения правоохранителей на 4,1% выше по сравнению с предпринимателями, что соответствует гипотезе Н 1d.

Следующая модель (М 5) дополнительно учитывает тип потерпевшего по делу, помимо криминологических обстоятельств дела, социальных характеристик обвиняемых и составов преступлений. Вероятность досудебного заключения обвиняемых ниже по сравнению с потерпевшими-гражданами, когда потерпевшими по делу являются некоммерческие организации (– 3,3%), бизнес (– 2,4%) или государство (– 5,0%). При учёте типа потерпевших (М 5) эффекты СЭС обвиняемых не меняют направление связи с вероятностью заключения под стражу по сравнению с предыдущей моделью (М 4).

Таблица 7

Усреднённые предельные эффекты на вероятность досудебного заключения под стражу, оценённой с помощью логистической регрессии, %

Зависимые переменные	М 1	М 2	М 3	М 4	М 5	М 6 ^(а)
СЭС обвиняемого (реферативная группа — предприниматели)						
Госслужащие	- 3,4**	- 2,0*	- 0,5	- 0,2	1,6	
Правоохранители	1,6	1,8*	1,8	4,1**	2,8*	
Служащие	- 4,5**	- 3,3**	- 3,2**	- 2,2**	- 2,0**	
Рабочие	- 2,7**	- 2,4**	- 3,1**	- 1,2	- 1,2	
Безработные	9,0**	7,7**	3,8**	4,4**	4,6**	
Женский пол		- 6,3**	- 4,5**	- 4,1**	- 4,0**	- 2,4
Гражданство РФ		- 2,5**	- 6,3**	- 11,0**	- 11,7**	- 13,7**
Местный житель		- 10,1**	- 9,9**	- 8,8**	- 9,3**	- 3,5*
Высшее образование		1,0**	2,1**	- 0,1	- 0,3	- 0,9
Возраст обвиняемых (реферативная группа — 18–29 лет)						
30–60 лет		0,1	0,2	- 0,1	0,1	- 2,4
60 лет и более		- 3,7**	- 3,0**	- 3,6**	- 3,0**	- 4,0
Преступление совершено в городе						
			5,8**	3,7**	4,9**	6,6**
Наличие судимости (реферативная группа — отсутствует)						
Одна			6,4**	5,2**	5,5**	0,4
Две и более			10,3**	9,0**	9,3**	6,8
Рецидив преступлений			3,7**	3,4**	3,6**	11,6**
Размер ущерба (<i>ln</i>)			0,3**	0,2**	0,3**	- 0,2
Количество преступлений			4,3**	2,7**	3,1**	2,1
Неоконченное преступление			2,3**	3,3**	5,1**	2,6
Сотрудники ОБЭП			- 3,6**	- 3,6**	- 3,0**	- 1,9
Тип потерпевшего (реферативная группа — граждане)						
Некоммерческие организации					- 3,3**	
Бизнес					- 2,4**	
Государство					- 5,0**	
Тип потерпевшего (реферативная группа — государство)						
Бизнес						4,2*
Части статей УК	—	—	—	+	+	+
Год окончания следствия	+	+	+	+	+	+
Регионы	+	+	+	+	+	-
Количество наблюдений	58 049	55 599	55 409	54 831	44 095	2 005

Примечания

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$. Экономические дела ограничены преступлениями, за совершение которых предусмотрено лишение свободы сроком более трёх лет.

^(а) Модель М 6 дополнительно ограничена преступлениями, в которых обвиняются предприниматели, а потерпевшими являлись бизнес или государство. Результаты категории «Другие» не представлены. Регрессионные коэффициенты и стандартные ошибки, кластеризованные на уровне органов, расследовавших дело, приведены в приложении (см. табл. П.2).

В моделях М 1 — М 5 была проанализирована вероятность заключения под стражу по всем экономическим делам, включая те, где потерпевшими являлись граждане, некоммерческие организации,

бизнес или государство. Результаты показали, что вероятность досудебного заключения значительно меняется в зависимости от типа потерпевшего: в случае наличия потерпевших граждан вероятность заключения под стражу выше по сравнению с тем, когда от преступления пострадали некоммерческие организации, бизнес или государство (М 5). Гипотезы Н 2а и Н 2б о разной практике защиты интересов бизнеса и государства касаются только преступлений, в которых обвиняются предприниматели. В следующей модели мы проанализировали вероятность заключения под стражу предпринимателей только по тем экономическим делам, где потерпевшими были признаны коммерческие компании (в том числе индивидуальные предприниматели) или государство. При потерпевшем бизнесе вероятность заключения под стражу предпринимателей выше на 4,2% по сравнению с тем, когда потерпевшим являлось государство, что соответствует гипотезе Н 2б и противоречит альтернативной гипотезе Н 2а (М 6 в таблице 7).

Выдвинутые гипотезы мы тестировали на выборке экономических дел, включая коррупционные, по которым возможно назначить лишение свободы на срок свыше трёх лет. Анализ вероятности предварительного заключения по всем экономическим делам независимо от вида возможного наказания и тяжести преступления показывает схожие результаты (М 8 —М 9, см. табл. П.3). Таким образом, наши выводы относятся не только к выборке более тяжких экономических преступлений, но к универсуму обвиняемых по экономическим делам в целом.

Обсуждение

Подводя итог тестирования первой группы гипотез, стоит отметить, что полностью подтвердились гипотезы Н 1а и Н 1д, согласно которым вероятность заключения под стражу безработных и правоохранителей выше, чем предпринимателей. Более суровое отношение правоприменителей к безработным при избрании меры пресечения и (или) назначении наказаний, при прочих равных, — часто фиксируемое явление в эмпирических исследованиях [Chiricos, Bales 1991; Титаев 2014; Volkov 2016]. Большая вероятность содержания в СИЗО до суда правоохранителей по сравнению с предпринимателями также вписывается в общий тренд более суровых правоприменительных практик в случаях, когда дело возбуждено и обвинение предъявлено [Volkov 2016]. К сожалению, ведомственная статистика не позволяет оценить, как отличаются шансы инициировать уголовное дело в отношении разных социально-экономических групп. Можно только предполагать, что на этапе возбуждения уголовного дела и предъявления обвинения происходит жёсткий отбор, при котором лица, обладающие реальной властью и статусом, имеют меньше шансов оказаться в ряду обвиняемых. Иными словами, можно предположить, что правоохранители редко становятся обвиняемыми, но если уголовное дело заведено, то к ним применяются наиболее репрессивные правовые институты.

Гипотеза Н 1б о меньшей вероятности заключения рабочих по сравнению с предпринимателями не нашла своего подтверждения при учёте состава преступления. Как правило, рабочие обвиняются по более мягким составам, чем предприниматели. Если нивелировать различия в практике квалификации преступлений, то вероятности досудебного заключения предпринимателей и рабочих, при прочих равных, не будут статистически различаться.

Гипотеза Н 1с подтвердилась частично. Изначально предполагалось, что вероятность досудебного заключения служащих и государственных служащих («белых воротничков») значительно ниже, чем предпринимателей. Однако предположение оказалось верным только в части, касающейся служащих, вероятность досудебного заключения которых, при прочих равных, значительно ниже, чем предпринимателей.

Исследования назначения наказаний в самых разных юрисдикциях, включая российскую, показывают, что досудебное заключение обвиняемых имеет сильную положительную связь с последующим выбором реального лишения свободы в качестве наказания [Weidner, Frase, Schultz 2005; Hartley et al. 2011; Bond, Jeffries 2014; Титаев 2014]. Следовательно, можно ожидать, что различия в вероятности досудебного заключения в зависимости от СЭС обвиняемых будут соответствовать различиям в вероятности реального лишения свободы, когда мера пресечения не учитывалась в моделях назначения наказания. Опираясь на это предположение и исследование легальных и экстралегальных факторов назначения наказаний [Volkov 2016] в части выбора лишения свободы в качестве наказания за мошенничество, мы формулировали конкретные гипотезы (H 1a — H 1d) для анализа.

Категория СЭС обвиняемых в настоящем исследовании несколько отличалась от той, которая представлена в исследованиях принятия решений судьями по уголовным делам, опирающихся на судебную статистику [Волков 2014; Четверикова 2014; Volkov 2014; 2016]. Чтобы сопоставить различия в вероятности досудебного заключения в зависимости от СЭС обвиняемых в российской юрисдикции с различиями в вероятности реального лишения свободы, мы отдельно проанализировали дела о мошенничестве, поделив служащих на три категории (топ-менеджеры, офисные работники и служащие бюджетных организаций) и выделив студентов из категории «Другие» (M 10, см. табл. П.3). Если выбрать рабочих в качестве реферативной группы в модели с «расширенной» категорией СЭС обвиняемых (M 10, но другие контрасты не приводятся), то значимые различия в вероятности досудебного заключения обнаружатся между рабочими и топ-менеджерами (– 1,9%), а также между рабочими и правоохранителями (+ 4,0%). При этом исследование Вадима Волкова показало, что вероятность реального лишения свободы за мошенничество значительно увеличивается для правоохранителей (+ 13%), топ-менеджеров (+ 2%) и предпринимателей (+ 7%), но уменьшается для госслужащих (– 2%) и студентов (– 6%) по сравнению с рабочими [Volkov 2016: 650]. Статистически значимые отличия между рабочими и офисными сотрудниками не обнаружены в вероятности как заключения под стражу, так и реального лишения свободы.

Получается, что в отличие от других обвиняемых правоохранители оказываются в неблагоприятной позиции ещё на стадии следствия и на последующих стадиях уголовного преследования продолжают испытывать более суровое отношение со стороны суда, связанное с их профессиональной позицией. В то же время обвиняемые предприниматели и топ-менеджеры, к которым судьи также чаще применяют реальное лишение свободы, чем к другим «благополучным» обвиняемым, находятся под стражей до суда с такой же либо даже меньшей вероятностью, чем рабочие. Иными словами, по сравнению с рабочими применение более репрессивных институтов в отношении предпринимателей и топ-менеджеров, обвинённых в совершении мошенничества, начинается на более поздних стадиях, в первую очередь, при назначении наказания. Что касается госслужащих, то здесь сделать сопоставление проблематично. Судебная статистика не позволяет достоверно разделить государственных служащих и служащих бюджетных организаций, обладающих управленческими функциями (например, заведующие детскими садами, отделениями в больницах, бухгалтеры и т. д.). При анализе ведомственной статистики различий в вероятности досудебного заключения рабочих и госслужащих (или служащих бюджетных организаций) не обнаружено. Однако по сравнению с предпринимателями именно бюджетные служащие, но не госслужащие, имеют меньшую вероятность заключения под стражу (– 2,5%) (M 10, см. табл. П.3). Возможно, и на судебной стадии за более мягкое отношение к госслужащим по сравнению с рабочими отвечают именно служащие бюджетных организаций, не наделённые статусом государственного служащего.

Гипотеза H 2a о наибольшей защите государства по сравнению с потерпевшим бизнесом по обвинениям предпринимателей не подтвердилась (M 6, см. табл. 7). Результаты соответствуют альтернативной гипотезе H 2b, опирающейся на идею о большей подверженности агентской проблеме государствен-

ных органов, организаций и предприятий, по сравнению с частными коммерческими компаниями и индивидуальными предпринимателями, что приводит к менее эффективной защите государственной собственности по сравнению с частной. При этом наибольшая вероятность заключения под стражу наблюдается по делам, где потерпевшими выступали обычные граждане (М 5, см. табл. 7), в том числе при исключении из анализа обвиняемых безработных, доля которых значительно выше среди дел с потерпевшими гражданами (см. табл. 3) и коррупционных дел (результаты моделей не приводятся). Таким образом, мы видим, что наименьшая вероятность заключения под стражу у обвиняемых существует тогда, когда государству был нанесён ущерб от преступления, и наибольшая — когда потерпевшим по делу проходит гражданин, а также бизнес.

Стоит отметить, что большую защиту получает бизнес (по сравнению с государством) в случае совершения преступления не только предпринимателями (М 6, см. табл. 7), но и другими обвиняемыми (М 11, см. табл. П.3). Более того, в случаях, когда от преступления пострадали бизнес или государство, вероятность заключения под стражу у предпринимателей статистически не отличается от вероятности досудебного заключения госслужащих и рабочих и ненамного больше по сравнению со служащими, заключение под стражу которых на 1,2% менее вероятно, чем предпринимателей (М 11). Следовательно, за исключением обвиняемых правоохранителей, вероятность содержания под стражей до суда предпринимателей, от действий которых пострадали интересы бизнеса или государства, практически такая же, как у остальных обвиняемых, имеющих постоянный легальный источник дохода.

Заключение

Советский уголовный закон (в редакции 1960 г.) предоставлял для государственной и общественной собственности большую защиту от преступных посягательств по сравнению с частной, предусматривая большие сроки лишения свободы в качестве наказания. Российский Уголовный кодекс 1996 г. не делает различий между формами собственности. Однако современная правоприменительная практика более репрессивна в ситуациях, когда пострадали частные экономические интересы, будь то интересы бизнеса или граждан. Мобилизация уголовного закона до суда, в ситуациях причинения экономического вреда государству, наименее успешна, так как применение наиболее репрессивного инструмента уголовного преследования — содержания под стражей — менее вероятно по сравнению с расследованием дел с другими типами потерпевших. Более успешное применение уголовной репрессии в защиту частных интересов осуществляется как по делам предпринимателей, так и по делам других обвиняемых в совершении экономических преступлений. Такие результаты соответствуют предположению о разной степени подверженности агентской проблеме: у государственных органов, организаций и предприятий стимулов к защите государственной собственности меньше, чем у коммерческих компаний и индивидуальных предпринимателей — к частной.

Досудебное заключение под стражу предпринимателей является одной из самых дискутируемых тем при обсуждении способов силового давления на бизнес [Малаховский 2016; Кузнецов 2017; Хутов 2017]. Предполагается, что именно содержание в СИЗО является основным инструментом, с помощью которого можно заставить предпринимателя переписать активы, признать вину по делу и (или) парализовать деятельность компании и разрушить бизнес. Действительно, если не считать правоохранителей и безработных, а также не учитывать различия в других социальных характеристиках и криминологических обстоятельствах (судимость, размер ущерба, количество преступлений в деле и т. д.), предприниматели чаще содержатся в СИЗО до суда, чем другие обвиняемые, имеющие постоянный легальный источник дохода. Однако картина меняется, если анализировать эффект социально-экономического статуса обвиняемых на выбор меры пресечения в случае «усреднённого» представителя соответствующей группы, то есть при учёте различий в социальных характеристиках обвиняемых, значимых обстоятельствах совершения преступлений и квалификационных практиках по частям статей УК.

При прочих равных, досудебная мобилизация уголовного закона по репрессивной модели (с заключением под стражу обвиняемого) по экономическим и коррупционным делам положительно связана со статусом сотрудника правоохранительных органов или безработного. В иных случаях вероятность досудебного заключения предпринимателей принципиально не отличается от вероятности заключения под стражу других обвиняемых, за исключением служащих коммерческих и бюджетных организаций. Именно к служащим коммерческих и бюджетных организаций можно наблюдать устойчивое мягкое отношение следствия и суда при избрании меры пресечения. В дальнейшем полученные результаты могут быть уточнены с помощью анализа эффекта взаимодействия социально-экономического статуса обвиняемого с другими социальными характеристиками (пол, возраст, наличие семьи, гражданство и постоянное место жительства в месте совершения преступления), а также криминологическими обстоятельствами дел (размер ущерба и наличие судимости) на выбор меры пресечения. Так, американские исследования досудебного заключения под стражу и назначения наказаний показывают наличие значимого мультипликативного влияния индивидуальных характеристик обвиняемых [Steffensmeier, Ulmer, Kramer 1998; Spohn, Holleran 2000; Freiburger, Hilinski 2010], которое может более точно объяснить закономерности мобилизации уголовного закона.

В социологических и политологических исследованиях взаимоотношений бизнеса и полиции в России привычно поднимается вопрос об использовании уголовной репрессии, в том числе заключения под стражу, для передела собственности и давления на предпринимателей [Gans-Morse 2012; Dubova, Kosals 2013]. Эмпирические исследования права чаще фокусируются на связи досудебного заключения под стражу и признания вины, которое нередко приводит к особому порядку рассмотрения дела, а также влияет на назначение реального лишения свободы в качестве наказания [Kellough, Wortley 2002; Weidner, Frase, Schultz 2005; Sacks, Ackerman 2012; 2014; Титаев 2014; Титаев 2017]. При анализе мобилизации уголовного закона по экономическим делам необходимо учитывать оба эти направления исследований. Заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть продиктовано, с одной стороны, коррупционными интересами правоприменителей, а с другой — бюрократической логикой, направленной на быстрое и беспроblemное прохождение дела. Обеспечить быстрое прохождение дела могут признание вины обвиняемым и выбор особого порядка рассмотрения дела, к чему подталкивает сам факт досудебного заключения под стражу. Как отмечают исследователи правоприменительной практики в Канаде, при схожих обстоятельствах дела обвиняемый, находящийся на свободе до суда, не соглашаясь признать вину, повышает свои шансы на снятие всех обвинений, в то время как обвиняемый, ожидающий суда под арестом, лишь продлевает своё заключение [Kellough, Wortley 2002]. Возможно, служащие, в отличие от других «благополучных» обвиняемых, чаще признают свою вину и выбирают особый порядок до решения вопроса о мере пресечения, тем самым избегая досудебного заключения под стражу. При этом предприниматели, госслужащие и правоохранители реже соглашаются на особый порядок, предпочитая полноценное судебное разбирательство [Волков et al. 2014]. Заключение под стражу может использоваться как способ давления не столько для реализации коррупционных интересов правоохранителей, сколько для понуждения обвиняемого пойти на особый порядок и предотвращения затягивания следствия.

Приложение

Таблица П.1

Описательная статистика для обвиняемых по экономическим делам, включая коррупционные составы, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок более трёх лет

Зависимые переменные	Кодирование	Заключение под стражу не назначалось		Заключённые под стражу до суда	
		Наблюдения	Среднее значение (стандартное отклонение)	Наблюдения	Среднее значение (стандартное отклонение)
СЭС обвиняемых:	[0:6]	58 223	100,0	6646	100,0
Предприниматели	0		8,2		6,3
Госслужащие	1		2,9		1,4
Правоохранители	2		4,2		4,4
Служащие	3		22,2		10,7
Рабочие	4		20,8		11,7
Безработные	5		37,3		63,1
Другие	6		4,4		2,4
Женщины	1 / 0	58 245	32,2	6647	16,5
Гражданство РФ	1 / 0	55 850	95,3	6337	86,0
Местный житель	1 / 0	58 231	85,4	6642	61,9
Высшее образование	1 / 0	58 187	34,9	6645	28,3
Возраст:	[0:2]	58 245	100,0	6647	100,0
18–29 лет	0		34,7		40,0
30–59 лет	1		61,5		58,4
60 лет и старше	2		3,8		1,5
Преступление совершено в городе	1 / 0	58 240	82,4	6647	91,9
Наличие судимости:	[0:2]	58 042	100,0	6626	100,0
Нет	0		84,0		66,4
Одна	1		7,7		13,4
Две и более	2		8,2		20,2
Рецидив преступлений	1 / 0	58 021	7,4	6624	19,8
Размер ущерба	<i>ln</i> (руб.)	58 245	9,7 (4,38)	6647	9,7 (5,08)
Количество преступлений		58 245	1,0 (0,15)	6647	1,0 (0,16)
Неоконченный характер	1 / 0	58 245	13,7	6647	19,7
Выявлено сотрудниками ОБЭП	1 / 0	58 245	58,6	6647	41,6
Тип потерпевшего:	[0:3]	46 264	100,0	5711	100,0
Граждане	0		40,1		59,8
Некоммерческие организации	1		10,7		5,7
Бизнес	2		15,7		16,8
Государство	3		33,4		17,7
Потерпевший бизнес (реферативная группа — государство)	1/0	22 721	32,0	1967	48,7
Тяжесть преступления:	[0:2]	58 245	100,0	6647	100,0
Средней тяжести	0		42,2		39,0
Тяжкие	1		56,8		58,0
Особо тяжкие	2		1,0		2,9
Год окончания следствия	2013/2014	58 097	50,8	6625	49,9

Таблица П.2

Логистические модели вероятности досудебного заключения под стражу по экономическим делам, включая коррупционные составы

	М 1	М 2	М 3	М 4	М 5	М 6 ^(а)
СЭС обвиняемых (реферативная группа — предприниматели)						
Госслужащие	-0,501** (0,149)	-0,281 (0,152)	-0,059 (0,159)	-0,024 (0,170)	0,215 (0,180)	
Правоохранители	0,183 (0,104)	0,214* (0,104)	0,211 (0,117)	0,529** (0,145)	0,362* (0,163)	
Служащие	-0,708** (0,075)	-0,520** (0,078)	-0,456** (0,083)	-0,359** (0,099)	-0,307** (0,105)	
Рабочие	-0,372** (0,077)	-0,350** (0,082)	-0,438** (0,088)	-0,184 (0,097)	-0,189 (0,108)	
Безработные	0,823** (0,061)	0,776** (0,067)	0,411** (0,077)	0,568** (0,086)	0,575** (0,097)	
Другие	-0,381** (0,135)	-0,193 (0,146)	-0,244 (0,142)	-0,045 (0,157)	-0,078 (0,156)	
Женщины		-0,738** (0,051)	-0,555** (0,052)	-0,564** (0,051)	-0,526** (0,051)	-0,385 (0,258)
Гражданство РФ		-0,292** (0,094)	-0,776** (0,095)	-1,497** (0,097)	-1,525** (0,103)	-2,163** (0,642)
Местный житель		-1,183** (0,058)	-1,220** (0,060)	-1,202** (0,059)	-1,210** (0,063)	-0,558* (0,266)
Высшее образование		0,118** (0,044)	0,254** (0,047)	-0,012 (0,046)	-0,033 (0,051)	-0,146 (0,228)
Возраст (реферативная группа: 18–29 лет):						
30–59 лет		0,008 (0,042)	0,027 (0,043)	-0,020 (0,045)	0,012 (0,045)	-0,358 (0,224)
60 лет и старше		-0,501** (0,117)	-0,414** (0,126)	-0,551** (0,140)	-0,438** (0,151)	-0,643 (0,626)
Совершено в городе			0,710** (0,075)	0,504** (0,078)	0,632** (0,084)	1,041** (0,350)
Наличие судимости (реферативная группа отсутствует):						
Одна			0,713** (0,065)	0,658** (0,070)	0,671** (0,072)	0,064 (0,380)
Две и более			1,037** (0,074)	1,035** (0,077)	1,045** (0,079)	0,855 (0,442)
Рецидив преступлений			0,453** (0,074)	0,462** (0,077)	0,464** (0,079)	1,839** (0,493)
Размер ущерба (<i>ln</i>)			0,031** (0,007)	0,025** (0,007)	0,033** (0,009)	-0,030 (0,039)
Количество преступлений			0,534** (0,136)	0,372** (0,129)	0,404** (0,154)	0,326 (0,542)
Неоконченный характер			0,279** (0,077)	0,454** (0,082)	0,659** (0,092)	0,410 (0,490)

Таблица П.2. Окончание

	М 1	М 2	М 3	М 4	М 5	М 6 ^(а)
Выявлено ОБЭП			-0,445** (0,057)	-0,485** (0,057)	-0,384** (0,062)	-0,300 (0,273)
Тип потерпевшего (реферативная группа — граждане):						
Некоммерческие организации					-0,425** (0,110)	
Бизнес					-0,300** (0,076)	
Государство					-0,675** (0,104)	
Тип потерпевшего (реферативная группа — государство)						
Бизнес						0,665* (0,276)
Части статей УК	—	—	—	Да	Да	Да
Регионы	Да	Да	Да	Да	Да	—
Год окончания следствия	Да	Да	Да	Да	Да	Да
Наблюдения	58 049	55 599	55 409	54 831	44 095	2005
Псевдо-R2	0,123	0,166	0,209	0,299	0,310	0,234

Примечания

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$. Экономические дела ограничены преступлениями, за совершение которых предусмотрено лишение свободы сроком более трёх лет.

^(а) Модель М 6 дополнительно ограничена преступлениями, в которых обвинялись предприниматели, а потерпевшими являлись бизнес или государство. Стандартные ошибки, кластеризованные на уровне органов, расследовавших дело, приведены в скобках

Логистические модели вероятности заключения под стражу при разных статусах контроля на составы преступлений и социально-экономический статус (СЭС) обвиняемых

Таблица П.3

Переменные	Экономические дела (более трёх лет лишения свободы)		Все экономические дела		Все экономические дела в отпущении предпри- нимателей с потерпев- шими Б./Г.		Дела о мошенничестве		Экономические дела (более трёх лет лишения свободы) с потерпевши- ми Б./Г.					
	М 7	М 8	М 9	М 10	М 11	М 7	М 8	М 9	М 10	М 11				
	Коэф.	Ст. ош.	Коэф.	Ст. ош.	Коэф.	Ст. ош.	Коэф.	Ст. ош.	Коэф.	Ст. ош.				
СЭС обвиняемых (реферативная группа — предприниматели)														
Госслужба	-0,131	0,165	-1,0	0,019	0,167	0,1	0,210	0,186	1,5	0,415	0,203	2,3		
Правоохранители	-0,012	0,123	-0,1	0,565	0,137	2,6**	0,421	0,181	3,1*	0,656	0,250	3,9*		
Служащие	-0,530	0,085	-3,6**	-0,343	0,093	-1,2**				-0,248	0,121	-1,2*		
Рабочие	-0,432	0,089	-3,0**	-0,145	0,091	-0,5	-0,135	0,125	-0,9	-0,164	0,170	-0,8		
Безработные	0,502	0,079	4,6**	0,564	0,083	2,6**				0,519	0,142	3,0**		
Другие	-0,259	0,148	-1,9	-0,040	0,146	-0,2				0,220	0,223	1,2		
Дополнительно выделенные группы для СЭС обвиняемых														
Бюджетные служащие							-0,437	0,185	-2,5*					
Топ-менеджеры							-0,489	0,116	-2,8**					
Офисные работники							-0,247	0,131	-1,5					
Студенты							-0,357	0,267	-2,1					
Тип потерпевшего (реферативная группа — государство)														
Бизнес							0,720	0,259	2,8**			0,365	0,138	1,9**
Тяжесть преступления (реферативная группа — средняя)														
Тяжкие	0,854	0,054	6,6**											
Особо тяжкие	2,253	0,151	24,7**											
Части статей УК					да	да		да	да		да	да		
Регионы		да			да				да		да			
Наблюдения	55409			104569		3649		19054			21734			
Псевдо-R2	0,225			0,362		0,286		0,262			0,376			

Примечания

* $r < 0,05$; ** $r < 0,01$. Стандартные социальные и криминологические контроли, год окончания следствия включены.

Сокращения

Б. — бизнес;

Г. — государство;

Коэф. — регрессионные коэффициенты;

Ст. ош. — стандартные ошибки, класстеризованные на уровне органов, расследовавших дело;

dy / dx — усреднённые предельные эффекты, %.

Литература

- Барсукова С. Ю. 2009. Борьба с контрафактом: Проблемы сотрудничества бизнеса и власти. *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. 7 (4): 120–129.
- Бочаров Т. 2016. Как собирать долги. *Ведомости*. 21 декабря. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/12/22/670682-kak-sobirat>
- Волков В. В. 2012. *Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ*. СПб.: Издательство ЕУСПб.
- Волков В. В. 2014. Влияние социального статуса подсудимого на решение суда. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 17 (4): 62–85.
- Волков В. В. et al. 2010. *Активность правоохранительных органов РФ по выявлению преступлений в сфере экономической деятельности, 2000–2011 гг.* СПб.: ИПП ЕУ СПб.
- Волков В. В. et al. 2014. *Уголовная юстиция в 2009 г.: комплексный анализ судебной статистики*. СПб.: ИПП ЕУ СПб.
- Волков В. В., Скугаревский Д. А., Титаев К. Д. 2016. Проблемы и перспективы исследований на основе Big Data (на примере социологии права). *Социологические исследования*. 1: 48–58.
- Гладырев Б. С. 2009. Мутации дяди Степы. Социологический очерк. *Нева*. 1. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2009/1/g115-pr.html>
- Кравцова М. В. 2012. Коррупция в полиции: трансформация отношений с бизнесом. *Экономическая социология*. 13 (2): 82–98. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2012/06/29/1255784750/ecsoc_t13_n2.pdf#page=82
- Кузнецов Д. 2015. Концепция «поведения закона» Дональда Блэка: рождение чистой социологии из духа криминальной статистики. *Социология власти*. 27 (2): 16–47.
- Кузнецов Г. 2017. Меньше проверок и заключений под стражу. Президент РФ поручил снизить административную нагрузку на предпринимателей. *Новая адвокатская газета*. 21 августа. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/menshe-proverok-i-zaklyucheniy-pod-strazhu/>
- Малаховский А. 2016. «Бежать или оставаться»: юристы обсудили риски бизнеса в России. *Право.ru*. 14 декабря. URL: <https://pravo.ru/story/view/136473/>
- Панеях Э. Л. 2008. *Правила игры для русского предпринимателя*. М.: Колибри.
- Панеях Э. Л. 2013. Зарегулированное государство. *Pro et Contra*. Январь — апрель: 79–92. URL: http://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_58_79-92.pdf.
- Панеях Э. Л. et al. 2012. *Диагностика работы правоохранительных органов по охране общественного порядка и перспективы создания муниципальной милиции в России*. СПб.: ИПП ЕУ СПб.
- Титаев К. Д. 2014. Предварительное заключение в российской уголовной юстиции: социологический анализ вероятности предварительного заключения и его влияния на решение суда. *Экономиче-*

ская социология. 15 (3): 88–118. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2014/05/30/1325397359/ecsoc_t15_n3.pdf#page=88

- Титаев К. Д., Дмитриева А. В., Четверикова И. В. 2014. Государство и бизнес в арбитражном процессе. *Вопросы экономики*. 6: 40–62.
- Трошев А. 2012. Как судьи арестовывают и оправдывают: советское наследие в уголовном судопроизводстве. В сб.: Волков В. В. (отв. ред.) *Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права*. М.: Статут; 18–56.
- Четверикова И. В. 2014. Роль семьи, профессиональной карьеры и пола подсудимых при вынесении приговоров российскими судьями. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 17 (4): 101–123.
- Четверикова И. В. 2016а. Либеральные реформы уголовного законодательства в сфере экономической деятельности 2009–2012 гг. и судебная практика. *Вопросы экономики*. 6: 91–115.
- Четверикова И. В. 2016б. *Уроки либерализации: отправление правосудия по уголовным делам в экономической сфере в 2009–2013 гг.* URL: http://enforce.spb.ru/images/liberalization_e_version.pdf
- Четверикова И. В., Титаев К. Д. 2017. *Структура и основные черты экономических преступлений в России (на основе данных 2013–2016 годов)*. URL: http://enforce.spb.ru/images/Structure_and_the_main_features_of_economical_crimes_in_Russia.pdf
- Ходжаева Е. 2010. Под недремлющим оком. Трудовые мигранты и милиция в Казани. *Неприкосновенный запас*. 3 (71). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/3/ho18-pr.html>
- Хутов Т. 2017. Как защитить предпринимателя от силовиков: итальянский опыт и роль прокуратуры. *Forbes*. 19 апреля. URL: <http://www.forbes.ru/biznes/342815-kak-zashchitit-predprinimatelya-ot-silovikov-italyanskiy-opyt-i-rol-prokuratury>
- Шклярук М. et al. 2015. *Криминальная статистика: механизмы формирования, причины искажения, пути реформирования*. СПб.; М.: Норма; Центр независимых социальных исследований и образования. URL: http://enforce.spb.ru/images/Staff/Crimestat_report_2015_IRL_KGI_web.pdf
- Avakame E. F., Fyfe J. J., McCoy C. 1999. «Did You Call the Police? What Did They Do?» An Empirical Assessment of Black's Theory of Mobilization of Law. *Justice Quarterly*. 16 (4): 765–792.
- Barsukova S., Radaev V. 2012. Informal Economy in Russia: A Brief Overview. *Economic Sociology. The European Electronic Newsletter*. 13 (2): 99–111.
- Berg M., Rogers E. 2017. The Mobilization of Criminal Law. *Annual Review Law and Social Science*. 13: 451–471.
- Black D. 1973. The Mobilization of Law. *The Journal of Legal Studies*. 2 (1): 125–149.
- Black D. 1976. *The Behavior of Law*. New York: Academic Press.
- Bond C. E. W., Jeffries S. 2014. Similar Punishment? Comparing Sentencing Outcomes in Domestic and Non-Domestic Violence Cases. *British Journal of Criminology*. 54 (5): 849–872.

- Chatsverykova I. 2016. Severity and Leniency in Criminal Sentencing in Russia: the Effects of Gender and Family Ties. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*. 4036 (September): 1–25.
- Chiricos T. G., Bales W. D. 1991. Unemployment and Punishment: An Empirical Assessment. *Criminology*. 29 (4): 701–724.
- Copes H. et al. 2001. Reporting behavior of fraud victims and Black's theory of law: An empirical assessment. *Justice Quarterly*. 18 (2): 343–363.
- Demuth S., Steffensmeier D. 2004. The Impact of Gender and Race-Ethnicity in the Pretrial Release Process. *Social Problems*. 51 (2): 222–242.
- Dubova A., Kosals L. 2013. Russian Police Involvement in the Shadow Economy. *Russian Politics Law*. 51 (4): 48–58.
- Feld B. C. 1991. Justice by Geography: Urban, Suburban, and Rural Variations in Juvenile Justice Administration. *The Journal of Criminal Law and Criminology*. 82 (1): 156–210.
- Felson R. B. et al. 2002. Reasons for Reporting and Not Reporting Domestic Violence to the Police. *Criminology*. 40 (3): 617–648.
- Freiburger T. L., Hilinski C. M. 2010. The Impact of Race, Gender, and Age on the Pretrial Decision. *Criminal Justice Review*. 35 (3): 318–334.
- Gans-Morse J. 2011. *The End of a Violent Era: The Role of Force in Russian Business Conflicts*. URL: <http://faculty.wcas.northwestern.edu/~jlg562/documents/Gans-Morse-EndofViolentEra.pdf>
- Gans-Morse J. 2012. Threats to Property Rights in Russia: From Private Coercion to State Aggression. *Post-Soviet Affairs*. 28 (3): 263–295.
- Graham K. T., Borg M. J., Miller B. L. 2013. Mobilizing law in Latin America: An Evaluation of Black's Theory in Brazil. *Law and Social Inquiry*. 38 (2): 322–341.
- Hartley R. D., et al. 2011. Exploring Sex Disparity in Sentencing Outcomes: A Focus on Narcotics Offenders in South Korea. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 55 (2): 268–286.
- Hendley K. 2007. Are Russian Judges Still Soviet? *Post-Soviet Affairs*. 23 (3): 240–274.
- Hendley K. 2012. Too Much of a Good Thing? Assessing Access to Civil Justice in Russia. *Slavic Review*. 72 (4): 802–827.
- Hou W., Moore G. 2010. Player and Referee Roles Held Jointly: The Effect of State Ownership on China's Regulatory Enforcement Against Fraud. *Journal of Business Ethics*. 95: 317–335.
- Innes M. 2003. *Investigating Murder: Detective Work and The Response to Criminal Homicide*. New York: Oxford University Press.
- Jensen M., Meckling W. 1976. Theory of The Firm: Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure. *Journal of Financial Economics*. 3 (4): 305–360.

- Kazun A. 2015. Violent Corporate Raiding in Russia: Preconditions and Protective Factors. *Democratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. 23 (4): 459–484.
- Kellough G., Wortley S. 2002. Remand for Plea: Bail Decisions and Plea Bargaining as Commensurate Decisions. *British Journal of Criminology*. 42 (1): 186–210.
- Kosals L., Dubova A. 2012. Commercialization of Police and Shadow Economy: The Russian Case. *Economic Sociology. The European Electronic Newsletter*. 13 (2): 21–28.
- Kuo S.-Y. et al. 2012. Crime Reporting Behavior and Black's Behavior of Law. *International Sociology*. 27 (1): 51–71.
- Lundman R. J. 1979. Organizational Norms and Police Discretion — An Observational Study of Police Work with Traffic Law Violators. *Criminology*. 17 (2): 159–171.
- McConville M., Sanders A., Leng R. 1991. *The Case for the Prosecution*. London: Routledge.
- Meggison W. L., Netter J. M. 1999. From State to Market: A Survey of Empirical Studies on Privatization. *Working Paper. Nota di Lavoro, Fondazione Eni Enrico Mattei*. 1. URL: <http://hdl.handle.net/10419/154955>
- Nazrullaeva E., Baranov A., Yakovlev A. 2013. *Criminal Persecution of Business in Russia's Regions: Private Interests vs. «Stick» System*. URL: https://extranet.sioe.org/uploads/isnie2013/nazrullaeva_baranov_yakovlev.pdf
- Osipian A. L. 2012. Predatory Raiding in Russia: Institutions and Property Rights after the Crisis. *Journal of Economic Issues*. 46 (2): 469–480.
- Paneyakh E. 2013. Faking Performance Together: Systems of Performance Evaluation in Russian Enforcement Agencies and Production of Bias and Privilege. *Post-Soviet Affairs*. 30 (2–3): 115–136.
- Roberts A. 2007. Predictors of Homicide. *Homicide Studies*. 11 (2): 82–93.
- Rochlitz M. 2013. Corporate Raiding and the Role of the State in Russia. *Post-Soviet Affairs*. 30 (2–3): 89–114.
- Sacks M., Ackerman A. R. 2012. Pretrial Detention and Guilty Pleas: If They Cannot Afford Bail They Must be Guilty. *Criminal Justice Studies*. 25 (3): 265–278.
- Sacks M., Ackerman A. R. 2014. Bail and Sentencing: Does Pretrial Detention Lead to Harsher Punishment? *Criminal Justice Policy Review*. 25 (1): 59–77.
- Schulenberg J. L. 2015. Moving Beyond Arrest and Reconceptualizing Police Discretion: An Investigation Into the Factors Affecting Conversation, Assistance, and Criminal Charges. *Police Quarterly*. 18 (3): 244–271.
- Spohn C. 2009. *How do Judges Decide? The Search for Fairness and Justice in Punishment*. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, Inc.

- Spohn C., Holleran D. 2000. The Imprisonment Penalty Paid by Young, Unemployed Black and Hispanic Male Offenders. *Criminology*. 38 (1): 281–306.
- Steffensmeier D., Ulmer J. T., Kramer J. H. 1998. The Interaction of Race, Gender, and Age in Criminal Sentencing: The Punishment Cost of Being Young, Black, and Male. *Criminology*. 36 (4): 763–798.
- Titaev K. D. 2017. Pretrial Detention in Russian Criminal Courts: A Statistical Analysis. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*. 41 (3): 145–161.
- Volkov V. 2014. Socioeconomic Status and Sentencing Disparities: Evidence from Russia's Criminal Courts. *IRL-Working Paper IRL-01/2014*. St. Petersburg: The Institute for the Rule of Law at EUSP.
- Volkov V. 2016. Legal and Extralegal Origins of Sentencing Disparities: Evidence from Russia's Criminal Courts. *Journal of Empirical Legal Studies*. 13 (4): 637–665.
- Weidner R. R., Frase R. S., Schultz J. S. 2005. The Impact of Contextual Factors on the Decision to Imprison in Large Urban Jurisdictions: A Multilevel Analysis. *Crime Delinquency*. 51 (3): 400–424.
- Wermink H. et al. 2017. The Influence of Detailed Offender Characteristics on Consecutive Criminal Processing Decisions in the Netherlands. *Crime and Delinquency*. 63 (10): 1279–1313.
- Wilson D. G. et al. 2008. The Economic Activities of Russian Police. *International Journal of Police Science Management*. 10 (1): 65–75. URL: <http://doi.org/10.1350/ijpsm.2008.10.1.64>
- Zatz M. 2000. The Convergence of Race, Ethnicity, Gender, and Class on Court Decision Making: Looking Toward the 21st Century. *Criminal Justice*. 3: 503–552. URL: <http://www.ncjrs.gov/App/abstractdb/AbstractDBDetails.aspx?id=185536>
- Zernova M. 2011. Coping with the Failure of the Police in Post-Soviet Russia: Findings from One Empirical Study. *Police Practice and Research*. 13 (6): 1–14.

NEW TEXTS

Iryna Chatsverykova

Mobilization of Criminal Law by Business and State: Socio-Economic Status of Defendants and Pretrial Detention in Economic Cases

CHATSVRYKOVA, Iryna — MA in Sociology, researcher at the Institute for the Rule of Law at the European University at St. Petersburg. Address: 6/1A Gagarinskaya Street, 191187 St. Petersburg, Russian Federation.

Email: ichetverikova@eu.spb.ru

Abstract

Commercialization of law enforcement agencies and the corrupt prosecution of business in Russia could intensify mobilization of criminal law against entrepreneurs, especially when it comes to business conflicts. Mobilization of law starts with calling the police and continues with the following stages of criminal investigation and prosecution. The legal mobilization can be considered successful when the defendant is detained before trial. Using police data on all defendants in Russia charged with economic and corruption crimes from 2013–2014, I examine how the socio-economic status of the defendant and the type of victim are related to pretrial detention decisions.

Results indicate that not only the offense but also the defendant's criminal history, gender, citizenship, and place of residence weigh heavily in investigatory and judicial decision-making on detention in economic and corruption cases. Controlling for major social and legal characteristics, the analysis suggests that entrepreneurs have a similar probability of being detained as governmental officials and that manual workers and have a lower probability than law enforcers and the unemployed. Office workers at commercial companies and state organizations are treated more leniently than entrepreneurs and have the lowest probability of detention. The probability of detention is higher in cases where the victims were citizens or commercial companies (including entrepreneurs), compared to those where defendants damaged the state.

Keywords: pretrial detention; socioeconomic bias; state and business in Russia; economic crime; mobilization of law; agency problem.

Acknowledgements

Financial support from the Russian Science Foundation grant 17-18-01618 is acknowledged.

The author is grateful to Alexey Knorre, Marii Shklyaruk, Dmitriy Skougarevskiy, Kirill Titaev, Vadim Volkov, and other participants at the Summer school of Institute for the Rule of Law (EUSP) 2016 for useful discussions and data preparation work. The author would also like to thank the participants at the seminar "Sociology of Markets" organized by the Laboratory for Studies in Economic sociology (HSE) and anonymous reviewers whose comments greatly improved the article.

References

Avakame E. F., Fyfe J. J., Mccoy C. (1999) "Did You Call the Police ? What Did They Do?" An Empirical Assessment of Black's Theory of Mobilization of Law. *Justice Quarterly*, vol. 16, no 4, pp. 765–792.

- Barsukova S. Yu. (2009) Bor'ba s kontrafaktom: Problemy sotrudnichestva biznesa i vlasti [Combating Counterfeit: Problems of Cooperation between Business and Government]. *Ekonomicheskii Vestnik Rostovskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, vol. 7, no 4, pp. 120–129 (in Russian).
- Barsukova S., Radaev V. (2012) Informal Economy in Russia: A Brief Overview. *Economic Sociology*, vol. 13, no 2, pp. 99–111. Available at: <http://ecsoc.hse.ru/en/2012-13-2/55582454.html> (accessed 1 March 2018).
- Berg M., Rogers E. (2017) The Mobilization of Criminal Law. *Annual Review Law and Social Science*, vol. 13, pp. 451–471.
- Black D. (1973) The Mobilization of Law. *The Journal of Legal Studies*, vol. 2, no 1, pp. 125–149.
- Black D. (1976) *The Behavior of Law*, New York: Academic Press.
- Bocharov T. (2016) Kak sobirat' dolgi [How to Collect Debts]. *Vedomosti*. December, 21. Available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/12/22/670682-kak-sobirat> (accessed 1 November 2017) (in Russian).
- Bond C. E. W., Jeffries S. (2014) Similar Punishment? Comparing Sentencing Outcomes in Domestic and Non-Domestic Violence Cases. *British Journal of Criminology*, vol. 54, no 5, pp. 849–872.
- Chatsverykova I. V. (2014) Rol' sem'i, professional'noy kar'ery i pola podsudimyykh pri vynesanii prigovorov rossiyskimi sud'yami [Role of Family Ties, Professional Career, and Sex of Defendants in Decision-Making of Russian Judges]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsial'noy Antropologii*, vol. 17, no 4 (75), pp. 101–123 (in Russian).
- Chatsverykova I. V. (2016a) Liberal'nye reformy ugolovnoy zakonodatel'stva v sfere ekonomicheskoy deyatelnosti 2009–2012 gg. i sudebnaya praktika [Liberal Reforms of 2009–2012 in Economic Criminal Law and Judicial Practice]. *Voprosy Ekonomiki*, no 6, pp. 91–115 (in Russian).
- Chatsverykova I. (2016b) Severity and Leniency in Criminal Sentencing in Russia: The Effects of Gender and Family Ties. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*, vol. 4036, September, pp. 1–25.
- Chatsverykova I. V. (2016c) *Uroki liberalizatsii: otpravlenie pravosudiya po ugovolnym delam v ekonomicheskoy sfere v 2009–2013 gg.* [Lessons of Liberal Reforms: Criminal Justice in Economic Cases Prosecuted in 2009–2013]. Available at: http://enforce.spb.ru/images/liberalization_e_version.pdf (accessed 1 March 2018) (in Russian).
- Chatsverykova I. V., Titaev K. D. (2017) *Struktura i osnovnye cherty ekonomicheskikh prestupleniy v Rossii (na osnove dannykh 2013–2016 godov)* [Structure and Major Characteristics of Economic Crimes in Russia (based on statistics of 2013–2016)]. Available at: http://enforce.spb.ru/images/Structure_and_the_main_features_of_economical_crimes_in_Russia.pdf (accessed 1 March 2018) (in Russian).
- Chiricos T. G., Bales W. D. (1991) Unemployment and Punishment: an Empirical Assessment. *Criminology*, vol. 29, no 4, pp. 701–724.
- Copes H., Kerley K. R., Mason K. A., Van Wyk J. (2001) Reporting Behavior of Fraud Victims and Black's Theory of Law: An Empirical Assessment. *Justice Quarterly*, vol. 18, no 2, pp. 343–363.

- Demuth S., Steffensmeier D. (2004) The Impact of Gender and Race-Ethnicity in the Pretrial Release Process. *Social Problems*, vol. 51, no 2, pp. 222–242.
- Dubova A., Kosals L. (2013) Russian Police Involvement in the Shadow Economy. *Russian Politics Law*, vol. 51, no 4, pp. 48–58.
- Feld B. C. (1991) Justice by Geography: Urban, Suburban, and Rural Variations in Juvenile Justice Administration. *The Journal of Criminal Law and Criminology*, vol. 82, no 1, pp. 156–210.
- Felson R. B., Messner S. F., Hoskin A. W., Deane G. (2002) Reasons for Reporting and Not Reporting Domestic Violence to the Police. *Criminology*, vol. 40, no 3, pp. 617–648.
- Freiburger T. L., Hilinski C. M. (2010) The Impact of Race, Gender, and Age on the Pretrial Decision. *Criminal Justice Review*, vol. 35, no 3, pp. 318–334.
- Gans-Morse J. (2011) *The End of a Violent Era: The Role of Force in Russian Business Conflicts*. Available at: <http://faculty.wcas.northwestern.edu/~jlg562/documents/Gans-Morse-EndofViolentEra.pdf> (accessed 1 March 2018).
- Gans-Morse J. (2012) Threats to Property Rights in Russia: From Private Coercion to State Aggression. *Post-Soviet Affairs*, vol. 28, no 3, pp. 263–295.
- Gladyshev B. S. (2009) Mutatsii dyadi Stepy. Sotsiologicheskii ocherk [Mutations of the Uncle Stepa. Sociological Essay]. *Neva*, no 1. Available at: <http://magazines.russ.ru/neva/2009/1/gl15-pr.html> (accessed 1 March 2018) (in Russian).
- Graham K. T., Borg M. J., Miller B. L. (2013) Mobilizing Law in Latin America: An Evaluation of Black's Theory in Brazil. *Law and Social Inquiry*, vol. 38, no. 2, pp. 322–341.
- Hartley R. D., Kwak D.-H., Park M., Lee M.-S. (2011) Exploring Sex Disparity in Sentencing Outcomes: A Focus on Narcotics Offenders in South Korea. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, vol. 55, no 2, pp. 268–86.
- Hendley K. (2007) Are Russian Judges Still Soviet? *Post-Soviet Affairs*, vol. 23, no 3, pp. 240–274.
- Hendley K. (2012) Too Much of a Good Thing? Assessing Access to Civil Justice in Russia. *Slavic Review*, vol. 72, no 4, pp. 802–827.
- Hou W., Moore G. (2010) Player and Referee Roles Held Jointly: The Effect of State Ownership on China's Regulatory Enforcement Against Fraud. *Journal of Business Ethics*, vol. 95, pp. 317–335.
- Houtov T. (2017) Kak zaschitit predprinimatel'ya na silovikov: italyanskiy opyt i rol' prokuratury [How to Defend Entrepreneurs from Law Enforcers: Italian Approach and the Role of Prosecutor's Office]. *Forbes*. April, 19. Available at: <http://www.forbes.ru/biznes/342815-kak-zashchitit-predprinimatel'ya-ot-silovikov-italyanskiy-opyt-i-rol-prokuratury> (accessed 1 March 2018) (in Russian).
- Innes M. (2003) *Investigating Murder: Detective Work and The Response to Criminal Homicide*, New York: Oxford University Press.

- Jensen M., Meckling W. (1976) Theory of The Firm: Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure. *Journal of Financial Economics*, vol. 3, no 4, pp. 305–360.
- Kazun A. (2015) Violent Corporate Raiding in Russia: Preconditions and Protective Factors. *Democratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 23, no 4, pp. 459–484.
- Kellough G., Wortley S. (2002) Remand for Plea: Bail Decisions and Plea Bargaining as Commensurate Decisions. *British Journal of Criminology*, vol. 42, no 1, pp. 186–210.
- Khodzhaeva E. (2010) Pod nedremlyuschim okom. Trudovie migrant i militia v Kazani [Under Watching Eyes. Working Migrants and Militia in Kazan]. *Neprikosnovenniy zapas (NZ) = Debates on Politics and Culture*, no 71 (3/2010). Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/3/ho18-pr.html> (accessed 1 March 2018) (in Russian).
- Kravtsova M. V. (2012) Korruptsiya v politzii: transformatsiya otnosheniy s biznesom [Corruption in Police: Changes in Police-Entrepreneur Relations]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 13, no 2, pp. 82–98. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2012/06/29/1255784750/ecsoc_t13_n2.pdf#page=82 (accessed 1 March 2018) (in Russian).
- Kosals L., Dubova A. (2012) Commercialization of Police and Shadow Economy: The Russian Case. *Economic Sociology. The European Electronic Newsletter*, vol. 13, no 2, pp. 21–28.
- Kuo S.-Y., Cuvelier S. J., Sheu C.-J., Chang K.-M. (2012) Crime Reporting Behavior and Black's Behavior of Law. *International Sociology*, vol. 27, no 1, pp. 51–71.
- Kuznetsov D. 2015. Konceptsiya "povedeniya zakona" Donalda Bleka: rozhdenie chistoy sotsiologii iz dukha kriminalnoy statistiki [Donald Black's Concept of 'Behavior of Law': Birth of Pure Sociology from the Spirit of Crime Rates]. *Sotsiologiya vlasti = Sociology of Power*, vol. 27, no 2, pp. 16–47.
- Kuznetsov G. (2017) Menshe proverok I zaklyucheniyy pod strazhu. President RF poruchil snizit' administrativnuyu nagruzku na predprinimateley [Less Inspections and Pretrial Detentions. The President of Russia Authorized to Decrease Regulatory Pressure on Entrepreneurs]. *Novaya advokatskaya gazeta*. August, 21. Available at: <https://www.advgazeta.ru/novosti/menshe-proverok-i-zaklyucheniyy-pod-strazhu/> (accessed 1 March 2018) (in Russian).
- Lundman R. J. (1979) Organizational Norms and Police Discretion — An Observational Study of Police Work with Traffic Law Violators. *Criminology*, vol. 17, no 2, pp. 159–171.
- Malakhovskiy A. (2016) "Bezhat' ili ostavat'sya", yuristy obsudili riski biznesa v Rossii ["Run or Stay", Lawyers Have Discussed the Risks of Doing Business in Russia]. *Pravo.ru*. December, 14. Available at: <https://pravo.ru/story/view/136473/> (accessed 1 March 2018) (in Russian).
- McConville M., Sanders A., Leng R. (1991) *The Case for the Prosecution*, London: Routledge.
- Megginson W. L., Netter J. M. (1999) From State to Market: A Survey of Empirical Studies on Privatization. *Working Paper*. Nota di Lavoro, Fondazione Eni Enrico Mattei, 1. Available at: <http://hdl.handle.net/10419/154955> (accessed 1 March 2018).

- Nazrullaeva E., Baranov A., Yakovlev A. (2013) Criminal Persecution of Business in Russia's Regions: Private Interests vs. "Stick" System. *Conference Paper*. Available at: https://extranet.sioe.org/uploads/isnie2013/nazrullaeva_baranov_yakovlev.pdf (accessed 1 March 2018).
- Osipian A. L. (2012) Predatory Raiding in Russia: Institutions and Property Rights after the Crisis. *Journal of Economic Issues*, vol. 46, no 2, pp. 469–480.
- Paneyakh E. L. (2008) *Pravila igry dlya russkogo predprinimatelya* [Game Rules for Russian Entrepreneurs], Moscow: Kolibri (in Russian).
- Paneyakh E. (2013a) Faking Performance Together: Systems of Performance Evaluation in Russian Enforcement Agencies and Production of Bias and Privilege. *Post-Soviet Affairs*, vol. 30, no 2–3, pp. 115–136.
- Paneyakh E. L. (2013b) Zaregulirovannoe gosudarstvo [Overregulated State]. *Pro et Contra*, January — April, pp. 79–92. Available at: http://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_58_79-92.pdf (accessed 1 March 2018) (in Russian).
- Paneyakh E. L., Pozdnyakov M. L., Titaev K. D., Chatsverykova I. V., Shklyaruk M. (2012) *Diagnostika raboty pravookhranitel'nykh organov po okhrane obshchestvennogo poryadka i perspektivy sozdaniya munitsipal'noy militsii v Rossii* [Diagnostic of Law-Enforcement Performance in Public Order and Perspectives for Municipal Milicij in Russia], St. Petersburg: IRL EUSP (in Russian).
- Roberts A. (2007) Predictors of Homicide. *Homicide Studies*, vol. 11, no 2, pp. 82–93.
- Rochlitz M. (2013) Corporate Raiding and the Role of the State in Russia. *Post-Soviet Affairs*, vol. 30, no 2–3, pp. 89–114.
- Sacks M., Ackerman A. R. (2012) Pretrial Detention and Guilty Pleas: If They Cannot Afford Bail They Must be Guilty. *Criminal Justice Studies*, vol. 25, no 3, pp. 265–278.
- Sacks M., Ackerman A. R. (2014) Bail and Sentencing: Does Pretrial Detention Lead to Harsher Punishment? *Criminal Justice Policy Review*, vol. 25, no 1, pp. 59–77. <https://doi.org/10.1177/0887403412461501>
- Shklyaruk M., Skougarevskiy D., Dzmityrieva A., Skifskiy I., Begtin I. 2015. *Kriminalnaya statistika: mehanizmy formirovaniya, prichiny iskazheniya, puti reformirovaniya* [Crime Data: Collection, Sources of Misrepresentation, Directions for Improvement], St. Petersburg; Moscow: Norma, Centre for Independent Social Research. Available at: http://enforce.spb.ru/images/Staff/Crimestat_report_2015_IRL_KGI_web.pdf (accessed 1 March 2018) (in Russian).
- Schulenberg J. L. (2015) Moving Beyond Arrest and Reconceptualizing Police Discretion: An Investigation Into the Factors Affecting Conversation, Assistance, and Criminal Charges. *Police Quarterly*, vol. 18, no 3, pp. 244–271.
- Spohn C. (2009) *How do Judges Decide? The Search for Fairness and Justice in Punishment*. 2nd ed., Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, Inc.
- Spohn C., Holleran D. (2000) The Imprisonment Penalty Paid by Young, Unemployed Black and Hispanic Male Offenders. *Criminology*, vol. 38, no 1, pp. 281–306.

- Steffensmeier D., Ulmer J. T., Kramer J. H. (1998) The Interaction of Race, Gender, and Age in Criminal Sentencing: The Punishment Cost of Being Young, Black, and Male. *Criminology*, vol. 36, no 4, pp. 763–798.
- Titaev K. D. (2014) Predvaritel'noe zaklyuchenie v rossiyskoy ugolovnoy yustitsii: sotsiologicheskii analiz veroyatnosti predvaritel'nogo zaklyucheniya i ego vliyaniya na reshenie suda [Pretrial Detention in Russian Criminal Justice: Sociological Analysis of the Probability of Pretrial Detention and its Influence on Court Decisions]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 15, no 3, pp. 88–118. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2014/05/30/1325397359/ecsoc_t15_n3.pdf#page=88 (accessed 1 March 2018) (in Russian).
- Titaev K. D. (2017) Pretrial Detention in Russian Criminal Courts: A Statistical Analysis. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*, vol. 41, no 3, pp. 145–161.
- Titaev K. D., Dmitrieva A. V., Chatsverykova I. V. (2014) Gosudarstvo i biznes v arbitrazhnom protsesse [State and Business in Arbitrazh Courts]. *Voprosy Ekonomiki*, no 6, pp. 40–62 (in Russian).
- Troshev A. (2012) Kak sudyi arestovyvayut i opravdyvayut: sovetskoe nasledie v ugolovnom sudoproizvodstve [How Do Judges Detain and Acquit: Soviet Legacy in Criminal Justice]. *Kak sudyi prinimayut resheniya: empiricheskie issledovaniya prava* [How Do Judges Decide: Empirical Studies of Law] (ed. V. Volkov), Moscow: Statut, pp. 18–56 (in Russian).
- Volkov V. V. (2012) *Silovoe predprinimatel'stvo, XXI vek: ekonomiko-sotsiologicheskii analiz* [Violent Entrepreneurship, XXI century: Economic and Sociological Analysis]. 3rd ed.. St. Petersburg: EUSP Press (in Russian).
- Volkov V. (2014a) Socioeconomic Status and Sentencing Disparities: Evidence from Russia's Criminal Courts.. *IRL-Working Paper IRL-01/2014*, St. Petersburg: The Institute for the Rule of Law at EUSP.
- Volkov V. V. (2014b) Vliyanie sotsial'nogo statusa podsudimogo na reshenie suda [Impact of Defendan's Social Status on Judicial Decision-making]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsial'noy Antropologii*, vol. 17, no 4 (75), pp. 62–85 (in Russian).
- Volkov V. (2016) Legal and Extralegal Origins of Sentencing Disparities: Evidence from Russia's Criminal Courts. *Journal of Empirical Legal Studies*, vol. 13, no 4, pp. 637–665.
- Volkov V. V., Dzmityrieva A. V., Paneyakh E. L., Pozdnyakov M. L., Titaev K. D. (2010) *Aktivnost' pravookhranitel'nykh organov RF po vyyavleniyu prestupleniy v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti* [Law Enforcement Activity in Detection of Economic Crimes in Russia], St. Petersburg: IRL EUSP (in Russian).
- Volkov V. V., Dzmityrieva A. V., Skougarevskiy D., Chatsverykova I. V., Shesternina Yu. (2014) *Ugolovnaya yustitsiya v 2009 g.: kompleksnyy analiz sudebnoy statistiki* [Criminal Justice in 2009: Complex Analysis of Court Statistics], St. Petersburg: IRL EUSP (in Russian).
- Volkov V. V., Skougarevskiy D. A., Titaev K. D. (2016). Problemi i perspective issledovaniy na osnove Big Data (na primere sotsiologii prava) [Problems and Perspectives of Big Data (an Example of Sociology of Law) Research]. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, no 1, pp. 48–58 (in Russian).

- Weidner R. R., Frase R. S., Schultz J. S. (2005) The Impact of Contextual Factors on the Decision to Imprison in Large Urban Jurisdictions: A Multilevel Analysis. *Crime Delinquency*, vol. 51, no 3, pp. 400–424.
- Wermink H., Johnson B. D., Keijser J. W., Dirkzwager A. J. E., Reef J., Nieuwbeerta P. (2017) The Influence of Detailed Offender Characteristics on Consecutive Criminal Processing Decisions in the Netherlands. *Crime and Delinquency*, vol. 63, no 10, pp. 1279–1313.
- Wilson D. G., Kolennikova O., Kosals L., Ryvkina R., Simagin Y. (2008) The Economic Activities of Russian Police. *International Journal of Police Science Management*, vol. 10, no 1, pp. 65–75.
- Zatz M. (2000) The Convergence of Race, Ethnicity, Gender, and Class on Court Decision Making: Looking Toward the 21st Century. *Criminal Justice*, vol. 3, pp. 503–552.
- Zernova M. (2011) Coping with the Failure of the Police in Post-Soviet Russia: Findings from One Empirical Study. *Police Practice and Research*, vol. 13, no 6, pp. 1–14.

Received: November 11, 2017

Citation: Chatsverykova I. (2018) Mobilizatsiya ugolovnogo zakona biznesom i gosudarstvom: sotsial'no-ekonomicheskiy status obvinyaemykh i predvaritel'noe zaklyuchenie po ekonomicheskim delam [Mobilization of Criminal Law by Business and State: Socio-Economic Status of Defendants and Pretrial Detention in Economic Cases], *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 19, no 2, pp. 12–49. doi: [10.17323/1726-3247-2018-2-12-49](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2018-2-12-49)

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Адам Туз

Цена разрушения

Создание и гибель нацистской экономики¹

ТУЗ, Адам — профессор истории им. Кэтрин и Шелби Каллом Дэвисов, факультет истории Колумбийского университета. Адрес: США, штат Нью-Йорк, 10027, г. Нью-Йорк, Амстердам-авеню, 1180.

Email: adam.tooze@columbia.edu

Перевод с английского
Николя Эдельмана

Научный редактор
перевода Артём
Космарский

Ключевое место во всех описаниях Второй мировой войны занимало представление о нацистской Германии как о неукротимом монстре, опиравшемся на высокоиндустриализованную экономику. Но что, если на самом деле всё было совсем по-иному? Что, если корни европейской трагедии XX века скрывались не в силе Германии, а в ее слабости?

Из-под пера Адама Туза вышло радикально новое описание Второй мировой войны. Автор добился этого, уделив ключевое место, наряду с расовыми отношениями и политикой, экономике. Принципиальную роль в мировоззрении Гитлера играло интуитивное понимание глобальных экономических реалий. Он догадывался, что относительная бедность Германии в 1933 г. была обусловлена не только Великой депрессией, но и ограниченностью территории и естественных ресурсов страны. Он предвидел становление нового, глобализованного мира, в котором Европа будет задавлена сокрушительной мощью Америки. Оставался последний шанс: европейское сверхгосударство во главе с Германией.

Однако глобальный баланс экономической и военной силы с самого начала складывался совершенно не в пользу Гитлера, и именно для того, чтобы предупредить эту угрозу с Запада, он бросил свои недооснащённые армии на беспрецедентное и, в конечном счёте, обернувшееся крахом завоевание Европы. Даже летом 1940 г., в момент величайших триумфов Германии, Гитлеру всё равно не давала покоя нависающая над миром угроза англо-американского воздушного и морского господства, за которым, по его убеждению, стоял всемирный еврейский заговор. Как только вермахт вступил на советскую землю, война быстро превратилась в битву на истощение, не оставлявшую Германии надежд на победу. Из-за нежелания Гитлера, Альберта Шпеера и прочих признать это Третий рейх был уничтожен — ценой десятков миллионов жизней.

Журнал «Экономическая социология» публикует «Введение» к книге.

Ключевые слова: Вторая мировая война; Германия; экономическая история; ограниченные ресурсы; мировое господство; технический прогресс.

¹ Туз А. (готовится к изданию) *Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики*. М.: Издательство Института им. Е. Т. Гайдара. Перев. с англ.: Tooze A. 2006. *The Wages of Destruction. The Making and Breaking of the Nazi Economy*. New York: Penguin Group.

1. Введение

При взгляде на XX век трудно избежать вывода о том, что история Германии проходила под знаком двух тем: (1) тяга к экономическому и техническому прогрессу, благодаря чему Германия в течение большей части века наряду с США, а впоследствии — с Японией, Китаем и Индией являлась одной из крупнейших экономик мира; (2) стремление к войнам невообразимого прежде размаха².

Германия несёт основную ответственность за развязывание первой из двух опустошительных мировых войн XX века. И только она ответственна за вторую из них. Более того, в ходе Второй мировой войны Гитлер и его режим нарушили основные законы войны, организовав полномасштабную кампанию геноцида, беспрецедентного в своей интенсивности, размахе и целенаправленности. Державы-победительницы приняли меры к тому, чтобы после капитуляции 1945 г. у Германии не осталось выбора между миром и войной. Хотя спорт, техника, наука и культура постепенно были вновь дозволены в качестве сфер национального и личного самовыражения, а германская политика с конца 1960-х гг. становилась всё более многогранной, после 1945 г. в национальной жизни — по крайней мере, в жизни Западной Германии — доминировало деполитизированное стремление к материальному благосостоянию [James 1989: 177–189]. Напротив, капитуляция же, произошедшая в 1918 г., была гораздо менее полной, и выводы, сделанные из неё как немцами, так и их бывшими противниками, соответственно оказались более двусмысленными. Одной из многих поразительных особенностей немецкой политики после Первой мировой войны было то, что до самого конца Веймарской республики перед германским электоратом стоял выбор между политикой мирного движения к национальному процветанию и воинствующим национализмом, более или менее открыто требовавшим новой войны с Францией, Великобританией и США. Поскольку большая часть настоящей книги посвящена разбору того, как Гитлер подчинял себе германскую экономику в порядке подготовки ко второму из этих вариантов, представляется важным начать с чёткого обозначения альтернативы, в противостоянии с которой формировалось его мировоззрение, и с рассказа о том, как эта альтернатива была задвинута в тень катастрофическими событиями, предшествовавшими захвату власти Гитлером.

Разумеется, было бы ошибкой отрицать преемственность, связывавшую всех участников стратегических дискуссий, которые велись в 1920-е и 1930-е гг. в Германии, с империалистическим наследием эпохи Вильгельма³. Враждебность к французам и полякам и империалистические замыслы в отношении соседей Германии и на Западе, и на Востоке не представляли собой чего-то нового. Однако, делая чрезмерный упор на преемственность, мы рискуем недооценить глубокое влияние, оказанное на германскую политику поражением в ноябре 1918 г. и последующим мучительным кризисом. Агония достигла высшей точки в 1923 г., когда французы оккупировали Рур, промышленное сердце германской экономики. На протяжении следующих месяцев, в течение которых Берлин спонсировал массовую кампанию пассивного неповиновения, страна скатилась в масштабную гиперинфляцию и дошла до такого политического расстройств, что осенью 1923 г. под вопросом оказалось выживание германского национального государства как такового [Feldman 1993]. Дискуссии по стратегическим вопросам в Германии навсегда изменили свой характер. Кризис 1918–1923 гг., с одной стороны, породил ультра-национализм — в лице радикального крыла НННП (Немецкой националистической народной партии) и гитлеровской Нацистской партии — более апокалипсической по своему накалу, чем что-либо, существовавшее до 1914 г. С другой стороны, он дал начало подлинно новому течению в немецкой внешней и экономической политике. Эта альтернатива воинствующему национализму также имела своей целью пересмотр обременительных условий Версальского договора. Но при этом ставка делалась отнюдь не на военную силу. Приоритетом для веймарской внешней политики была экономика тех областей, в

² См. рассуждения об этой поляризации в: [Geyer 1992; Jarausch, Geyer 2003].

³ Резюме этих дискуссий см. в: [Krueger 1985; Niedhart 1999]. Об идеологической преемственности см.: [Smith 1986].

которых Германия ещё могла оказывать влияние на мир. В первую очередь речь шла об обеспечении безопасности Германии и усилении её роли путём установления финансовых связей с США и более тесной промышленной интеграции с Францией. В некоторых ключевых отношениях такой подход явно предвещал стратегию, осуществляемую Западной Германией после 1945 г. Эту политику поддерживали все партии, входившие в Веймарскую коалицию, — социал-демократы, леволиберальная Немецкая демократическая партия (НДП) и католическая Партия центра. Но воплощение она нашла в лице Густава Штреземана, лидера национал-либералов (НЛП) и германского министра иностранных дел в 1923–1929 гг.⁴

После стабилизации 1924 г. весь немецкий электорат получил возможность дать свою оценку достижениям Веймарской республики и внешней политике Штреземана лишь через четыре года, на всеобщих выборах 20 мая 1928 г. Штреземан решил идти на эти выборы в Баварии. Разумеется, Мюнхен в то время был одной из излюбленных вотчин НСДАП и вождя этой маргинальной партии. Гитлер надеялся привлечь к себе дополнительное внимание, скрестив мечи с Штреземаном. Таким образом, баварским избирателям предлагался драматический выбор между концепцией немецкого будущего по Штреземану, основанной на четырёх годах мирного «экономического ревизионизма», и решительным отрицанием основ веймарской внешней и экономической политики, за которым стоял Гитлер. И Гитлер, и Штреземан отнеслись к поединку серьёзно. Хотя Штреземану было важно выставить Гитлера не более чем психом, он признавал, что нашел время прочесть по меньшей мере одну опубликованную речь Гитлера с тем, чтобы иметь представление о тех аргументах, с которыми он может столкнуться [Wright 2002: 420]. В свою очередь, Гитлер использовал диспут с Штреземаном для того, чтобы уточнить свои внешнеполитические и экономические идеи, впервые сформулированные им в «Mein Kampf» — его манифесте, сочинённом в 1924 г. в Ландсбергской тюрьме [Kershaw 1998: 240–242]. В итоге на свет появилась рукопись, известная как «Вторая книга» Гитлера, завершённая летом 1928 г. и содержащая обширные фрагменты, заимствованные из его предвыборных речей [Weinberg 1961].

I

Густав Штреземан впервые высказал своё мнение о том, что «политика <...> сегодня в первую очередь [является] политикой мировой экономики», в качестве активного молодого депутата от Национал-либеральной партии в вильгельмовском Рейхстаге [Berg 1990]. И это была не просто фигура речи; об этом говорил ему личный опыт [Wright 2002: 8–58]. Штреземан родился в 1878 г. в Берлине, в семье мелкого независимого производителя пшеничного пива (и сиропов к нему) — одного из излюбленных напитков столицы. Он видел, как бизнес отца трещит по швам из-за конкуренции с крупными заводами. Будучи единственным из семи отпрысков пивовара, учившимся в университете, он завершил своё обучение диссертацией по исторической экономике и в 1901 г. начал работать уполномоченным по ведению дел для саксонских компаний. Штреземан защищал интересы экспортоориентированных предприятий лёгкой промышленности от непомерных требований тяжёлой индустрии и сельского хозяйства, защищённого протекционистскими барьерами. Как изучение истории экономики, так и практический опыт в сфере торговой политики убеждали Штреземана в том, что главными мировыми силами в XX веке станут три крупные индустриальные державы — Великобритания, Германия и США. Великие экономические державы, конечно, соперничали друг с другом. Но в то же время они были функционально взаимосвязаны, не могли развиваться друг без друга. Германия нуждалась в сырье и продовольствии с заморских рынков, чтобы обеспечить своё население работой и хлебом. Британская империя имела лучшее положение в отношении сырья, но нуждалась в Германии как в экспортном рынке. Штреземан очень рано проникся убеждением, что становление США как доминирующей силы

⁴ Полезный обзор нынешнего состояния исследований, посвящённых Штреземану, см. в: [Pohl 2004].

в мировой экономике навсегда изменило характер конкуренции между европейскими державами⁵. Европейский баланс сил в XX веке должен был в значительной мере определяться связью конкурирующих в Европе интересов с США. Разумеется, Штреземан не недооценивал другие факторы силовой политики — военную мощь и волю народа. В том, что касалось «дредноутной гонки», Штреземан последовательно выступал за усиление Императорского флота, питая надежду на то, что когда-нибудь Германия станет соперником британцев в деле защиты своей заморской торговли военно-морскими силами. После 1914 г. он проявил себя в Рейхстаге в качестве одного из самых агрессивных сторонников неограниченной подводной войны. Но даже в своих наиболее аннексионистских выступлениях Штреземан в первую очередь мотивировался экономической логикой, завязанной на Соединённые Штаты [Berg 1990: 43]. Захват Бельгии, французского побережья до Кале, Марокко и обширных территорий на Востоке «требовался» для того, чтобы обеспечить Германии адекватную платформу для конкуренции с Америкой. Ни одна экономика, не имевшая гарантированного рынка не менее чем в 150 млн потребителей, не могла рассчитывать на успешную конкуренцию с системой удешевления производства за счёт массовости, которую Штреземан лично наблюдал в индустриальном ядре США.

Нет сомнений в том, что неожиданная капитуляция Германии осенью 1918 г. глубоко потрясла Штреземана, едва не ввергнув его в физический и психологический коллапс. Она навсегда лишила его веры в вооружённые силы как в орудие силовой политики — по крайней мере в Германии. Более того, она посеяла в его уме более фундаментальные сомнения в отношении германской социальной и политической системы, оказавшейся менее устойчивой, чем соответствующие британская и французская. Однако это лишь укрепило его убеждение в том, что решающей силой является экономика. Мировая экономика была единственной сферой, в которой Германия оставалась поистине незаменимой. Штреземан уже в апреле 1919 г. заявлял, что с учётом военной слабости Германии основой её внешней политики должна стать мощь её крупных корпораций. «Сегодня мы нуждаемся в зарубежных кредитах. Рейх лишился кредитоспособности <...> но частные лица, индивидуальные крупные корпорации по-прежнему имеют доступ к кредиту. Они получают его благодаря неизмеримому уважению мира к достижениям немецкой промышленности и немецкого торговца» [Berg 1990: 98]. Экономика была единственной сферой, через которую Германия могла наладить связи с Соединёнными Штатами — единственной державой, с помощью которой Германия могла противостоять французской агрессии и британскому безразличию. Такая идея трансатлантического партнёрства явно стояла за действиями Штреземана как во время его короткого, но важного срока пребывания на посту канцлера республики в 1923 г., так и министра иностранных дел в 1924–1929 гг. Утихомилив разъярённых националистов и покончив с пагубной кампанией пассивного сопротивления французской оккупации Рура, но в то же время сигнализируя о готовности Германии к выплате репараций, Штреземан проложил путь к установлению особых отношений с США.

Разумеется, за это пришлось платить. Впоследствии Штреземан навсегда стал мишенью для исходивших из правых кругов обвинений в том, что он был «французским ставленником» [Weinberg 1961: 23]. Более того, эти обвинения подкреплялись решением Штреземана прибегнуть к тактике кооперации, а не конфронтации, для того чтобы ускорить вывод французских войск, патрулировавших Рейнскую область [Wright 2002: 373–383, 412–413]. Эти обвинения не имели под собой ни малейших оснований. Штреземан во всех отношениях был законченным германским националистом. Он никогда не отрекся от аннексионистских позиций, занимавшихся им во время Первой мировой войны, потому что не видел оснований для того, чтобы сожалеть о них. Кроме того, он никогда не хотел мириться с германо-польской границей, проведённой в 1921 г. в соответствии с плебисцитом и решением Лиги Наций, как с долгосрочным решением. Его стратегия, опиравшаяся на манипулирование взаимно пересекавшимися интересами США, Великобритании и Франции, была просто сложнее конфронтационного подхода, которому отдавали предпочтение ультра националисты.

⁵ Об американизме в Германии начала XX века см.: [Luedtke, Marssolek, Saldern 1996].

Первым достижением Штреземана стал комитет Дауэса, впервые собравшийся в 1924 г. в Париже, чтобы создать работоспособную систему, которая позволила бы Германии выплачивать репарации, не ставя под удар свою финансовую стабильность [Schuker 1976: 180–186; Costigliola 1984: 1–27]. Во главе этого комитета стоял генерал Чарльз Г. Дауэс, чикагский банкир и промышленник, руководивший снабжением американских и союзных войск во время Первой мировой войны. Но реальным творцом этой схемы был Оуэн Янг, председатель *General Electric*, в качестве такового являвшийся одним из лидеров американской индустрии [Case, Case 1982: 272–335]. Более того, концерн *General Electric* был тесно связан с *Allgemeine Elektrizitaets Gesellschaft (AEG)*, вторым по величине немецким электротехническим конгломератом. Дауэс и Янг более чем оправдали надежды, возлагаемые Штреземаном на США. Текущие репарационные требования в Германии были существенно снижены, и ежегодные выплаты должны были достичь максимального объёма в 2,5 млрд довоенных золотых марок лишь в 1928–1929 гг. Свой вклад внёс и банк J. P. Morgan, организовав восторженное изъявление доверия со стороны Уолл-стрит, выразившееся в сильном превышении лимита подписки при выпуске первоначального займа на 100 млн долларов. Восстановление золотой рейхсмарки на условиях довоенного паритета с долларом покончило с нестабильностью германской валюты [Hardach 1976: 34–35; Schoetz 1987]⁶. Помимо этого, интересы Германии защищал также так называемый агент по репарациям. Эту должность занимал Паркер Гилберт, молодая «звезда» Уолл-стрит, обладавший полномочиями для приостановки репарационных выплат, если они угрожали стабильности германской валюты. Таким образом, удовлетворение требований европейских «репарационных кредиторов» ставилось в зависимость от состояния германских финансов. Это не привело к немедленному наводнению Германии американским капиталом, как иногда утверждается [McNeil 1986]⁷. Однако с учётом большой разницы между процентными ставками в США и Германии, где сбережения сгорели в огне гиперинфляции, условия для получения займов, несомненно, были благоприятными. С октября 1925 г. до конца 1928 г. приток зарубежного капитала был таким большим, что Германия могла производить репарационные выплаты, даже не имея торгового профицита. Это было удобно для британцев и французов, так как позволяло им требовать от немцев выплат, не открывая свои рынки для немецких товаров на сумму в миллиарды золотых марок. Одновременно Вашингтон мог требовать от Франции и Великобритании, чтобы те соблюдали свои долговые обязательства перед Америкой, накопленные ими в результате войны.

Эта карусель, сводившаяся к тому, что немцы брали займы у американцев, чтобы расплачиваться с британцами и французами, которые затем платили американцам, вызывала беспокойство у всех сторон⁸. Однако она выполняла свою задачу. Конгресс США требовал максимально возможной выплаты всех кредитов, предоставленных Америкой союзникам [Pullen 1987]. Новые американские кредиторы Германии получали солидную прибыль. Веймарская же республика существовала в условиях значительно более высокого уровня жизни, чем был бы возможен в том случае, если бы ей приходилось выплачивать репарации за счёт экспортной выручки. Ялмар Шахт, президент Рейхсбанка, назначенный на эту должность Штреземаном в ноябре 1923 г., выражал глубокую озабоченность нарастанием международного долгового бремени Германии [James 1985: 19–56]. Но в то же время он разделял стратегические замыслы Штреземана. По мере того как росла задолженность Германии перед Америкой, усиливалась и заинтересованность Вашингтона в том, чтобы чрезмерные репарационные требования Великобритании и Франции не ставили под угрозу американские инвестиции. Проще говоря, стратегия Германии заключалась в следующем: используя защиту, обеспечиваемую агентом по репарациям, набрать у Америки столько займов, чтобы обслуживание этого долга делало невозможным выплату репараций [Ritschl 2002: 120–127]. Выражаясь тоньше, Штреземан и Шахт стремились превратить аме-

⁶ При курсе 4,20 рейхсмарки за доллар рейхсмарка, как и фунт стерлингов после 1925 г., была существенно переоценена.

⁷ Более точную хронологию событий см. в: [Wala 2001: 110–122]; см. также отлично иллюстрированную историю германских долговых обязательств: [Glasemann 1993]

⁸ Что отлично показано в: [Moulton, Pasvolsky 1932].

риканские финансовые круги в главную силу, выступающую за пересмотр суммы германских репараций, что позволило бы Берлину нормализовать отношения с Лондоном и Парижем. В конце 1920-х гг. эта стратегия как будто бы работала. В 1928 г. вовсе не немцы, а американцы — и в первую очередь председатель Федерального резерва США Бенджамин Стронг — выдвинули требование пересмотреть германские репарационные обязательства, пока ещё размер годовых выплат не достиг максимума в соответствии с планом Дауэса [Link 1970: 411–421; Costigliola 1984: 196–210]. Стронг пошёл на это не из-за каких-либо нежных чувств к Германии, а в интересах сохранения колоссальных средств, вложенных Америкой в германскую экономику. Полномасштабный кризис с лёгкостью привёл бы к дестабилизации ряда крупнейших американских банков.

Таблица 1

Зарубежные займы: обязательства Германии по внешним долгам на весну 1931 г.
(в млн рейхсмарок)

Кредитор	Долгосрочные займы	Краткосрочные займы	Всего
США	5265	3143	8408
Великобритания	1100	2053	3153
Нидерланды	1174	2069	3243
Швейцария	512	1878	2390
Прочие страны	1494	2826	4320
Итого	9545	11 969	21 514

Источник: [Harris 1935: 9, 95].

Если в случае Штреземана проблемы интерпретации проистекают из того, что его политика обнаруживает поразительное сходство с теми мерами, на которых основывалась стабильность Германии после 1945 г., то сложности, связанные с осмыслением идей Гитлера, имеют ровно противоположную причину. Гитлер обитал в мире причудливых представлений, проникнутых духом осаждённой крепости, который нам трудно понять или хотя бы воспринимать всерьёз.

Заманчиво выводить радикальные различия между мировоззрениями Гитлера и Штреземана из резких различий между их биографиями. О долгом и мучительном поиске Гитлером своего места в мире слишком хорошо известно, поэтому вряд ли есть нужда об этом говорить⁹. Несомненно, история Гитлера составляет яркий контраст с историей восхождения Штреземана по социальной лестнице. Поворотным пунктом для обоих стала Первая мировая война. Но если хроническая болезнь Штреземана воспрепятствовала его участию в боевых действиях, то Гитлер увидел войну из окопов. В свете этого обстоятельства едва ли удивительно, что Штреземан ухитрился сохранить присущий ему буржуазный оптимизм даже во время кошмара 1918–1923 гг., в то время как взгляд Гитлера на происходящее был намного мрачнее. Тем не менее и Штреземан, и Гитлер были порождением одной и той же политической культуры. Оба они являлись сторонниками широко распространённого представления о том, что Первая мировая война — это итог состязания между империями¹⁰. Говоря более конкретно, оба они считали, что войну развязала Великобритания в сознательной попытке нанести ущерб Германии — сопернику в торговле и строительстве военно-морского флота. Однако в случае Штреземана эта «популистская» модель глобальной военно-экономической конкуренции смягчалась свойственным ему пониманием взаимосвязанности мировой экономики и в первую очередь тем значением, которое он придавал США, видя в этой стране противовес Великобритании и Франции. Мировоззрение же Гитлера было намного более ожесточённым. Он считал либеральную идеологию прогресса, достижимого

⁹ См.: [Kershaw 1998: 1–69].

¹⁰ Подробнее см.: [Ritschl 1991: 48–70].

путём трудолюбия, упорства и свободной торговли, не более чем ложью, распространяемой еврейскими пропагандистами. По сути, любая попытка немецкого народа добиться спасения трудолюбием и торговлей в конце концов обрекла бы его на противостояние с Великобританией. Германии снова пришлось бы столкнуться с раскладом августа 1914 г. — неодолимым континентальным альянсом, организованным и финансируемым еврейскими банкирами из Сити. И всемирный еврейский заговор, властвующий уже не только в Вашингтоне и в Лондоне, но и в стране большевистской диктатуры, снова одержал бы победу над Германией.

В глазах Гитлера решающими факторами в истории человечества были не работа и трудолюбие, а борьба за ограниченные средства существования [Weinberg 1961: 46–69]. Великобритания могла жить за счёт свободной торговли, но лишь благодаря тому, что она уже сколотила империю при помощи военной силы. Для поддержания достойного уровня жизни немецкому народу требовалось «жизненное пространство» (*Lebensraum*), а приобрести его можно было лишь путём завоевания. Германия Вильгельма с огромным энтузиазмом строила колониальную империю, но в результате драгоценная немецкая кровь расплывалась по всему миру. Гитлер вместо этого отдавал предпочтение захвату единого «жизненного пространства» на Востоке. В этом отношении можно снова подметить сходство с идеями аннексионистов времён войны. После Брестского мира Штреземан тоже мечтал о германском «большом пространстве» (*Grossraum*) на Востоке. Но, как видно, основная цель Штреземана состояла в создании достаточно крупного рынка, способного сравниться с американским. Напротив, Гитлеру была нужна земля, но не её коренные обитатели. Цель завоевания состояла не в том, чтобы добавить к немцам немцев. Население завоёванных территорий следовало устранить. Буржуазным властям Германской империи не хватало смелости для столь радикальной расовой политики по отношению к крупному польскому меньшинству, населявшему восточные окраины страны. Но если Германия хотела победить, то у неё не было альтернативы безжалостной политике завоевания и геноцида. Сама судьба обрекла Германию на неизбежную войну. Если говорить о конкретных шагах, Гитлер, по-видимому, представлял себе ряд более-менее систематических действий: за присоединением Австрии последовало бы подчинение крупных государств, образовавшихся после её распада в Центральной Европе — в первую очередь в Чехословакии, — а кульминацией этого процесса должна была стать расплата с французами¹¹. Тем самым был бы расчищен путь для похода на Восток. Разумеется, Гитлер не желал повторять расклад Первой мировой войны; и тут ключевую роль играла Великобритания. Гитлер был твёрдо убеждён в том, что, в отличие от экспортоориентированной стратегии, неизбежно приводившей к столкновению с глобальным влиянием Британской империи, его стратегия континентальной экспансии не представляла фундаментальной угрозы для Великобритании, чьи основные интересы лежали за пределами Европы. Стратегическая концепция Гитлера 1920-х и начала 1930-х гг. основывалась на том, что он рассчитывал обеспечить доминирующие позиции Германии в Европе, не вступая в конфликт с Великобританией. Более того, выворачивая логику Штреземана наизнанку, Гитлер полагал, что Великобритания станет рассматривать Германию как союзника в неизбежной конкурентной борьбе с Соединёнными Штатами.

В детстве, подобно миллионам германоязычных мальчиков, Гитлер с увлечением читал «немецкие вестерны» Карла Мая¹². Сразу же после окончания Первой мировой войны восторг Гитлера перед США несколько поубавился. Прежде всего это коснулось президента Вильсона, который после заключения Версальского договора стал в Германии объектом почти всеобщей ненависти. В 1923 г. Гитлер писал, что лишь приступом временного слабоумия из-за мук голода, вызванного англо-еврейской блокадой,

¹¹ Об особенностях восточно-европейской стратегии Гитлера см.: [Weinberg 1961: 14–20].

¹² О связи между Карлом Маем и Гитлером см. противоречивую статью: [Mann 1940: 217–222]. Была сделана попытка опровергнуть эту связь; см.: [Linkemeyer 1987]. О творчестве Мая в контексте изображения Америки в немецкой литературе см.: [Sammons 1998: 229–245]. О популярности Мая и жанре авантюрной литературы см.: [Frigge 1984: 150–158].

можно объяснить то, что Германия отдалась на милость «такого мошенника, как Вильсон, который прибыл в Париж в сопровождении 117 еврейских банкиров и финансистов»¹³. Соединённые Штаты практически не фигурируют в стратегических замыслах Гитлера, отразившихся в начерно написанной на следующий год книге «Mein Kampf». Три года спустя, учитывая ту роль, которую США играли в германских делах, такая узость кругозора была уже невозможна. Как не мог не заметить Гитлер, США, даже не являясь элементом европейского баланса вооружённых сил, были экономической державой, с которой следовало считаться. Более того, поразительные индустриальные успехи США изменили параметры повседневной жизни на «старом континенте». Как отмечает сам Гитлер в одном из несомненных ключевых пассажей своей «Второй книги», сегодня европеец мечтает об уровне жизни, который выводится им не только из возможностей Европы, но и из реального состояния дел в Америке. Благодаря современной технике и существующим средствам связи отношения между людьми стали столь тесными, что европеец, даже не вполне осознавая это, делает критерием своей жизни условия жизни в Америке (см.: [Weinberg 1961: 58]).

При этом неудивительно, что внимание Гитлера прежде всего привлекало доминирование Америки в автомобильной промышленности. Гитлер, конечно, увлекался автомобилями. Но во «Второй книге» его волнуют стратегические последствия американского лидерства в этой новой ключевой отрасли. В своих фантазиях о будущем американского богатства европейцы склонны забывать «о намного более благоприятном отношении площади американского континента к численности его населения <...>». Громадные конкурентные преимущества Америки в сфере промышленных технологий были функцией «размеров американского “внутреннего рынка”», потому что она «богата не только покупательной способностью, но и сырьём». Именно огромные «гарантированные <...> внутренние продажи» позволили американской автомобильной промышленности освоить такие «методы производства, которые в Европе вследствие отсутствия таких же объёмов продаж были бы попросту невозможны» (цит. по: [Weinberg 1961: 123]). Иными словами, для фордизма требовалось «жизненное пространство».

В то время как Штреземан считал возвышение США стабилизирующим фактором в европейских делах, в глазах Гитлера оно просто поднимало ставки в борьбе за расовое выживание. И эту борьбу невозможно было ограничить только экономической сферой: «Окончательный исход борьбы за всемирный рынок будет решён силой <...>» (цит. по: [Weinberg 1961: 123–124]). Даже если немецкие бизнесмены добьются успеха, Германия вскоре снова окажется в ситуации 1914 г. и вынуждена будет сражаться за доступ к всемирным рынкам в крайне неблагоприятных условиях. Вообще, Гитлер полагал, что зарождающееся экономическое доминирование США ставит под угрозу «глобальное значение» всех европейских стран. Если только политическим лидерам Европы не удастся вырвать население своих стран из обычного «политического недомыслия», то «грозящая глобальная гегемония североамериканского континента» низведёт всех до положения «Швейцарии и Голландии» (цит. по: [Weinberg 1961: 127–128]). Не то чтобы Гитлер был приверженцем панъевропейских идей. Он считал все подобные предложения чепухой, «еврейским» вздором. Европу в противостоянии с США должно возглавить самое сильное европейское государство по образцу Римской или Британской империи или, если на то пошло, Пруссии, объединившей немецкие земли в XIX веке.

В будущем единственным государством, которое сможет выступить против Северной Америки, станет то, которое поймёт, как сущность внутренней жизни и смысл внешней политики сможет повысить расовую ценность своего народа и наделить его государственностью, наиболее подходящей для этой цели. Задача национал-социалистического движения состоит в том, чтобы укрепить свою родину и подготовить её к этой миссии (цит. по: [Weinberg 1961: 130]).

¹³ См. подробнее: [Gassert 1997: 35–36, 87–103]. Этот проницательный обзор опровергает все предыдущие работы о Гитлере и Америке.

Таким образом, в число врагов Гитлера, наряду с Францией и Советским Союзом, вошли и Соединённые Штаты, против которых следовало выступить после завершения внутренней консолидации, по возможности в союзе с Великобританией. Стоит подчеркнуть этот последний момент. Настойчиво делаемый Гитлером акцент на необходимости союза с Великобританией вытекал не только из его главной цели — завоевания Востока, что являлось ключевым стратегическим аргументом в «Mein Kampf», — но и из осознания Гитлером угрозы со стороны США — новой темы, возникшей в его «Второй книге».

Таким образом, Гитлер и Штресеман расходились в своих оценках положения Германии по отношению к начинавшемуся «веку Америки», как и в оценках значения экономики и политики. Однако основой для этих расхождений служило более фундаментальное различие в понимании истории¹⁴. Оно наиболее чётко иллюстрируется их реакцией на катастрофу Первой мировой войны. Сущность позиции Штресемана состояла в том, что война не изменила магистрального курса всемирной истории, диктуемого неизбежной траекторией экономического развития. Несмотря на то что Германия потерпела поражение, война, ослабив Великобританию и Францию и усилив США, открыла путь к восстановлению германской мощи, пусть только в экономической сфере. Гитлер считал подобное мышление характерным для наивного оптимизма германских буржуа. Он не был пессимистом. Он отвергал мрачные пророчества Шпенглера. Однако в его глазах история никому не давала никаких гарантий. Фундаментальным определяющим фактором в истории для него был не предсказуемый телос экономического развития, а борьба между народами за средства существования. В этой битве за выживание исход никогда не был предрешён. Как заявлял Гитлер, даже в короткий «2000-летний период» истории человечества «мировые державы повелевали культурами, известными сейчас только из легенд, огромные города превращались в руины <...> Мы почти не в состоянии проникнуть <...> в заботы, потребности и страдания миллионов и миллионов отдельных людей, которые когда-то, в качестве живых существ, были творцами и жертвами этих событий <...> И как бесчувственно <...> настоящее. Насколько не обоснован его вечный оптимизм и насколько пагубны его упрямое невежество, его отказ видеть и отказ учиться» (цит. по: [Weinberg 1961: 71]).

Вырвать население из этого оптимистического ступора и зарядить его чувством апокалипсического риска — вот истинная задача политического руководства. Идея о том, что Германия, подобно США, может просто постепенно двигаться к более высокому уровню жизни, представлялась Гитлеру заблуждением. Для него поражение в Первой мировой войне возвестило начальную точку борьбы, не менее решительной, чем между Римом и Карфагеном. Если только немцы не ответят на вызов, 1918 г. вполне может стать предвестником такого же полного упадка («*Untergang*»), как тот, что испытали на себе великие цивилизации древности. Такая перспектива не оставляла места для пассивности и терпения. Перед лицом абсолютной безжалостности еврейско-большевистского врага могла стать оправданной даже стратегия, чреватая крайним риском. Аудиторию 1920-х и начала 1930-х гг. можно было простить за то, что она принимала экстремистские воинственные речи Гитлера за проявления риторической аффектации. Насколько серьёзен он был со своим апокалипсическим мировоззрением, в полной мере выяснилось лишь после 1939 г.

III

Таким образом, немецкие избиратели должны были сделать решительный выбор, и он был сделан. На всеобщих выборах в мае 1928 г. партия Гитлера получила жалкие 2,5% голосов, которые обеспечили ей всего 12 из 491 места в Рейхстаге. Наоборот, несмотря на то что доля НЛП снизилась, партия Штре-

¹⁴ Подробнее об исторических представлениях Гитлера см.: [Kroll 1998]. Однако в этом анализе придаётся недостаточное значение апокалипсическому мировоззрению Гитлера.

земана всё равно сохранила приличное представительство в парламенте, получив 45 мест [Jones 1988: 301–305]. И если национал-либералам оказывал щедрую поддержку крупный бизнес, то казна нацистов к осени 1928 г. настолько оскудела, что они были вынуждены отменить ежегодный партийный съезд. Продажи «Mein Kampf» так сильно упали, что издатели Гитлера решили придержать его «Вторую книгу» из опасения испортить рынок. НННП, ещё одна ультраправая партия, вместо прежних 103 мест получила всего 73. Об этом поражении и вызванном им кризисе в руководстве националистического движения, который привёл к тому, что главой НННП был выбран ультранационалист Альфред Гугенберг, летом и осенью 1928 г. кричали газетные заголовки. Наоборот, социал-демократы — основатели Веймарской республики — одержали крупную победу. Их представительство в Рейхстаге выросло с 131 места до 153. Штреземановская НЛП, НДП и партия Центра составили работоспособное большинство с Германом Мюллером в качестве канцлера. Густав Штреземан остался министром иностранных дел на пятый год.

Таким образом, в 1928 г., несмотря на Гитлера и его партию, Веймарская республика имела функционирующую парламентскую систему и правительство, поставившее своей целью пересмотр Версальского договора под благожелательной эгидой США. Да, катастрофический обвал этой системы был возможен. Но даже самым пессимистически настроенным наблюдателям нужно было сильно постараться, чтобы предсказать, что через 10 лет Германия снова ввергнет Европу в опустошительную войну и приступит к выполнению самой безжалостной кампании геноцида в истории человечества. История Веймарской республики не является темой настоящей книги. Но прежде чем начать рассказ о гитлеровском режиме, мы должны чётко объяснить, как стратегия Штреземана потерпела крах, открыв дверь для намного более радикальных идей Гитлера.

Одним из ключевых факторов, вызвавших дестабилизацию Веймарской республики после 1929 г., было исчезновение надежд, возлагавшихся на американский «новый порядок» прореспубликанскими силами в Германии¹⁵. В 1923–1924 гг. успешная стабилизация Веймарской республики в первую очередь зависела от вмешательства США. Впоследствии привлекательность «атлантистской стратегии» Штреземана и Шахта опиралась на ожидания роста американского влияния в Европе, которое в конце концов должно было расчистить путь к всеобъемлющему пересмотру условий Версальского договора. Для этого требовалось осознание Америкой связи между долговыми обязательствами перед ней, накопившимися во время войны у Великобритании и Франции, и репарационными требованиями, предъявлявшимися этими державами Германии. И действительно, Оуэн Янг весной 1929 г. вернулся в Париж для пересмотра соглашения о репарациях [Case, Case 1982: 434–454]. Однако он не получил от новой администрации Герберта Гувера никаких полномочий на открытое проведение связи между военными долгами союзников и репарациями [Costigliola 1984: 206–215]. А это означало, что план Янга не мог не разочаровать немцев [Heude 1998]¹⁶. Вместо снижения ежегодных репарационных выплат с 2,5 млрд до 1,5 млрд довоенных золотых марок, на что надеялось правительство Мюллера, величина выплат сократилась незначительно — до двух с небольшим млрд золотых марок. Кроме того, согласно плану Янга, Германия упразднила должность агента по репарациям, что освобождало её от навязчивого и унижительного иностранного надзора и должно было стать первым шагом к переводению репарационных обязательств Германии на деполитизированную, коммерческую основу. Но в то же время это

¹⁵ После почти двух десятилетий продуктивного ревизионизма явно настало время вновь обратить пристальное внимание на последствия ущербной американской гегемонии 1920-х гг., обрисованные в классической работе: [Kindleberger 1986]; см. также: [Link 1970; Costigliola 1984]. Разумеется, непосредственной причиной катастрофы 1930-х гг. был новый всплеск германского национализма, в свою очередь, вызвавший нежелание сотрудничать со стороны французов. Ничуть не улучшила ситуацию и позиция Великобритании. Но с учётом очевидной хрупкости европейских взаимоотношений экзогенным причинным фактором послужила неспособность американцев сделать то, что они могли бы сделать.

¹⁶ Почти в той же самой мере он не устраивал и Лондон; см.: [Boyce 1987: 186–216].

означало, что отныне Германии разрешалась отсрочка по выплате большей части репараций максимум на два года. И теперь решение должно было принимать уже германское правительство, а не «нейтральное» американское учреждение.

Разочарование, вызванное планом Янга, полностью уничтожило привлекательность «атлантистской стратегии». Раздражение, окружавшее переговоры, разрушило всякие надежды на крупномасштабную коммерциализацию германских «политических» долгов. Начиная с 1928 г. вместе с волной слухов о судьбе репараций и росте процентных ставок в США, объёмы долгосрочных американских займов Германии начали сокращаться¹⁷. Германия и в 1929 г. продолжала брать займы и продавать иностранцам паи в немецких фирмах, но теперь более половины поступлений были получены на краткосрочной основе. За этим последовал ещё один удар по трансатлантическим экономическим связям. В ходе предвыборной кампании Герберт Гувер заручился поддержкой Среднего Запада, пообещав введение протекционистских мер в сельском хозяйстве. Во время прохождения через Конгресс этот законопроект, получивший печальную известность как Закон Смута — Хоули, оброс многочисленными положениями, включая серьёзную защиту от европейских промышленных товаров. К осени 1929 г. в Старом Свете знали не только то, что Конгресс не пойдёт на сколько-нибудь существенное снижение выплат по союзническим долгам и не стоит ожидать получения новых долгосрочных кредитов от Америки, но и то, что новые тарифы, скорее всего, затруднят европейским должникам Америки зарабатывать доллары, требовавшихся для обслуживания обязательств перед Уолл-стрит [Schattschneider 1935]¹⁸.

Мы уже никогда не узнаем, какой была бы реакция Штреземана на эту катастрофическую цепь событий. С весны 1928 г. его здоровье ухудшалось, и попытки не допустить разрыва между правым крылом НЛП и правительством «большой коалиции» стали для него непосильной ношей. Через несколько часов после того, как ему удалось добиться согласия германского правительства на план Янга, Штреземан перенёс несколько инсультов и умер. Но ещё до его безвременной смерти появились признаки скорой смены курса. Существует мнение, что за ростом интенсивности дискуссий между Штреземаном и французским министром иностранных дел Аристидом Брианом летом и осенью 1929 г. по крайней мере отчасти стояло чувство разочарования в Соединённых Штатах. А в последнюю неделю июня 1929 г. Штреземан заявил в Рейхстаге, что Европа становится «колонией тех, кому повезло больше, чем нам». Настало время для того, чтобы «французская, немецкая, а может быть, и другие европейские экономики нашли способ совместно противостоять конкуренции, ложащейся на всех нас тяжким грузом» — в этих словах Штреземана прозвучал неожиданно неприязненный намёк на США [Krueger 1985: 498–499; Wright 2002: 475–476].

Так или иначе, поворот к европейской интеграции был единственной возможной реакцией на разочарование в надеждах, возлагавшихся на Америку¹⁹. Диаметрально противоположный вариант представляло собой поведение Ялмара Шахта, президента Рейхсбанка. Выражаясь языком теории эволюции, Шахт служит «недостающим звеном» между штреземановской стратегией экономического ревизионизма и сменившей ее после 1933 г. односторонней милитаристской агрессией. Подобно Штреземану, родившийся в 1877 г. в германо-американской семье Хорас Грили Ялмар Шахт сделал удачную карьеру в Германии Вильгельма²⁰. В то время как отец Шахта тщетно пытался достичь успеха в качестве

¹⁷ Оценку относительного значения процентных ставок и плана Янга см.: [Ritschl 2002: 107–141].

¹⁸ В широком историческом плане значение Закона Смута — Хоули состояло в возвращении американских тарифов к максимально высоким уровням, преобладавшим до 1914 г.; см.: [Eckes 1995: 106–109]. То, что главным был не абсолютный уровень новых тарифов, а рост неопределённости, подчёркивается исследователями; см.: [James 2001: 29].

¹⁹ О разочаровании немецкой общественности в США в конце 1920-х и начале 1930-х гг. см.: [Gassert 1997: 78–86].

²⁰ Самую лучшую краткую биографию Шахта см.: [James 1993: 206–218]; см. также превосходную работу: [Muehlen 1938].

сначала журналиста, а потом предпринимателя, сам он в полной мере воспользовался полученным им первоклассным образованием. Как и у Штреземана, его первым занятием стало лоббирование интересов либеральных кругов, выступавших за свободную торговлю, за которым последовало быстрое восхождение по служебной лестнице в Dresdner Bank. В 1914 г. Шахт вошёл в состав финансовой администрации оккупированной Бельгии, но в 1915 г. был вынужден подать в отставку из-за подозрений в коррупции. Вскоре после этого его нанял Nationalbank. В качестве директора этого быстрорастущего предприятия Шахт стал одним из тех, кому гиперинфляция была действительно выгодна. Как и Штреземан, Шахт был рациональным республиканцем (*Vernunftrepublikaner*), то есть республиканцем не по убеждениям, а по расчёту. Будучи одним из основателей леволиберальной НДП, созданной в 1918 г., в разгар Рурского кризиса он был выдвинут Штреземаном на должность главы Рейхсбанка [Feldman 1993: 792–796, 821–823]. Впоследствии многие видели в Шахте важнейшего союзника Штреземана в его попытках вернуть Германии международное уважение. Шахт, которому часто приписывается стабилизация рейхсмарки в 1924 г., поддерживал тесные связи и с банковскими кругами в США, и с Монтегю Норманом, управляющим Английского банка. Более того, в период хаоса (1923–1924 гг.) Шахт подумывал об альтернативной, британской стратегии, высказывая идею привязать рейхсмарку не к доллару, а к фунту стерлингов [Schoetz 1987: 827–835]. Но после того, как был принят план Дауэса, Шахт стал едва ли не более решительным приверженцем атлантистского подхода, чем сам Штреземан [Houwink ten Cate 1987: 186–228]. Однако в ещё большей степени, чем в случае Штреземана, эта рациональная концепция германской стратегии конфликтовала в душе Шахта с глубоким чувством уязвлённой национальной гордости. Намного настойчивее и намного менее тактично, чем Штреземан, Шахт связывал вопрос финансового урегулирования с требованиями возврата германских территорий [Berg 1990: 380–387]. Шахт не только стремился добиться как можно более быстрого вывода французских войск с немецкой земли. Он пользовался любой возможностью для того, чтобы поднять вопрос о границе с Польшей и даже требовал возвращения германских колоний. В апреле 1929 г. ревизионистские требования Шахта едва не привели к срыву переговоров по плану Янга. Сам этот план, несомненно, нанёс тяжелейший удар по вере Шахта в американский вариант. Сразу же после смерти Штреземана Шахт перешёл в открытую оппозицию к правительству Мюллера. Он использовал свои контакты на Уолл-стрит, чтобы саботировать попытки германского правительства получить новый американский заём, а 6 декабря 1929 г. опубликовал доклад с разгромной критикой не только плана Янга, но и всей финансовой стратегии, которой Веймарская республика придерживалась с 1924 г. [Hardarch 1976: 110–111]. Дни Шахта на посту президента Рейхсбанка были явно сочтены. К весне 1930 г. он подал в отставку и связал свою судьбу с силами, собиравшимися на правом краю немецкого политического спектра и к тому моменту решительно выступавшими против какого-либо дальнейшего финансового сотрудничества с бывшими врагами Германии.

Однако большинство германских политических партий в целом сохраняло приверженность принципу соблюдения финансовых и политических обязательств перед Англией, Францией и США. Более того, требования, накладывавшиеся планом Янга, оправдывали урезание бюджета, крайне привлекательное для значительной части правых и делового сообщества. По этой причине «большая коалиция» весной 1930 г. развалилась из-за вопроса о сокращениях бюджета [Winkler 1993: 364–380]. После Германа Мюллера в Германии почти 40 лет не было ни одного канцлера от социал-демократов. Его сменил непреклонный националист и католик Генрих Брюнинг, возглавивший правительство меньшинства. Рейхс-банк вместо Шахта возглавил Ганс Лютер. С тех пор и до сего дня решения в сфере экономической политики, принятые канцлером Брюнингом и президентом Рейхсбанка Лютером в марте 1930 — мае 1932 гг., остаются предметом ожесточённых дискуссий [Kruedener 1990; Kershaw 1990]²¹. Впрочем, во многом они лишены смысла. Если иметь в виду наличие ограничений международного характера, то станет ясно, что у Брюнинга и Лютера — по крайней мере, в 1930 г. — были связаны

²¹ См. последнюю из критических работ протокейнсианского и кейнсианского толка: [Meister 1991].

руки²². Согласно правилам золотого стандарта, в условиях, когда в соответствии с планом Янга Германия ежегодно выплачивала по 2 млрд рейхсмарок, а международные рынки капитала всё более нервно относились к германским займам, единственным выходом оставалась дефляция²³. Это повлекло за собой огромные политические издержки. В апреле — июле 1930 г. германская парламентская система раскололась в ходе борьбы вокруг дефляционного пакета Брюнинга. Для того чтобы ввести крайне непопулярный избирательный налог, Брюнинг, согласно статье 48 Веймарской конституции, 16 июля 1930 г. впервые воспользовался чрезвычайными полномочиями. После изданного 26 июля указа о всеобъемлющих чрезвычайных мерах последовали новые сокращения бюджета и повышения налогов. На фоне краха всемирной торговли и неумолимого давления делового цикла экономика страны вошла в пике. В июне 1930 — феврале 1931 гг. число безработных выросло на 2,1 млн человек, что вдвое превышало обычный сезонный прирост. На всеобщих выборах в сентябре 1930 г. национал-социалисты Гитлера добились оглушительного электорального прорыва, получив уже не 2,5%, а 18,3% голосов, которые принесли им 107 депутатских мандатов и сделали их второй по величине партией в Рейхстаге. Из-за последовавшего бегства капитала Рейхсбанк лишился трети своих резервов и был вынужден ещё сильнее поднять учётную ставку [Hardarch 1976: 120–121]. Но в то же время дефляционная стратегия позволила добиться поставленной цели. Торговый дефицит, составлявший в 1928 г. 2,9 млрд рейхсмарок, к 1931 г. превратился в торговый профицит в 2,8 млрд рейхсмарок (см. таблицу П.1 в приложении). Однако причиной этого профицита был не рост экспорта, а тот факт, что вследствие депрессии спрос на импортируемые товары падал ещё быстрее, чем продажи немецких товаров за рубежом. По мере того как закрывались заводы, а германское общество поражали безработица и бедность, спрос на зарубежное сырье и потребительские товары резко сократился. Это был жестокий процесс адаптации, но Германия следовала обычным требованиям, продиктованным механизмом золотого стандарта. В награду за это Брюнинг в октябре 1930 г. получил промежуточный кредит в 125 млн долларов, организованный для него фирмой Lee, Higginson and Co. из Нью-Йорка [Wala 2001: 158–166].

Если у правительства Брюнинга в 1930 и начале 1931 гг. имелось пространство для манёвра, то лишь в сфере внешней политики, а не экономики, и оно воспользовалось этим пространством самым пагубным образом [Kueger 1985: 507–551]. Вместо того чтобы следовать применявшейся в 1920-х гг. формуле Штреземана, сочетавшего экономические обязательства с осторожной дипломатией, Брюнинг и Юлиус Куртиус, соблюдая финансовые положения плана Янга, придерживались внешнеполитической риторики, позаимствованной у правых националистов. Первым элементом новой германской политики стало решение о постройке двух новых крейсеров, несмотря на отчаянное финансовое положение страны. Вторым и третьим элементами являлись предложение о создании австро-германского таможенного союза и все более инициативная немецкая политика в Центральной и Юго-Восточной Европе, нашедшая выражение в попытках заключить эксклюзивные двусторонние торговые соглашения с Венгрией и Румынией. Все три зубца этой стратегии были нацелены на Францию. Это логически вытекало из предшествовавшего отрицательного ответа Брюнинга на выдвинутое Брианом предложение об укреплении франко-германского экономического сотрудничества. Но момент для таких действий был выбран исключительно неудачно. На протяжении 1920-х гг. германская политика исходила из того, что хотя Франция представляет собой главную военную угрозу для Германии, в финансовом смысле она является третьестепенной державой, несопоставимой с США и Великобританией²⁴. Однако к 1931 г. такая точка зрения означала серьёзное непонимание соотношения сил в международной финансовой системе. После стабилизации франка в 1926 г. французский центральный банк приступил к система-

²² О констатации этого факта см.: [Borchardt 1982: 165–182]; см. также: [Eichengreen 1992: 230–246].

²³ По вопросу о том, были ли международные рынки капитала после принятия плана Янга абсолютно закрытыми для Германии, мнения расходятся; ср.: [Ritschl 2002: 105–120; Ferguson, Temin 2003: 1–53]. Сжатие рынка, несомненно, было достаточным для принятия серьёзных внутренних мер.

²⁴ О пренебрежительном отношении Шахта к Франции см.: [Houwink ten Cate 1987].

тическому накоплению золота. К 1931 г. его золотой запас существенно превышал запас Английского банка и даже приближался к запасам Федерального резерва США. Достоин внимания то, что в начале 1931 г. Бриан повторил попытку сблизиться с Германией, предложив открыть парижский рынок капитала для долгосрочных германских займов с целью содействовать Брюнингу в выполнении плана Янга. В ответ на это правительство Брюнинга 21 марта 1931 г. публично огласило предложение об австро-германском таможенном союзе, отрезав все пути к франко-германскому экономическому сотрудничеству.

Своей агрессивной внешней политикой Брюнинг ещё больше сузил себе пространство для экономического манёвра²⁵. В отсутствие возможностей для получения внешних займов Брюнингу не оставалось ничего иного, кроме как пойти на ещё один болезненный раунд дефляции. А для того чтобы сделать её приемлемой для отечественного электората, требовались немедленные шаги к ускоренному пересмотру плана Янга, поэтому 6 июня 1931 г., наряду со вторым чрезвычайным дефляционным указом, Брюнинг выдвинул агрессивное требование об отмене репараций [Winkler 1993: 404–414]. Именно этот ход стал началом катастрофы. Финансовые рынки ещё с марта испытывали беспокойство из-за зловещего возрождения германского национализма. Но, несмотря на банковский кризис в Австрии, не происходило «набегов» ни на немецкие банки, ни на немецкую валюту²⁶. Толчком к кризису послужила дальнейшая эскалация международных трений, вызванная действиями Брюнинга. В течение нескольких часов после агрессивного коммюнике германского правительства мировые финансовые рынки охватил страх, что Брюнинг объявит односторонний мораторий как на репарации, так и на обязательства Германии перед частными кредиторами. За следующую неделю резервы Рейхсбанка сократились с 2,6 млрд до 1,9 млрд рейхсмарок. Несмотря на шокирующий рост процентных ставок, объёмы резервов неумолимо сокращались, приближаясь к минимальному уровню, требовавшемуся для «золотого обеспечения» валюты. К 17 июня, когда газеты вышли с заголовками о проблемах банков DaNat-Bank и Dresdner Bank, Рейхсбанк уже столкнулся с полномасштабным валютным кризисом. Более того, внешняя финансовая ситуация Германии была настолько тяжёлой, что 20 июня президент Герберт Гувер был вынужден пойти на беспрецедентно резкое вмешательство.

Базовая логика атлантистской стратегии продолжала действовать и в начале лета 1931 г., несмотря на то, что ситуация в Германии становилась критической²⁷. Неверно оценив реакцию Франции, администрация Гувера в ответ на резкий поворот внешней политики Брюнинга к национализму придерживалась поразительно слабой линии [Costigliola 1984: 235–238]²⁸. Вместо того чтобы резко раскритиковать предложение о таможенном союзе, Вашингтон демонстрировал готовность рассматривать его как первый шаг на пути к европейской экономической интеграции. Осенью 1931 г. Госдепартамент США даже выразил неудовольствие по поводу того, что Франция и Польша не спешат отвечать на озабоченность Германии вопросом своих восточных границ. Но что самое главное, 20 июня 1931 г., в ответ на разговоры о неминуемом моратории по долгам Вашингтон наконец-то согласился увязать репарации с военными долгами союзников [Ritschl 2002: 150–151; Wala 2001: 169–179]. В интересах защиты американских займов, выданных Германии, Гувер предложил объявить всеобщий мораторий как на германские «политические платежи», так и на военные долги союзников, тем самым расчистив путь к формальной отмене германских обязательств по репарациям, объявленной год спустя на Лозаннской конференции [Heyde 1998: 200–224]. Однако в июне 1931 г. французы не были склонны к

²⁵ См.: [Ferguson, Temin 2003].

²⁶ См.: [Hardach 1976: 126–131], где этот момент был впервые отмечен; см. также: [Ferguson, Temin 2003], где то же было дополнительно подчёркнуто.

²⁷ Как отмечают исследователи, Брюнинг мог бы объявить мораторий Гувера триумфом германской внешней политики: [Winkler 1993: 415].

²⁸ Об американской политике в Берлине с декабря 1930 по июль 1931 гг. см.: [Burke 1994: 113–144].

уступкам. Гувер не провёл предварительных консультаций с французами. Париж, возмущённый тем, что США поставили интересы своих кредиторов, выдававших долгосрочные займы, выше французских требований о репарациях, протянул с одобрением моратория до 6 июля. Этого хватило для того, чтобы германская финансовая система потеряла сотни миллионов рейхсмарок в зарубежной валюте. Именно в этот решающий период банковский и валютный кризисы слились воедино, что имело фатальные последствия. В понедельник 13 июля произошло банкротство DaNat-Bank, и население бросилось снимать деньги в другие банки [Feldman 1995: 240–276]. Кабинет министров и Рейхсбанк были вынуждены приостановить работу германской финансовой системы, а 15 июля объявить о новой системе валютного контроля, покончившей со свободным функционированием золотого стандарта в Германии [Hardach 1976: 139]. Золотое содержание рейхсмарки номинально осталось прежним. Однако с лета 1931 г. запасы иностранной валюты, находившиеся в частном владении, подлежали в Германии национализации. Любой резидент, каким-либо образом получивший иностранную валюту, был обязан обменять её в Рейхсбанке на рейхсмарки. Всякий, кто нуждался в иностранной валюте, мог получить её лишь по заявке, поданной в Рейхсбанк, и выдача валюты по таким заявкам была строго ограничена. Импортёры получали иностранную валюту в количествах, соответствовавших фиксированной доле от объёма их зарубежных трансакций на протяжении 12 месяцев, предшествовавших кризису. Таким образом, Рейхсбанк получил возможность контролировать весь импорт. В августе последним штрихом кризиса стало так называемое соглашение о моратории, по которому мораторий на германские репарации распространялся на германские краткосрочные кредиты — самый нестабильный элемент в немецкой «горе долгов» [Heyde 1998: 255–264]²⁹.

Но на этом буря не утихла. Следующей жертвой волны финансовой нестабильности, накрывшей Европу, после Вены и Берлина стал Лондон: 20 сентября, после нескольких недель яростной атаки спекулянтов на фунт стерлингов, Великобритания вслед за Германией отменила золотой стандарт [The Economist 1931a: 547–548]. Однако Английский банк, в отличие от Рейхсбанка, предпочёл покончить с золотым стандартом, не приостановив свободную конвертируемость национальной валюты, а отказавшись от фиксированной привязки фунта к золоту. Фунт стерлингов по-прежнему можно было свободно продавать и покупать, но его стоимость уже не обеспечивалась золотом. За несколько недель ведущая мировая торговая валюта рухнула относительно рейхсмарки на 20%. Глобальная финансовая система лишилась якоря. Отказ Великобритании от золотого стандарта превратил суровую рецессию в глубокий кризис международной экономики. К концу сентября 12 стран вслед за Великобританией пустили свою валюту в свободное плавание. Ещё 11 стран девальвировали обменный курс своих валют, сохранив привязку к золоту. Те же, кто, подобно Германии, Франции и Нидерландам, придерживался прежнего курса национальной валюты к золоту, были вынуждены защищать свой платёжный баланс, введя драконовские ограничения на конвертируемость валюты и торговлю ею. Таким образом удавалось контролировать объёмы импорта. Но при этом германские экспортёры столкнулись с колоссальными препятствиями. Поскольку большинство важнейших торговых конкурентов Германии благодаря девальвации валюты получили серьёзные конкурентные преимущества, объём германского экспорта в 1931–1932 гг. упал ещё на 30%. С трудом завоёванный торговый профицит, составлявший в 1931 г. 2,8 млрд рейхсмарок, через год сократился до нескольких сотен миллионов рейхсмарок, но даже этот неустойчивый баланс удавалось поддерживать лишь при помощи дальнейшего драконовского сокращения импорта. К весне 1932 г. твёрдая валюта стала доступна для германских импортёров в объёмах, составлявших половину докризисных [Der Deutsche Volkswirt 1932a: 869, 875].

Очевидный способ облегчить положение Германии заключался в том, чтобы девальвировать рейхсмарку и восстановить её прежний курс по отношению к фунту стерлингов [Schiemann 1980: 166–292;

²⁹ «Соглашение о моратории» также ставило на первое место интересы американских кредиторов, выдававших краткосрочные займы [Ritschl 2002: 154–156].

Borchardt 1982a: 206–224; Heyde 1998: 280–296]. Более того, Английский банк уже летом высказывался в пользу девальвации рейхсмарки как самого эффективного ответа на банковский и валютный кризис³⁰. Не следует думать, будто соответствующие должностные лица в Германии и слышать не хотели о такой мере. Брюнинг впоследствии утверждал, что надеялся осуществить 20-процентную девальвацию после того, как минует острая фаза кризиса и Германия накопит достаточные резервы зарубежной валюты для того, чтобы гарантированно поддерживать новый курс рейхсмарки [Schiemann 1980: 188, 207–214]. В сентябре 1931 г. Ялмар Шахт выражал надежду на то, что Германия сумеет воспользоваться британскими затруднениями, чтобы добиться торговых и кредитных уступок при сохранении привязки рейхсмарки к фунту стерлингов. Однако с такой стратегией были связаны серьёзные риски, в чём Рейхсбанк хорошо отдавал себе отчёт. В общественном сознании девальвация была неотъемлемо связана с опытом гиперинфляции. В 1922–1923 гг. падавший на глазах курс рейхсмарки к доллару служил ежедневным напоминанием о бедственном положении Германии. Едва ли стоит удивляться тому, что немецкие экономисты и финансовые аналитики запугивали себя сценарием, в соответствии с которым серьёзная девальвация должна была резко повысить стоимость импорта, приведя к инфляции. Рейхсбанк, несомненно, беспокоился о том, что ограниченные резервы валюты сделают его беззащитным в случае спекулятивной атаки на девальвированную германскую валюту. Однако в итоге решающим фактором стало влияние девальвации на стоимость германского внешнего долга. Его основная часть была деноминирована в иностранной валюте. Соответственно снижение стоимости рейхсмарки немедленно привело бы к росту выраженных в рейхсмарках долговых обязательств Германии. Хотя Английский банк приветствовал германскую девальвацию, США чётко дали понять, что хотят, чтобы Германия обслуживала свои долгосрочные займы и в то же время защищала свой платёжный баланс при помощи мер валютного контроля³¹. После того как президент Гувер, наконец, высказался по вопросу о репарациях и даже намекнул на то, что мог бы поддержать претензии Германии к Польше, Берлин ещё раз сделал выбор в пользу атлантистской стратегии. Правительство канцлера Брюнинга рассчитывало, что рано или поздно (скорее, рано) американские действия, связанные с военными долгами, заставят Великобританию и Францию пойти на отмену репараций. А это, как уверенно ожидал Брюнинг, должно было проложить путь к нормализации политических и экономических отношений в Европе [Mommsen 1991: 119–140]. Однако прошло 12 катастрофических месяцев, прежде чем в Лозанне была заключена сделка. Между тем перспективы германской экономики выглядели всё более мрачными.

Брюнинг, вынужденный сохранять привязку к золоту из-за американских займов, но столкнувшийся с девальвацией большинства валют, в которых осуществлялась германская торговля, не имел иного выхода, кроме очередного раунда дефляции, и пошёл на него: четвёртый президентский чрезвычайный указ от 8 декабря 1931 г., запретив ношение партийной формы и политические демонстрации, также предусматривал обязательное сокращение ставок заработной платы, жалованья, цен и процентных ставок, за которым последовали дальнейшее сокращение государственных расходов и повышение налогов [Winkler 1993: 435–437]. Как писал журнал «The Economist», такое покушение на «экономические свободы не имело аналогов за пределами СССР» [The Economist 1931c: 1115]. В качестве своего комиссара по дефляции Брюнинг избрал ультраконсервативного мэра Лейпцига Карла Герделера, немедленно приступившего к выполнению активно рекламировавшейся кампании экономии [Gillmann, Mommsen 2003: 179–183, 214–232, 240–247]. Однако угрозы краха Германии эта кампания не отменяла. Число безработных превысило 6 млн человек, и крупные сектора экономики ожидало неминуемое банкротство. Инфляция была пугалом для немецкого общества. Несомненно, непосредственное влияние дефляции на экономику было пагубным; в первую очередь из-за её влияния на бухгалтерские балансы. В то время как доходы и выручка сокращались одновременно с дефляцией цен и заработков, долговые,

³⁰ См. подробнее: [The Economist 1931b: 613].

³¹ О роли Америки при подталкивании Германии к валютному контролю см.: [Ritschl 2002: 153–154]. Против каких-либо подобных шагов выступала и Франция; см.: [Schiemann 1980: 195–200].

ипотечные и прочие финансовые обязательства оставались на высоких докризисных уровнях. Зимой 1931/1932 г. банкротства начали подрывать основы германского бизнеса. После летнего кризиса 1931 г. все крупные банки находились под контролем государства. Произошёл ряд громких банкротств в страховом деле и в машиностроении. С трудом держалась AEG — одна из главных германских электротехнических фирм. Кризиса удалось избежать лишь крупнейшему европейскому стальному и угольному конгломерату Vereinigte Stahlwerke благодаря тому, что государство приобрело большой пакет его акций, прежде принадлежавших Фридриху Флику. Как говорил своему однопартийцу министр финансов Герман Дитрих, «я не собирался национализировать половину Рура <...> но угроза того, что иностранные круги скупают акции, и тот факт, что банкротство <...> задело бы <...> Stahlverein, а это, в свою очередь, потрясло бы с таким трудом восстановленную структуру германских банков, не оставляли мне выбора <...>» (цит. по: [Reckendrees 2000: 471–507]).

Перед лицом надвигающейся экономической катастрофы развалился «дефляционный консенсус», на который опирался Брюнинг в течение первых 18 месяцев своего канцлерства [Feldman 1994: 703–718]. Роль застрельщика при этом снова сыграл Ялмар Шахт. На протяжении 1930 г. и в начале 1931 г. он удерживался от открытой критики в адрес правительства Брюнинга; возможно, в надежде вернуться на свою прежнюю должность в составе консервативно-националистической коалиции. После летних катастроф 1931 г. Шахт отказался от этой сдержанности, выступив на съезде националистических сил, проходившем в Бад-Харцбурге, с резким обличением бесхребетности репарационной политики Брюнинга³². Шахт заявил, что обновление Германии — вопрос не партийных политических программ и даже не вопрос ума. Это вопрос «личности». И Шахт уже не делал тайны из того, откуда он ожидал этого нравственного возрождения. Главными организаторами съезда были Гугенберг и НННП. Но на первые полосы газет попало появление Шахта на трибуне Харцбурга рядом с Адольфом Гитлером³³.

IV

Националистический поворот в германской внешней политике, произошедший в 1930–1931 гг., несомненно, был катастрофически несвоевременным. Тем не менее мораторий Гувера и стремление американцев покончить с репарациями означали, что атлантистская программа в известном смысле пришла к логическому завершению. В обычных условиях дальнейшее существование трансатлантической финансовой оси, конечно, оставалось бы привлекательным вариантом для Германии. Однако крах американской экономики и решение британцев отказаться от золотого стандарта потрясли финансовые предпосылки, на которых основывалась политика Штреземана. Единство и взаимозависимость мировой экономики, отнюдь не будучи самоочевидной исторической необходимостью, оказались под очень большим вопросом. Разумеется, и внутри Германии, и за ее пределами раздавались голоса, призывавшие к конструктивным усилиям по перестройке основ международного порядка³⁴. Но в условиях глобальной экономической катастрофы многим казалось, что на самом деле проблемой является сама международная экономическая взаимозависимость [James 2001: 187–199]. Теперь намного большим доверием пользовались националистические идеи — проекты будущего, в котором глобальные финансовые связи не оказывали решающего влияния на судьбы наций [Teichert 1984]. Четыре ключевых элемента этой националистической повестки дня вышли на передний план ещё до того, как Гитлер пришёл к власти. В массовом историческом сознании и в исторической литературе широко укорен-

³² Тогда же, в октябре 1931 г., с Брюнингом порвало и правое крыло НЛП, бывшей партии Штреземана; см.: [Winkler 1993: 430–432].

³³ Об аплодисментах в адрес Гитлера и Шахта см.: [Schulz 1980: 341]. О сенсации, которую вызвало выступление Шахта, см.: [Schulthess' Europaeischer Geschichtskalender 1932: 224–229].

³⁴ Либеральные силы по-прежнему сплывались вокруг журнала Густава Штольпера «*Der Deutsche Volkswirt*»; см., например, обзор последних публикаций Фердинанда Фрида: [Der Deutsche Volkswirt 1933b: 437–438].

нилось предубеждение, согласно которому действительно важным нововведением в экономической политике Третьего рейха по сравнению с экономической политикой Веймарской республики стало начавшееся после 1933 г. срочное осуществление программ национального возрождения и создания рабочих мест³⁵. Грубо говоря, считается, что Генрих Брюнинг сделал своим фетишем дефляцию. И напротив, важнейшую роль в пропаганде гитлеровского режима играли создание рабочих мест и борьба с безработицей. В свете происходившей почти в то же самое время «кейнсианской революции» в экономике этот контраст между тем, что было до и после 1933 г., наделяется ещё большим историческим значением. С точки зрения как немецких, так и зарубежных кейнсианцев, крах Веймарской республики навсегда останется самым выразительным примером последствий, вытекающих из избыточной веры в возможности свободного рынка к самоисцелению: эта риторическая связь активно использовалась во время затяжных арьергардных сражений кейнсианцев с интеллектуальными силами «новых правых» в 1970–1980-х гг.³⁶ Историю Германии в 1929–1933 гг. можно трактовать именно в этом плане. Но если мы хотим разобраться в природе гитлеровского режима, избегая этой анахронистической точки зрения, то акцент на создании рабочих мест как ключ к пониманию нацистской экономической политики представляется неуместным. Фактически создание рабочих мест в качестве темы обширных дискуссий на правом крыле германской политики всплывает лишь во второй половине 1931 г. Нацистская партия сделала создание рабочих мест ключевым пунктом своей программы только в конце весны 1932 г., и оно сохраняло этот статус всего 18 месяцев, до декабря 1933 г., когда расходы на создание рабочих мест в гражданском секторе были формально удалены из списка приоритетов гитлеровского правительства. Несмотря на заявления геббельсовской пропаганды и интерес позднейших комментаторов и историков к этой теме, меры по созданию рабочих мест в гражданской экономике явно не занимали главного места в повестке дня националистической коалиции, захватившей власть в январе 1933 г. По сути, этот вопрос служил предметом самых серьёзных разногласий между партнёрами по январской коалиции 1933 г.³⁷ Против экономических мер, финансируемых за счёт кредитов, яростно выступал Гугенберг, глава НННП и незаменимый партнёр Гитлера по коалиции. К созданию рабочих мест также с подозрением относились близкие к Нацистской партии деловые и банковские круги, нашедшие по данному вопросу активного сторонника в лице Ялмара Шахта. Совсем иначе обстояло дело с тремя приоритетными темами, действительно объединявшими правых националистов и сделавшими возможным создание гитлеровского правительства 30 января 1933 г., — перевооружением, отказом от внешних долгов Германии и спасением немецкого сельского хозяйства. Именно они находились на первом месте в повестке дня правых ещё с 1920-х гг. После 1933 г. их осуществление было объявлено приоритетным — при необходимости даже за счёт создания рабочих мест. Водоразделом между Веймарской республикой и Третьим рейхом стали шаги, предпринятые Гитлером для решения именно этих вопросов.

Разоружение и международные финансы были связаны друг с другом ещё с 1920-х гг. Но в 1932 г. в последней отчаянной попытке найти мирное решение европейских проблем администрация президента Гувера ещё более тесно увязала их друг с другом³⁸. К концу 1931 г. все стороны согласились с тем, что отмена репараций зависела от списания американцами французских и британских военных долгов. На практике этот консенсус нашёл отражение в чрезвычайном моратории 1931 г. Однако Гуверу по-прежнему требовалось получить согласие Конгресса на списание долгов, а для этого нужно было достичь каких-либо подвижек по вопросу о разоружении. То, что Франция и Великобритания мог-

³⁵ См.: [Silverman 1998] в названии работы: «Гитлеровская экономика. Нацистские программы по созданию рабочих мест, 1933–1936».

³⁶ Возможно, такая связь наиболее заметна в генеалогии немецкого кейнсианства, описанной в пятитомном издании: [Bombach et al. 1976–1984]; см. также: [Peter, Stewart 1987].

³⁷ О том, что Шахт в августе 1932 г. предостерегал Гитлера от каких-либо чересчур конкретных заявлений по экономической политике, см.: [ИМТ 1946-7: II, ЕС-456, 513-14].

³⁸ О взаимосвязи между тремя конференциями см.: [Geyer 1980: 236–244; Costigliola 1984: 218–261; Clavin 1996].

ли использовать финансовую поблажку, полученную от Америки, для увеличения военных расходов, было абсолютно неприемлемо, поэтому в начале 1932 г. американцы одновременно созвали две конференции: в Женеве — по разоружению и в Лозанне — по «политическим» долгам. Роль третьей трибуны играли затянувшиеся приготовления к международной конференции по глобальной экономике, которая должна была рассмотреть проблему расстройств мировой финансовой системы и вредного усиления международного протекционизма. В 1920-х гг. перед лицом предыдущих попыток Америки внести изменения в мировой порядок, Штресман положил в основу своей стратегии стремление закрепить за Германией роль ключевого союзника США. Напротив, начиная с 1932 г. правительства Франца фон Папена, генерала Курта фон Шлейхера и, наконец, Адольфа Гитлера занимали диаметрально противоположную позицию. Вместо того чтобы искать источник процветания и безопасности в многосторонних соглашениях, соблюдение которых гарантировалось бы мощью Соединённых Штатов, они стремились добиться для Германии односторонних преимуществ — при необходимости даже путём противодействия усилиям Америки по восстановлению международного порядка³⁹.

Тайная подготовка к перевооружению Германии продолжалась в течение всех 1920-х гг., но никогда не принимала действительно угрожающего размаха [Geuer 1976: 239–268; 1983: 101–123]. Штресман неизменно принимал меры к тому, чтобы подпольная деятельность военных не ставила под удар его главную цель — добиться вывода французских войск с немецкой земли и существенного снижения репараций. Уход последних иностранных войск из Рейнской области летом 1930 г. создал условия для более конкретных решений. Брюнинг отдавал явное предпочтение графику, при котором германская армия — рейхсвер — должна была начать перевооружение сразу после снятия вопроса о репарациях. К декабрю 1931 г. рейхсвер окончательно принял второй так называемый план перевооружения (*Ruestungsplan*), предусматривавший расходы в объёме немногим более 480 млн рейхсмарок в течение пяти лет [Geuer 1975: 125–172]. Согласно этому плану, Германия в случае нападения получала возможность выставить оборонительные силы в количестве 21 дивизии, оснащённые небольшим количеством артиллерии, танков и самолётов. Более амбициозный вариант этого плана, известный как «программа на миллиард рейхсмарок» («*Milliardenprogram*»), предполагал дополнительные расходы на создание промышленной инфраструктуры, требовавшейся для постоянного содержания этих сил. Однако, поскольку эти планы не требовали увеличения численности рейхсвера по сравнению со штатами мирного времени, они (по крайней мере, формально) не нарушали условий Версальского договора. На протяжении 1932 г. благодаря росту влияния генерала Шлейхера в германской политике планы рейхсвера становились все более смелыми и срочными. Во второй половине 1932 г. руководство рейхсвера задумалось о резком увеличении его численности в мирное время, что являлось открытым нарушением Версальского договора. План реорганизации, утверждённый Шлейхером 7 ноября 1932 г., предусматривал создание постоянной армии размером в 21 дивизию, кадровым ядром которой должны были стать 147 тыс. профессиональных военнослужащих, и значительного ополчения. Осенью 1932 г. немецкая делегация на женевских переговорах о разоружении временно покинула конференцию в попытке принудить Францию и Великобританию к признанию равноправного статуса Германии: любые договорённости должны были в равной мере распространяться на всех участников. Однако Шлейхер, в декабре 1932 г. ставший канцлером, по-прежнему воздерживался от полного разрыва с международным сообществом. Добившись согласия на соблюдение принципа равенства с другими державами, немцы вернулись в Женеву. Тем не менее за спиной у Шлейхера стояла более агрессивная когорта генералов, включая Вернера фон Бломберга, призывавшего к одностороннему перевооружению в открытом порядке. Более того, практические проблемы перевооружения диктовали собственный график. Великая депрессия все сильнее сказывалась на состоянии германского машиностроения. Казалось, что если государство в ближайшее время не выделит существенных средств, те промышленные мощности,

³⁹ Кратко, но информативно об этой проблеме см.: [Sirois 2000: 51–59].

от которых в конечном счёте зависело перевооружение, вскоре могли быть утрачены⁴⁰. Именно это имело в виду правительство генерала Шлейхера, первым прибегнув к созданию рабочих мест — как к средству скрыть военные расходы от иностранных наблюдателей, так и к способу объединить немецкий народ при помощи программы перевооружения.

В строго экономическом плане ключевым моментом, определявшим повестку дня германского национализма начиная с принятия плана Дауэса в 1924 г., было не создание рабочих мест, а отказ от международных обязательств Германии — сперва от репараций, а затем от международных кредитов, которые брались с начала 1920-х гг., чтобы выплачивать репарации. Как мы видели, вплоть до 1932 г. эта логика диктовала необходимость держаться за США. План Янга по крайней мере предполагал снижение ежегодных выплат, а какую-либо надежду на полную отмену репараций давала только позиция США. Ультранационалисты поэтому оставались в меньшинстве, а выполнение обязательств по-прежнему служило краеугольным камнем серьёзной государственной политики. Однако к осени 1932 г. ситуация заметно изменилась. В июле 1932 г. на лозаннской конференции по репарациям Великобритания и Франция согласились на сделку, де-факто положившую конец германским репарационным платежам [Clavin 1996: 30–59; Heyde 1998: 408–455]. Существенно то, что при этом, вопреки пожеланиям американцев, они увязали аннулирование всех германских обязательств со списанием своих военных долгов перед Америкой. Британия произвела последнюю выплату по американским военным долгам в декабре 1932 г., но лишь после того, как США заявили протест. Франция, Бельгия, Польша, Эстония и Венгрия просто объявили себя неплатёжеспособными. Премьер-министр Франции Эдуар Эррио, выступавший за выполнение французских обязательств, потерпел сокрушительное поражение в парламенте. Америка была уже не в состоянии быть арбитром в европейских конфликтах. И это имело самые серьёзные последствия для немецкой стратегии.

В январе 1933 г. Германия всё ещё была должна зарубежным кредиторам 19 млрд рейхсмарок, из которых 10,3 млрд приходились на долгосрочные обязательства, а 4,1 млрд — на краткосрочные займы, покрывавшиеся «соглашением о моратории» [Harris 1935]. По крайней мере 8,3 млрд рейхсмарок из этой суммы составлял долг перед крупнейшим кредитором — Соединёнными Штатами. Это долговое бремя, сократившееся с 1924 г., представляло собой не менее серьёзную угрозу для уровня жизни немецкого народа, чем репарации, к тому моменту уже снятые с повестки дня. В процессе обслуживания долга Германия ежегодно должна была переводить за границу проценты и часть основного долга на общую сумму, приближавшуюся к 1 млрд рейхсмарок, а с учётом недоступности новых кредитов в 1930-х гг., в отличие от 1920-х, перед Германией вставала перспектива производить «реальные платежи». Она не могла расплачиваться с кредиторами, просто делая новые займы. Для того чтобы Германия имела возможность обслуживать свой долг, ее экспорт должен был превышать импорт по крайней мере на 1 млрд рейхсмарок. Это означало существенное снижение уровня жизни. Кроме того, после прекращения репараций почти половина обременительных выплат Германии в счёт обслуживания долга доставалась одной-единственной стране — Соединённым Штатам. Поскольку Германия всё ещё нуждалась в поддержке Америки для того, чтобы заставить Великобританию и Францию отменить репарации, Берлин был заинтересован в сотрудничестве с Вашингтоном, несмотря на тяжёлое бремя американских долгов и на ничтожные шансы получения новых кредитов. После заключения Лозаннского соглашения о репарациях, когда Франция и Великобритания вступили в ожесточённый конфликт с США из-за своих военных долгов, необходимость в этом сотрудничестве отпала. Да и в случае дефолта Германии не приходилось слишком опасаться американских торговых санкций. Баланс трансатлантической торговли был крайне невыгоден для Германии. В этом отношении усилия США по достижению европейской стабилизации заключали в себе фундаментальное противоречие⁴¹. Американские

⁴⁰ О поддержке, оказываемой военными фирмам, находившимся в сложном положении, см.: [Hansen 1978: 179–185].

⁴¹ Это чётко прочитывалось и в докладе Лейтона о ситуации в Германии в августе 1931 г.; см.: [Winkler 1993: 420].

таможенные тарифы, превышавшие 44%, усиливали американские конкурентные преимущества почти во всех отраслях промышленности. Одновременно они фактически лишали американских должников возможности расплатиться, даже если те этого хотели. После отмены репараций это противоречие, скрывавшееся в американской внешнеэкономической политике, дало германским националистам готовый предлог для объявления дефолта. Разумеется, это был не единственный исход, к которому могла привести ситуация в Германии. Агрессивные односторонние шаги и дефолт не были предопределены. В 1920-х гг. Штресеман стремился превратить Германию в ведущего защитника многосторонней свободной торговли, и эту линию с энтузиазмом поддерживали по крайней мере экспортоориентированные отрасли⁴². В конце концов, во времена процветания Германия была одной из ведущих торговых наций мира, отправляя свои товары буквально во все уголки земного шара. В 1932–1933 гг. уже шли предварительные переговоры о проведении в Лондоне Всемирной экономической конференции, на которой ключевым вопросом должны были стать тарифы [Clavin 1996: 61–80]. У Германии ещё оставалась возможность сыграть позитивную роль проводника либерализации, а не националистического распада мира на отдельные экономики. Однако к 1932 г. либеральные голоса утонули в шуме и гаме экономического национализма. Более того, в условиях краха золотого стандарта даже ассоциация промышленников страны с большим трудом поддерживала консенсус в отношении многосторонней свободной торговли. И атаку националистов на этом фронте снова возглавил бывший президент Рейхсбанка Ялмар Шахт. В конце 1931 г. он выложил перед несколькими ведущими промышленниками Германии новый торговый план [Neebe 1981: 122–126; Dengg 1986: 386–387]. В соответствии с этим планом в стране предполагалось создать организацию наподобие той, что существовала во время Первой мировой войны, и с её помощью осуществлять централизованный контроль над всем германским импортом. В дальнейшем эти меры можно было использовать для того, чтобы принудить страны, поставлявшие в Германию свои товары, к принятию германского экспорта по крайней мере в равных количествах. План Шахта наносил ущерб сложным многосторонним отношениям Германии, поэтому он получил поддержку лишь у немногих немецких промышленников. Однако среди аграриев враги либерализма нашли больше активных сторонников.

В той степени, в которой экономические интересы отвечали за крах Веймарской республики и создание гитлеровского правительства, пришедшего к власти 30 января 1933 г., основная вина лежала не на крупном бизнесе и даже не на тяжёлой промышленности, а на ожесточившихся немецких фермерах [Kershaw 1998: 414]. Либерализм ещё с 1870-х гг. лишился поддержки в деревне⁴³. Бисмарк в 1879 г. заручился расположением аграриев, установив первую серьёзную пошлину на зерно. Это не привело к упадку сельского хозяйства, но существенно замедлило перестройку общества и внутренние миграции — при бездействии государства эти процессы протекали куда более болезненно. В середине XIX века половина немецких трудящихся была занята в сельском хозяйстве. К 1925 г. эта доля сократилась до 25%, но это всё равно означало, что сельское хозяйство служило непосредственным источником средств к существованию для 13 млн человек, поэтому голоса аграрного лобби были очень важны для всех политических партий, кроме социал-демократов и коммунистов, не имевших привлекательной аграрной программы. Однако к концу 1920-х гг. респектабельные правоцентристские партии теряли поддержку в аграрных кругах по мере того, как немецкое сельскохозяйственное сообщество проникалось всё более радикальными настроениями, вызванными общемировым обрушением товарных цен [Pyta 1996: 203–233]. В результате аграрное лобби стало требовать не только всё более серьёзной протекции и списания долгов, но и принципиального поворота в германской торговой политике. Поскольку пошлины оказались неэффективной мерой защиты против конкуренции со стороны дешёвых

⁴² В отсутствие принципиального решения в пользу низких тарифов возникло болезненное противостояние между сельским хозяйством и работающей на экспорт промышленностью, которое удалось преодолеть рядом неловких временных мер, благодаря которым низкие тарифы сохранялись по крайней мере до 1929 г.; см.: [Stegmann 1977: II. 499–513; Spaulding 1997: 123–137].

⁴³ О развитии немецкого протекционизма в европейском контексте см.: [Tracy 1989].

товаров, аграрии настаивали уже на введении специальных квот, призванных ограничить импорт важнейших сельскохозяйственных товаров в Германию из конкретных стран [Voelcke 1994: 17–20]. Либерально мыслящие немцы всегда возражали против сельскохозяйственных тарифов. Более того, новые предложения, предусматривавшие дискриминацию отдельных торговых партнёров, угрожали полностью разрушить систему многосторонней торговли. Тем не менее нельзя отрицать того, что чрезвычайные меры, принятые в июле 1931 г., указывали именно на это. В конце концов, введённая Рейхсбанком новая система ограниченной выдачи зарубежной валюты являлась именно тем механизмом, который требовался для контроля за структурой германского импорта⁴⁴. Но в том, что касалось квот, Брюнинг оставался непреклонен. Его правительство щедро оказывало поддержку сельскому хозяйству во всех других отношениях, но по вопросу о квотах не желало идти на компромиссы [Petzina 2000: 10–45]. В этом отношении и Папен, и Шлейхер следовали примеру Брюнинга. Папен, в принципе одобряя квоты, был согласен на них лишь в пределах, «не нарушающих действующих торговых соглашений», а после того, как правительство Папена пало, со стороны Шлейхера не последовало никаких решительных действий [Spaulding 1997: 222–233]. Однако из-за этого аграрное лобби встало в открытую оппозицию к республике⁴⁵. В начале 1933 г. ключевые вожди аграрного лобби решительно подступились к президенту Паулю фон Гинденбургу, который сам был крупным землевладельцем, с целью заставить его признать коалицию между НННП Гугенберга и НСДАП Гитлера. Аграрии, подобно сторонникам дефолта по долгам и перевооружения, хотели видеть во главе страны такое правительство, которое в одностороннем порядке претворяло бы в жизнь их концепцию немецких национальных интересов и заставило соседей и торговых партнеров Германии согласиться на его условия.

V

Враги либерализма в Германии явно поднимали голову. К 1932 г. ущерб, нанесённый парламентской системе, вполне мог оказаться непоправимым, вследствие чего Веймарскую республику почти наверняка сменил бы какой-нибудь авторитарный националистический режим. В конце концов, в 1932 г. и канцлером, и президентом республики в Германии были генералы. Но чем больше становится известно о закулисных манёврах, окончившихся тем, что 30 января 1933 г. канцлером стал Гитлер, тем менее вероятным представляется, что этот исход был в каком-либо смысле предопределён. Как будто бы имеются все основания полагать, что мир мог избежать кошмара национал-социалистической диктатуры, если бы Гитлера ещё несколько месяцев не подпускали к власти. Нацисты добились своего самого яркого электорального триумфа в июле 1932 г., получив на всеобщих выборах, последовавших за изгнанием канцлера Брюнинга, 37,2% голосов. Из-за сопротивления со стороны президента Гинденбурга и ключевых членов кабинета Папена Гитлеру не был предложен пост рейхсканцлера, а на менее значительные должности он не соглашался [Winkler 1993: 509–512]. Несмотря на свой электоральный триумф, НСДАП осталась в оппозиции и в ноябре, на вторых всеобщих выборах 1932 г., поплатилась за это. Хотя по итогам выборов не удалось создать работоспособное парламентское большинство, следствием чего стало падение канцлера Папена, серьёзный ущерб понесла и партия Гитлера — доля поданных за неё голосов составила менее 33%. Избиратели Гитлера явно были разочарованы его нежеланием входить в состав правительства. Партийные активисты начали колебаться. Импульс, который с 1929 г. вёл НСДАП от победы к победе, иссяк. После ноябрьской неудачи неожиданно вновь дали о себе знать трения между левым и правым крыльями, преследовавшие национал-социализм в 1920-х гг. В декабре 1932 г. генерал Шлейхер, реальный «делатель королей» в германской политике, наконец взял

⁴⁴ Этот момент не укрылся от внимания сторонников протекционистских мер в таких секторах промышленности, как текстильный, но встретил противодействие со стороны министра экономики; см.: [Wiegmann 1993: 220–222].

⁴⁵ Помимо торговых вопросов, Союз сельских хозяйств (Reichslandbund) прилагал все усилия к тому, чтобы воспрепятствовать любым попыткам ликвидации крупных поместий на востоке страны и раздачи этих земель крестьянам; см.: [Merkenich 1998: 300–319].

власть в свои руки и сразу же завоевал популярность, дав старт первой общенациональной инициативе по созданию рабочих мест. Густав Штольпер впоследствии вспоминал весёлый деловой завтрак, состоявшийся в январе 1933 г. в рейхсканцелярии, где Шлейхер и его помощники по очереди предсказывали, сколько ещё голосов нацисты потеряют на выборах, которые Шлейхер надеялся провести весной [Stolper 1967: 309–310].

Между тем в Америке в июне 1932 г. впервые замаячил призрак выздоровления экономики⁴⁶. После того, как в Лозанне были отменены репарации, спрос на германские облигации начал расти [Der Deutsche Volkswirt 1932b: 1340]. Это было очень важно, поскольку давало банкам, находившимся в сложной ситуации, возможность избавиться от неликвидных активов и восстановить запасы наличных денег. В конце лета наметились признаки оживления в строительстве. После того, как был собран урожай, а стройки были законсервированы из-за зимы, опять начался неизбежный рост безработицы, вновь приблизившейся к ужасающему уровню в 6 млн человек. Но специалистов радовал уже тот факт, что она не превысила уровня, достигнутого в предыдущем году. «Уровень безработицы, претерпевающий сезонные колебания» — новое понятие, набравшее популярность благодаря такой новомодной науке, как анализ деловых циклов, — стабилизировался. К концу 1932 г. экономическая ситуация в Германии оптимистично оценивалась уже не только в журнале Штольпера «Der Deutsche Volkswirt», но и в авторитетном полугодовом отчёте банка Reichskreditgesellschaft [Reichskreditgesellschaft 1933]. В декабре 1932 г. даже Берлинский институт изучения деловых циклов — самая влиятельная и одна из самых пессимистичных структур, занимавшихся оценкой состояния экономики в межвоенной Германии, — объявил, что по крайней мере процесс «сжатия» завершился⁴⁷. Берлинский корреспондент журнала «The Economist» сообщал, что «впервые за три или четыре года» германская буржуазия увидела «проблески света в экономике» [The Economist 1932b: 1185–1186]. Это заявление очень важно, поскольку оно противоречит всем последующим описаниям немецкой экономики при национал-социализме⁴⁸. Немецкая экономика в 1933 г. вовсе не была кучей обломков. В ней начиналось то, что вполне могло оказаться энергичным циклическим восстановлением. Новогодние передовицы в берлинской печати 1 января 1933 г. были проникнуты оптимизмом. Социал-демократическая ежедневная газета «Vorwaerts» приветствовала новый год заголовком «Взлёт и падение Гитлера» [Turner 1996: 1–2].

В данном случае судьбу Германии, а вместе с ней и всего мира, решил трагический просчёт небольшого кружка консервативных ультра националистов. Бывший канцлер Папен, раздосадованный своим изгнанием в декабре 1932 г., вступил в сговор с аграрным лобби и некоторыми наиболее агрессивными элементами в военных кругах, чтобы заставить престарелого Гинденбурга дать отставку Шлейхеру и сформировать новое правительство на основе популярной национал-социалистической платформы. Для этого требовалось назначить Гитлера канцлером. Но ответственность и за сельское хозяйство, и за экономику брал на себя ультра националист Гугенберг. Генерала Бломберга предполагалось сделать министром обороны, а Папена — вице-канцлером. Не следует полагать, что баланс сил в правительстве Гитлера — Гугенберга — Папена — Бломберга был predetermined. В германском обществе имелись влиятельные силы — в первую очередь в военных и в церковных кругах, но также и в верхушке германского бизнеса, — которые были способны на многое для того, чтобы воспрепятствовать Гитлеру и его сторонникам на их пути к власти [Jasper 1986]. Очевидно, что политика антисемитизма, агрессивного перевооружения и односторонней дипломатии ни в коем случае не была навязана Германии. Более того, необходимость подчёркивать это может показаться некоторым читателям абсурдной. Но такой подход позволяет чётко дать понять, что подобные стандарты критики, основанной на альтерна-

⁴⁶ Зарубежную точку зрения см.: [The Economist 1932a: 493]. Обзор литературы того времени см.: [Buchheim 2003: 13–26].

⁴⁷ Критику хронически пессимистической позиции этого института см.: [Der Deutsche Volkswirt 1932b: 291].

⁴⁸ Увековеченным, несмотря на все имеющиеся факты; см.: [Abelshauser 1999: 505–506].

тивных допущениях, не всегда беспристрастно применяются ко всем аспектам гитлеровского режима. По сути, от такой критической проверки зачастую полностью освобождается экономическая сфера. Слишком часто допускается, что реальный стратегический выбор в экономической политике — выбор, реально зависевший от национал-социалистической идеологии, — встал перед режимом Гитлера лишь в 1936 г., через четыре года после захвата им власти. Слишком часто допускается и то, что наиболее приоритетным для режима направлением не могла не быть борьба с безработицей. Но из избыточного внимания к вопросу создания рабочих мест вытекает ещё одно следствие. В связи с проблемой безработицы можно изложить события так, как будто бы гитлеровский режим просто давал сильно запоздавший функциональный ответ на глубокий экономический кризис, в котором оказалась Германия. Более того, во многих работах, в том числе и недавних, можно уловить намёк на восхищение способностью гитлеровского режима порвать с косным консерватизмом, якобы сковывавшим предыдущие правительства в их действиях⁴⁹. Но, как уже отмечалось (более подробно об этом пойдёт речь во второй главе «Каждому трудящемуся — по рабочему месту»), «кейнсианские» вопросы создания рабочих мест и безработицы никогда не занимали такого важного места в повестке дня гитлеровского правительства, как обычно считается. Важнейшие решения в области экономической политики, сделанные в 1933–1934 гг., касались не безработицы, а внешнего долга Германии, её валюты и перевооружения, и в отношении этих вопросов режим никогда не мог бы претендовать на политическую невинность. Они составляли самое ядро националистической программы самоутверждения, которая и являлась истинной повесткой дня для гитлеровского правительства. Более того, если поставить на должное место вопросы внешнего долга и внешней торговли, станет ясно, что для многих миллионов немцев гитлеровское экономическое чудо на самом деле стало весьма неоднозначным испытанием.

Если стремиться избежать деполитизированной экономической истории нацистского режима, противоречащей представлениям о всех остальных аспектах его истории, то следует всегда иметь в виду, что даже в 1933 г. существовали альтернативы той экономической стратегии, которую осуществляло правительство Гитлера. Более того, эти альтернативы вполне могли принести более значительные материальные блага большинству германского населения. Однако, не упуская из вида представление об альтернативах и создаваемую ими возможность критики, не следует недооценивать и ущерб, причинённый внутри и вне Германии Великой депрессией. Даже если бы Гитлер не был назначен канцлером и Шлейхер остался у власти, трудно себе представить, что Германия избрала бы курс, который не был пагубным для последних отчаянных попыток восстановить на Земле мир и стабильность. Такие попытки были предприняты на переговорах о разоружении в Женеве и на Всемирной экономической конференции в Лондоне. Кроме того, ничего не стоит попасть в солипсистскую ловушку националистической стратегии, заявив, что решение этой проблемы в конечном счёте зависело от Германии, которая могла осуществлять политику, более или менее способствовавшую глобальной стабилизации, но шанс на достижение этой ускользающей цели в первую очередь определялся другими крупными державами. В 1933 г. условия намного меньше способствовали многосторонней стратегии, чем десятью годами ранее. Прежде всего, резко изменилась позиция США. В 1923 г. Штресман, очевидно, был прав, поставив на Америку как на доминирующую силу в мировых делах — и в экономическом плане, и как на будущую военную сверхдержаву. Спустя 10 лет позиция Америки была фатально ослаблена самым суровым кризисом, известным в экономической истории. Когда Гитлер взял власть, Гувера сменил Рузвельт, который в течение первых пяти месяцев пребывания в должности президента занимался исключительно спасением Америки от последнего катастрофического приступа депрессии. Прошли годы, прежде чем США вновь стали играть ключевую роль в вопросах мировой политики, но к тому времени жуткий режим Гитлера набрал слишком большой импульс, чтобы его можно было остановить иначе, чем грубой силой.

⁴⁹ См., например: [Abelshauser 1999].

Приложение

Дополнительные данные

Таблица П.1

Текущий счёт: зависимость Германии от иностранных ресурсов

Годы	Текущий счёт	Торговый баланс	Баланс торговли услугами, процентами, дивидендами и репарациями
	1	2	3
1913	939	- 673	1612
1924	- 1664	- 1816	152
1925	- 3045	- 2444	- 601
1926	- 39	793	- 832
1927	- 4244	- 2960	- 1284
1928	- 3192	- 1311	- 1881
1929	- 2469	- 44	- 2425
1930	- 610	1558	- 2168
1931	1040	2778	- 1738
1932	257	1052	- 795
1933	132	666	- 534
1934	- 534	- 373	- 161
1935	- 107	- 8	- 99
1936	615	544	71
1937	259	437	- 178
1938	- 566	- 319	- 247
1939	53	376	- 323
1940	- 1012	- 72	- 940
1941	- 3331	39	- 3370

Источники: [Hoffmann 1965: 816–828; Ritschl 1991: 123].

Примечание: столбец 1 представляет собой сумму столбцов 2 и 3. Положительное значение текущего счета подразумевает, что иностранные экономики были должны Германии. Отрицательное значение подразумевает, что Германия жила за счёт зарубежных займов или иных неоплаченных поступлений иностранной валюты и золота (сюда входят, например, захват австрийского золотого запаса и взимание оккупационных платежей, не называвшихся репарациями).

Литература⁵⁰

Abelshauer W. 1999. *Kriegswirtschaft und Wirtschaftswunder: Deutschlands wirtschaftliche Mobilisierung fuer den Zweiten Weltkrieg und die Folgen fuer die Nachkriegszeit*. VfZ. 47.

Berg M. 1990. *Gustav Stresemann und die Vereinigten Staaten von Amerika: Weltwirtschaftliche Verflechtung und Revisionspolitik 1907–1929*. Baden-Baden.

Boelcke W. A. 1994. *Deutschland als Welthandelsmacht 1930–1945*. Stuttgart.

Bombach G. et al. (eds) 1976–1984. *Der Keynesianismus*. Bände I–IV. Berlin; Heidelberg; New York.

⁵⁰ Описание источников даётся по оригиналу. — *Примеч. ред.*

- Borchardt K. 1982a. Zur Frage der waehrungspolitischen Optionen Deutschlands in der Weltwirtschaftskrise. In: Borchardt K. *Wachstum, Krisen, Handlungsspielraeumer der Wirtschaftspolitik*. Goettingen; 206–224.
- Borchardt K. 1982b. Zwangslage und Handlungsspielraeume in der grossen Weltwirtschaftskrise der fruehendreissiger Jahre. In: Borchardt K. *Wachstum, Krisen, Handlungsspielraeume der Wirtschaftspolitik*. Goettingen; 165–182.
- Boyce R. W. D. 1987. *British Capitalism at the Crossroads 1919–1932*. Cambridge.
- Buchheim C. 2003. Die Erholung von der Weltwirtschaftskrise 1932/33 in Deutschland. *Jahrbuch fuer Wirtschaftsgeschichte*. 1; 13–26.
- Burke B. V. 1994. *Ambassador Frederic Sackett and the Collapse of the Weimar Republic, 1930–1933*. Cambridge.
- Case J. Y., Case E. N. 1982. *Owen D. Young and American Enterprise*. Boston.
- Clavin P. 1996. *The Failure of Economic Diplomacy: Britain, Germany, France and the United States, 1931–1936*. New York.
- Costigliola F. 1984. *Awkward Dominion: American Political, Economic and Cultural Relations with Europe, 1919–1933*. Ithaca, NY.
- Dengg S. 1986. *Deutschlands Austritt aus dem Voelkerbund und Schachts Neuer Plan*. Frankfurt.
- Der Deutsche Volkswirt*. 1932a. 1.04.
- Der Deutsche Volkswirt*. 1932b. 8.07.
- Der Deutsche Volkswirt*. 1932c. 9.12.
- Der Deutsche Volkswirt*. 1933. 6.01.
- Eckes A. E. 1995. *Opening America's Markets*. Chapel Hill, NC.
- Eichengreen B. 1992. *Golden Fetters: The Gold Standard and the Great Depression, 1919–1939*. Oxford.
- Feldman G. D. 1994. From Crisis to Work Creation: Government Policies and Economic Actors in the Great Depression. In: Kocka J., Puhle H.-J., Tenfelde K. (eds) *Von der Arbeiterbewegung zum modernen Sozialstaat*. Munich; 703–718.
- Feldman G. 1993. *The Great Disorder: Politics, Economics and Society in the German Inflation, 1914–1924*. Oxford.
- Feldman G. D. et al. 1995. *The Deutsche Bank 1870–1995*. London.
- Frigge R. 1984. *Das erwartbare Abenteuer: Massenrezeption und literarisches Interesse am Beispiel der Reiserzaehlungen von Karl May*. Bonn.

- Gassert P. 1997. *Amerika im Dritten Reich*. Stuttgart.
- Geyer M. 1975. Das Zweite Ruestungsprogramm 1930–1934. *MGM*. 17.
- Geyer M. 1976. Militaer, Ruestung und Aussenpolitik: Aspektemilitaerischer Revisionspolitikinder Zwischenkriegszeit. In: Funke M. (ed.) *Hitler, Deutschland und die Maechte*. Düsseldorf.
- Geyer M. 1980. *Aufruestungoder Sicherheit: Die Reichswehr in der Krise der Machtpolitik 1924–1936*. Wiesbaden.
- Geyer M. 1983. Etudes in Political History: Reichswehr, NSDAP, and the Seizure of Power. In: Stachura P. D. (ed.) *The Nazi Machtergreifung*. London.
- Geyer M. 1992. The Stigma of Violence, Nationalism, and War in Twentieth-Century Germany. *German Studies Review*. 15 (Winter).
- Gillmann S., Mommsen H. (eds). 2003. *Politische Schriften und Briefe Carl Friedrich Goerdelers*. Munich.
- Glasemann H.-G. 1993. *Deutschlands Auslandsanleihen 1924–1945*. Wiesbaden.
- Hansen E. W. 1978. *Reichswehr und Industrie*. Boppard.
- Hardach G. 1976. *Weltmarktorientierung und relative Stagnation*. Berlin.
- Harris C. R. S. 1935. *Germany's Foreign Indebtedness*. Oxford.
- Heyde P. 1998. *Das Ende der Reparationen: Deutschland, Frankreich und der Youngplan 1929–1932*. Paderborn.
- Houwink ten Cate J. 1987. Hjalmar Schacht als Reparationspolitiker. 1926–1930. *Vierteljahrschrift fuer Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*. 74.
- IMT. 1946–1947. *Nazi Conspiracy and Aggression*. Washington.
- James H. 1985. *The Reichsbank and Public Finance in Germany 1924–1933*. Frankfurt.
- James H. 1989. *A German Identity 1770–1990*. London.
- James H. 1993. Hjalmar Schacht. In: Smelser R., Syring E., Zitelmann R. (eds) *Die Braune Elite*. Darmstadt.
- James H. 2001. *The End of Globalization: Lessons from the Great Depression*. Cambridge, MA.
- Jarausch K. H., Geyer M. 2003. *Shattered Past: Reconstructing German Histories*. Princeton.
- Jasper G. 1986. *Die Gescheiterte Zaehmung: Wege zur Machtergreifung Hitlers, 1930–1934*. Frankfurt.
- Jones L. E. 1988. *German Liberalism and the Dissolution of the Weimar Party System, 1918–1933*. Chapel Hill, NC.

- Kershaw I. (ed.) 1990. *Weimar: Why Did German Democracy Fail?* London.
- Kershaw I. 1998. *Hitler, 1889–1936: Hubris*. London.
- Kindleberger C. P. 1986. *The World in Depression, 1929–1939*. Berkeley.
- Kroll F.-L. 1998. *Utopieals Ideologie: Geschichtsdenken und politisches Handelnim Dritten Reich*. Paderborn.
- Kruedener J. von (ed.) 1990. *Economic Crisis and Political Collapse: The Weimar Republic 1924–1933*. Oxford.
- Krueger P. 1985. *Die Aussenpolitik der Republik von Weimar*. Darmstadt.
- Niedhart G. 1999. *Die Aussenpolitik der WeimarerRepublik*. Munich.
- Link W. 1970. *Die amerikanische Stabilisierungspolitik in Deutschland 1921–1932*. Duesseldorf.
- Linkemeyer B. 1987. *Was hat Hitler mit Karl May zutun?* Abstadt.
- Luedtke A., Marssolek I., Saldern A. von . (eds). 1996. *Amerikanisierung: Traum und Alptraumim Deutschland des 20. Jahrhunderts*. Stuttgart.
- Mann K. 1940. Cowboy Mentor of the Fuehrer. *Living Age*. 359.
- McNeil W. C. 1986. *American Money and the Weimar Republic*. New York.
- Meister R. 1991. *Die Grosse Depression: Zwangslagen und Handlungsspielraeume der Wirtschafts- und Finanzpolitik in Deutschland 1929–1932*. Regensburg.
- Merkenich S. 1998. *Gruene Front gegen Weimar: Reichs-Landbund und agrarischer Lobbyismus 1918–1933*. Duesseldorf.
- Mommsen H. 1991. Heinrich Bruening as Chancellor. In: Mommsen H. *From Weimar to Auschwitz*. Cambridge.
- Moulton H. G., Pasvolsky L. 1932. *War Debts and World Prosperity*. New York.
- Muehlen N. 1938. *Der Zauberer: Leben und Anleihen des Dr Hjalmar Horace Greeley Schacht*. 2nd ed. Zurich.
- Neebe R. 1981. *Grossindustrie, Staat und NSDAP: 1930–1933*. Gottingen.
- Peter J., Stewart M. 1987. *Apocalypse 2000: Economic Breakdown and theSuicide of Democracy 1989–2000*. London.
- Petzina D. 2000. *Die Verantwortung des Staatesfuer die Wirtschaft*. Essen.
- Pohl K. H. 2004. Gustav Stresemann: New Literature. *German Historical Institute London: Bulletin*. 26 (1).

- Pullen W. G. 1987. *World War Debts and United States Foreign Policy 1919–1929*. New York.
- Pyta W. 1996. *Dorfgemeinschaft und Parteipolitik 1918–1933*. Duesseldorf.
- Reckendrees A. 2000. *Das 'Stahltrust-Projekt'*. Munich.
- Reichskreditgesellschaft. 1933. *Germany's Economic Situation at the Turn of 1932/1933*. Berlin.
- Ritschl A. 1991. Die NS-Wirtschaftsideologie — Modernisierungsprogramm oder reaktionäre Utopie? In: Prinz M., Zitelmann R. (eds) *Nationalsozialismus und Modernisierung*. Darmstadt.
- Ritschl A. 2002. *Deutschlands Krise und Konjunktur 1924–1934*. Berlin.
- Ferguson T., Temin P. 2003. Made in Germany: The German Currency Crisis of July 1931. *Research in Economic History*. 21.
- Sammons J. L. 1998. *Ideology, Mimesis, Fantasy*. Chapel Hill, NC.
- Schattschneider E. E. 1935. *Politics, Pressures and the Tariff*. New York.
- Schiemann J. 1980. *Die deutsche Waehrung in der Weltwirtschaftskrise 1929–1933*. Berne.
- Schoetz H. O. 1987. *Der Kampf um die Mark 1923/24*. Berlin.
- Schuker S. A. 1976. *The End of French Financial Predominance in Europe: The Financial Crisis of 1924 and the Adoption of the Dawes Plan*. Chapel Hill, NC.
- Schulz G. (ed.) 1980. *Politik und Wirtschaft in der Krise 1930–1932*. Düsseldorf.
- Schulthess' Europaeischer Geschichtskalender*. 1932. Munich.
- Silverman D. P. 1998. *Hitler's Economy: Nazi Work Creation Programs, 1933–1936*. Cambridge.
- Sirois H. 2000. *Zwischen Illusion und Krieg: Deutschland und die USA 1933–1941*. Paderborn.
- Smith W. D. 1986. *The Ideological Origins of Nazi Imperialism*. Oxford.
- Spaulding R. M. 1997. *Osthandel und Ostpolitik: German Foreign Trade Policies in Eastern Europe from Bismarck to Adenauer*. Providence, RI.
- Stegmann D. 1977. Deutsche Zoll- und Handelspolitik 1924/5–1929. In: Momrasen H., Petzina D., Weisbrod D. (eds) *Industrielles System und politische Entwicklung in der Weimarer Republik*. Düsseldorf.
- Stolper T. 1967. *Ein Leben in Brennpunkten unserer Zeit*. Vienna.
- Teichert E. 1984. *Autarkie und Grossraumwirtschaft in Deutschland 1930–1939*. Munich.
- The Economist*. 1931a. 26 September.

The Economist. 1931b. 3 October.

The Economist. 1931c. 12 December.

The Economist. 1932a. 17 September.

The Economist. 1932b. 24 December.

Tracy M. 1989. *Government and Agriculture in Western Europe 1880–1988*. Hemel Hempstead, UK.

Turner H. A. 1996. *Hitler's Thirty Days to Power: January 1933*. New York.

Wala M. 2001. *Weimar und Amerika: Botschafter Friedrich von Prittwitz und Gaffron*. Stuttgart.

Weinberg G. (ed.) 1961. *Hitlers Zweites Buch: Ein Dokument aus dem Jahr 1928*. Stuttgart.

Wiegmann K. 1993. *Textilindustrie und Staat in Westfalen 1914–1933*. Stuttgart.

Winkler H. A. 1993. *Weimar 1918–1933*. Munich.

Wright J. 2002. *Gustav Stresemann*. Oxford.

NEW TRANSLATIONS

Adam Tooze

The Wages of Destruction

The Making and Breaking of the Nazi Economy (an excerpt)

TOOZE, Adam — Kathryn and Shelby Cullom Davis Professor of History, Department of History, Columbia University of the City of New York. Address: 1180 Amsterdam Avenue, MC 2527, New York, NY 10027, USA.

Email: adam.tooze@columbia.edu

but also limitations of its territory and natural resources. He foresaw a rise of a new globalized world where Europe would be pressed by the unbreakable power of America. There was a last chance: the European super-state led by Germany.

Abstract

The majority of accounts of the Second World War have described Nazi Germany as an uncontrollable monster with a highly industrialized economy. But what if it was not so? What if the European tragedy was not rooted in Germany's strength, but in its weakness?

Adam Tooze has written a radically new history of the Second World War. The author achieved this by taking into account racial relations and politics, with special attention focused on economy. Understanding of the global economy played a critical role in Hitler's views. He guessed that Germany's relative poverty in 1933 was conditioned by not only the Great Depression

However, the global balance of economic and military forces did not initially favor of Hitler. With the purpose of preventing the threat from the West, he sent his poorly armed troops to conquer Europe which led to the crash of his intentions. Even in the summer of 1940, a time of Germany's great triumphs, Hitler was worried about America's air and maritime domination, which he was convinced was the result of a Jewish conspiracy.

As soon as the Wehrmacht came into Soviet territory, the war turned into a battle of attrition without any hope of Germany's winning. Because Hitler and others did not accept this, the Third Reich was destroyed at the cost of millions of lives.

The *Journal of Economic Sociology* publishes the "Introduction" to this book.

Keywords: The Second World War; Germany; economic history; limited resources; world power; technological progress.

References

Abelshauer W. (1999) *Kriegswirtschaft und Wirtschaftswunder: Deutschlands wirtschaftliche Mobilisierung für den Zweiten Weltkrieg und die Folgen für die Nachkriegszeit*. *VfZ*, 47. Jahrgang. Heft 1.

Berg M. (1990) *Gustav Stresemann und die Vereinigten Staaten von Amerika: Weltwirtschaftliche Verflechtung und Revisionspolitik 1907–1929*, Baden-Baden.

Boelcke W. A. (1994) *Deutschland als Welthandelsmacht 1930–1945*, Stuttgart.

- Bombach G. et al. (eds) 1976–1984. *Der Keynesianismus*, Bände I–IV, Berlin; Heidelberg; New York.
- Borchardt K. (1982a) Zur Frage der waehrungspolitischen Optionen Deutschlands in der Weltwirtschaftskrise. *Wachstum, Krisen, Handlungsspielraeumeder Wirtschaftspolitik* (ed. K. Borchardt), Goettingen.
- Borchardt K. (1982b) Zwangslage und Handlungsspielraeume in der grossen Weltwirtschaftskrise der fruehendreissiger Jahre. *Wachstum, Krisen, Handlungsspielraeume der Wirtschaftspolitik* (ed. K. Borchardt), Goettingen.
- Boyce R. W. D. (1987) *British Capitalism at the Crossroads 1919–1932*, Cambridge.
- Buchheim C. (2003) Die Erholung von der Weltwirtschaftskrise 1932/33 in Deutschland. *Jahrbuch fuer Wirtschaftsgeschichte*, no 1.
- Burke B. V. (1994) *Ambassador Frederic Sackett and the Collapse of the Weimar Republic, 1930–1933*. Cambridge.
- Case J. Y., Case E. N. (1982) *Owen D. Young and American Enterprise*, Boston.
- Clavin P. (1996) *The Failure of Economic Diplomacy: Britain, Germany, France and the United States, 1931–1936*, New York.
- Costigliola F. (1984) *Awkward Dominion: American Political, Economic and Cultural Relations with Europe, 1919–1933*, Ithaca, NY.
- Dengg S. (1986) *Deutschlands Austritt aus dem Voelkerbund und Schachts Neuer Plan*, Frankfurt.
- Der Deutsche Volkswirt* (1932a) 1.04.
- Der Deutsche Volkswirt* (1932b) 8.07.
- Der Deutsche Volkswirt* (1932c) 9.12.
- Der Deutsche Volkswirt* (1933) 6.01.
- Eckes A. E. (1995) *Opening America's Markets*, Chapel Hill, NC.
- Eichengreen B. (1992) *Golden Fetters: The Gold Standard and the Great Depression, 1919–1939*, Oxford.
- Feldman G. (1993) *The Great Disorder: Politics, Economics and Society in the German Inflation, 1914–1924*, Oxford.
- Feldman G. D. (1994) From Crisis to Work Creation: Government Policies and Economic Actors in the Great Depression. *Von der Arbeiterbewegung zum modernen Sozialstaat* (eds. J. Kocka, H.-J. Puhle, K. Tenfelde), Munich.
- Feldman G. D., Gall L., Feldman G. D., James H., Holtfrerich C.-L., Buschgen H. E. (1995) *The Deutsche Bank 1870–1995*, London.

- Ferguson T., Temin P. (2003) Made in Germany: The German Currency Crisis of July 1931. *Research in Economic History*, vol. 21.
- Frigge R. (1984) *Das erwartbare Abenteuer: Massenrezeption und literarisches Interesse am Beispiel der Reiserzählungen von Karl May*, Bonn.
- Gassert P. (1997) *Amerika im Dritten Reich*, Stuttgart.
- Geyer M. (1975) Das Zweite Ruestungsprogramm 1930–1934. *MGM*, 17.
- Geyer M. (1976) Militaer, Ruestung und Aussenpolitik: Aspektemilitaerischer Revisionspolitikinder Zwischenkriegszeit. *Hitler, Deutschland und die Maechte* (ed. M. Funke), Düsseldorf.
- Geyer M. (1980) *Aufruestungoder Sicherheit: Die Reichswehr in der Krise der Machtpolitik 1924–1936*, Wiesbaden.
- Geyer M. (1983) Etudes in Political History: Reichswehr, NSDAP, and the Seizure of Power. *The Nazi Machtergreifung* (ed. P. D. Stachura), London.
- Geyer M. (1992) The Stigma of Violence, Nationalism, and War in Twentieth-Century Germany. *German Studies Review*, vol. 15, no 4, Winter.
- Gillmann S., Mommsen H. (eds) (2003) *Politische Schriften und Briefe Carl Friedrich Goerdelers*, Munich.
- Glasemann H.-G. (1993) *Deutschlands Auslandsanleihen 1924–1945*, Wiesbaden.
- Hansen E. W. (1978) *Reichswehr und Industrie*, Boppard.
- Hardach G. (1976) *Weltmarktorientierung und relative Stagnation*, Berlin.
- Harris C. R. S. (1935) *Germany's Foreign Indebtedness*, Oxford.
- Heyde P.(1998) *Das Ende der Reparationen: Deutschland, Frankreich und der Youngplan 1929–1932*, Paderborn.
- Houwink ten Cate J. (1987) Hjalmar Schacht als Reparationspolitiker. 1926–1930. *Vierteljahrschrift fuer Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, no 74.
- IMT. (1946–1947) *Nazi Conspiracy and Aggression*, Washington.
- James H. (1985) *The Reichsbank and Public Finance in Germany 1924–1933*, Frankfurt.
- James H. (1989) *A German Identity 1770–1990*, London.
- James H. (1993) Hjalmar Schacht. *Die Braune Elite* (eds. R. Smelser, E. Syring, R. Zitelmann), Darmstadt.
- James H. (2001) *The End of Globalization: Lessons from the Great Depression*, Cambridge, MA.
- Jaraus K. H., Geyer M. (2003) *Shattered Past: Reconstructing German Histories*, Princeton.

- Jasper G. (1986) *Die Gescheiterte Zaehmung: Wege zur Machtergreifung Hitlers, 1930–1934*, Frankfurt.
- Jones L. E. (1988) *German Liberalism and the Dissolution of the Weimar Party System, 1918–1933*, Chapel Hill, NC.
- Kershaw I. (ed.) (1990) *Weimar: Why Did German Democracy Fail?* London.
- Kershaw I. (1998) *Hitler, 1889–1936: Hubris*, London.
- Kindleberger C. P. (1986) *The World in Depression, 1929–1939*, Berkeley.
- Kroll F.-L. (1998) *Utopieals Ideologie: Geschichtsdenken und politisches Handeln im Dritten Reich*, Paderborn.
- Kruedener J. von (ed.) (1990) *Economic Crisis and Political Collapse: The Weimar Republic 1924–1933*, Oxford.
- Krueger P. (1985) *Die Aussenpolitik der Republik von Weimar*, Darmstadt.
- Link W. (1970) *Die amerikanische Stabilisierungspolitik in Deutschland 1921–1932*, Duesseldorf.
- Linkemeyer B. (1987) *Was hat Hitler mit Karl May zutun?* Abstadt.
- Luedtke A., Marssolek I., von Saldern A. (eds) (1996) *Amerikanisierung: Traum und Alptraum im Deutschland des 20. Jahrhunderts*, Stuttgart.
- Mann K. (1940) Cowboy Mentor of the Fuehrer. *Living Age*, no 359.
- McNeil W. C. (1986) *American Money and the Weimar Republic*, New York.
- Meister R. (1991) *Die Grosse Depression: Zwangslagen und Handlungsspielraeume der Wirtschafts- und Finanzpolitik in Deutschland 1929–1932*, Regensburg.
- Merkenich S. (1998) *Gruene Front gegen Weimar: Reichs-Landbund und agrarischer Lobbyismus 1918–1933*, Duesseldorf.
- Mommsen H. (1991) Heinrich Bruening as Chancellor. *From Weimar to Auschwitz*, Cambridge.
- Moulton H. G., Pasvolsky L. (1932) *War Debts and World Prosperity*, New York.
- Muehlen N. (1938) *Der Zauberer: Leben und Anleihen des Dr Hjalmar Horace Greeley Schacht*. 2nd ed., Zurich.
- Neebe R. (1981) *Grossindustrie, Staat und NSDAP 1930–1933*, Gottingen.
- Niedhart G. (1999) *Die Aussenpolitik der Weimarer Republik*, Munich.
- Peter J., Stewart M. (1987) *Apocalypse 2000: Economic Breakdown and the Suicide of Democracy 1989–2000*, London.

- Petzina D. (2000) *Die Verantwortung des Staates fuer die Wirtschaft*, Essen.
- Pohl K. H. (2004) 'Gustav Stresemann: New Literature'. *German Historical Institute London: Bulletin*, vol. 26, no 1.
- Pullen W. G. (1987) *World War Debts and United States Foreign Policy 1919–1929*, New York.
- Pyta W. (1996) *Dorfgemeinschaft und Parteipolitik 1918–1933*, Düsseldorf.
- Reckendrees A. (2000) *Das 'Stahltrust-Projekt'*, Munich.
- Reichskreditgesellschaft. (1933) *Germany's Economic Situation at the Turn of 1932/1933*, Berlin.
- Ritschl A. (1991) Die NS-Wirtschaftsideologie — Modernisierungsprogramm oder reaktionäre Utopie? *Nationalsozialismus und Modernisierung* (eds. M. Prinz, R. Zitelmans), Darmstadt.
- Ritschl A. (2002) *Deutschlands Krise und Konjunktur 1924–1934*, Berlin.
- Sammons J. L. (1998) *Ideology, Mimesis, Fantasy*, Chapel Hill, NC.
- Schattschneider E. E. (1935) *Politics, Pressures and the Tariff*, New York.
- Schiemann J. (1980) *Die deutsche Waehrung in der Weltwirtschaftskrise 1929–1933*, Berne.
- Schoetz H. O. (1987) *Der Kampf um die Mark 1923/1924*, Berlin.
- Schuker S. A. (1976) *The End of French Financial Predominance in Europe: The Financial Crisis of 1924 and the Adoption of the Dawes Plan*, Chapel Hill, NC.
- Schulthess' Europaeischer Geschichtskalender* (1932), Munich.
- Schulz G. (ed.) (1980) *Politik und Wirtschaft in der Krise 1930–1932*, Düsseldorf.
- Silverman D. P. (1998) *Hitler's Economy: Nazi Work Creation Programs, 1933–1936*, Cambridge.
- Sirois H. (2000) *Zwischen Illusion und Krieg: Deutschland und die USA 1933–1941*, Paderborn.
- Smith W. D. (1986) *The Ideological Origins of Nazi Imperialism*, Oxford.
- Spaulding R. M. (1997) *Osthandel und Ostpolitik: German Foreign Trade Policies in Eastern Europe from Bismarck to Adenauer*, Providence, RI.
- Stegmann D. (1977) Deutsche Zoll- und Handelspolitik 1924/5–1929. *Industrielles System und politische Entwicklung in der Weimarer Republik* (eds. H. Momrasen, D. Petzina, D. Weisbrod), Düsseldorf.
- Stolper T. (1967) *Ein Leben in Brennpunkten unserer Zeit*, Vienna.
- Teichert E. (1984) *Autarkie und Grossraumwirtschaft in Deutschland 1930–1939*, Munich.

The Economist (1931a) 26 September.

The Economist (1931b) 3 October.

The Economist (1931c) 12 December.

The Economist (1932a) 17 September.

The Economist (1932b) 24 December.

Tracy M. (1989) *Government and Agriculture in Western Europe 1880–1988*, Hemel Hempstead.

Turner H. A. (1996) *Hitler's Thirty Days to Power: January 1933*, New York.

Wala M. (2001) *Weimar und Amerika: Botschafter Friedrich von Prittwitz und Gaffron*, Stuttgart.

Weinberg G. (ed.) (1961) *Hitlers Zweites Buch: Ein Dokument aus dem Jahr 1928*, Stuttgart.

Wiegmann K. (1993) *Textilindustrie und Staat in Westfalen 1914–1933*, Stuttgart.

Winkler H. A. (1993) *Weimar 1918–1933*, Munich.

Wright J. (2002) *Gustav Stresemann*, Oxford.

Received: January 8, 2018

Citation: Tooze A. (2018) Tsena razrusheniya. Sozdanie i gibel' natsistskoy ekonomiki [The Wages of Destruction. The Making and Breaking of the Nazi Economy (an excerpt)], *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 19, no 2, pp. 50–85. doi: [10.17323/1726-3247-2018-2-50-85](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2018-2-50-85)

РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ

Р. Е. Бумагин, Д. М. Рогозин

Критика опросного подхода к анализу взаимного сходства во внешнем виде потребительских продуктов внутри одной товарной категории

БУМАГИН Роман Евгеньевич —

кандидат социологических наук, генеральный директор исследовательского агентства «Рефакта» (ЗАО). Адрес: Россия, 129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 11, стр. 1.

Email: bumagin@refacta.ru

В большинстве исследований по установлению взаимного сходства во внешнем виде потребительских продуктов внутри одной товарной категории, результаты которых используются как доказательство в юридическом споре двух правообладателей, социологи представляют свои заключения как единственно валидные и надёжные, подтверждённые идеальными экспериментальными планами и безупречной научной репутацией. Прикрываясь научной фразеологией, накопленными социальными статусами и рангом профессиональных институтов, они выступают защитниками той или иной стороны, отказываясь от базового принципа экспериментальной работы — безусловной открытости и фальсифицируемости полученных результатов. Сверхзадача данной статьи — вывести социологическое доказательство и экспертизу из тени институциональных игр, создать основу для научной критики методических решений, применяемых российскими социологами, выступающими поставщиками доказательств в спорах хозяйствующих субъектов. Для этого рассмотрен спор двух хозяйствующих субъектов по вопросу взаимного сходства во внешнем виде их потребительских продуктов внутри одной товарной категории. Разработан экспериментальный план, позволивший прийти к заключению о наличии сходства не только между сравниваемыми, но и между иными товарами этой же товарной группы. Подробно описана методика работы, что позволяет воспроизвести или подвергнуть критике полученные результаты. Методическое решение может быть использовано в иных социальных исследованиях по сходным юридическим делам. Таким образом, критика доминирующего в российской практике опросного подхода представлена через описание альтернативного экспериментального плана.

Ключевые слова: арбитражный суд; Роспатент; ФАС; суд по интеллектуальным правам; бренд; взаимное сходство до степени смешения; дизайн продукта; когнитивный анализ; потребительские продукты; социологическая экспертиза; рядовой потребитель; экспериментальный план; Unilever.

Сходство до степени смешения упаковки кондитерских изделий «Вафли “Трибелли”» с товарным знаком истца подтверждается исследованием, проведённым Учреждением Российской академии наук Институтом социологии РАН в Москве, согласно которому 89% опрошенных смешивают данные обозначения (л. д. 42,

РОГОЗИН Дмитрий Михайлович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, заведующий лабораторией методологии социальных исследований Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. Адрес: Россия, 119034, г. Москва, Пречистенская наб., д. 11.

Email: nizgor@gmail.com

том № 1). Суд первой инстанции сделал обоснованный вывод о том, что решающее значение при оценке сходства имеет общее впечатление, производимое товарным знаком истца и обозначением, используемым ответчиками. Анализ товарного знака истца и обозначения, используемого ответчиками на упаковке, а также внешнего вида самих кондитерских изделий «Вафли “Трибелли”» показал, что данные обозначения вызывают одинаковое зрительное впечатление, устойчиво ассоциируются друг с другом, в связи с чем будут смешиваться потребителем.

Постановление № 09АП-14784/2010 Девятого Арбитражного суда от 22 сентября 2010 г. по делу № А40-174635/09-26-1257

В «нулевые» годы сформировалась устойчивая практика привлечения социологов в спорах о незаконном использовании товарных знаков и аналогичных юридических делах. Социологи изучают восприятие товарных знаков, рекламных изображений, упаковок товаров через опросы «рядовых потребителей» и выносят по итогам исследования заключение о том, как потребители воспринимают те или иные изображения, находят ли их сходными [Батыков 2014с, 2015; Посыпай 2015]. Эти заключения используются сторонами, регулятором (Федеральной антимонопольной службой) или Арбитражным судом Российской Федерации как письменное доказательство, а их авторы привлекаются к делу в качестве свидетелей.

Результат социологической экспертизы может отражать фактическую картину действий, не совпадающую во времени с периодом незаконного использования товарного знака, что вызывает в судебной практике сомнения в относимости такого доказательства. Однако представляется, что подобное экспертное заключение позволяет установить объективную связь с картиной фактических обстоятельств, имеющих место при незаконном использовании товарного знака, и следовательно, является относимым доказательством [Жагорина 2014: 222].

Одним из значимых мотивов привлечения опросов и экспериментальных планов в качестве значимых материалов дела стало Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда (ВАС) Российской Федерации № 122 от 13 декабря 2007 г. Согласно п. 13 этого письма, «вопрос о сходстве до степени смешения обозначений является вопросом факта и по общему правилу может быть разрешён судом *без назначения экспертизы*. Экспертиза в силу части 1 статьи 82 АПК РФ назначается лишь в случае, когда для сравнения обозначений требуются специальные знания» (Курсив наш. — Р. Б., Д. Р.).

Следует обратить особое внимание, что социологические исследования в понимании суда не обладают статусом экспертизы. Напротив, они противопоставляются ей, обозначаются как её заменители. В описательной части п. 13 Информационного письма Президиума ВАС, предшествующего цитируемому выводу, отмечается следующее: «Экспертиза назначается только для разрешения возникших при рассмотрении дела вопросов,

требующих *специальных знаний*. *Вопрос о сходстве до степени смешения двух <...> обозначений, применяемых на товарах истца и ответчика, может быть разрешён судом с позиции рядового потребителя и специальных знаний не требует»* (Курсив наш. — Р. Б., Д. Р.).

Таким образом, статус социологического заключения в представлении Высшего Арбитражного Суда редуцируется до бумаги — документа, который может быть приобщён к материалам дела, — фиксирующей мнение рядового потребителя. Социологу в данной схеме отводится роль регистратора мнения, транслятора зафиксированного обыденным сознанием потребителей очевидного.

Несмотря на то что в генезисе привлечения социологических исследований в делах о сходстве товарных знаков лежит противопоставление экспертного знания и обыденного, поставщиками которого и должны выступать социологи, постепенно к этому типу исследований стало сначала неформально, а затем всё более формально применяться понятие «социологическая экспертиза» (ср., в частности: [Жагорина 2014]).

Через два года после выхода письма ВАС Роспатент закрепил практику использования социологических исследований в подобных делах, утвердив Приказом № 197 от 31 декабря 2009 г. «Методические рекомендации по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство». В рекомендациях детально описаны процедуры определения сходства, для реализации которых требуется тестирование или опрос рядовых потребителей.

При проверке на тождество и сходство осуществляются следующие действия:

- проводится поиск тождественных и сходных обозначений;
- определяется степень сходства, заявленного и выявленных при проведении поиска обозначений;
- определяется однородность товаров, в отношении которых заявлено обозначение, товарам, для которых ранее зарегистрированы (заявлены) выявленные тождественные или сходные товарные знаки (обозначения) (п. 2).

Обозначенное выше противопоставление социологического заключения о сходстве товарных знаков экспертизе товарных знаков сохраняется и здесь. Так, в «Методических рекомендациях» поясняется, как следует проводить оценку знаков на сходство, и тем самым раскрываются представления регулятора о том, какие процессы происходят в сознании «рядового потребителя» при восприятии товарных знаков (см. п. 3): «*Оценка сходства обозначений производится на основе общего впечатления, формируемого в том числе с учётом неохранных элементов. При этом формирование общего впечатления может происходить под воздействием любых особенностей обозначений, в том числе доминирующих словесных или графических элементов, их композиционного и цвето-графического решения и др.*» (Курсив наш. — Р. Б., Д. Р.).

Иными словами, в рекомендациях регулятора, с одной стороны, присутствует постулат о том, что ответ на вопрос о наличии либо отсутствии сходства следует искать в сознании воспринимающего и познающего субъекта, с другой — проблема сильно упрощается через введение слабо операционализируемого понятия «общее впечатление», которое может формироваться под воздействием *любых* особенностей обозначений. В последующих делах именно социологи поэтому стали выступать основными независимыми производителями и поставщиками «юридического факта», а социологические опросы признаны необходимым и достаточным для этого средством. Сформировался рынок социологических

исследований сходства товарных знаков, или рынок «социологической экспертизы», основными игроками которого стали Лаборатория социологической экспертизы Института социологии РАН¹ (руководитель И. В. Батыков) и ВЦИОМ (руководитель В. В. Фёдоров). Следует сказать, что коллеги предпочли встроиться в упрощённое представление регулятора о проблеме, не стали усложнять его своими заключениями и методической экспертизой.

Многочисленные работы об оценке и смешении брендов, торговых знаков², упаковки и дизайна продукта в областях психологии восприятия [Цой, Щеколдин 2013; Киян 2016], когнитивной и экспериментальной психологии [Zhai, Liang, Chen 2016; Vogel, Watchravesringkan 2017], маркетинговых и медиаисследований [Захарычев 2004; Loken, John 1993; Gabrielli, Baghi 2016; Mukiira, Musau, Munyao 2017; Schnurg 2017], семиотические штудии о природе визуальных знаков [Соссюр 1999; Пирс 2000; Моррис 2001; Эко 2004], лингвокультурологические [Уорф 1960; Сепир 1993; Телия 1996] и феноменологические социологические концепции [Бергер, Лукманн 1995; Шютц 2003] оказались irrelevantными для решения такой упрощённой исследовательской задачи. Анализ взаимного сходства в России производится исключительно в поле опросной методологии [Батыков 2014а; 2014с], что не только снижает достоверность полученных результатов, но полностью дискредитирует научную составляющую заведомо междисциплинарной экспертизы.

Подобная редукция аргумента, или приравнивание юридического факта к результатам социологического опроса, противоречит международному опыту работы с определением сходства торговых марок. Например, ссылаясь на работу Мишеля Бирмена и Джеффри Векслера [Bierman, Wexler 1990], Дороти Коэн выделяет пять значимых факторов для идентификации нарушений, приводящих к смешению товарных марок, по которым могут производиться судебные решения в США [Cohen 1991] (Курсив наш. — Р. Б., Д. Р.):

- сходство торговых марок, которое обычно определяется через сопоставление общего *впечатления от формы, звучания или смысла двух торговых марок*;
- насколько *сильнее и различимее основная торговая марка*, насколько велика вероятность смешения с ней дублирующей, сопутствующей марки;
- степень схожести между *продуктами* основной торговой марки и продуктами недобросовестных конкурентов, дублирующих её отличительные признаки;
- степень схожести *маркетинговых и рекламных каналов продвижения* конкурирующих товаров;
- *включённость покупателей в выбор продукта*: чем выше включённость, или озабоченность покупателей выбором продукта, тем ниже вероятность смешений.

Другими словами, с точки зрения американских юристов, недостаточно идентифицировать факт смешения торговых марок большинством респондентов в полевых тестах или социальных опросах. Необходимо зафиксировать наличие дополнительных факторов, связанных с особенностями восприятия продукта и привязанностью к бренду [Brodie et al. 2013; Chiu et al. 2017], со стилем поведения, идентичностью покупателя [Schmitt 1999; Ahuvia 2005; Batra, Ahuvia, Bagozzi 2012; Badgaiyan, Dixit, Verma 2017; Coothoopermal, Cittoo 2017], осведомлённостью и включённостью в потребительские

¹ С 2017 г. — Лаборатория социологической экспертизы Федерального научно-исследовательского социологического центра (ФниСЦ) РАН.

² Понятия «бренд», «торговый знак», «торговая марка» пришли в русский язык в 1990-х вместе с развитием рынков конкурирующих товаров. Бренд — это некоторое абстрактное понятие, отражающее представление потребителей о товаре, его ценности, значимости, отличительности, значимых свойствах. С правовой точки зрения о товарном знаке и товарной марке говорят как о юридических признаках бренда компании и предлагаемых ею продуктов; см. подробнее: [Рабец 2003; Куярова 2013; Галифанов, Карлиев, Галифанова 2015; Старов 2015; Ворожевич 2017].

практики [Walsh, Mitchell 2010], что требует развёрнутой и фундированной научной экспертизы, которую невозможно провести в рамках одной унифицированной процедуры.

В России подобные соображения не рассматриваются. Более того, массовое применение опросных подходов без должной рефлексии, стремление редуцировать и упростить научную процедуру привели к катастрофическому падению качества организуемых для судебных и регулирующих органов исследований. Зачастую свои выводы социологи делают на основе результатов опросов, проведённых с нарушением базовых методологических требований. Респондентам задают прямые вопросы, не особо заботясь о переводе на язык респондентов сложных профессиональных терминов из области защиты прав на товарные знаки. На основе этого исследователи составляют вопросы таким образом, что ставят человека в положение эксперта собственного восприятия. Исходя из такой самоэкспертизы делается вывод о наличии или об отсутствии смешения товарных знаков или упаковки.

Так, отталкиваясь лишь от личных представлений о семантике и прагматике построения вопросов, Н. С. Бабич и И. В. Батыков предлагают весьма сомнительные формулировки в качестве операционализации сложных когнитивных процессов восприятия и оценки сходства [Бабич, Батыков 2012: 149]³:

1. Можете ли Вы при покупке товара под этим обозначением (демонстрируется обозначение-оригинал) отличить его от товара под этим обозначением (демонстрируется обозначение, предположительно сходное с оригиналом до степени смешения)?
 - a) Да, могу.
 - b) Нет, не могу.
 - c) (НЕ ЗАЧИТЫВАТЬ) Отказ от ответа.

2. Можете ли Вы приобрести товар под этим обозначением (демонстрируется обозначение, предположительно сходное с оригиналом до степени смешения) по ошибке, думая, что приобретаете товар под этим обозначением (демонстрируется обозначение-оригинал)?
 - a) Да, могу.
 - b) Нет, не могу.
 - c) (НЕ ЗАЧИТЫВАТЬ) Отказ от ответа.

3. По какой причине такая ошибка могла бы возникнуть?
 - a) По причине сходства обозначений.
 - b) Потому, что мне не важны обозначения, представленные в товарах.
 - c) В результате случайности.
 - d) Из-за недобросовестного продавца.
 - e) По другой причине.
 - f) (НЕ ЗАЧИТЫВАТЬ) Отказ от ответа.

³ Следует всё же отдельно отметить, что в другой работе И. В. Батыков приводит общепризнанные требования к формулировкам вопросов: «Вопросы по возможности не должны содержать терминологию, оперирование которой предполагает владение специальными знаниями. Если задача экспертизы требует использования специальных терминов, их значение должно быть объяснено всем респондентам. Вопросы должны формулироваться с использованием лексики, максимально приближенной к естественной для респондента» [Батыков 2014с: 119.] Однако требования к доступной для респондента операционализации остаются здесь лишь декларацией, номинальными указаниями без какой-либо привязки к практике проведения социальных исследований. Приведённый перечень вопросов служит ярким тому примером.

Такая операционализация называется прямой. Она получила распространение в начале прошлого века, затем в течение нескольких десятилетий подвергалась мощной критике и к 1990-м гг. была практически исключена из опросов общественного мнения, иных социологических исследований [Рогозин 2006]. Однако в силу непубличности многих гражданских разбирательств и низкой информированности юридического профессионального сообщества о стандартах качества в области социологических исследований (а также низкой информированности социологов о том, что творится в судах, ФАС и Роспатенте) в России до сих пор применяется прямая операционализация в качестве методологических решений в судебных и досудебных спорах (см., например: [Посыпай 2015: 88–90]). Низкая методическая культура, отсутствие знаний в области истории и теории социальных исследований и отсутствие фундаментальных исследовательских проектов, организованных вне коммерческих запросов, выдаются за экспертную позицию, что дискредитирует гуманитарное знание, подрывает доверие к профессиональным сообществам социальных исследователей.

Как правило, за рамками прямой операционализации исследований о взаимном сходстве во внешнем виде потребительских продуктов внутри одной товарной категории находятся три принципиальных вопроса или методических затруднения:

- Влияют или не влияют на получаемые ответы респондентов сама ситуация и инструмент исследования?
- Влияет или не влияет на итоговый результат знание респондентами одной торговой марки при одновременном незнании другой?
- Насколько сильно родовые черты товарной категории (признаки, позволяющие выделять товар) определяют внешний вид товара? Насколько похожи товары одной категории друг на друга? Как элиминировать (исключить) фактор родового сходства при рассмотрении двух схожих товаров одной категории?

В нашем исследовании представлен вариант работы с этими затруднениями с помощью проектирования экспериментального плана, основанного на прямом обращении к гипотезам восприятия испытуемыми тестируемых объектов. За последние несколько десятилетий наиболее значимые результаты при изучении процессов восприятия были получены в рамках *когнитивного подхода*, когда прямыми (через замер психофизиологических и когнитивных параметров) или косвенными (через теоретическую реконструкцию когнитивных составляющих) методами проверяются гипотезы восприятия зрительных образов и участия в вопрос-ответной коммуникации [Рогозин 2000]. В настоящей статье мы придерживаемся второго — реконструкционного — способа построения когнитивно ориентированных экспериментальных планов.

Задачи исследования

В большинстве экспертиз, проводимых по анализу взаимного сходства во внешнем виде потребительских продуктов внутри одной товарной категории, социологи представляют свои заключения как единственно валидные и надёжные, подтверждённые идеальными экспериментальными планами и безупречной научной репутацией. Прикрываясь научной фразеологией, накопленными социальными статусами и рангом профессиональных институтов, они выступают защитниками той или иной стороны, отказываясь от базового принципа экспериментальной работы — безусловной открытости и фальсифицируемости полученных результатов. Более того, в поисках неуловимого «общего впечатления» декларируется призыв к разработке единственно верного, унифицированного подхода к тестированию как оптимального средства преодоления расхождений в измерениях, сделанных различными исследователями.

В области экспертизы сходства до степени смешения, проводимой методом опроса потребителей, довольно часто встречается ситуация, когда сталкиваются противоположные выводы двух исследований, причём оба проведены авторитетными организациями на надёжных выборках по качественно разработанным анкетам. Различия в таком случае могут возникать просто потому, что для исследований использованы разные подходы. Эта проблема может быть решена разработкой унифицированной методики социологической экспертизы сходства до степени смешения [Батыков 2014b: 112].

Подобная установка приводит к сокрытию сбоев и ошибок исследований, которые могут быть выявлены только через применение различных методов и подходов. Триангуляция результатов или проверка достоверности полученных данных в разных исследовательских средах замещается договорным условием о выборе единственного метода. Перед нами явная попытка подмены научной процедуры измерения договорными отношениями. Другими словами, любая унификация, блокирующая альтернативные методические решения, есть путь к укоренению и сокрытию смещений и сбоев в измерительной процедуре.

Любые результаты научного эксперимента должны сопровождаться описанием сбоев и ошибок, допущенных при измерениях. Гипотезы, выдвигаемые в начале экспериментального плана, должны сопровождаться описанием базовых предположений и требований к техническим средствам, процедурами регистрации смещений. Ни в одном отчёте российских организаций, предлагаемых в качестве экспертных заключений, мы не видели даже намёка на возможность фальсифицировать (по Попперу) полученные результаты. К сожалению, в силу закрытости и непубличности материалов отчётов (в заключениях арбитражных судов, открытых для публичного рассмотрения, включены лишь результаты тестирования) мы не можем привести примеры. Недобросовестные участники судебных и внесудебных разбирательств, в которых привлекаются социологические исследования, научились извлекать выгоды из закрытости методических описаний своих исследований.

Задачи настоящего исследования состоят в следующем: во-первых, представить обоснованную критику текущего положения дел в области социологической экспертизы; во-вторых, продемонстрировать научный подход к оценочным и экспериментальным процедурам, направленным на производство «юридического факта».

Дабы не нарушить институт коммерческой тайны и одновременно открыть для научной дискуссии весьма важную сферу участия социологов в разрешении коммерческих споров, мы предлагаем рассмотреть кейс, в котором представлены решения содержательного вопроса (изучение сходства товарных знаков) и методологического вопроса (детальное описание исходных исследовательских посылок, методики исследования, инвентаризации, проблематизации и артикуляции всех спорных участков).

Содержательным материалом для данного исследования выступили шесть групп товаров личной гигиены:

- ополаскиватели для полости рта;
- зубные пасты;
- дезодоранты мужские;
- гели для душа мужские;
- гели для душа женские и (или) универсальные;
- твёрдые мыла.

В каждой товарной группе присутствовали один продукт мирового производителя (Unilever) с разветвлённой сетью торговых и коммерческих представительств и один продукт локальной российской

компания («Стокист») со значительно меньшим объёмом продаж и инвестиций в маркетинг и продвижение⁴. Отличием этой работы от доминирующего на российском рынке «социологической экспертизы» подхода является тотальная открытость методики и акцент на ошибках и недочётах, возникающих в ходе измерения. Наука начинается с критики собственных методических допущений, и доверие к результатам строится на доказательствах от противного. Таковы методологические рамки нашей методической авантюры, задача которой — вывести экспертизу из тени институциональных игр и мимикрии под юридический дискурс, создать основу для научной критики методических решений, применяемых российскими социологами, выступающими экспертами или трансляторами голоса «рядового потребителя» в спорах хозяйствующих субъектов.

Методологические допущения

Качество научного эксперимента определяется не полученными результатами, а выявленными и описанными рисками систематических смещений. Подобный подход уже более 20 лет доминирует в социальных исследованиях и обозначается «теорией общей ошибки исследования» — Total Survey Error (TSE) [Weisberg 2005; Biemer 2010; Groves, Lyberg 2010; Schaeffer, Dykema 2011]. Объективность, надёжность и валидность исследования, на которых строится понятие «юридический факт», не могут быть достигнуты без детального описания угроз объективности, надёжности и валидности.

В изучении взаимного сходства во внешнем виде потребительских продуктов внутри одной товарной категории мы, как отмечалось выше, видим три наиболее существенные угрозы. Во-первых, влияние на ответы людей опросной ситуации и инструмента исследования, что может привести к манипулированию результатами и склонению мнений и оценок испытуемых в заведомо определённую сторону. Во-вторых, влияние «сильных» торговых марок (брендов) на представление о сходстве и (или) различии, что смещает оценки сходства в сторону узнаваемых брендов. В-третьих, влияние обобщённого дизайна класса товаров на дизайн конкретного товара, или формирование паттерна узнаваемости, не имеющего отношения к смешению тестируемых товарных марок. Все три вида угроз следует учитывать в проектировании экспериментального плана, поэтому остановимся на них подробнее.

Влияние на ответы людей опросной ситуации и инструмента исследования

Существует обширная литература, восходящая к хоторнскому эксперименту (1924–1932) Элтона Мэйо [Mayo 2003; Muldoon 2012], показывающая, как сильно меняются поведение и установки людей от осознания ими того факта, что они участвуют в исследовании.

Применительно к проблеме изучения смешения товарных знаков люди могут мысленно усложнять задачу: думать про себя, что ответ не может быть слишком простым, воспринимать ситуацию оценки товаров как квест и давать экзотические (не первые приходящие на ум) ответы, чтобы выделиться на фоне других респондентов, показать, что «они-то понимают, чего от них на самом деле хотят».

⁴ Компания Unilever является транснациональной корпорацией, выпускающей продукцию более 400 брендов в 190 странах мира; см. подробнее: URL: <https://www.unilever.ru>
ООО «Стокист» — российская компания, входит в группу компаний «Эра НРС», также включающую сеть магазинов «Улыбка Радуги»; см. подробнее: URL: <http://stokist.ru>
Сопоставление глобальных торговых марок, особенности их конкуренции с локальными на национальных торговых рынках составляют весьма значимый пласт когнитивных исследований брендов (см., например: [Shimp, Samiee, Madden 1993; Демиденко, Подгорная 2015]). Кроме того, опубликовано уже немало работ, отражающих особенности позиционирования конкретно брендов Unilever на локальных товарных рынках [Chirimubwe 2015; Mukiiira, Musau, Munyao 2017]. Однако подобные сравнения выходят за рамки настоящей статьи и будут рассмотрены в дальнейшем.

С учётом этого выигрышным становится максимально простой дизайн исследования. Эта простота может сообщаться участникам исследования через выполнение четырёх условий экспериментального плана:

- элементарная форма проведения (онлайн-опрос, «кликанье» по экрану компьютера или телефона);
- калибровочные вопросы в начале исследования (см. ниже);
- не создающие лишних ожиданий, акцентирующие прозаичность и обыденность происходящего приветственные обращения к участникам исследования;
- сама форма вопросов — попарное сравнение товаров (мы исходили из допущения, что человеку легче оперировать бинарными оппозициями, сравнение трёх и более объектов даётся сложнее).

Сразу оговоримся, что эти условия не являются догмой. Их присутствие в плане может и должно проблематизироваться.

Влияние «сильных» торговых марок (брендов) на представление о сходстве и (или) различии

Лояльность респондентов конкретной торговой марке способна оказывать влияние на их ответы на вопросы о сходстве данной марки с другой маркой, задаваемые социологами в ходе исследования. Если мы имеем дело с узнаваемой и распространённой торговой маркой, возникает риск нахождения её признаков в неизвестных марках даже при незначительных намёках и эффектах, воспроизводимых в их дизайне [Cohen 1991: 49]. Выявление подражательной стратегии (*me-too strategy*) [Arboleda, Alonso 2016], недобросовестных действий, повлёкших смешение торговых марок у потребителей, становится непременной, требующей развёрнутой аргументации задачей.

Для снижения действия этого фактора мы включили в исследование специальные калибровочные вопросы, которые идут в начале онлайн-анкеты. Назначение вопросов — актуализировать (сместить акцент на) геометрическую и пространственную компетентность участников исследования, чтобы знание торговых марок (брендов) отодвинулось на второй план.

Влияние обобщённого дизайна класса товаров на дизайн конкретного товара

Узнает ли потребитель гель для душа в упаковке от зубной пасты? Такая упаковка точно не вызовет обвинений в имитации товара от конкурентов. Но распознает ли потребитель в таком товаре «привычный его глазу» гель для душа, увидев его на полке супермаркета?

Как грамотно отделить сходство продуктов в силу сложившейся исторически традиции оформления продуктов всей товарной категории от сходства, являющегося результатом подражания?

Сопоставляя товары, потребитель относит их к тем или иным категориям, или вовлекается в когнитивный механизм категоризации. Благодаря этому потребитель может соотнести продукт с группой продуктов через значимые признаки сходства [Arboleda, Alonso 2016: 497]. Однако сходство распространяется не только на бренды и торговые марки, но и на категории товаров. Зубные пасты, твёрдые мыла, кремы для бритья схожи между собой не только по функциональному применению, но и по внешнему виду, способу представления и продвижения на товарных рынках.

Если два предыдущих вопроса, обычно игнорируемых коллегами, мы постарались инструментализировать, взять на вооружение, то ответ на третий вопрос мы сделали содержательной (не методической) целью исследования. Взяв в скобки побочные результаты проведённой работы, мы сконцентрировались на магистральной цели — изучить средний фоновый уровень сходства в товарной группе (категории) у потребителей предлагаемых товаров.

Предмет и объект исследования

Разговор о предмете исследования следует вести с точки зрения заинтересованных сторон. Другими словами, в отличие от объективирующей мир установки И. В. Батыкова [Батыков 2014а; 2014б; 2014с], мы считаем предметную область исследований предельно субъектной, отражающей интересы людей, начинающих подобные разговоры.

С точки зрения заказчиков, или интересантов в судебных разбирательствах, предмет социологической, психологической или когнитивной экспертизы сходства — это представления потребителей о наличии и (или) об отсутствии сходств во внешнем виде продуктов внутри представленных для тестирования товарных категорий.

Выявление сходства до уровня смешения у продуктов, производимых различными компаниями, определяется прямыми угрозами как производителям, так и потребителям предлагаемой продукции. *Предмет настоящего исследования, с точки зрения регулирующих органов государственной власти, призванных разрешать конфликты между различными игроками на товарных рынках, есть сходства или различия во внешнем виде или упаковке продуктов.*

Для того чтобы «вопрос о сходстве до степени смешения обозначений являлся вопросом факта» (Письмо ВАС РФ № 122 от 13 декабря 2007 г., п. 13), необходимо обосновать надёжность и валидность экспериментальной процедуры измерения. Мы детально рассматриваем и проблематизируем систему доказательств основных утверждений, проверяемых экспериментальными планами. *Предмет исследования настоящей работы, с точки зрения исследователей, — методический. Мы хотим обозначить границы метода, а не обосновать позицию той или иной стороны гражданского спора.*

Объект исследования — продукты, принадлежащие к одной товарной группе средств гигиены и выпускаемые под двумя конкурирующими марками — «Стокист» и Unilever. Продукты сгруппированы в шесть пар, которые выступают объектом эксперимента: (1) ополаскиватели для полости рта «Таёжные рецепты» («Стокист») и «Лесной бальзам» (Unilever); (2) зубные пасты «Таёжные рецепты» («Стокист») и «Лесной бальзам» (Unilever); (3) дезодоранты мужские Carelax («Стокист») и Axe (Unilever); (4) гели для душа мужские Carelax («Стокист») и Axe (Unilever); (5) гели для душа Delicare («Стокист») и Dove (Unilever); (6) твёрдые мыла Delicare («Стокист») и Dove (Unilever).

Экспериментальный план

Метод исследования — онлайн-опрос с демонстрацией образов товара — фотографий — тестируемых шести товарных категорий, для каждой из которых опрошены 300 чел. Общий объём экспериментальной выборки для шести линеек составил 1800 чел.

Выборка и репрезентативность: мы не ставили вопрос о репрезентативности социально-демографического состава испытуемых некоторой генеральной совокупности, как не ставят этот вопрос тысячи исследователей, реализующих полевые экспериментальные планы по оценке схожести или различий товарных марок, брендов или продуктов (см., например: [Arboleda, Alonso 2016: 498]). Такие исследования репре-

зентируют не группы населения, а механизмы восприятия *homo sapiens*. Ниже представлено краткое обоснование этого тезиса.

Процессы, протекающие в сознании потребителей при узнавании товаров на полках, установлении сходства и различия между образами товаров разных производителей, имеют сложный многослойный фундамент. При узнавании товаров на полках, установлении сходства и различия между образами товаров разных производителей задействуются четыре пласта компетенций (навыков и (или) способностей и знаний):

- способность использовать зрение, чтобы сигнал из внешнего мира попал во внутренний мир, способность удерживать внимание, запомнить увиденное. Человек не сможет сделать это, если у него имеются врождённые или приобретённые патологии центральной нервной системы и органов чувств (*нейрофизиологический и физиологический фундамент восприятия*);
- сложившиеся за годы жизни, дошкольного, школьного образования когнитивные навыки. Способность устанавливать расстояние до рассматриваемого объекта и расстояние между объектами, способность выделить объект на фоне других объектов, способность воссоздать третье измерение по двухмерной фотографии объекта и т. п. — все это формируется в раннем возрасте, и, не имея этих навыков, даже здоровый человек сможет увидеть только различные цветочные и световые пятна, но не объекты (*когнитивно-психологический фундамент*);
- социальная и языковая компетентность, знания об объекте. Советский человек из сельской глубинки, привыкший покупать мыло в виде хозяйственного мыла, продаваемого на развес в сельпо и заворачиваемого в серо-коричневую обёрточную бумагу, может и не понять, что перед ним мыло, если увидит его в красочной картонной упаковке. Индеец, никогда не видевший лошадь и впервые увидевший всадника верхом, имеет полное право подумать, что перед ним двухголовое животное (*социализационный фундамент — уровень обыденного, само собой разумеющегося, «и так всем понятного» знания*);
- (факультативно) экспертные знания об объекте. Эскимосы выделяют несколько десятков оттенков белого и благодаря этому могут «увидеть», когда выпал снег: позавчера или четыре дня назад. Криминалист, прибыв на место преступления, «видит» гораздо больше, чем простой обыватель. Лояльный потребитель торговой марки будет в других торговых марках находить элементы копирования, имитации (*социологический фундамент*).

Социологи и в ходе «экспертизы» чаще всего ограничиваются изучением четвёртого — социологического, или экспертного — фундамента восприятия. Это самый поверхностный механизм, отвечающий за узнавание объектов. Как правило, социологи-эксперты пытаются найти лояльных потребителей данной торговой марки и опросить их о том, что они думают о сходстве и различии продукта этой марки с другим продуктом, узнают ли они товар на полке, узнают ли они полку без любимого товара и т. д.

В данном исследовании мы предприняли попытку обратиться к более глубинным механизмам, определяющим восприятие потребителей. Если не брать во внимание психофизиологические моменты, в которых социальные исследователи по определению не являются экспертами, то можно попытаться получить оценки объектов сравнения, задействовав когнитивно-психологический и социализационный фундаменты восприятия.

В когнитивно-психологическом и социализационном плане *все люди примерно одинаковы*. Это так называемые обычные нормальные люди (данное понятие обосновано ещё в работах Макса Вебера). С учётом этого для получения репрезентативных данных о наличии либо об отсутствии сходства между различными марками достаточно опросить относительно небольшое количество людей:

- здоровых;
- взрослых;
- социализированных, то есть знающих, что такое в принципе зубная паста, гель для душа, мыло, дезодорант и т. д.;
- не являющихся преданными поклонниками какой-то одной марки;
- пол не имеет значения;
- возраст после определённой отметки (в данном случае — 18 лет) и опыт пользования конкретными марками не имеют значения⁵.

Исходя из этого, была выбрана модель выборки, подобная традиционным рекрутингам испытуемых в социальной психологии, — потоковая выборка (*river sample*) в социальной сети «Фейсбук», или предложение к участию в опросе с помощью инструментов таргетированной рекламы⁶. Исключалось участие в исследовании так называемых профессиональных респондентов, отвечающих на вопросы социологов в онлайн-опросах за деньги, у которых из-за серийности опыта ответов на вопросы сформированы специфические настройки восприятия. Это достигалось тем, что анкета размещалась непосредственно в сети «Фейсбук», а не на платной онлайн-панели. Результативной считалась только полностью заполненная онлайн-анкета. Сбор данных продолжался до тех пор, пока не набиралось 300 заполненных анкет по каждой сравниваемой группе товаров. Предполагается, что использовать ссылку на «Фейсбук», перейти на страницу анкеты, заполнить её может только здоровый в физическом и неврологическом плане человек.

Всего на опрос 1800 человек понадобилось девять дней — 2–10 ноября 2017 г. включительно.

Процедура тестирования. Этапы. Процедура тестирования состоит из четырёх этапов:

1. подбор объектов сравнения;
2. формирование пар объектов сравнения;
3. калибровка настроек восприятия респондентов с помощью специальных вопросов;
4. демонстрация объектов сравнения с вопросом о сходстве или различии.

На первом этапе *формируются товарные группы*, которые состоят из экспериментальных и контрольных объектов сравнения (см. рис. 1). Эти последние необходимы для оценки того, насколько оценки сходства имеют отношение к сопоставляемым товарам. Если экспериментальные объекты оцениваются как схожие между собой, а их пары с контрольными объектами, как и пара контрольных объектов, являются отличающимися, это указывает на наличие значимого сходства в экспериментальных объектах. Подобное рассуждение относится и к установлению значимого различия. Напротив, если экспериментальные объекты схожи между собой и одновременно испытуемые говорят об их сходстве с контрольными объектами сравнения, это указывает на проблематичность выносимого суждения. В этой ситуации возможны несколько исходов: либо испытуемые оценивают сходство не товаров, а товарной группы, акцентируя внимание на отличительных чертах не торговой марки, а в целом потребительского продукта; либо контрольные продукты обладают теми же признаками, что и экспериментальные. И в первом и во втором случае однозначное утверждение о значимом различии или сходстве тестируемых товаров сомнительно.

⁵ Например, существует вероятность найти человека, не пользовавшегося пастой «Colgate. Лечебные травы», но найти человека, в принципе никогда не пользовавшегося зубной пастой, в современной России достаточно проблематично.

⁶ Вопрос о надёжности неслучайных выборок мы оставляем в стороне. В последние годы даже апологеты случайного отбора пересмотрели свои позиции. Категорический отказ от неслучайных выборок в научных экспериментальных планах, в прошлом рассматриваемый как безусловное требование научности, сейчас подвергается критике [Бейкер et al. 2016]. Проблема отбора респондентов или испытуемых чрезвычайно важна для системного решения поставленных задач, однако для её рассмотрения требуется подготовка специальных экспериментальных планов. Вернёмся к этому в следующих методических испытаниях.

Изображения объектов сравнения подбирались в сервисе «Яндекс.Картинки» по ключевым словам «мужские дезодоранты», «гели для душа», «зубные пасты» и т. д. среди изображений конкретных продуктов, присутствующих на отечественном рынке. Затем изображения нормировались по яркости, насыщенности и масштабировались, чтобы реконструировать соотносительные размеры репрезентируемых ими объектов. Далее изображения объектов размещались в интерфейсе сервиса для проведения опросов Survey Studio.

Товарные категории	Экспериментальные объекты сравнения		Контрольные объекты сравнения	
	«Стокист» Э1	Unilever Э2	К1	К2
1. Ополаскиватели для полости рта	 Ополаскиватель «Таёжные рецепты»	 Ополаскиватель «Лесной бальзам»	 Ополаскиватель «Фтородент»	 Ополаскиватель «Новый Жемчуг»
2. Зубные пасты	 Зубная паста «Таёжные рецепты»	 Зубная паста «Лесной бальзам»	 Зубная паста «Семейная»	 Зубная паста «Colgate. Лечебные травы»
3. Дезодоранты мужские	 Дезодорант «CARELAX INFINITE ENERGY»	 Дезодорант «AXE APOLLO»	 Дезодорант «Adidas ICE Dive»	 Дезодорант «Nivea 48 ч. ЗАЩИТА АнтиСтресс»
4. Гели для душа мужские	 Гель для душа «CARELAX INFLAME»	 Гель для душа «AXE Excite»	 Гель для душа «AVON X-SERIES RECHARGE»	 Гель для душа «Dove Men HYDRATATION BALANCE»
5. Гели для душа женские и (или) универсальные	 Гель для душа «Delicare Creme fresh symphony»	 Гель для душа «Dove объятия нежности»	 Гель для душа «Fa Медовый крем»	 Гель для душа «Nivea Молоко и абрикос»
6. Твёрдые мыла	 Мыло «Delicare Creme Classic Beauty cream bar»	 Мыло «Dove Beauty cream bar»	 Мыло «Fa Йогурт БЕРЕЖНОЕ КРЕМ-МЫЛО»	 Мыло «Nivea Увлажнение и забота КРЕМ-МЫЛО»

Рис. 1. Основные и вспомогательные объекты сравнения по шести товарным категориям

На втором этапе *составляются пары из экспериментальных и контрольных объектов сравнения*, которые затем предъявляются испытуемому. Всего было сформировано 36 пар сравнения — по шесть пар в каждой из шести товарных категорий (см. рис. 2).

	Экспериментальные объекты сравнения		Контрольные объекты сравнения	
	Э 1	Э 2	К 1	К 2
1-я пара	+	+		
2-я пара		+	+	
3-я пара		+		+
4-я пара	+		+	
5-я пара	+			+
6-я пара			+	+

Рис. 2. Пары экспериментальных и контрольных объектов сравнения

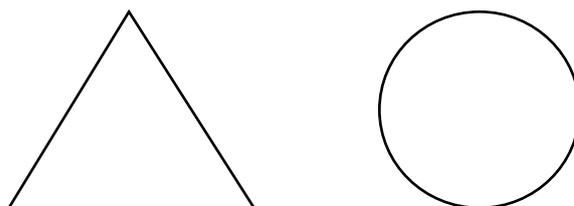
На третьем этапе производится *калибровка настроек восприятия респондентов*. Согласно теории (гипотезе) лингвистической относительности Сепира — Уорфа, носители индоевропейских и европейских языков (*standard average European; SAE*) в отличие от носителей языков других языковых семей ощущают более острую потребность оценивать мир в терминах формы и содержания, применять к нему пространственную метафору [Уорф 1960]. Чтобы апеллировать к этому слою сознания и актуализировать его, уводя человека дальше от экспертного знания о брендах с их (брендов) собственным уровнем символического [Zinkhan 1990], испытуемым предъявлялись калибровочные вопросы, в которых сравнению подлежат простые геометрические фигуры. Сначала непохожие (треугольник и круг), затем похожие (в геометрических терминах — «подобные») по форме, но отличающиеся по цвету и (или) содержанию (прямоугольники) (см. рис. 3). Проблема выбора в качестве объектов сравнения калибровочных вопросов является достаточно сложной. И то, что мы выбрали в этом качестве отвлечённые формы, простые геометрические фигуры с заливкой и без, — это неоднозначное и далеко не единственное решение. В нашем исследовании калибровочные вопросы и содержащиеся в них графические объекты были призваны увеличивать базис возникающего в сознании испытуемого стереоскопического инструмента сравнения, расширять пространство признаков, в которых оцениваются искомые объекты сравнения. Но, возможно, использование столь абстрактных форм, отличающихся от сравниваемых объектов так радикально, увеличивало базис настолько сильно, что оптика теряла свою работоспособность.

Мы видим треугольник, квадрат или круг не потому, что эти фигуры обладают специфическими пространственными соотношениями линий или углов, а потому, что зрительная система приписала образ данной фигуры (например, категорию треугольника) определённой комбинации базисных элементов, в число которых входят и ориентация линий, и величина углов, и ориентация углов. Но зрительная система приписывает образ треугольника не только комбинации этих элементов. Другой комбинации из других базисных элементов (например, из точек или фигурных элементов), из которых образуются фигуры Канише [Коршунов 1998], также может быть приписана аналогичная категория, и тогда мы увидим треугольник, хотя никаких геометрических оснований для этого нет [Измайлов, Чудина 2004: 226].

Задание оценить сходство или различие геометрических фигур направлено не на то, чтобы определить испытуемых, дающих правильные и неправильные ответы. В данном случае правильных или неправильных ответов нет. Нам важно оценить долю испытуемых, идентифицирующих в первом вопросе геометрические фигуры, и, тем самым, указывающих различие; во втором случае добавляются цвет и размер одной фигуры, что позволяет отыскивать различия, но при этом сохраняется базовое сходство.

Перед испытуемыми размещён квадрат. При всём многообразии представленных на картинке свойств, срабатывает общий паттерн идентификации пространственных фигур. Точно таким же образом потребитель выхватывает из всего многообразия свойств бренда нечто общее, указывающее на наличие сходств или различий между двумя тестируемыми торговыми марками. Это первичное назначение калибровочных вопросов. Помимо этого, калибровочным вопросам было вменено вторичное назначение (см. ниже).

Калибровочный вопрос 1. Похожи ли эти два объекта по внешнему виду?

- да
 нет

Калибровочный вопрос 2. Похожи ли эти два объекта по внешнему виду?

- да
 нет

Рис. 3. Калибровочные вопросы

На четвёртом этапе формируется опросный лист, в котором сначала были представлены два калибровочных вопроса, следом демонстрировались шесть пар объектов сравнения с заданием оценить сходство каждой пары. Например, для экспериментального тестирования первой товарной категории «ополаскиватели для полости рта» набор содержательных вопросов состоял из шести пар, составленных из экспериментальных и контрольных объектов тестирования (см. рис. 4).

В приветственном слове испытуемых просят ответить на несколько вопросов о схожести упаковок товаров. Им объясняется цель исследования — изучить то, как торговые марки «уживаются в головах современных людей»; таким образом, они подготавливаются к тому, что им придётся различать картинки с упаковками товаров, и к тому, что опрос будет прозаическим, скучным, он не содержит интриги и элементов квеста. Для того чтобы испытуемые отвечали в соответствии со своим первым впечатлением (согласно п. 3 Методических рекомендаций Роспатента), включается таймер. Не успевшие ответить квалифицировались как «не имеющие мнения» по одной из пар и исключались из дальнейшего рассмотрения (см. табл. 1).

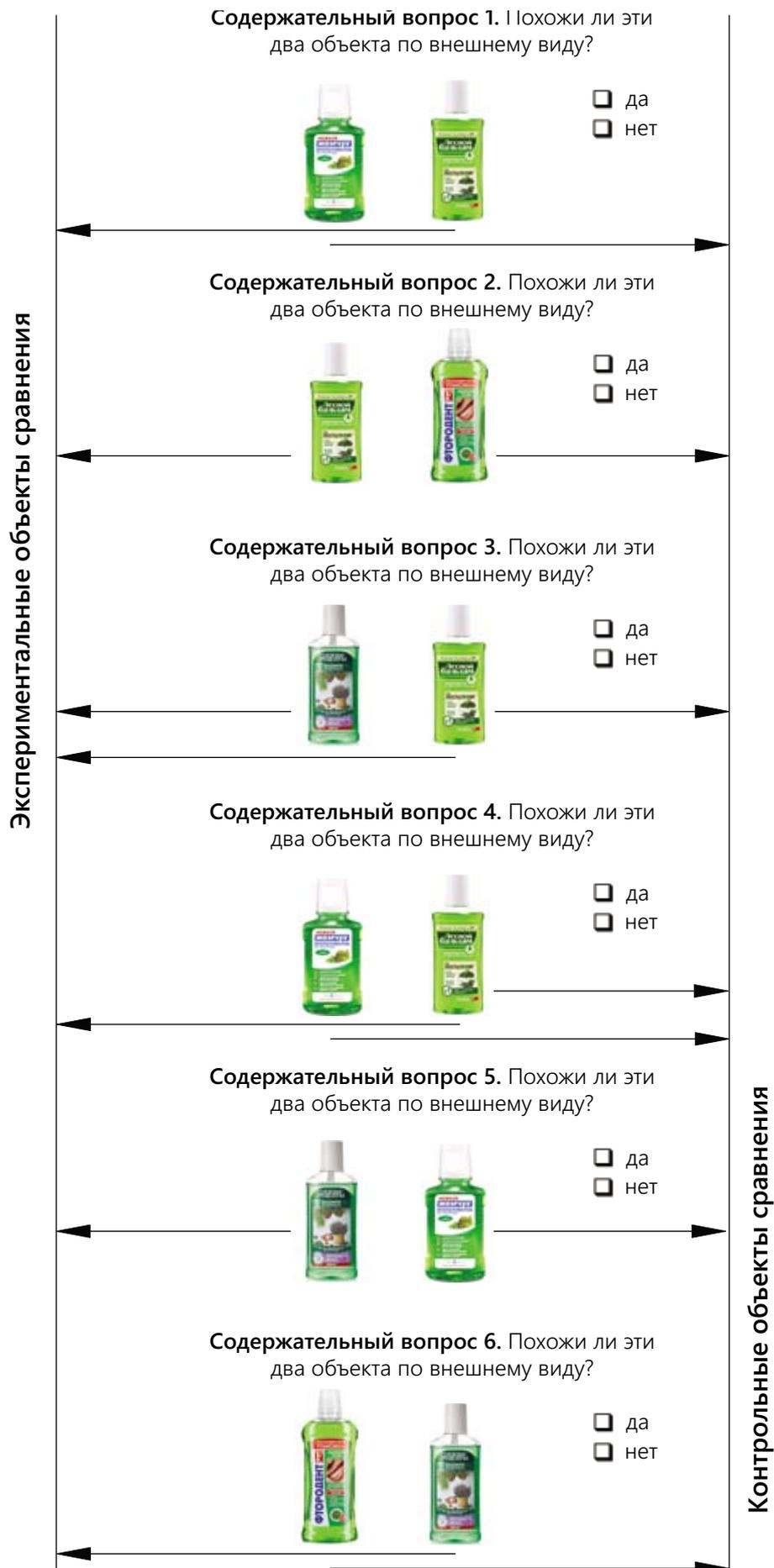

Рис. 4. Набор содержательных вопросов по тестированию сходства

Таблица 1

Статистика поведенческих реакций респондентов в ходе исследования

Тип реакции	Количество	Доля (%)
Результативные	1 800	17,4
Полные отказы (время заполнения — 0 сек.)	5 223	50,4
Отказ в ходе заполнения	2 007	19,4
Не уложились по времени	1 328	12,8
ИТОГО	10 357	100,0

Калибровка различительной способности

Поскольку содержательные вопросы на установление сходства и (или) различия имели дихотомическую форму закрытия, то есть предполагали ответы «да» или «нет», арсенал статистических методов анализа итогового массива данных был невелик. В случае с дихотомическими вопросами важно иметь в виду следующее: при анализе ответов неправомерно говорить о том, что, по мнению респондентов, изучаемые объекты обладают той или иной степенью сходства и (или) различия, эти объекты похожи больше, эти — меньше. Объекты в парах, по мнению респондентов, либо похожи, либо не похожи друг на друга; вопросы о градациях сходства вопросов испытуемым не задавались. Корректно поэтому в данном случае говорить о долях людей, считающих объекты схожими. Эти доли косвенно указывают на вероятность того, что каждый данный испытуемый смешает данный объект с другим аналогичным объектом.

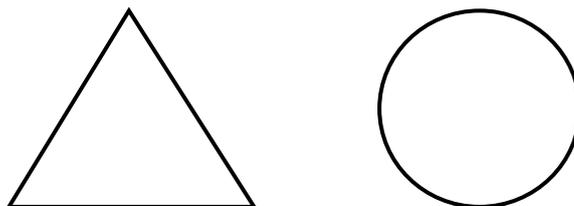
В исследовании тестировалась гипотеза о том, что все объекты, принадлежащие товарной категории, воспринимаются потребителями как схожие, то есть в каждой категории по каждой паре ответов будет наблюдаться консенсус, выражающийся в том, что доля ответов «да» на вопрос о сходстве будет в каждом случае если не абсолютной, то преобладающей.

Возникает вопрос: что считать подтверждением наличия сходства между сравниваемыми единицами в каждой паре? Строго говоря, для вынесения такого суждения в свете озвученного выше тезиса о том, что восприятие здоровых взрослых людей работает примерно одинаково, доля положительных ответов о сходстве должна равняться 100%. Но именно для оценки того, что означает это «примерно одинаково», мы и предприняли массовое обследование, включающее сотни единиц. В обратном (идеальном) случае нам достаточно было бы опросить одного человека. Гипотеза о том, что испытуемые будут отвечать единообразно, не подтвердилась. В ответах респондентов на дихотомические вопросы по каждой паре наблюдалось определённое варьирование. Кроме того, один и тот же респондент по разным парам одной товарной группы выносил разные оценки. Как следует трактовать тот факт, что эмпирически доля положительных ответов не равна 100%, а находится в интервале 0–100%?

Необходимо было определить границу — долю ответивших положительно, после чего можно утверждать о сходстве тестируемых объектов. Для этого мы использовали показатель, рассчитанный на основе анализа ответов респондентов на калибровочные вопросы (это вторичное использование калибровочных вопросов)⁷.

⁷ Как упоминалось выше, в России распространена прямая операционализация оценки сходства, поэтому задача калибровки решается отбором эталонов, или специально подобранных образцов, «в которых заведомо отсутствуют нарушения законодательства» [Батыков 2014а: 423]. Однако подобное решение вносит в процедуру большую долю волюнтаризма и субъективизма исследователя, что негативно сказывается на надёжности получаемых результатов. Мы предлагаем следовать классической схеме планирования экспериментального плана, в которой предполагается выделение экспериментальных и контрольных групп, а также описываются и реализуются процедуры по оценке надёжности полученных измерений.

Далее мы наблюдали ситуацию, когда часть респондентов отвечает на вопрос о сходстве треугольника и круга положительно (доля таких ответов колеблется: 10,3–17,7%), а часть респондентов (их доля тоже колеблется: 22,0–31,3%) отвечает отрицательно на второй калибровочный вопрос о сходстве двух прямоугольников. Мы постулировали, что по каждой паре внутри товарной группы долей положительных ответов респондентов о сходстве, свидетельствующей о том, что объекты сходны, является не доля в 100%, а доля, лежащая в некоем интервале. А именно: средняя (X_{cp}) долей людей (X_i), оценивающих пары в группе как схожие, будет находиться в интервале I между долей ответивших отрицательно на первый калибровочный вопрос (о сходстве круга и треугольника) и долей ответивших положительно на второй калибровочный вопрос (о сходстве двух разноразмерных и разноцветных прямоугольников). Проиллюстрируем это на примере ополаскивателей. Границы интервала I : 75,3–89,7% (см. рис. 5).

Похожи ли эти два объекта по внешнему виду?

		Частота	Проценты	Валидный процент	Накопленный процент
Валидные	Да	31	10,3	10,3	10,3
	Нет	269	89,7	89,7	100,0
	Всего	300	100,0	100,0	

Похожи ли эти два объекта по внешнему виду?

		Частота	Проценты	Валидный процент	Накопленный процент
Валидные	Да	226	75,3	75,3	75,3
	Нет	74	24,7	24,7	100,0
	Всего	300	100,0	100,0	

Рис. 5. Результат калибровки по испытуемым, оценивающим сходство объектов в товарной категории «ополаскиватели для полости рта»

Для остальных товарных категорий получены следующие значения интервала I :

- товарная категория «зубные пасты»: 68,7–86,3%;
- товарная категория «мыло»: 74,0–82,3%;
- товарная категория «гели для душа»: 78,0–88,0%;
- товарная категория «дезодоранты»: 77,3–85,0%;
- товарная категория «гели для душа (для мужчин)»: 71,7–83,0%.

Калибровочный интервал рассчитан для каждой категории, поскольку фактически они тестировались на отдельных выборках, то есть проводились независимые экспериментальные планы. Вместе с тем схожесть полученных распределений (минимальный разброс от средней) позволяет предложить в последующих тестах работать с одной усреднённой оценкой.

Результаты сравнения

Лишь в одной из шести товарных категорий среднее значение (X_{cp}) попало в искомый диапазон. Но в каждой группе находились три (предположительно) похожих между собой объекта, при попарном сравнении которых (в трёх парах из шести) большинство испытуемых говорят о сходстве, и доля таких ответов находится интервале I .

Так, в калибровочный интервал для ополаскивателей (75,3–89,7%) вписываются доли утвердительно ответивших о сходстве объектов во всех парах с тестируемым товаром «Лесной бальзам»:

- (1) «Новый Жемчуг» — «Лесной бальзам»: 79,3%;
- (2) «Лесной бальзам» — «Фтородент»: 79,7%;
- (3) «Таёжные рецепты» — «Лесной бальзам»: 79,3%.

Однако в отношении других пар доля утвердительно ответивших о сходстве тестируемых продуктов значимо почти на две сигмы ниже (см. рис. 6):

- (1) «Фтородент» — «Новый Жемчуг»: 62,0%;
- (2) «Таёжные рецепты» — «Новый Жемчуг»: 62,7%;
- (3) «Фтородент» — «Таёжные рецепты»: 63,3%.

Пары	X	X _{cp}	X-X _{cp}	(X-X _{cp}) ²
«Новый жемчуг» — «Лесной бальзам»	79,3	71,1	8,2	67,2
«Лесной бальзам» — «Фтородент»	79,7	71,1	8,7	75,7
«Таежные рецепты» — «Лесной бальзам»	79,3	71,1	8,2	67,2
«Фтородент» — «Новый жемчуг»	62,0	71,1	-9,1	82,2
«Таежные рецепты» — «Новый жемчуг»	62,7	71,1	-8,4	70,6
«Фтородент» — «Таежные рецепты»	63,3	71,1	-7,8	60,8
			Σ (X-X_{cp})²	424,4
			Степеней свободы (df)	5
			σ²	84,9
			σ	9,2
			от	до
			Диапазон "одна сигма"	61,9 80,3
			Диапазон "две сигмы"	52,7 89,5

■ Сравнение двух экспериментальных объектов друг с другом
■ Сравнение двух контрольных объектов друг с другом
■ Сравнение экспериментальных объектов с контрольными

Рис. 6. Результаты сравнения по товарной группе «ополаскиватели для полости рта»

С одной стороны, экспериментальная пара ««Таёжные рецепты» — «Лесной бальзам»» набирает значительное количество ответов о сходстве. С другой стороны, такой же результат мы фиксируем практически по всем сравниваемым товарам. Разница состоит лишь в том, что пары, в которые включён «Лесной бальзам», демонстрируют практически идентичные показатели сходства; значения по остальным парам лежат в пределах допустимого разброса двух сигм.

Другими словами, оценки испытуемых достаточно близки, но мы не можем говорить о том, что зафиксировали консенсус по отношению ко всем без исключения тестируемым товарам. Уместно предположить, что улавливаемое испытуемыми сходство связано не с конкретными торговыми марками, а с идеальным типом внешнего вида всей товарной группы ополаскивателей.

Для наглядности изобразим это с помощью графов, вершинами которых являются сравниваемые бренды, а рёбрами — доли испытуемых, голосующих за их сходство. Голубым цветом покажем рёбра, демонстрирующие, что у людей нет консенсуса по поводу сходства, а красным — рёбра, демонстрирующие наличие консенсуса (см. рис. 7).

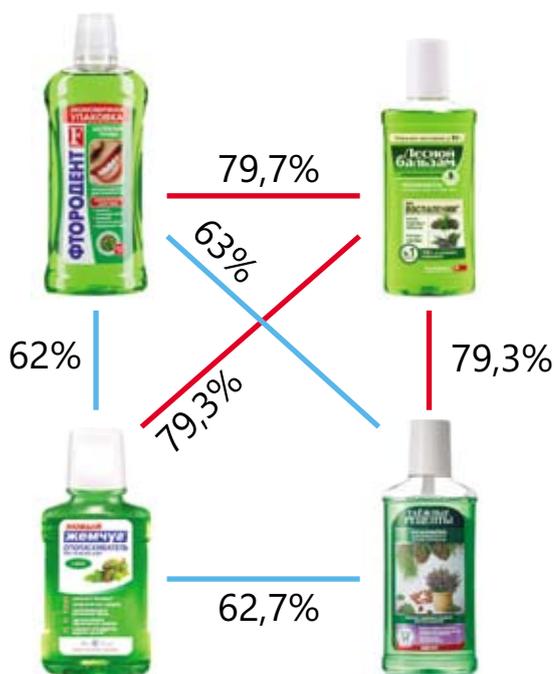

Рис. 7. Граф попарного сходства

Несмотря на отсутствие консенсуса (исходя из калибровочных замеров), можно заключить, что, с точки зрения большинства людей, все тестируемые объекты схожи между собой. Ни одна пара не отклоняется от среднего в большую или меньшую сторону больше, чем на одну сигму.

В российской практике тестируются лишь продукты, находящиеся в стадии судебных разбирательств, когда одна сторона подаёт на другую иск о недобросовестном копировании своего бренда. Проведя тест по устоявшейся в практике схеме, без включения в экспериментальный план контрольных групп, мы с очевидностью зафиксируем схожесть большинства товаров Unilever и «Стокист». Однако их отождествление потребителями происходит не из-за сходства конкретных торговых марок. Основная причина — в близости по дизайну, упаковке, формату представления торговых групп, в которых все предлагаемые на рынке товары воспринимаются тождественными. Похоже, что дизайн продуктов Unilever уже репрезентируют не отдельную торговую марку, а целую товарную категорию.

Важнейшая причина покупательского выбора дизайна продукта — типичность, или степень, в которой продуктовый дизайн репрезентирует товарную категорию [Veryzer, Hutchinson 1998]. В этом смысле некоторые бренды представляют продукты, чей дизайн чрезвычайно типичен для соответствующей продуктовой категории, тогда как другие бренды предлагают продукты, сильно отличающиеся от товарной категории, к которой они принадлежат [Schnurr 2017: 609].

Другими словами, если обнаруживаются значительные сходства в дизайне продукта, речь уже может идти об эксплуатации торговой марки и привязанности к ней потребителей конкурентами [Park, Eisingerich, Park 2013; Chiu et al. 2017: 157]. Пока не опровергнуты полученные результаты, можно утверждать, что перед нами обыденные представления о том, каким образом должны упаковываться дезодоранты, мужские гели для душа, мыло и ополаскиватели, то есть мы получили весьма высокие доли испытуемых, считающих объекты схожими. Эти доли можно интерпретировать как вероятность того, что испытуемый смешивает данный объект с другим аналогичным объектом из той же товарной категории, а не только с тестируемыми марками Unilever или «Стокист».

Методические выводы

Судебные регулирующие органы нуждаются в проведении объективной и независимой оценки в делах по товарным знакам. Однако во многих хозяйственных спорах объективность не присутствует непосредственно, не может быть определена экспертным образом. Оценка взаимного сходства во внешнем виде потребительских продуктов внутри одной товарной категории — яркий пример такого положения дел. Для оценки взаимного сходства стали поэтому привлекаться не эксперты, обладающие некоторым набором уникальных знаний, а социальные исследователи, способные организовать и провести экспериментальные планы, надёжность и валидность которых определяются корректностью процедурных решений.

Вместе с тем, прогрессивное решение о внедрении в судебную практику научных методов сопровождается ненаучным способом репрезентации результатов, сокрытием важнейших характеристик экспериментальных планов, нарушениями методических процедур. Немногочисленные публикации, в которых эксперты-социологи раскрывают методологию проводимых исследований, содержат многочисленные ошибки и неточности, основываются на устаревших или ложных допущениях.

Но проблема ещё серьёзнее. Научная дискуссия не касается процедурных вопросов измерения. Подавляющее большинство экспериментальных планов не публичны, их результаты появляются в обтекаемых фразах: «как показало социологическое исследование», «потребители считают» и т. д. Закрытая методическая процедура порождает ложные заключения, вводит в заблуждение судебные органы, подрывает доверие к исследовательским решениям, приводит к волюнтаризму в разрешении хозяйственных споров.

В настоящем исследовании мы провели показательные замеры продуктов двух конкурирующих компаний, выделив несколько товарных категорий для тестирования. Основной акцент сделан на методической составляющей: раскрыты методологические допущения и аксиоматика проекта, детально описаны процедуры замеров, полностью раскрыты результаты, в том числе сомнительные, не позволяющие сделать однозначные заключения. Надёжность экспериментальных планов покоится на разборе ошибок и сбоях, детальном наблюдении за методическими затруднениями. Именно это условие научной работы повсеместно нарушается экспертами-социологами, которые выдают свои результаты за предельно надёжные и валидные, всячески скрывая неизбежные в научных экспериментах ошибки и промахи.

Предлагаемый экспериментальный план не является «унифицированным» (по Батыкову) и единственно возможным для тестирования взаимного сходства во внешнем виде потребительских продуктов внутри одной товарной категории. Тем не менее акцент на когнитивных процессах восприятия, внимание к статистическим отклонениям и тотальная открытость процедуры позволяют говорить о приемлемости предлагаемого подхода.

Во-первых, подробно описывается процедура формирования пар для сравнения, в которые включаются как тестируемые, или экспериментальные, продукты, так и другие продукты, принадлежащие той же товарной категории. Эти последние выступают для конструирования контрольных показателей, необходимых для оценки фоновых смещений. Потребитель может реагировать не на сходство конкретных торговых марок, а на общий дизайн всей товарной группы, поэтому важно зафиксировать риск подобного смещения.

Во-вторых, проводится калибровка различительных способностей испытуемых. Поскольку именно потребители продукции выступают инструментом для формирования оценок, необходимо измерить их способности по установлению различий. Культурные, психологические и социальные нормы, привычки и предубеждения могут значительно смещать оценки от их истинных характеристик, которые пытаются определить судебные и регулирующие органы.

В-третьих, организуются и контролируются чистота процедуры и отбор испытуемых. Статистический анализ только тогда даёт надёжные результаты, когда можно говорить о типичности и однозначности предъявления экспериментальных и контрольных стимулов.

В предлагаемом экспериментальном плане мы показали, что распространённые в России способы тестирования схожести до уровня смешения, построенные на модели прямой операционализации, могут приводить к фальсификации действительности, прямой ошибке, которая затем будет зафиксирована и распространена в судебном решении.

Но базовая задача проделанной работы — не разоблачение низкого качества современных российских социологических экспертиз, подталкивающих к вынесению вердикта о «наличии одинаковых зрительных впечатлений, которые устойчиво ассоциируются друг с другом, в связи с чем будут смешиваться потребителем» (см. эпиграф), а предложение рабочего инструмента для проведения социологических и психологических исследований, востребованных в судебной практике. Только через критику и детальный анализ получаемых сбоев можно добиться объективности, надёжности и валидности конструируемых юридических фактов.

Оставим в прошлом удобное конструирование собственной экспертности и позволим открытым для критики экспериментальным планам формировать новый уровень когнитивной, междисциплинарной экспертизы. Так, в представленном исследовании осталось четыре проблемные зоны, требующие дальнейшего изучения. Попытайтесь их обнаружить. А мы продолжим разговор о проблемах и вызовах когнитивного тестирования в следующих публикациях.

Литература

- Бабич Н. С., Батыков И. В. 2012. Формулировка вопроса о смешении средств индивидуализации в сознании потребителей: пути повышения качества информации. *Научные проблемы гуманитарных исследований*. 7: 141–149.
- Батыков И. В. 2014а. Методы принятия решений о нарушении законодательства на основе данных социологической экспертизы. *Теория и практика общественного развития*. 2: 422–424.
- Батыков И. В. 2014б. Принципы разработки методики социологической экспертизы сходства до степени смешения. *Сборники конференций НИЦ «Социосфера»*. 1: 112–116.

- Батыков И. В. 2014с. Методические нормы социологической экспертизы сходства промышленных образцов до степени смешения. *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2: 117–120.
- Батыков И. В. 2015. Автоматизация получения социологических доказательств незаконного использования средств индивидуализации в гражданском и уголовном процессах. *Теория и практика общественного развития*. 9: 105–107.
- Бейкер Р. et al. 2016. *Отчёт рабочей группы ААРОР о неслучайных выборках: июнь 2013*. Пер. с англ. Д. Рогозина, А. Ипатовой; под ред. А. Чурикова. М.: Общероссийский общественный фонд «Общественное мнение».
- Бергер П., Лукман Т. 1995. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум.
- Ворожевич А. С. 2017. *Защита брендов: стратегии, системы, методы*. М.: Изд-во «Проспект».
- Высший Арбитражный Суд Российской Федерации. Информационное письмо № 122 от 13 декабря 2007 года. *Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел, связанных с применением законодательства об интеллектуальной собственности*.
- Галифанов Г., Карлиев Р., Галифанова Р. 2015. *Охраноспособность товарных знаков*. М.: Цифровая типография «МДМпринт».
- Демиденко К. А., Подгорная Е. А. 2015. Культурная картина мира, представленная брендами (на примере стран Евросоюза). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 10 (Часть 2): 82–89.
- Жагорина С. А. 2014. Доказательства в спорах о незаконном использовании товарного знака. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 3: 219–223.
- Захарычев Л. С. 2004. Модель управления брендами предприятий-производителей. *Маркетинг в России и за рубежом*. 5: 72–79.
- Измайлов Ч. А., Чудина Ю. А. 2004. Конфигурационные и категориальные характеристики зрительского восприятия схематических фигур. *Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2: 210–228.
- Киян Ю. 2016. Методика сравнительного анализа эффективности фирменных стилей по критериям психологии восприятия. В кн.: Назаров Ю. В. (отв. ред.) *Современный дизайн и проблемы высшей школы дизайна: Избранные доклады первой международной научно-практической конференции 23 мая 2015 года*. Стерлитамак: АМИ; 75–82.
- Коршунова С. Г. 1998. Зрительные вызванные потенциалы на иллюзорный контур (квадрат Канизса). *Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова*. 48 (5): 807–815.
- Куярова Л. А. 2013. *Управление брендом*. М.: Изд-во МГУ.
- Моррис Ч. У. 2001. Основания теории знаков. В кн.: Степанов Ю. С. (сост.) *Семиотика. Антология*. М.; Екатеринбург: Академический Проект; Деловая книга; 45–97.

- Пирс Ч. С. 2000. *Избранные философские произведения*. М.: Логос.
- Посыпай Г. П. 2015. Возможности оценки различительной способности советских брендов: социологическая экспертиза экономико-правовой ситуации. *Теория и практика общественного развития*. 9: 87–91.
- Рабец А. 2003. *Правовая охрана товарных знаков в России. Современное состояние и перспективы*. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс».
- Рогозин Д. М. 2000. Когнитивный анализ опросного инструмента. *Социологический журнал*. 3/4: 18–68.
- Рогозин Д. М. 2006. Методологические основания опросов общественного мнения. В сб.: Рогозин Д. М. (отв. ред.) *Пути России: проблемы социального познания*. М.: МВШСЭН; 111–128.
- Сепир Э. 1993. *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. М.: Издательская группа «Прогресс».
- Соссюр Ф. де. 1999. *Курс общей лингвистики*. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета.
- Старов С. А. 2015. *Управление брендами*. СПб.: Изд-во «Высшая школа менеджмента».
- Телия В. Н. 1996. *Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. М.: Школа «Языки русской культуры».
- Уорф Б. Л. 1960. Отношение норм поведения и мышления к языку. Пер. с англ. Л. Н. Натан, Е. С. Турковой. В сб.: Звегинцев В. А. (сост.) *Новое в лингвистике*. Вып. 1. М.: Изд-во иностранной литературы; 157–201.
- Федеральная служба по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам. Приказ № 197 от 31 декабря 2009 года. *Об утверждении методических рекомендаций по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство*.
- Цой М. Е., Щеколдин В. Ю. 2013. Изучение влияния восприятия бренда на формирование предпочтений детей и подростков. *Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление*. 1 (65): 86–100.
- Шютц А. 2003. *Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии*. Сост. А. Я. Алхасов; пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой; научн. ред. перевода Г. С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение».
- Эко У. 2004. *Отсутствующая структура*. СПб.: Symposium.
- Ahuvia A. C. 2005. Beyond the Extended Self: Loved Objects and Consumers' Identity Narratives. *Journal of Consumer Research*. 32 (1): 171–184.
- Arboleda A. M., Alonso J. C. 2016. Consumer Confusion Choosing Me-Too Snack Package: An Experimental Study. In: Groza M. D., Ragland Ch. B. (eds). *Marketing Challenges in a Turbulent Business Environment: Proceedings of the 2014 Academy of Marketing Science (AMS) World Marketing Congress*. New York: Springer; 495–511.

- Badgaiyan A. J., Dixit S., Verma A. 2017. If Brands are People, then People are Impulsive — Assessing the Connection between Brand Personality and Impulsive Buying Behavior. *Journal of Brand Management*. 24 (6): 622–638.
- Batra R., Ahuvia A., Bagozzi R. P. 2012. Brand Love. *Journal of Marketing*. 76 (2): 1–16.
- Biemer P. P. 2010. Total Survey Error: Design, Implementation, and Evaluation. *Public Opinion Quarterly*. 74 (5): 817–848.
- Bierman M. H., Wexler J. D. 1990. Toward a Reformulation of the Test for Determining Trademark Infringement. *Trademark Reporter*. 80: 1–35.
- Brodie R. J. et al. 2013. Consumer Engagement in a Virtual Brand Community: An Exploratory Analysis. *Journal of Business Research*. 66 (1): 105–114.
- Chirimubwe R. G. 2015. The Impact of Corporate Social Responsibility on Brand Awareness: A Case Study of Unilever Zimbabwe Private Ltd. *International Journal of Innovative Research and Development*. 4 (5): 322–332.
- Chiu C.-M. et al. 2017. The Role of Customer-Brand Relationships and Brand Equity in Brand Extension Acceptance. *Journal of Electronic Commerce Research*. 18 (2): 155–176.
- Cohen D. 1991. Trademark Strategy Revisited. *Journal of Marketing*. 55 (3): 46–59.
- Coothoopermal S., Chittoo H. 2017. The Impact of Consumer Decision-Making Styles on Consumer Confusion in Mauritius: An Empirical Analysis. *International Journal of Consumer Studies*. 41: 312–324.
- Gabrielli V., Baghi I. 2016. Brand Architecture Shift and Corporate Brand Equity: An Exploratory Study. *Marketing Intelligence and Planning*. 34 (6): 777–794.
- Groves R. M., Lyberg L. 2010. Total Survey Error: Past, Present, and Future. *Public Opinion Quarterly*. 74 (5): 849–879.
- Loken B., John D. R. 1993. Diluting Brand Beliefs: When do Brand Extensions Have a Negative Impact? *Journal of Marketing*. 57 (3): 71–84.
- Mayo G. E. 2003 (1993). *The Human Problems of an Industrial Civilization*. New York: Routledge.
- McFarland S. G. 1981. Effects of Question Order on Survey Response. *Public Opinion Quarterly*. 45 (2): 208–215.
- Michael R. B., Garry M. 2016. Ordered Questions Bias Eyewitnesses and Jurors. *Psychonomic Bulletin and Review*. 23 (2): 601–608.
- Moore D. W. 2002. Measuring New Types of Question-Order Effects: Additive and Subtractive. *Public Opinion Quarterly*. 66 (1): 80–91.
- Mukiira E. M., Musau C., Munyao J. 2017. Effect of Experiential Marketing in Building Brand Equity: A Case of Selected Unilever Tanzania Brands. *International Journal of Supply Chain Management*. 2 (1): 1–31.

- Muldoon J. 2012. The Hawthorne Legacy: A Reassessment of the Impact of the Hawthorne Studies on Management Scholarship, 1930–1958. *Journal of Management History*. 18 (1): 105–119.
- Park C. W., Eisingerich A. B., Park J. W. 2013. Attachment-Aversion (AA) Model of Customer-Brand Relationships. *Journal of Consumer Psychology*. 23 (2): 229–248.
- Rousu M. C., O'Connor R., Bansal-Travers M. 2017. Smokers' BMI and Perceived Health: Does the Order Questions Matter? *Preventive Medicine Reports*. 5: 140–143.
- Schaeffer N. C., Dykema J. 2011. Questions for Surveys: Current Trends and Future Directions. *Public Opinion Quarterly*. 75 (5): 909–961.
- Schmitt B. B. 1999. *Experiential Marketing: How to Get Customers to Sense, Feel, Think, Act and Relate to Your Company and Brands*. New York: The Free Press.
- Schnurr B. 2017. The Impact of Atypical Product Design on Consumer Product and Brand Perception. *Journal of Brand Management*. 24 (6): 609–621.
- Shimp T. A., Samiee S., Madden T. J. 1993. Countries and Their Products: A Cognitive Structure Perspective. *Journal of the Academy of Marketing Science*. 21 (4): 323–330.
- Veryzer R. W., Hutchinson J. W. 1998. The Influence of Unity and Prototypicality on Aesthetic Response to New Product Designs. *Journal of Consumer Research*. 24 (4): 374–394.
- Vogel A. T., Watchravesrigkan K. 2017. Consumer Evaluations of Trend Imitation: Brand Equity, Consumer Attitude and Preference. *Journal of Product and Brand Management*. 26 (5): 516–527.
- Walsh G., Mitchell V.-W. 2010. The Effect of Consumer Confusion Proneness on Word of Mouth, Trust, and Customer Satisfaction. *European Journal of Marketing*. 44 (6): 838–859.
- Weisberg H. F. 2005. *The Total Survey Error Approach: A Guide to the New Science of Survey Research*. Chicago: University of Chicago Press.
- Willick D. H., Ashley R. K. 1971. Survey Question Order and the Political Party Preferences of College Studies and Their Parents. *Public Opinion Quarterly*. 35 (2): 189–199.
- Wilson D. C. 2010. Perceptions about the Amount of Interracial Prejudice Depend on Racial Group Membership and Question Order. *Public Opinion Quarterly*. 74 (2): 344–356.
- Zhai G., Liang X., Chen H. 2016. Study on Brand Mismatching Toward the Acquiring Enterprise Brand Dilution — Based on a Prospective of Construal Level Theory. *Open Journal of Business and Management*. 4 (3): 439–444.
- Zinkhan G. M. 1990. In Search of Brand Image: A Foundation Analysis. In: Goldberg M. E., Gorn G., Pollay R. W. *Advances in Consumer Research*. Vol. 17. Provo, UT: Association for Consumer Research; 110–119.

BEYOND BORDERS

Roman Bumagin, Dmitry Rogozin

Criticism of Interview Approach in Examining Similarity of Appearance of Products Belonging to the Same Product Category

BUMAGIN, Roman — PhD in Sociology, director of REFACTA Agency (Social Research and Technologies, JSC). Address: 11, Building 1 Yaroslavskaya str., 129366, Moscow, Russian Federation.

Email: bumagin@refacta.ru

ROGOZIN, Dmitry M. — PhD in Sociology, senior researcher, Institute of sociology, SIC RAS, head of Laboratory of Social Research Methodology, Institute of Social Analysis and Forecasting, Ranepa under the President of the Russian Federation. Address: 11 Prechistenskaya Embankment, 119034, Moscow, Russian Federation.

Email: nizgor@gmail.com

Abstract

Most of the studies examining the similarity of the appearance of products within a single product category, whose results are used as evidence in intellectual property lawsuits, are based on the interview approach. Respondents are asked to estimate a set of products from different manufacturers, either in a personal interview, online interview, or test imitating the situation of choice; they are then asked to answer a battery of questions regarding what they have seen/perceived. No matter how sophisticated the testing techniques are, the questions are focused on discovering the similarity (rather than difference) of objects treated by both the researcher and the examinee as if they are absolutely heterogeneous. Having succeeded at finding this similarity is interpreted as proof that one product is seeking to imitate the other. However, in real marketing practice, the situation where two products belonging to the same category do not inherit some common generic traits and perform as though they were originated in a symbolical and historical vacuum is nearly impossible. Most often, sociologists involved in lawsuits as expert witnesses tend to ignore (or remain ignorant of) the factor of generic/categorical similarity and use discovered “similarity” as direct evidence, contravening the basic principle of experimental work—undisputable openness and falsifiability of all results. The overarching goal of the article is to pull the sociological evidence and expertise out of the shadow of institutional games and to create the basis for scientific criticism of methodological decisions applied by sociologists. Having received an

order to conduct a substantial research in this field from a large Russian consumer market player, we decomposed our own methodological cornerstones and developed a simple cognitive-oriented experimental plan that made it possible to conclude that not only is there a similarity between the compared goods, but also a certain background level of similarity within the product group. The technique is described in detail, which allows reproducing or criticizing the results obtained. The described methodical decision can be used in other social studies on similar legal cases. Thus, the criticism of the interview approach dominating Russian practice of sociological expertise in intellectual property trials is presented via the description of an alternative experimental plan.

Keywords: antitrust regulation; arbitration court; intellectual property court; brand; consumer goods; confusing similarity; likelihood of confusion; trademark infringement; product design; product appearance; cognitive analysis; sociological expertise; ordinary consumer; experimental plan; Unilever.

References

Ahuvia A. C. (2005) Beyond the Extended Self: Loved Objects and Consumers' Identity Narratives. *Journal of Consumer Research*, vol. 32, no 1, pp. 171–184.

- Arboleda A. M., Alonso J. C. (2016) Consumer Confusion Choosing Me-Too Snack Package: An Experimental Study. *Marketing Challenges in a Turbulent Business Environment: Proceedings of the 2014 Academy of Marketing Science (AMS) World Marketing Congress* (eds. M. D. Groza, Ch. B. Ragland), New York: Springer, pp. 495–511.
- Babich N. S., Batykov I. V. (2012) Formulirovka voprosa o smeshenii sredstv individualizatsii v soznanii potrebitel'nykh puti povysheniya kachestva informatsii [Formulation of the Question on Mixing Means of Individualization in the Minds of Consumers: Ways to Improve the Quality of Information]. *Nauchnyye problemy gumanitarnykh issledovaniy*, no 7, pp. 141–149 (in Russian).
- Badgaiyan A. J., Dixit S., Verma A. (2017) If Brands are People, then People are Impulsive — Assessing the Connection between Brand Personality and Impulsive Buying Behavior. *Journal of Brand Management*, vol. 24, no 6, pp. 622–638.
- Baker R., Brick J. M., Bates N. A., Battaglia M., Couper M. P., Dever J. A., Gile K. J., Tourangeau R. (2016) *Otchet rabochey gruppy AAPOR o nesluchaynykh vyborkakh iyun 2013* [AAPOR Working Group Report on Non-Random Samples: June 2013] (Russian trans. D. Rogozin, A. Ipatova; ed. A. Churikova), Moscow: Obshcherossiyskiy obshchestvennyy fond “Obshchestvennoe mnenie” (in Russian).
- Batra R., Ahuvia A., Bagozzi R. P. (2012) Brand Love. *Journal of Marketing*, vol. 76, no 2, pp. 1–16.
- Batykov I. V. (2014a) Metody prinyatiya resheniy o narushenii zakonodatelstva na osnove dannykh sotsiologicheskoy ekspertizy [Methods of Decision-Making on Violation of the Law on the Basis of Sociological Expertise]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, no 2, pp. 422–424 (in Russian).
- Batykov I. V. (2014b) Principy razrabotki metodiki sotsiologicheskoy ehkspertizy skhodstva do stepeni smesheniya [The Principles of a Methodology for Sociological Examination of Similarities to the Point of Confusion]. *Sborniki konferentsiy NIC Sociosfera*, no 1. pp. 112–116 (in Russian).
- Batykov I. V. (2014c) Metodicheskie normy sotsiologicheskoy ekspertizy skhodstva promyshlennykh obraztsov do stepeni smesheniya [Methodological Norms of Sociological Examination of Similarity of Industrial Designs to the Degree of Mixing]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamentalnykh issledovaniy*, no 2, pp. 117–120 (in Russian).
- Batykov I. V. (2015) Avtomatizatsiya polucheniya sotsiologicheskikh dokazatelstv nezakonnogo ispolzovaniya sredstv individualizatsii v grazhdanskom i ugovnom protsessakh [Automation of Obtaining Sociological Evidence of Illegal Use of Means of Individualization in Civil and Criminal Proceedings]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, no 9, pp. 105–107 (in Russian).
- Berger P. Luckman T. 1995 *Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge], Moscow: Medium (in Russian).
- Biemer P. P. (2010) Total Survey Error: Design, Implementation, and Evaluation. *Public Opinion Quarterly*, vol. 74, no 5, pp. 817–848.
- Bierman M. H., Wexler J. D. (1990) Toward a Reformulation of the Test for Determining Trademark Infringement. *Trademark Reporter*, vol. 80, pp. 1–35.

- Brodie R. J., Ilic A., Juric B., Hollebeek L. (2013) Consumer Engagement in a Virtual Brand Community: An Exploratory Analysis. *Journal of Business Research*, vol. 66, no 1, pp. 105–114.
- Chirimubwe R. G. (2015) The Impact of Corporate Social Responsibility on Brand Awareness: A Case Study of Unilever Zimbabwe Private Ltd. *International Journal of Innovative Research and Development*, vol. 4, no 5, pp. 322–332.
- Chiu C.-M., Huang H.-Y., Weng Y.-C., Chen C.-F. (2017) The Role of Customer-Brand Relationships and Brand Equity in Brand Extension Acceptance. *Journal of Electronic Commerce Research*, vol. 18, no 2, pp. 155–176.
- Cohen D. (1991) Trademark Strategy Revisited. *Journal of Marketing*, vol. 55, no 3, pp. 46–59.
- Coothoopermal S., Chitto H. (2017) The Impact of Consumer Decision-Making Styles on Consumer Confusion in Mauritius: An Empirical Analysis. *International Journal of Consumer Studies*, vol. 41, pp. 312–324.
- Demidenko K. A., Podgornaya E. A. (2015) Kulturnaya kartina mira predstavlenaya brendami na primere stran Evrosoyuza [Cultural Picture of the World Presented by Brands (by the Example of EU Countries)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no 10, part 2, pp. 82–89 (in Russian).
- Eco U. (2004) *Otsutstvuyushchaya struktura* [Absent Structure], St. Petersburg: Symposium (in Russian).
- Federalnaya sluzhba po intellektualnoy sobstvennosti patentam i tovarnym znakam (2009) *Prikaz 197 ot 31 dekabrya 2009 goda Ob utverzhdenii metodicheskikh rekomendatsiy po proverke zayavlennykh oboznacheniy na tozhdestvo i skhodstvo* [Order No. 197 of 31 December 2009: Approval of the Guidelines for the Inspection of the Claimed Designations for Identity and Similarity]. Available at: <http://ipc.arbitr.ru/law/docs/125> (accessed 1 March 2018) (in Russian).
- Gabrielli V., Baghi I. (2016) Brand Architecture Shift and Corporate Brand Equity: An Exploratory Study. *Marketing Intelligence and Planning*, vol. 34, no 6, pp. 777–794.
- Galifanov G., Karliev R., Galifanova R. (2015) *Ohranosposobnost tovarnykh znakov* [Protection of Trademarks], Moscow: Cifrovaya tipografiya MDMprint (in Russian).
- Groves R. M., Lyberg L. (2010) Total Survey Error: Past, Present, and Future. *Public Opinion Quarterly*, vol. 74, no 5, pp. 849–879.
- Izmaylov Ch. A. Chudina Yu. A. (2004) Konfiguracionniye i kategorialniye kharakteristiki zritel'skogo vospriyatiya skhematicheskikh figur [Configurational and Categorical Characteristics of the Viewer's Perception of Schematic Figures]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya Psikhologiya i pedagogika = RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, no 2, pp. 210–228 (in Russian).
- Kiyan Yu. (2016) Metodika sravnitel'nogo analiza effektivnosti firmennykh stiley po kriteriyam psikhologii vospriyatiya [Methods of Comparative Analysis of the Effectiveness of Corporate Identity According to the Criteria of Psychology of Perception]. *Sovremennyy dizayn i problemy vysshey shkoly dizayna. Izbrannyye doklady pervoy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 23 maya 2015 goda* [Contemporary Design and Problems of Higher School of Design. Selected Works of the First International Scientific and Practical Conference May, 23 2015] (ed. Yu. V. Nazarova), Sterlitamak: AMI, pp. 75–82 (in Russian).

- Korshunova S. G. (1998) Zritelnye vyzvanniye potentsialy na illyuzornyj kontur kvadrat Kanizsa [Visual Evoked Potentials on the Illusory Contour (Kanizsa Square)]. *Zhurnal vysshei nervnoy deiatelnosti I. P. Pavlova = I. P. Pavlov Journal of Higher Nervous Activity*, vol. 48, no 5, pp. 807–815 (in Russian).
- Kuyarova L. A. (2013) *Upravlenie brendom* [Brand Management], Moscow: MSU Publishing House (in Russian).
- Loken B., John D. R. (1993) Diluting Brand Beliefs: When do Brand Extensions have a Negative Impact? *Journal of Marketing*, vol. 57, no 3, pp. 71–84.
- Mayo G. E. (2003) *The Human Problems of an Industrial Civilization*, New York: Routledge.
- McFarland S. G. (1981) Effects of Question Order on Survey Response. *Public Opinion Quarterly*, vol. 45, no 2, pp. 208–215.
- Michael R. B., Garry M. (2016) Ordered Questions Bias Eyewitnesses and Jurors. *Psychonomic Bulletin and Review*, vol. 23, no 2, pp. 601–608.
- Moore D. W. (2002) Measuring New Types of Question-Order Effects: Additive and Subtractive. *Public Opinion Quarterly*, vol. 66, no 1, pp. 80–91.
- Morris Ch. W. (2001) Osnovaniya teorii znakov [Foundations of the Theory of Signs]. *Semiotika. Antologiya* [Semiotics. Anthology] (ed. Yu. S. Stepanov), Moscow; Ekaterinburg: Akademicheskiiy proekt; Delovaya kniga, pp. 45–97 (in Russian).
- Mukiira E. M., Musau C., Munyao J. (2017) Effect of Experiential Marketing in Building Brand Equity: A Case of Selected Unilever Tanzania Brands. *International Journal of Supply Chain Management*, vol. 2, no 1, pp. 1–31.
- Muldoon J. (2012) The Hawthorne Legacy: A Reassessment of the Impact of the Hawthorne Studies on Management Scholarship, 1930–1958. *Journal of Management History*, vol. 18, no 1, pp. 105–119.
- Park C. W., Eisingerich A. B., Park J. W. (2013) Attachment-Aversion (AA) Model of Customer-Brand Relationships. *Journal of Consumer Psychology*, vol. 23, no 2, pp. 229–248.
- Peirce Ch.S. (2000) *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected Philosophical Works], Moscow: Logos (in Russian).
- Posypaj G.P. (2015) Vozmozhnosti otsenki razlichitelnoy sposobnosti sovetskikh brendov: sotsiologicheskaya ekspertiza ekonomiko-pravovoy situatsii [Opportunities to Assess the Distinctive Ability of Soviet Brands: Sociological Examination of the Economic and Legal Situation]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, no 9, pp. 87–91 (in Russian).
- Rabec A. (2003) *Pravovaya ohrana tovarnykh znakov v Rossii. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy* [Legal Protection of Trademarks in Russia. Current State and Prospects], Moscow: Izdatelstvo Yuridicheskiiy centr Press (in Russian).
- Rogozin D. M. (2000) Kognitivnyj analiz oprosnogo instrumenta [Cognitive Analysis of the Survey Tool]. *Sotsiologicheskiiy zhurnal = Sociological Journal*, no 3/4, pp. 18–68 (in Russian).

- Rogozin D. M. (2006) Metodologicheskie osnovaniya oprosov obshchestvennogo mneniya. *Puti Rossii: problemy socialnogo poznaniya* [Methodological Grounds for Public Opinion Polls] (ed. D. M. Rogozin), Moscow: MSSSES, pp. 111–128 (in Russian).
- Rousu M. C., O'Connor R., Bansal-Travers M. (2017) Smokers' BMI and Perceived Health: Does the Order Questions Matter? *Preventive Medicine Reports*, vol. 5, pp. 140–143.
- Sapir E. (1993) *Izbrannye trudy po yazykoznaniiu i kulturologii* [Selected Papers on Linguistics and Cultural Studies], Moscow: Progress Publishers (in Russian).
- Saussure F. de (1999) *Kurs obshchei lingvistiki* [Course of General Linguistics], Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta (in Russian).
- Schaeffer N. C., Dykema J. (2011) Questions for Surveys: Current Trends and Future Directions. *Public Opinion Quarterly*, vol. 75, no 5, pp. 909–961.
- Schmitt B. B. (1999) *Experiential Marketing: How to Get Customers to Sense, Feel, Think, Act and Relate to Your Company and Brands*, New York: The Free Press.
- Schnurr B. (2017) The Impact of Atypical Product Design on Consumer Product and Brand Perception. *Journal of Brand Management*, vol. 24, no 6, pp. 609–621.
- Schuetz A. 2003. *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira ocherki po fenomenologicheskoy sotsiologii* [The Sense Structure Of The Social World] (compiler A. Ya. Alkhasov; Russian trans. A. Ya. Alkhasov, N. Ya. Mazlumyanova; ed. G. S. Batygin), Moscow: Institut Fonda "Obschestvennoe mnenie" (in Russian).
- Shimp T. A., Samiee S., Madden T. J. (1993) Countries and Their Products: A Cognitive Structure Perspective *Journal of the Academy of Marketing Science*, vol. 21, no 4, pp. 323–330.
- Starov S. A. (2015) *Upravlenie brendami* [Brand Management], St. Petersburg: Graduate School of Management Publishing Centre (in Russian).
- Teliya V. N. (1996) *Russkaya frazeologiya: Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokulturologicheskii aspekty* [Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects], Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kultury" (in Russian).
- Tsoy M. E., Schekoldin V. Yu. (2013) Izuchenie vliyaniya vospriyatiya brenda na formirovanie predpochteniy detej i podrostkov [Study of the Influence of Brand Perception on the Formation of Children's and Adolescents' Preferences]. *Izvestiya Dalnevostochnogo federalnogo universiteta. Ekonomika i upravlenie = The Bulletin of the Far Eastern Federal University. Economics and Management*, no 1 (65), pp. 86–100 (in Russian).
- Veryzer R. W., Hutchinson J. W. (1998) The Influence of Unity and Prototypicality on Aesthetic Response to New Product Designs. *Journal of Consumer Research*, vol. 24, no 4, pp. 374–394.
- Vogel A. T., Watchravesrigkan K. (2017) Consumer Evaluations of Trend Imitation: Brand Equity, Consumer Attitude and Preference. *Journal of Product and Brand Management*, vol. 26. no 5, pp. 516–527.
- Vorozhevich A. S. (2017) *Zashchita brendov strategii sistemy metody* [Protection of Brands: Strategy, Systems, and Methods], Moscow: Izdatelstvo "Prospekt" (in Russian).

- Vysshiy Arbitrazhnyy Sud Rossiyskoy Federatsii (2007) *Informatsionnoe pismo 122 ot 13 dekabrya 2007 goda. Obzor praktiki rassmotreniya arbitrazhnymi sudami del, svyazannykh s primeneniem zakonodatelstva ob intellektualnoy sobstvennosti* [Information Letter No. 122 of 13 December 2007: Review of the Practice of Arbitral Tribunals in Cases Involving the Application of Intellectual Property Law]. Available at: http://www.arbitr.ru/as/pract/vas_info_letter/18474.html (accessed 1 March 2018) (in Russian).
- Walsh G., Mitchell V.-W. (2010) The Effect of Consumer Confusion Proneness on Word of Mouth, Trust, and Customer Satisfaction. *European Journal of Marketing*, vol. 44, no 6, pp. 838–859.
- Weisberg H. F. (2005) *The Total Survey Error Approach: A Guide to the New Science of Survey Research*, Chicago: University of Chicago Press.
- Whorf B. L. (1960) Otnoshenie norm povedeniya i myshleniya k yazyku [Attitude of Norms of Behavior and Thinking to Language]. *Novoe v lingvistike = New in Linguistics*, vol. 1 (ed. V. A. Zvegincev), Moscow. Publishing House of Foreign Literature, pp. 157–201 (in Russian).
- Willick D. H., Ashley R. K. (1971) Survey Question Order and the Political Party Preferences of College Studies and Their Parents. *Public Opinion Quarterly*, vol. 35, no 2, pp. 189–199.
- Wilson D. C. (2010) Perceptions about the Amount of Interracial Prejudice Depend on Racial Group Membership and Question Order. *Public Opinion Quarterly*, vol. 74, no 2, pp. 344–356.
- Zaharychev L. S. (2004) Model upravleniya brendami predpriyatiy-proizvoditeley [Model of Management of Brands of Manufacturing Enterprises]. *Marketing v Rossii i za rubezhom*, no 5, pp. 72–79 (in Russian).
- Zhagorina S. A. (2014) Dokazatelstva v sporakh o nezakonnom ispolzovanii tovarnogo znaka [Evidence in Disputes Over the Illegal Use of a Trademark]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, no 3, pp. 219–223 (in Russian).
- Zhai G., Liang X., Chen H. (2016) Study on Brand Mismatching Toward the Acquiring Enterprise Brand Dilution — Based on a Prospective of Construal Level Theory. *Open Journal of Business and Management*, vol. 4, no 3, pp. 439–444.
- Zinkhan G. M. (1990) In Search of Brand Image: A Foundation Analysis. *Advances in Consumer Research*, vol. 17 (eds. M. E. Goldberg, G. Gorn, R. W. Pollay), Provo, UT: Association for Consumer Research, pp. 110–119.

Received: January 14, 2018

Citation: Bumagin R., Rogozin D. (2018) Kritika oprosnogo podkhoda k analizu vzaimnogo skhodstva vo vneshnem vide potrebitel'skikh produktov vnutri odnoy tovarnoy kategorii [Criticism of Interview Approach in Examining Similarity of Appearance of Products Belonging to the Same Product Category], *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 19, no 2, pp. 86–117. doi: 10.17323/1726-3247-2018-2-86-116

А. В. Коротаев, А. А. Хохлова, С. В. Цирель

Безработица как предиктор социально-политической дестабилизации в странах Западной и Восточной Европы

КОРОТАЕВ Андрей Витальевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий Лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института Африки РАН. Адрес: Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: akorotayev@gmail.com

Ввиду политических катаклизмов последних лет (таких, как Арабская весна) безработица всё чаще рассматривается как фактор политической нестабильности, однако результаты различных исследований связи этих переменных, особенно для развитых стран, весьма противоречивы относительно её знака и значимости. В статье рассматривается влияние безработицы на политическую дестабилизацию в непосткоммунистической (Западной) и посткоммунистической (Восточной) Европе. Используются данные Всемирного банка по ежегодным уровням безработицы в 45 странах Европы и численные значения показателей нестабильности из базы данных CNTS за 1991–2014 гг. Метод исследования — линейная регрессия. Учитывая асимметричный характер распределений, линейная регрессия применена как к исходным данным, так и к их агрегатам — децилям распределения анализируемого массива данных по «страно-годам», отдельно для двух макрозон. Полученные результаты показали сильную положительную корреляцию между безработицей и социально-политической дестабилизацией в западных странах и слабую отрицательную — в посткоммунистических. Видно, что главной причиной различных реакций на безработицу являются размеры, сроки и условия выплат социальных пособий. Там, где размеры пособий и сроки их выплат велики (Западная Европа), преобладают протестные настроения, участие в антиправительственных акциях и т. д. Там, где пособия малы и выплачиваются в течение короткого времени (Восточная Европа и отчасти англосаксонские страны), люди преимущественно уходят в свои личные заботы и менее склонны к участию в протестной деятельности. Дополнительными факторами, способствующими различию реакции жителей Западной и Восточной Европы на потерю работы, является трудовая миграция из Восточной Европы в Западную, вымывающая «горючий материал» для протестных акций с востока, но зато вызывающая протестные действия в пользу введения антииммигрантских законов, «эффект Олсона — Хантингтона», а также «терпение и понимание» трудностей роста во время реформирования экономик Восточной Европы в 1990-е гг.

Ключевые слова: безработица; политическая дестабилизация; нестабильность; регрессионный анализ; Западная Европа; Восточная Европа.

Введение

Некоторые экономические показатели рассматриваются многими исследователями в качестве важных факторов социально-политической деста-

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2018 г. при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-06-00476).

ХОХЛОВА Алина Александровна — стажёр-исследователь Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: khokhlova.alina@gmail.com

билизации [Хохлов 2015; Гринин 2017; Hirshleifer 1985, 2001; Elbadawi, Sambanis 2000; Collier, Hoeffler 2004; Nefedov 2015; Alexander 2017; Di Stefano, Piacetino, Ruvolo 2017; Turchin, Gavrillets, Goldstone 2017]. Одним из таких показателей является безработица. Как показала Арабская весна, безработица является одним из важнейших предикторов протестных акций и даже революционных событий на Ближнем Востоке (см., например: [Долгов 2011; Коротаев, Зинькина 2011; Цирель 2012; Малков et al. 2013]). В то же время, как будет показано ниже, исследователи разных стран и разных периодов времени приходили к различным противоречащим друг другу выводам относительно как значимости, так и знака влияния безработицы на различные показатели социально-политической нестабильности. Одной из первых причин расхождения выводов исследователей могут быть различия используемых определений безработицы, поэтому в качестве первого шага уточним, каким определением безработицы мы будем пользоваться. Мы принимаем определение безработицы Международной организации труда и Всемирного банка: «Та часть работников, которая не имеет работы, но способна работать и ищет работу»² [World Bank 2017] (см. также: [Матвеева 2007: 243]). Источники существования и образ жизни безработных очень сильно зависят от существующего экономического и политического порядка в государстве и от его экономического развития, взятого на определённый период времени [Sengenberger 2011: 11].

Проблема дестабилизации при росте безработицы имеет глубокие исторические корни. Для традиционных обществ до начала массовой урбанизации и для большинства аграрных государств характерны «вековые» демографические циклы, когда слишком быстрый рост сельского населения приводил к нехватке земли и — соответственно — к нехватке работы и продовольствия [Коротаев, Комарова, Халтурина 2009; Nefedov 2004; 2013]. Излишнее сельское население частично перемещалось в города, частично превращалось в бродяг, нищих, бандитов или оставалось дома, становясь обузой для своей общины. Параллельный рост численности элиты при обнищании основной массы населения вёл к общей деградации государства и жестоким социально-экономическим и политическим кризисам [Goldstone 1991; 2016]. В период массовой урбанизации излишнее сельское население перемещалось в города, превращаясь в низшие слои городского населения, а также пополняло ряды безработных. В те времена, как правило, данные слои общества имели очень малое вспоможение или вообще жили случайными заработками, воровством и нищенствовали (см., например: [Поляньи 2002]).

В развивающихся странах процессы демографического перехода и урбанизации сильно ускорились в XX веке, что привело к образованию огромных поясов трущоб вокруг крупных городов, многомиллионное население которых довольствуется временными работами и нищенскими заработками [Коротаев, Халтурина 2009; Todaro 1969; Tjiptoherijanto, Hasmi 2005; Patel, Burke 2009]. Опыт многих стран Африки, Азии и Латинской Америки по-

² См. также формулировку оригинала: «Unemployment refers to the share of the labor force that is without work but available for and seeking employment» [World Bank 2017].

ЦИРЕЛЬ Сергей Вадимович — доктор технических наук, Санкт-Петербургский горный университет, НЦ геомеханики и проблем горного производства, главный научный сотрудник.
Адрес: 199106, Санкт-Петербург, Васильевский остров, 21-я линия, д. 2.

Email: tsirel58@gmail.com

казывает социальную взрывоопасность подобного населения, толком не нашедшего своего места в изменившемся мире [Satterthwaite 2008; Korotayev et al. 2011; Korotayev, Malkov, Grinin 2014].

Совсем иной характер имеет безработица в современных развитых странах, где безработные регистрируются службами занятости, получают пособия, различные льготы, помощь в поисках работы или обучении новой профессии и т. д. Связь между безработицей и политической нестабильностью в развитых странах должна поэтому изучаться отдельно от социально-экономических и политических процессов в странах, только что закончивших основной этап урбанизации или ещё находящихся в стадии незаконченной урбанизации.

В экономически развитых странах представление о роли безработицы в экономической системе менялось с течением времени. Экономисты-классики XVIII — начала XX веков отстаивали мнение, что на рынке возможна полная занятость, потому что спрос и предложение всегда сбалансированы (хотя они обычно и принимали понятие «фрикционная безработица» и его аналогов). Так, например, А. Смит отмечал, что спрос на лиц, живущих заработной платой, может возрастать лишь пропорционально увеличению фондов, предназначенных для выплаты заработной платы [Смит 1993]. Дж. М. Кейнс считал, что государство должно выступать регулятором на рынке труда [Кейнс 1948]. Позже монетаристы признавали вслед за Дж. М. Кейнсом возможность краткосрочной естественной безработицы (см., например: [Блауг 1994: 631–634]). В настоящее время в естественную безработицу экономисты включают фрикционную и структурную [Абель, Бернанке 2010: 135–136]. Особо надо отметить добровольную безработицу, которая возникает, когда индивид не готов идти работать за ту плату, которую предлагает рынок труда. Сегодня частным случаем человеческого фактора может быть, к примеру, предпочтение людей в странах развитого мира не работать и жить на социальные пособия по безработице, если они считают, что их квалификация и опыт должны быть учтены при оценке их труда и выражены в более высоком уровне заработной платы. По мнению некоторых экономистов, величина естественного уровня безработицы в 1960–1990-е гг. составляла 4–5,5%; она меняется с течением времени и не универсальна для всех стран [Матвеева 2007: 247–248; Абель, Бернанке 2010: 136].

Наконец, надо упомянуть третий вид безработицы — циклическую безработицу. Именно из-за циклического компонента в экономические кризисы наблюдается рост уровня безработицы. В период экономической рецессии рост безработицы в развитых странах также обусловлен неверным представлением работников о сложившейся экономической ситуации, а не тем, что люди вообще не могут найти работу. Рост безработицы может иметь как экономические (снижение доходов граждан и уровня обеспеченности домохозяйств, потеря трудовой квалификации и времени, что приводит к маргинализации трудоспособной части населения), так и неэкономические последствия (недовольство жизнью, депрессии и фрустрация, потеря интереса к жизни и отсутствие способов самореализации человека). Всё это снижает уровень благосостояния членов развитого общества, не готовых

жить хуже, чем прежде, вызывает у них недовольство и, возможно, стимулирует к протестной активности.

Во многих работах авторы на примерах разных стран и регионов приходят к выводу, что безработица является фактором социально-политической дестабилизации³ [Obeyesekere 1974; Fischer, Modigliani 1978; Frey, Weck 1981; Braungart 1984; Alanana 2003; Wood 2006; Venugopal, House 2008; Falk, Kuhn, Zweimüller 2011; Jones, Rodgers 2011; Barber 2015; Beissinger, Jamal, Mazur 2015; Nwogwugwu, Irechukwu 2015]⁴. Вместе с тем широко распространено мнение, что безработица выступает в качестве действительно мощного фактора социально-политической дестабилизации только в сочетании с другими экономическими и социальными переменными, которые вкупе с безработицей ведут к политической нестабильности [Grossman 1991; Collier 1999; 2000; Kahl 1998; Levitt, Venkatesh 2000; Collier, Hoeffler 2001; Urdal 2004; 2012; Honwana 2011]. Например, П. Колльер заключает, что безработица в сочетании с другими экономическими и демографическими факторами может играть определённую роль в процессах дестабилизации, облегчая формирование повстанческих армий [Collier 2000: 4]. Г. Урдал говорит о безработном «молодёжном бугре» как факторе дестабилизации лишь в сочетании со слабой экономикой [Urdal 2004]. В более поздней работе он повторяет, что безработица среди молодёжи при экономическом спаде приводит к дестабилизации. Это позволяет Г. Урдалу прийти к следующему выводу: «Чтобы избежать нестабильности и насилия, основное внимание должно быть сосредоточено на улучшении экономических возможностей для молодёжи, в частности — путём предоставления молодым людям условий для трудоустройства или получения образования в период экономического спада» [Urdal 2012: 9].

В работе А. Вуда [Wood 2006] на примере 63 стран, по данным за 2002–2003 гг., рассматриваются корреляции между (1) общей безработицей и (2) безработицей среди мужского населения и негосударственным насилием — убийствами (1) в целом и (2) с помощью огнестрельного оружия. В этом исследовании были получены достаточно сильные коэффициенты корреляции между (1) безработицей среди мужского населения и убийствами ($r = 0,41$) и особенно (2) между безработицей среди мужского населения и убийствами с помощью огнестрельного оружия ($r = 0,46$). Между общей безработицей и убийствами коэффициент корреляции меньше ($r = 0,33$), но также статистически значим. Стоит отметить, что все корреляции получились в положительном направлении. Результаты позволили автору констатировать, что между безработицей и нестабильностью существует сильная положительная зависимость [Wood 2006].

К. Хевитт рассматривает причины политического насилия, которое наблюдалось в Северной Ирландии в 1968 — начале 1971 гг. [Hewitt 1981]. В регрессионном анализе автор использует три независимые переменные: национализм, безработицу среди мужского католического населения и неравенство. Результаты показывают, что коэффициент корреляции (r) между безработицей среди мужчин-католиков и интенсивностью беспорядков составляет 0,87, а между безработицей среди мужчин-католиков и терроризмом он равняется 0,82 при статистической значимости (p) < 0,001. Автор приходит к выводу, что

³ Отметим, что и рост социально-политической нестабильности может, в свою очередь, вести к росту безработицы. Однако это направление причинно-следственной зависимости до сих пор не получило достаточного внимания со стороны исследователей.

⁴ Отдельный блок работ посвящён исследованию зависимости политической нестабильности от высокого уровня безработицы среди молодёжи, в частности так называемого феномена безработного «молодёжного бугра» [Huntington 1996; Булдаков 1997; Долгов 2011; Коротаев, Зинькина 2011; Нефедов 2015; Kahl 1998; Korenman, Neumark 2000; Goldstone 2001; 2002; Cincotta, Engelman, Anastasion 2003; Humphreys, Weinstein 2004; Cincotta 2005; UN Office for West Africa 2005; Guichaoua 2007; 2012; Walton 2010; Honwana 2011; Urdal 2011; Assaad, Levison 2013; Stewart 2015; Idris 2016], где авторы приходят к выводам, что молодёжная безработица является особенно сильным предиктором социально-политической дестабилизации. Специальный обзор по безработице среди молодёжи как по фактору нестабильности см. в кн.: [Dowd 2017]. Исследование влияния безработицы среди молодёжи представляет собой самостоятельное направление; в рамках настоящей статьи данный вопрос отдельно рассматриваться не будет.

между безработицей и нестабильностью в Северной Ирландии существует сильная положительная зависимость: все коэффициенты корреляции имеют положительный знак [Hewitt 1981].

Между тем Э. Берман и его соавторы обнаружили отрицательную корреляцию между безработицей и нестабильностью в Афганистане, Ираке и на Филиппинах [Berman et al. 2011]. Объясняют они это в рамках теории альтернативных издержек, следующим образом: высокий уровень безработицы характерен для экономически слабо развитых районов, поэтому тем легче (или дешевле) государственным службам доставать (или выкупать) информацию у населения о готовящихся террористических или партизанских действиях или же о повстанческих группировках, а также намного дешевле обходятся создание укрепленных контрольно-пропускных пунктов, строительство стен и прочие меры против оппозиционной активности. Исследователи используют данные по безработице в качестве независимых переменных; показатели по партизанским действиям и формированию бандитских групп — в качестве зависимых. К зависимым переменным относятся: (1) интенсивность нападений на правительство и союзные им силы; (2) уровень насилия, приводящего к убийствам гражданских лиц, со стороны повстанцев. Во всех трёх упомянутых странах авторы собрали данные по безработице для наименьших административных единиц в этих государствах, для которых имеются относительно достоверные данные о населении и безработице (авторы предупреждают, что количественные данные ограничены). Результаты исследования интересны тем, что, как отмечают сами авторы, страны сильно различаются как по географии, так и по характеру и интенсивности действий повстанцев. Тем не менее результаты по странам схожи в том, что коэффициенты при переменных по безработице во всех трёх случаях имеют отрицательный знак [Berman et al. 2011].

Другие проведённые на национальном или более узком уровне исследования говорят о слабой либо даже статистически незначимой зависимости политической нестабильности от уровня безработицы [Benmelech, Bergobi, Klor 2010; Izzi 2013; Миронов 2013]. К. Крамер приходит к выводу, что безработица может быть фактором социально-политической дестабилизации, оговаривая при этом, что сильная причинно-следственная связь между безработицей, частичной занятостью или непродуктивной занятостью и насилием или войной в развивающихся странах отсутствует [Cramer 2010: 2].

В работе С. Олзака и С. Шанахана безработица как фактор политической нестабильности оказывается статистически незначимой переменной [Olzak, Shanahan 1996]. Коэффициент корреляции между безработицей и участием в расовых беспорядках на примере США в 1964–1992 гг. оказывается слабым; сама корреляция — статистически незначимой. Коэффициент корреляции между процентом небелых безработных мужчин и нестабильностью статистически незначим, но всё-таки имеет положительное направление ($r = 0,054$); незначим этот же показатель при использовании в качестве независимой переменной уровня безработицы среди афроамериканского населения по отношению к белому, но он при этом имеет отрицательное направление ($r = -0,020$) [Olzak, Shanahan 1996].

Р. В. Уайт получил схожие с вышеупомянутым исследованием результаты. Безработица в его исследовании оказалась незначимым фактором в трёх тестах из пяти, а в двух тестах — значимой, но с отрицательным знаком (чем выше безработица, тем ниже уровень политического насилия) [White 1993].

В работе Дж. Л. Томпсона о нестабильности в Ирландии в период 1923–1985 гг. во всех моделях множественной регрессии независимая переменная безработица оказалась статистически незначимой; при этом коэффициент при переменной имеет как положительный, так и отрицательный знак [Thompson 1989].

В таблице 1 приведены результаты рассмотренных шести работ (в которых в отличие от остальных, приведённых выше, используется метод линейной корреляции, как и в предлагаемой статье), упорядоченных по дате исследования.

Таблица 1

Результаты эмпирических исследований влияния безработицы на социально-политическую дестабилизацию

Источник	Метод	Исследованный период	Страна — объект исследования	Категоризация результатов
[Hewitt 1981]	Парная линейная регрессия	1968–1971	Северная Ирландия	Сильная статистически значимая положительная корреляция между безработицей среди мужчин-католиков и интенсивностью беспорядков и (или) терактов (между безработицей и беспорядками [<i>riots</i>] $r = 0,87^*$, между безработицей и терроризмом $r = 0,82^*$, где * — $p < 0,001$).
[Thompson 1989]	Множественная регрессия	1923–1985	Северная Ирландия	Во всех моделях множественной регрессии независимая переменная «безработица» статистически незначима, знаки корреляции — как положительные, так и отрицательные.
[White 1993]	Множественная линейная регрессионная модель	1969–1980	Северная Ирландия	Безработица оказалась статистически незначимым регрессором в трёх тестах из пяти, а в двух тестах — значимой, но с отрицательным знаком (чем выше безработица, тем ниже уровень политического насилия).
[Olzak, Shanahan 1996]	Множественная регрессия	1954–1992	США	Процент небелых безработных мужчин оказался статистически незначимым предиктором интенсивности расовых беспорядков в трёх множественных регрессионных тестах из трёх.
[Wood 2006]	Линейная регрессия	2002–2003	63 страны	Безработица, и особенно безработица среди мужской половины населения, является значимым предиктором социально-политической дестабилизации.
[Berman et al. 2011]	Множественная регрессия, логарифмическая — с целью проверки	1997–2009	Афганистан, Ирак, Филиппины	Безработица во всех трёх странах отрицательно коррелирует с нестабильностью; коэффициенты при переменной имеют обратный знак при статистической значимости.

Таким образом, обзор литературных источников показал очень сложную и противоречивую картину связи безработицы и индикаторов социально-политической дестабилизации в странах различного уровня развития, причём самые большие расхождения касаются именно стран высокого уровня развития. В настоящем исследовании предполагается разобраться в характере связи безработицы с показателями социально-политической дестабилизации в странах Европы в зависимости от наличия или отсутствия коммунистического прошлого. В отличие от стран Западной Европы страны Восточной Европы в той или иной степени встают на новые экономические рельсы. Они прошли через социалистическое прошлое, успешные и неуспешные реформы «шоковой терапии» и прочие катаклизмы. Сегодня уровень безработицы в них аналогичен уровню безработицы в развивающихся странах, при этом в странах Восточной Европы уже введены аналогичные развитым государствам социальные институты. Как мы полагаем, отдельный анализ стран Западной и Восточной Европы поможет понять причины противоречивых результатов, полученных нашими предшественниками.

Методы и материалы

Источником сведений об уровне безработицы являлись данные Всемирного банка (World Bank 2017: NY.GDP.PCAP.PP.KD). Показатели социально-политической дестабилизации за 1991–2014 гг. были получены из базы данных *CNTS* [Banks, Wilson 2017], подробно описанной в приложении к данной статье.

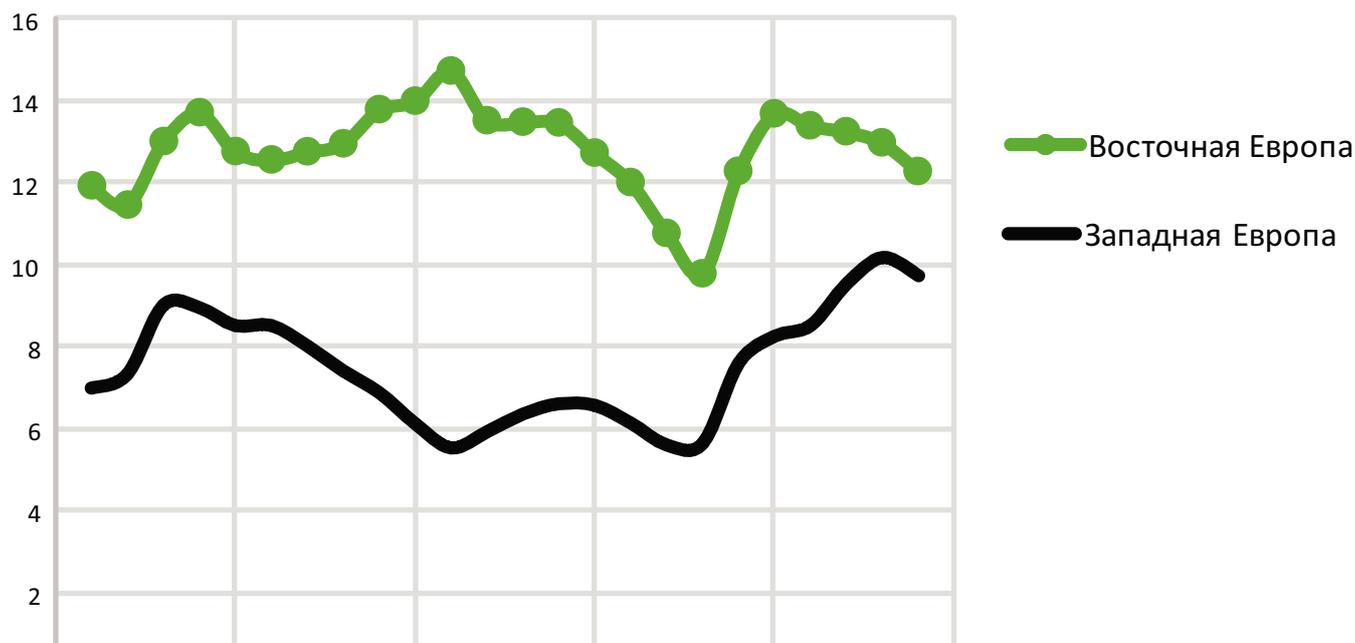
Для сопоставления безработицы и показателей социально-политической дестабилизации используется линейная корреляция. Хотя, как правило, корреляционные связи не указывают направления зависимости одной переменной от другой и даже наличие такой зависимости, данный случай, на наш взгляд, является исключением из правила. За исследуемый период проявления социально-политической дестабилизации ни в Западной, ни в Восточной Европе не принимали таких масштабов, чтобы дезорганизовать экономическую жизнь и вызвать безработицу или, наоборот, заставлять правительства создавать мнимую занятость (хотя такие подозрения и возникали). При этом безработица и угроза безработицы все эти годы были основными показателями социального неблагополучия в странах Европы, способным стимулировать протестные настроения широких слоёв населения.

При этом надо отметить, что простая параметрическая линейная регрессия в данном случае заметно занижает реальную силу зависимости. Дело в том, что простая параметрическая линейная МНК-регрессия исходит из допущения о нормальном распределении зависимой переменной (см., например: [Hilbe 2011]). Однако для переменных, характеризующих интенсивность социально-политической дестабилизации, характерно асимметричное распределение с большим количеством нулевых значений. Помимо простой параметрической линейной регрессии, мы поэтому также использовали в данном случае агрегированные значения соответствующих показателей за определённые годы по децилям — среднее по всем странам дециля значение числа событий дестабилизации за год X , что позволяет нормализовать распределение. Для более точной оценки исследуемых связей единичные данные, характеризующие ситуации в определённой стране в определённый год, агрегируются в 10 децилей. При этом в нижнюю подгруппу (нижний дециль) входят 10% «страно-лет» с наиболее низким уровнем безработицы; в верхнюю подгруппу (верхний дециль) входят 10% «страно-лет» с самым высоким уровнем безработицы; в восемь промежуточных децилей — «страно-годы» с промежуточными значениями.

В качестве стран посткоммунистической (Восточной) Европы в данной работе рассматриваются Албания, Белоруссия, Босния и Герцеговина, Болгария, Венгрия, Косово, Латвия, Литва, Македония, Молдова, Черногория, Польша, Румыния, Россия, Сербия, Словакия, Словения, Украина, Хорватия, Чехия, Эстония.

В качестве стран непосткоммунистической (Западной) Европы в данной работе рассматриваются Андорра, Австрия, Бельгия, Великобритания, Дания, Германия, Греция, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Кипр, Лихтенштейн, Люксембург, Мальта, Монако, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Сан-Марино, Финляндия, Франция, Швеция, Швейцария.

Перед тем как перейти к корреляционному анализу интересующих нас переменных, приведём описание динамики безработицы и интегрального индекса социально-политической дестабилизации *CNTS* в странах Западной и Восточной Европы за 1991–2014 гг. Как выглядела динамика безработицы в эти годы, показано на рисунке 1.

Источник данных: [World Bank 2017: SL.UEM.TOTL.NE.ZS].

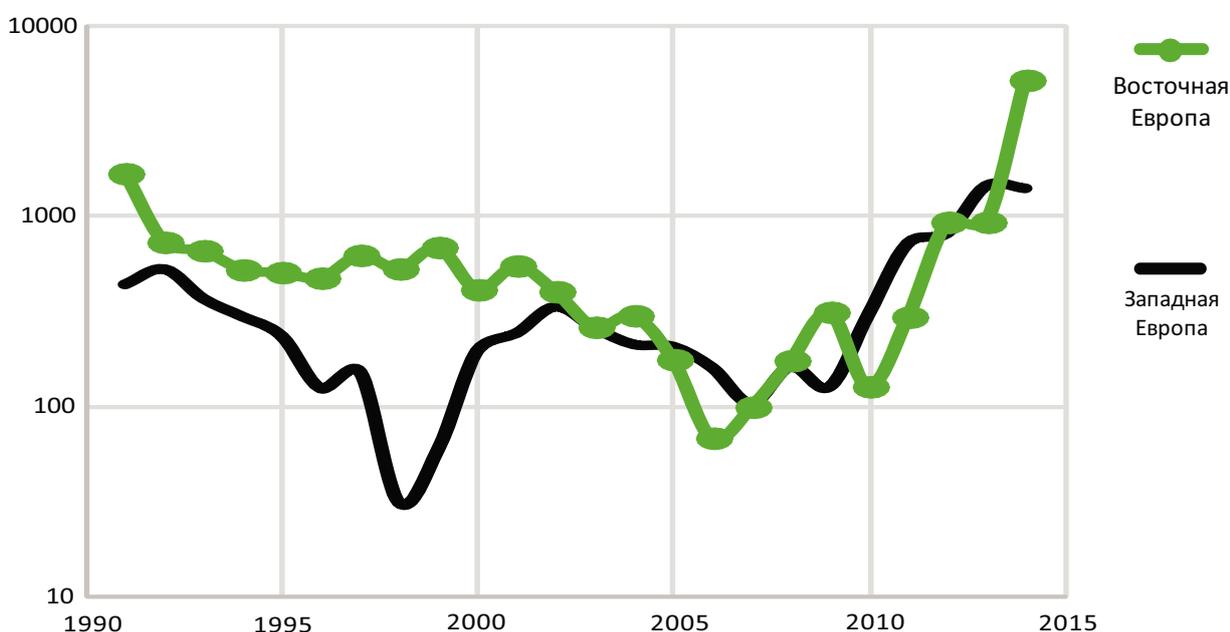
Рис. 1. Динамика доли безработных в общей численности экономически активного населения (%) в странах Западной и Восточной Европы, 1991–2014 гг.

На рисунке 1 видно, что в целом уровень безработицы в странах Западной Европы заметно ниже, чем в странах Восточной Европы. При этом можно говорить как об определённой синхронии динамики безработицы обеих макрорзон, так и об определённых элементах асинхронности. Некоторый рост безработицы в начале 1990-х гг. наблюдался как в Западной, так и в Восточной Европе. Однако после 1993 г. безработица в Западной Европе, после выхода на локальный максимум более 9%, начала снижаться достаточно устойчивыми темпами и падала вплоть до начала 2000-х гг., выйдя на абсолютный минимум всего рассматриваемого периода ($\approx 5,5\%$) в 2001 г. В то же самое время в Восточной Европе тренд повышения уровня безработицы прослеживался вплоть до того же 2001 г., когда безработица в Восточной Европе достигла абсолютного максимума за весь рассматриваемый период ($\approx 14,7\%$). В Западной Европе безработица оставалась на достаточно низком уровне вплоть до 2008 г. и в этом году составила 5,65%. В Восточной Европе на фоне мощного экономического подъёма, охватившего практически все страны Восточной Европы (см., например: [Коротчаев, Халтурина 2009]) в 2001–2008 гг., наблюдалось очень заметное снижение безработицы (с 14,7 до 9,8%, что оказалось абсолютным минимумом за весь рассматриваемый период). Глобальный финансовый экономический кризис 2008 г. привёл к заметному росту безработицы как в Восточной, так и в Западной Европе. В Восточной Европе средний уровень безработицы подскочил за 2008–2010 гг. с 9,8 до 13,7%, после чего начал плавно снижаться. В Западной Европе рост безработицы продолжился вплоть до 2013 г.; при этом за 2008–2013 гг. безработица выросла почти в два раза.

Динамика интегрального индекса социально-политической дестабилизации *CNTS* в 1991–2014 гг. показана на рисунке 2.

Как видно на рисунке 2, в 1990-е гг. Восточная Европа вошла с очень высоким уровнем социально-политической нестабильности, тесно связанным с достаточно мощными потрясениями, сопровождавшими крах коммунистических режимов. Однако уже в 1992 г. обстановка заметно стабилизировалась. Тем не менее все 1990-е гг. средние значения индекса социально-политической дестабилизации *CNTS* здесь оставались значительно выше, чем в Западной Европе, где вплоть до 1998 г. наблюдалась силь-

но выраженная тенденция к снижению среднего уровня социально-политической нестабильности (в тесной связи с успешным экономическим развитием стран Западной Европы в эти годы, а также упадком популярности левых политических сил; см., например: [Коротаев, Слинко, Билюга 2016; Коротаев et al. 2016a, 2016b; 2017a; 2017b; Slinko et al. 2017]). В 1998–2002 гг. средний уровень социально-политической нестабильности в странах Западной Европы несколько вырос, догнав Восточную Европу, где уровень нестабильности в это время в целом несколько снижался; однако в 2002–2006 гг. средний уровень социально-политической нестабильности снижался достаточно устойчиво и в Западной, и в Восточной Европе (по всей видимости, в связи с наблюдавшимся в эти годы во всей Европе экономическим подъёмом). Перелом пришёлся на годы глобального экономического кризиса, сразу после которого средний уровень социально-политической нестабильности стал расти в Западной Европе. В 2011–2014 гг. резкий рост социально-политической нестабильности произошёл практически во всех макрорегионах мир-системы [Коротаев, Шишкина, Лухманова 2017; Коротаев et al. 2016a; 2016b; 2017a; 2017b; Акаев et al. 2017], при этом как Западная, так и Восточная Европа не стали здесь исключением.

Источник данных: [Banks, Wilson 2017].

Рис. 2. Динамика среднего значения интегрального индекса социально-политической дестабилизации *CNTS* для стран Западной и Восточной Европы, 1991–2014 гг., логарифмическая шкала

Начнём нашу серию тестов со стран Западной Европы (период: 1991–2014 гг.).

Уровень безработицы как предиктор социально-политической дестабилизации в странах Западной Европы

Корреляционный анализ зависимости между уровнем безработицы по исходным данным Всемирного банка [World Bank 2017: NY.GDP.PCAP.PP.KD] и показателями социально-политической дестабилизации *CNTS* за 1991–2014 гг. в странах непосткоммунистической (Западной) Европы показывает, что применительно к этим странам и для этого периода, с учётом сделанных выше замечаний, уровень безработицы является статистически значимым предиктором социально-политической дестабилизации (см. табл. 2).

Таблица 2

Корреляции между уровнем безработицы (исходные данные) и показателями социально-политической дестабилизации CNTS, 1991–2014 гг., для стран Западной Европы

№	Индикаторы социально-политической дестабилизации	Коэффициент корреляции Пирсона (r)	Статистическая значимость (p)
1.	Политические убийства (<i>Assassinations</i>)	0,171**	< 0,001
2.	Политические забастовки (<i>General Strikes</i>)	0,436**	< 0,001
3.	Крупные террористические акты и (или) «партизанские действия» (<i>Guerrilla Warfare</i>)	0,207**	< 0,001
4.	Правительственные кризисы (<i>Government Crises</i>)	0,168**	< 0,001
5.	Политические репрессии (<i>Purges</i>)	-0,020	0,967
6.	Массовые беспорядки (<i>Riots</i>)	0,345**	< 0,001
7.	Перевороты и попытки переворотов (<i>Revolutions</i>)	0,101*	0,028
8.	Антиправительственные демонстрации (<i>Anti-Government Demonstrations</i>)	0,517**	< 0,001
9.	Агрегированный индекс социально-политической дестабилизации	0,478**	< 0,001

Примечание: * — корреляция значима на уровне $0,01 < p < 0,05$; ** — корреляция значима на уровне $< 0,01$.

Как видно из таблицы 2, в восьми из девяти проведённых тестов корреляция оказалась в предсказанном направлении (чем выше безработица, тем выше уровень социально-политической дестабилизации) и вполне статистически значимой. При этом в семи из восьми значимых корреляций статистическая значимость откровенно высока ($p < 0,001$). Относительно невысока значимость для такого специфического индикатора социально-политической дестабилизации, как перевороты и попытки переворотов, практически не характерного для современных стран Западной Европы. Это исключение, которое лишь подтверждает правило. Только одна корреляция оказалась в направлении, отличном от предсказанного, и при этом совершенно статистически незначимой. И в этом случае мы снова имеем дело именно с таким исключением, которое только подтверждает правило: речь идёт о политических репрессиях, то есть о форме социально-политической дестабилизации, абсолютно не характерной для современной Западной Европы⁵.

Среди корреляций с очень высокой значимостью ($p < 0,001$) по своей силе выделяются массовые беспорядки ($r = 0,345$), агрегированный индекс социально-политической дестабилизации ($r = 0,478$) и особенно антиправительственные демонстрации ($r = 0,517$). Отметим, что во всех случаях речь идёт о массовой социально-политической дестабилизации, то есть о типах дестабилизации, для которых характерно участие широких слоёв населения. Такие результаты достаточно логичны, ибо безработица имеет тенденцию порождать именно массовое недовольство, затрагивая социальные элиты в несравненно меньшей степени, чем широкие народные массы. Заметно меньшую корреляцию демонстрируют такие формы социально-политической дестабилизации, как политические убийства и крупные

⁵ Так, в Западной Европе за рассматриваемый период (покрывающий 597 «страно-лет») база данных CNTS зафиксировала всего два случая репрессий. Несколько больше случаев — 12 — были зафиксированы применительно к переменной *domestic 7* (*Revolutions*). Отметим, что создатели базы данных дают следующее определение этой переменной: «Любое нелегальное или насильственное изменение верхушки правящей элиты либо попытка такого изменения, или любое успешное или неудачное вооружённое выступление, направленное на достижение независимости от центрального правительства» [Wilson 2017: 13]. Таким образом, под это определение попадают не только государственные перевороты и их попытки, но и вооружённые выступления с целью достижения независимости. Какое-то число случаев наблюдения переменной *domestic 7*, применительно к странам Западной Европы рассматриваемого периода базой данных CNTS, всё-таки было зафиксировано (преимущественно за счёт баскских сепаратистов в Испании и ирландских националистов в Соединённом Королевстве); но и в этом случае речь идёт в 12 наблюдениях на 597 «страно-лет».

террористические акты, что также представляется неслучайным, ибо речь в этом случае идёт о таких формах социально-политической дестабилизации, которые никак нельзя назвать массовыми (вместе с тем высокая безработица, по всей видимости, облегчает поиск исполнителей терактов и политических убийств, поэтому статистически значимая корреляция здесь всё-таки прослеживается).

Таким образом, для стран современной Западной Европы безработица является статистически значимым предиктором абсолютного большинства индикаторов социально-политической дестабилизации и в особенности таких форм массовой дестабилизации, как беспорядки, забастовки и демонстрации протеста. Достаточно сильная статистически значимая корреляция прослеживается и для агрегированного индекса социально-политической дестабилизации *CNTS*.

Применительно к странам непосткоммунистической (Западной) Европы подецильный анализ даёт результаты, представленные в таблице 3.

Таблица 3

Корреляции между уровнем безработицы (по децилям) и показателями социально-политической дестабилизации *CNTS*, 1991–2014 гг., страны Западной Европы

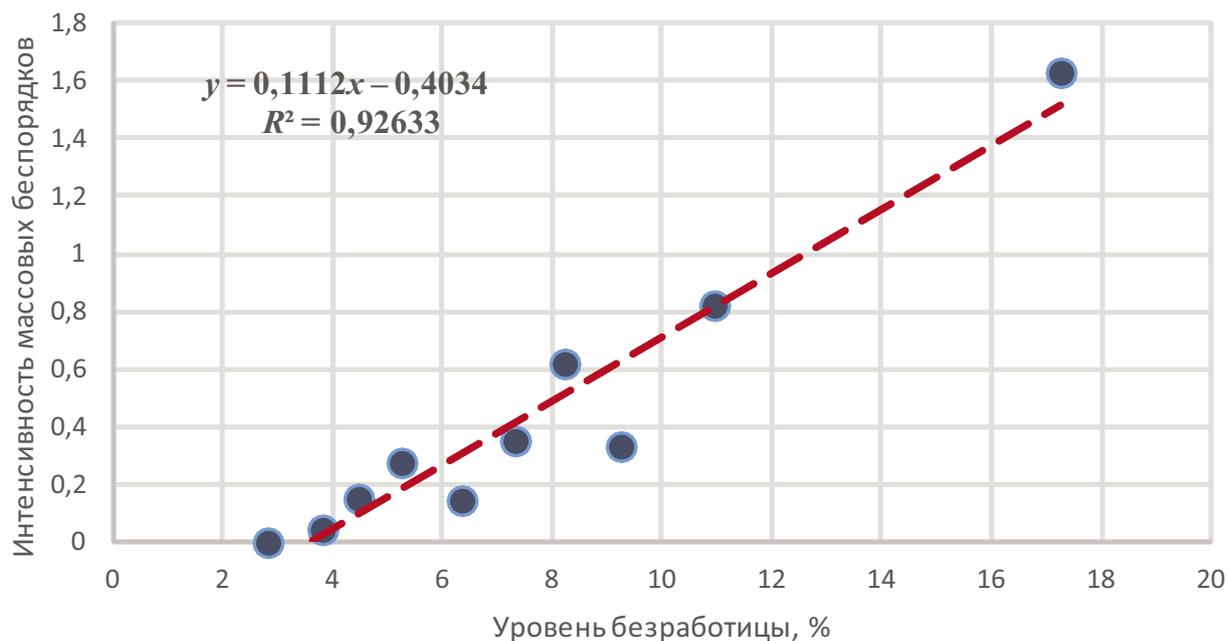
№	Индикаторы социально-политической дестабилизации	Коэффициент корреляции Пирсона (r)	Статистическая значимость (p)
1.	Политические убийства (<i>Assassinations</i>)	0,719*	0,019
2.	Политические забастовки (<i>General Strikes</i>)	0,911**	< 0,001
3.	Крупные террористические акты и (или) «партизанские действия» (<i>Guerrilla Warfare</i>)	0,819**	0,002
4.	Правительственные кризисы (<i>Government Crises</i>)	0,846**	0,002
5.	Политические репрессии (<i>Purges</i>)	-0,020	0,955
6.	Массовые беспорядки (<i>Riots</i>)	0,962**	< 0,001
7.	Перевороты и попытки переворотов (<i>Revolutions</i>)	0,465	0,176
8.	Антиправительственные демонстрации (<i>Anti-Government Demonstrations</i>)	0,933**	< 0,001
9.	Агрегированный индекс социально-политической дестабилизации	0,980**	< 0,001

Примечание: * — корреляция значима на уровне $0,01 < p < 0,05$; ** — корреляция значима на уровне $p < 0,01$.

При подецильном тестировании все корреляции оказались с тем же знаком, что и при первом тестировании, однако сила корреляций во всех случаях, кроме одного, намного выше. При этом в семи случаях из девяти речь идёт об откровенно сильных корреляциях ($r > 0,7$), а в четырёх случаях мы имеем дело с очень сильными корреляциями ($r > 0,9$). Предсказуемым образом в странах Западной Европы безработица особо сильно коррелирует с массовыми формами дестабилизации: политическими забастовками, демонстрациями и особенно с массовыми беспорядками. При этом достаточно сильная корреляция прослеживается и с политическими убийствами, а также террористическими актами и (или) «партизанскими действиями».

Рассмотрим несколько подробнее подецильные корреляции между безработицей и интенсивностью массовых беспорядков, антиправительственных демонстраций и общим индексом социально-политической дестабилизации.

Подецильная корреляция между уровнем безработицы и интенсивностью беспорядков для стран непосткоммунистической (Западной) Европы показана на рисунке 3.

Источники данных: [Banks, Wilson 2017; World Bank 2017: NY.GDP.PCAP.PP.KD].

Примечания $r = 0,962$; $p < 0,001$.

Использовались следующие границы децилей: 1-й дециль: $< 3,5\%$; 2-й дециль: $3,5-4,1\%$; 3-й дециль: $4,1-4,9\%$; 4-й дециль: $4,9-5,9\%$; 5-й дециль: $5,9-6,9\%$; 6 дециль: $6,9-7,8\%$; 7-й дециль: $7,8-8,7\%$; 8-й дециль: $8,7-9,9\%$; 9-й дециль: $9,9-12,1\%$; 10-й дециль: $> 12,1\%$. Важно также добавить, что единицей наблюдения в наших расчётах является даже не страна, а, строго говоря, «страно-год», то есть страна X по состоянию на год Y .

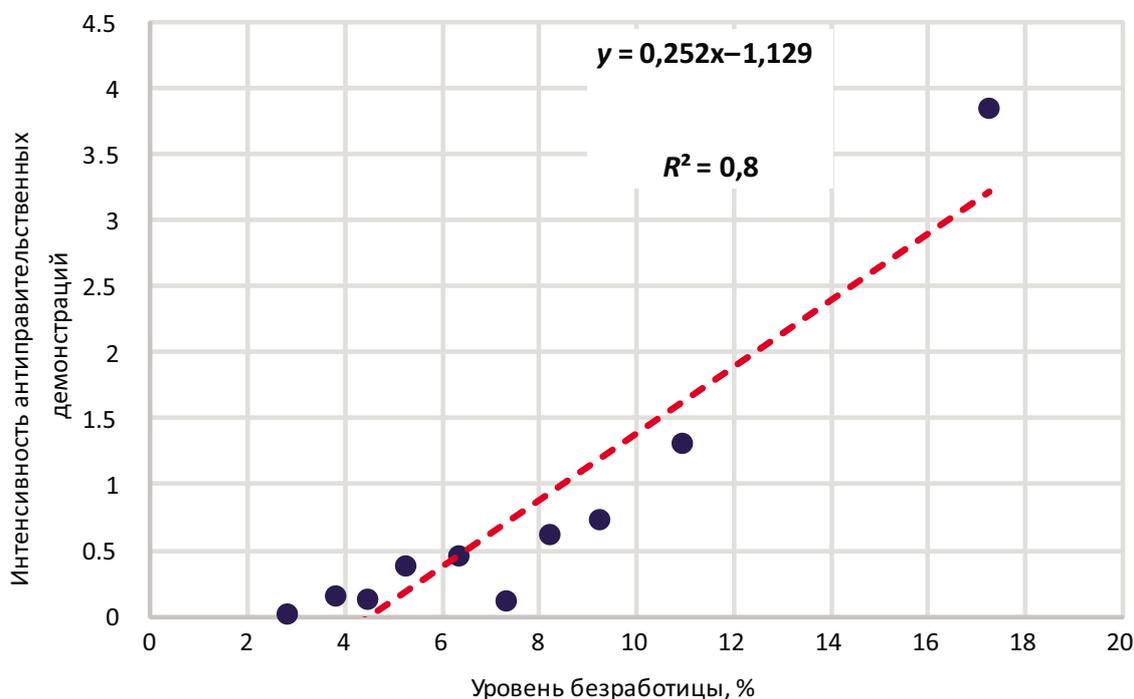
Рис. 3. Подецильная корреляция между уровнем безработицы и интенсивностью массовых беспорядков в странах Западной Европы. 1991–2014 гг., диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии

Как видно на рисунке 3, для 10% «страно-лет» с минимальными значениями безработицы (менее 3,5%, в среднем 2,8%) мы имеем дело с абсолютно минимальным, нулевым, уровнем массовых беспорядков. Другими словами, в западноевропейских странах с уровнем безработицы менее 3,5% массовых беспорядков совсем не зафиксировано. В то же время в 10% стран с максимальным уровнем безработицы (более 12,1%, в среднем 17,3%) интенсивность массовых беспорядков достигает уровня 1,63 в год, то есть в такого рода странах в среднем практически не проходит года без массовых беспорядков. Для остальных групп стран наблюдается достаточно выраженная линейная зависимость между средним уровнем безработицы и средней интенсивностью массовых беспорядков. В целом для стран непосткоммунистической (Западной) Европы среднее значение безработицы для децилей объясняет более 92% дисперсии средних значений интенсивности массовых беспорядков по децилям.

Теперь перейдём к более детальному рассмотрению подецильной корреляции между безработицей и интенсивностью антиправительственных демонстраций в странах непосткоммунистической (Западной) Европы (см. рис. 4).

Как видно на рисунке 4, для 10% «страно-лет» с минимальными значениями безработицы (менее 3,5%, в среднем 2,8%) мы имеем дело с предельно низкой интенсивностью антиправительственных демонстраций (0,02). Другими словами, в западноевропейских странах с уровнем безработицы менее 3,5% одна антиправительственная демонстрация в среднем фиксируется раз в 50 лет. В то же время в 10% стран с максимальным уровнем безработицы (более 12,1%, в среднем 17,3%) интенсивность антиправительственных демонстраций достигает уровня 3,85 в год, то есть в такого рода странах в среднем фиксируется около четырёх антиправительственных демонстраций каждый год. Для остальных групп стран наблюдается достаточно выраженная линейная зависимость между средним уровнем безработи-

цы и средней интенсивностью антиправительственных демонстраций. В целом для стран непосткоммунистической (Западной) Европы среднее значение безработицы для децилей объясняет более 87% дисперсии средних значений интенсивности антиправительственных демонстраций по децилям.

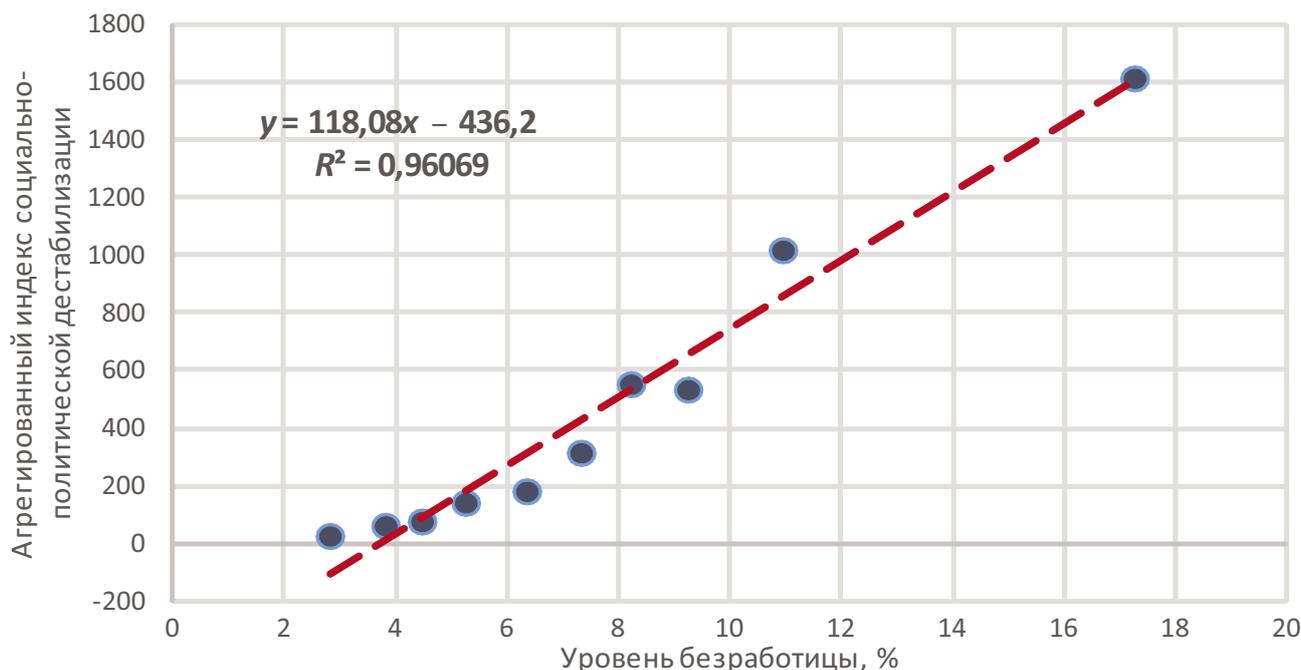
Источники данных: [Banks, Wilson 2017; World Bank 2017: SL.UEM.TOTL.NE.ZS].
Примечание $r = 0,933$; $p < 0,001$.

Рис. 4. Подецильная корреляция между уровнем безработицы и интенсивностью антиправительственных демонстраций в странах Западной Европы, 1991–2014 гг., диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии

Особо сильная подецильная корреляция для стран непосткоммунистической (Западной) Европы наблюдается между уровнем безработицы и агрегированным индексом социально-политической дестабилизации (см. рис. 5).

Как видно на рисунке 5, для стран непосткоммунистической (Западной) Европы среднее значение безработицы для децилей объясняет более 96% дисперсии средних значений агрегированного индекса социально-политической дестабилизации по децилям; то есть безработица выступает в качестве очень сильного предиктора социально-политической дестабилизации.

Страны посткоммунистической (Восточной) Европы находятся в разительном контрасте со странами непосткоммунистической (Западной) Европы.

Источники данных: [Banks, Wilson 2017; World Bank 2017].

Примечания $r = 0,980$; $p < 0,001$.

Использовались следующие границы децилей: 1-й дециль: < 3,5%; 2-й дециль: 3,5–4,1%; 3-й дециль: 4,1–4,9%; 4-й дециль: 4,9–5,9%; 5-й дециль: 5,9–6,9%; 6 дециль: 6,9–7,8%; 7-й дециль: 7,8–8,7%; 8-й дециль: 8,7–9,9%; 9-й дециль: 9,9–12,1%; 10-й дециль: > 12,1%.

Рис. 5. Поддецильная корреляция между уровнем безработицы и агрегированным индексом социально-политической дестабилизации в странах Западной Европы, 1991–2014 гг., диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии

Безработица и социально-политическая нестабильность в странах посткоммунистической (Восточной) Европы

Для стран Восточной Европы корреляции между уровнем безработицы и показателями социально-политической дестабилизации *CNTS* за 1991–2014 гг. представлены в таблице 4.

Таблица 4

Корреляции между уровнем безработицы (исходные данные) и показателями социально-политической дестабилизации *CNTS*, 1991–2014 гг., страны Восточной Европы

№	Индикаторы социально-политической дестабилизации	Коэффициент корреляции Пирсона (r)	Статистическая значимость (p)
1.	Политические убийства (<i>Assassinations</i>)	-0,054	0,249
2.	Политические забастовки (<i>General Strikes</i>)	0,033	0,481
3.	Крупные террористические акты и (или) «партизанские действия» (<i>Guerrilla Warfare</i>)	-0,044	0,349
4.	Правительственные кризисы (<i>Government Crises</i>)	-0,101*	0,033
5.	Политические репрессии (<i>Purges</i>)	-0,102*	0,031
6.	Массовые беспорядки (<i>Riots</i>)	-0,023	0,632
7.	Перевороты и попытки переворотов (<i>Revolutions</i>)	0,035	0,461
8.	Антиправительственные демонстрации (<i>Anti-Government Demonstrations</i>)	-0,111*	0,018
9.	Агрегированный индекс социально-политической дестабилизации	-0,047	0,323

Примечание: * — корреляция значима на уровне $0,01 < p < 0,05$; ** — корреляция значима на уровне $p < 0,01$.

Напомним, уже при использовании исходных (непреобразованных) данных статистически значимые корреляции с безработицей в предсказанном (положительном) направлении для стран непосткоммунистической (Западной) Европы были получены как для общего индекса социально-политической дестабилизации, так и для семи из восьми отдельных индексов (при этом особо сильными они оказались для протестных демонстраций, политических забастовок и массовых беспорядков). В полном контрасте с этим для стран посткоммунистической (Восточной) Европы не прослеживается ни одной положительной статистически значимой корреляции ни с одним из девяти вышеупомянутых индексов социально-политической дестабилизации. Три статистически значимые корреляции всё-таки обнаруживаются, но все они (включая интенсивность антиправительственных демонстраций) показывают положительную, а отрицательную корреляцию с безработицей; получается, что в непосткоммунистической Западной Европе чем выше безработица, тем чаще — и заметно чаще — люди выходят на улицу с протестами; в Восточной же Европе чем выше безработица, тем реже люди протестуют (последняя отрицательная корреляция не столь сильна, как противоположная западноевропейская корреляция, но всё равно она статистически значима).

Результаты остаются качественно теми же и при подецильном анализе восточноевропейских стран (см. табл. 5):

Таблица 5

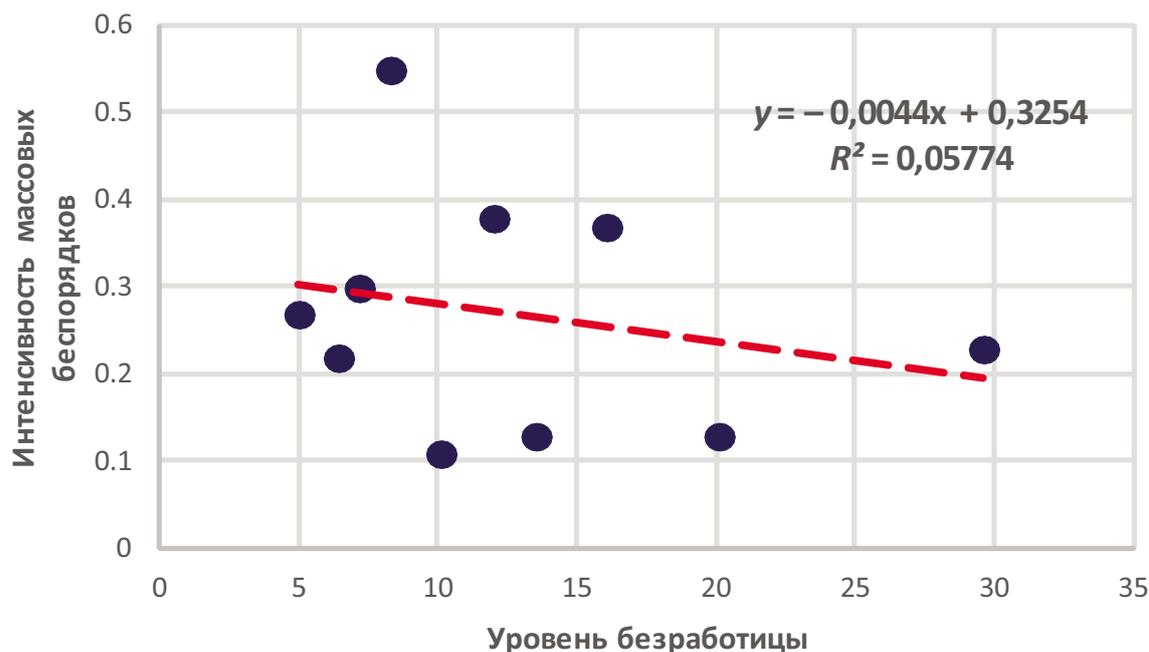
Корреляции между уровнем безработицы (по децилям) и показателями социально-политической дестабилизации CNTS. 1991–2014 гг. Страны Восточной Европы

№	Индикаторы социально-политической дестабилизации	Коэффициент корреляции Пирсона (<i>r</i>)	Статистическая значимость (<i>p</i>)
1.	Политические убийства (<i>Assassinations</i>)	– 0,398	0,254
2.	Политические забастовки (<i>General Strikes</i>)	0,273	0,446
3.	Крупные террористические акты и (или) «партизанские действия» (<i>Guerrilla Warfare</i>)	– 0,302	0,397
4.	Правительственные кризисы (<i>Government Crises</i>)	– 0,562	0,091
5.	Политические репрессии (<i>Purges</i>)	– 0,538	0,108
6.	Массовые беспорядки (<i>Riots</i>)	– 0,240	0,504
7.	Перевороты и попытки переворотов (<i>Revolutions</i>)	0,263	0,464
8.	Антиправительственные демонстрации (<i>Anti-Government Demonstrations</i>)	– 0,724*	0,018
9.	Агрегированный индекс социально-политической дестабилизации	– 0,313	0,379

Примечание: * — корреляция значима на уровне $0,01 < p < 0,05$; ** — корреляция значима на уровне $p < 0,01$.

Из таблицы 5 видно: если для Западной Европы при подецильном тестировании все основные показатели социально-политической дестабилизации демонстрировали очень сильную статистически значимую корреляцию с уровнем безработицы, то для Восточной Европы в восьми из девяти случаев мы имеем дело со статистически незначимыми корреляциями. Одна статистически значимая (и при этом откровенно сильная) корреляция, впрочем, прослеживается и здесь (применительно к антиправительственным демонстрациям); но снова речь идёт не о положительной, а об отрицательной корреляции. Отметим, что для Восточной Европы переход от «страно-годового» к подецильному анализу в отличие от Западной Европы не повысил, а даже несколько снизил значимость корреляций, что указывает на происходившие в эти годы изменения, то есть на некоторую статистическую неоднородность данных разных лет.

Рассмотрим несколько подецильных корреляций применительно к Восточной Европе несколько подробнее. Подецильная корреляция между уровнем безработицы и интенсивностью беспорядков для стран посткоммунистической (Восточной) Европы показана на рисунке 6.

Источники данных: [Banks, Wilson 2017; World Bank 2017].

Примечания $r = -0,240$; $p = 0,504$.

Использовались следующие границы децилей: 1-й дециль: < 6,1%; 2-й дециль: 6,1–6,8%; 3-й дециль: 6,8–7,7%; 4-й дециль: 7,7–9,2%; 5-й дециль: 9,2–11,1%; 6-й дециль: 11,1–13%; 7-й дециль: 13–14,1%; 8-й дециль: 14,1–18,2%; 9-й дециль: 18,2–23,8%; 10-й дециль: > 23,8%. Стоит напомнить, что единицей наблюдения в наших расчётах является даже не страна, а, строго говоря, «страно-год», то есть страна X по состоянию на год Y.

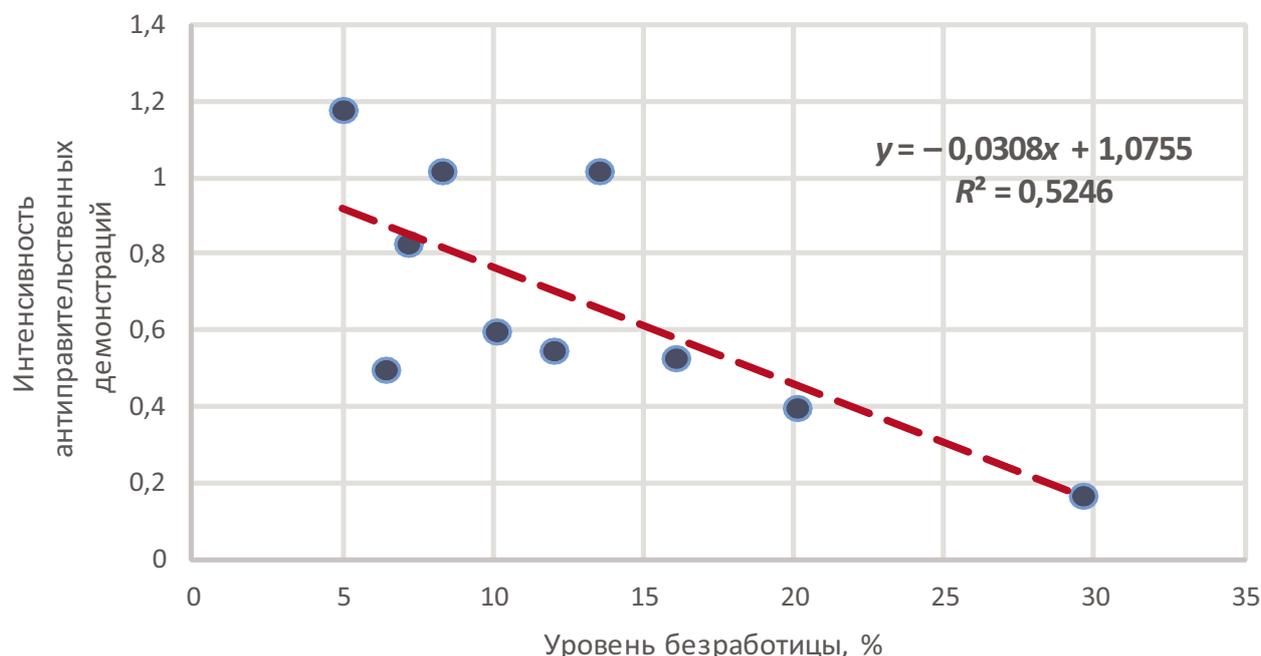
Рис. 6. Подецильная корреляция между уровнем безработицы и интенсивностью массовых беспорядков в странах Восточной Европы, 1991–2014 гг., диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии

На рисунке 6 видно, что для 10% «страно-лет» с минимальными значениями безработицы (менее 6,1%, в среднем 5%) мы имеем дело с далеко не минимальным значением интенсивности массовых беспорядков (0,27). Более того, оно даже выше, чем для 10% «страно-лет» с максимальным средним значением по безработице (0,23). Другими словами, в 10% стран с максимальным уровнем безработицы (более 23,8%, в среднем 29,6%) интенсивность массовых беспорядков достигает уровня 0,23 в год, то есть в такого рода странах интенсивность массовых беспорядков в год даже меньше, чем в странах с минимальным значением безработицы. Близкое к хаотическому распределение в диаграмме рассеивания по отношению к линии регрессии обуславливает статистическую незначимость уровня безработицы как предиктора интенсивности массовых беспорядков в странах посткоммунистической (Восточной) Европы. При этом если какая-то корреляция здесь всё-таки и прослеживается, то корреляция эта — отрицательная.

Рассмотрим теперь более детально подецильную корреляцию в странах посткоммунистической (Восточной) Европы между безработицей и интенсивностью антиправительственных демонстраций. Диаграмма рассеивания представлена на рисунке 7.

Как показано на рисунке 7, применительно к антиправительственным демонстрациям для стран посткоммунистической (Восточной) Европы мы парадоксальным образом обнаруживаем вполне статистически значимую и сильную *отрицательную* (!) корреляцию с уровнем безработицы. Для 10% «страно-лет» с минимальными значениями безработицы (менее 6,1%, в среднем 5%) мы имеем дело с максимальным значением интенсивности антиправительственных демонстраций (1,18). Другими словами, в восточноевропейских странах с минимальным уровнем безработицы фиксируется более одной массовой антиправительственной демонстрации на страну в год. В то же время в 10% «страно-лет» с

максимальным уровнем безработицы (более 23,8%, в среднем 29,6%) интенсивность массовых беспорядков достигает минимального уровня в год (0,17; другими словами, менее одной демонстрации каждые пять лет). Да и в целом мы имеем дело с достаточно выраженной *отрицательной* линейной зависимостью между средним уровнем безработицы и средней интенсивностью антиправительственных демонстраций по децилям. Таким образом, в данном случае для стран посткоммунистической (Восточной) Европы наблюдается обратная зависимость между переменными: для самого высокого уровня безработицы характерна самая низкая интенсивность антиправительственных демонстраций, и наоборот. Итак, предварительно сделанный выше вывод подтверждается: если в непосткоммунистической (Западной) Европе чем выше безработица, тем чаще — и заметно чаще — люди выходят на улицу с протестами, то в Восточной Европе чем выше безработица, тем реже люди выходят на антиправительственные демонстрации (при этом при подецильном анализе эта отрицательная корреляция оказывается не только статистически значимой, но и достаточно сильной).

Источники данных: [Banks, Wilson 2017; World Bank 2017].

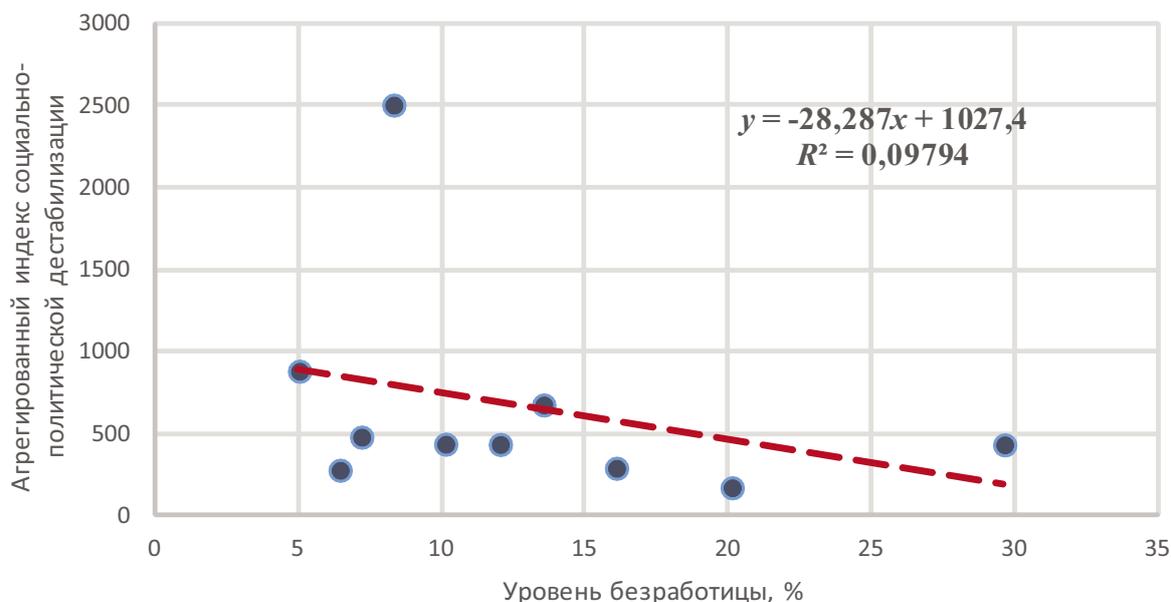
Примечания $r = -0,724$; $p = 0,018$.

Использовались следующие границы децилей: 1-й дециль: < 6,1%; 2-й дециль: 6,1–6,8%; 3-й дециль: 6,8–7,7%; 4-й дециль: 7,7–9,2%; 5-й дециль: 9,2–11,1%; 6-й дециль: 11,1–13%; 7-й дециль: 13–14,1%; 8-й дециль: 14,1–18,2%; 9-й дециль: 18,2–23,8%; 10-й дециль: > 23,8%.

Рис. 7. Подецильная корреляция между уровнем безработицы и интенсивностью антиправительственных демонстраций в странах Восточной Европы, 1991–2014 гг., диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии

Наконец, рассмотрим для стран посткоммунистической (Восточной) Европы подецильную корреляцию между уровнем безработицы и агрегированным индексом социально-политической дестабилизации (см. рис. 8).

Если для стран непосткоммунистической (Западной) Европы наш подецильный анализ выявил исключительно сильную ($r = +0,980$; $R^2 = 0,961$) статистически значимую ($p < 0,001$) положительную корреляцию между уровнем безработицы и интегральным индексом социально-политической дестабилизации, то для стран посткоммунистической (Восточной) Европы аналогичный анализ фиксирует крайне слабую ($R^2 < 0,1$) и совершенно статистически незначимую ($p = 0,379$) корреляцию, да к тому же ещё и отрицательно направленную.

Источники данных: [Banks, Wilson 2017; World Bank 2017].

Примечания $r = -0,313$; $p = 0,379$.

Использованы следующие децили: 1-й дециль: < 6,1%; 2-й дециль: 6,1–6,8%; 3-й дециль: 6,8–7,7%; 4-й дециль: 7,7–9,2%; 5-й дециль: 9,2–11,1%; 6-й дециль: 11,1–13%; 7-й дециль: 13–14,1%; 8-й дециль: 14,1–18,2%; 9-й дециль: 18,2–23,8%; 10-й дециль: > 23,8%.

Рис. 8. Поддецильная корреляция между уровнем безработицы и агрегированным индексом социально-политической дестабилизации в странах Восточной Европы, 1991–2014 гг., диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии

Безработица как фактор социально-политической дестабилизации в Западной и Восточной Европе: опыт сопоставительного анализа

Итак, корреляция между безработицей и социально-политической дестабилизацией в непосткоммунистической (Западной) Европе радикально отличается от этой корреляции в посткоммунистической (Восточной) Европе. Уровень безработицы является мощным статистически значимым предиктором социально-политической дестабилизации в странах непосткоммунистической (Западной) Европы, в то время как для стран посткоммунистической (Восточной) Европы не прослеживается ни одной положительной статистически значимой корреляции уровня безработицы ни с одним из индикаторов социально-политической дестабилизации (более того, в Восточной Европе для антиправительственных демонстраций прослеживается статистически значимая *отрицательная* корреляция с безработицей).

Чем может объясняться столь яркий контраст между Восточной и Западной Европой?

Наиболее очевидное объяснение заключается в том, что М. Бейсенджер и Г. Сассе назвали «эффект терпения» [Beissinger, Sasse 2014]. В 1990-е гг. мир стал свидетелем очень сильного экономического спада в Восточной Европе, так как эти общества переживали переход от командной экономики к рыночной. Например, за три года после 1991-го уровень ВВП упал на 23% в Эстонии и на 18% в Латвии [World Bank 2017]. При этом обе страны смогли встать на капиталистические рельсы с меньшими экономическими потерями, чем многие другие страны региона. Подобное падение ВВП было ещё более сильным в России (37%), на Украине (55%) и в Молдове (59%). Однако в большинстве случаев перехода от командной к рыночной экономике в странах Восточной Европы в 1990-е гг. не было зафиксировано сильной протестной активности, население демонстрировало чрезвычайно высокий уровень терпения посреди экономической рецессии, ожидая, что рыночные реформы приведут к новому росту уровня жизни (см., например: [Beissinger, Sasse 2014]).

В результате, хотя в Восточной Европе мощный экономический спад 1990-х гг. сопровождался в том числе и резким ростом безработицы, он в подавляющем большинстве стран посткоммунистической Европы не вызвал сколько-нибудь сопоставимой по силе социально-политической дестабилизации. В большинстве этих стран к власти пришли новые руководители, обещавшие путём болезненных реформ обеспечить улучшение уровня жизни населения в обозримом будущем; и население было готово перетерпеть трудности 1990-х гг. Однако в 2000-е гг. ситуация изменилась, и во время финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. наблюдалось то, что М. Бейсенджер и Г. Сассе назвали «конец терпения»: экономические трудности во многих восточноевропейских странах были уже встречены достаточно сильными протестами [Beissinger, Sasse 2014]. Для того чтобы проверить гипотезу о том, что отсутствие положительной корреляции между безработицей и социально-политической дестабилизацией в странах посткоммунистической Европы связано с «эффектом терпения» (1990-е гг.) и «концом терпения» (последующие годы), удалим из выборки все данные за 1990-е гг. Если данная гипотеза верна, то следует ожидать, что для оставшейся выборки должны проследиваться те же статистически значимые положительные корреляции между безработицей и различными показателями социально-политической дестабилизации, что были выше обнаружены нами применительно к Западной Европе. Результаты соответствующего теста представлены в таблице 6.

Таблица 6

Корреляции между уровнем безработицы (исходные данные) и показателями социально-политической дестабилизации CNIS, 2000–2014 гг., страны Восточной Европы

№	Индикаторы социально-политической дестабилизации	Коэффициент корреляции Пирсона r	Статистическая значимость (p)
1.	Политические убийства (<i>Assassinations</i>)	– 0,077	0,191
2.	Политические забастовки (<i>General Strikes</i>)	0,042	0,470
3.	Крупные террористические акты и (или) «партизанские действия» (<i>Guerrilla Warfare</i>)	– 0,056	0,342
4.	Правительственные кризисы (<i>Government Crises</i>)	– 0,088	0,131
5.	Политические репрессии (<i>Purges</i>)	– 0,122*	0,036
6.	Массовые беспорядки (<i>Riots</i>)	– 0,037	0,524
7.	Перевороты и попытки переворотов (<i>Revolutions</i>)	– 0,001	0,980
8.	Антиправительственные демонстрации (<i>Anti-Government Demonstrations</i>)	– 0,149*	0,010
9.	Агрегированный индекс социально-политической дестабилизации	– 0,062	0,290

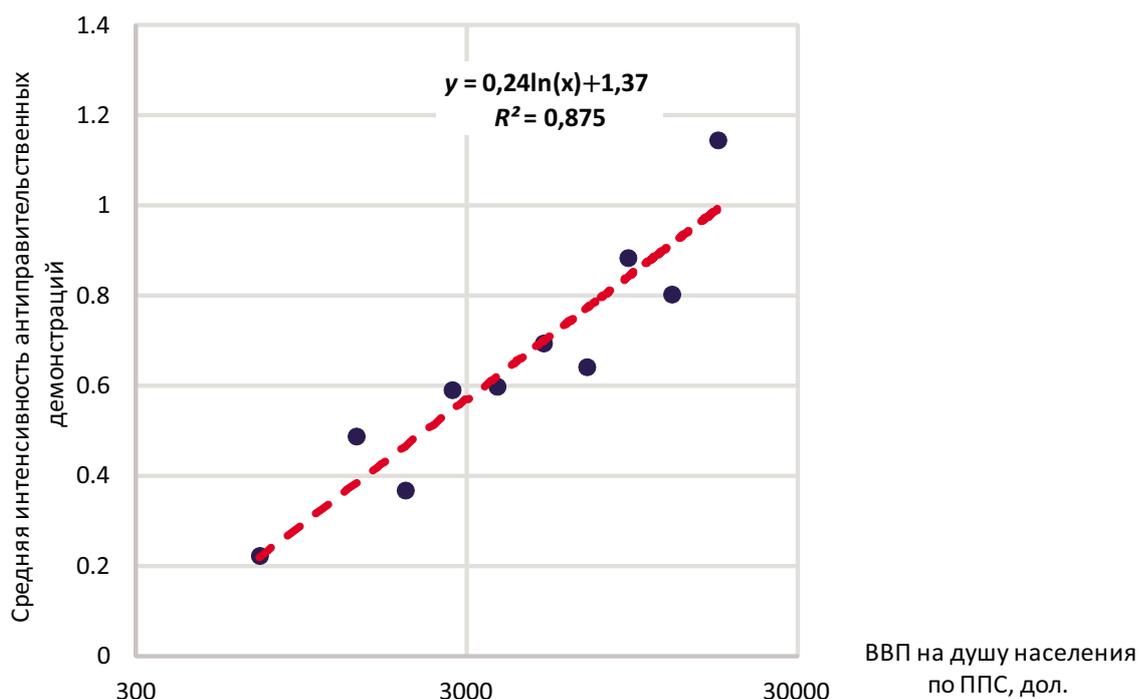
Примечание: * — корреляция значима на уровне $0,01 < p < 0,05$; ** — корреляция значима на уровне $< 0,01$.

Как показано в таблице 6, проведённый нами тест не подтверждает высказанную выше гипотезу: отсутствие статистически значимых положительных корреляций между безработицей и основными индикаторами социально-политической дестабилизации в странах посткоммунистической Европы *нельзя* объяснить «эффектом терпения» 1990-х гг. и «концом терпения» в последующие годы. Удаление из выборки данных за 1990-е гг. не привело к появлению хотя бы одной статистически значимой положительной корреляции. Общая картина осталась удивительно сходной: после удаления из выборки данных за 1990-е гг. большинство корреляций оказываются статистически незначимыми, а все статистически значимые корреляции отрицательны. Число статистически значимых отрицательных корреляций, впрочем, уменьшается с трёх до двух; но при этом сохраняется (и даже немного усиливается) отрицательная корреляция между безработицей и интенсивностью антиправительственных демонстраций.

Рассмотрим теперь ещё одно из возможных объяснений интересующего нас радикального отличия Западной Европы от Восточной.

Как известно, ещё в 1960-е гг. М. Олсон и С. Хантингтон выдвинули гипотезу о наличии криволинейной перевернутой *U*-образной зависимости между уровнем экономического развития и уровнем социально-политической нестабильности [Olson 1963; Huntington 1968]. Согласно этой гипотезе, вплоть до определённого значения величины средних подушевых доходов экономический рост в тенденции ведёт к усилению рисков социально-политической дестабилизации, и лишь при его относительно высоких значениях дальнейший рост этого показателя ведёт к уменьшению данных рисков. Таким образом, для более высоких значений подушевого дохода характерна отрицательная корреляция между доходами на душу населения и рисками социально-политической дестабилизации, а для более низких — положительная.

Наши эмпирические тесты [Коротаев, Исаев, Васильев 2015; Коротаев, Билюга, Шишкина 2016, 2017а, 2017b; Коротаев, Васькин, Билюга 2017; Коротаев et al. 2017b: 16–33; Korotayev, Issaev, Zinkina 2015; Korotayev et al. 2017a; Korotayev, Vaskin, Bilyuga 2018] подтвердили обоснованность данной гипотезы: действительно, отрицательная корреляция между уровнем экономического развития и социально-политической нестабильностью наблюдается только для экономически высокоразвитых стран, в то время как для слабо- и среднеразвитых стран наблюдается положительная корреляция между ВВП на душу населения и большинством индикаторов социально-политической дестабилизации. При этом особенно выражена положительная корреляция между подушевым ВВП и интенсивностью антиправительственных демонстраций (см. рис. 9)⁶.

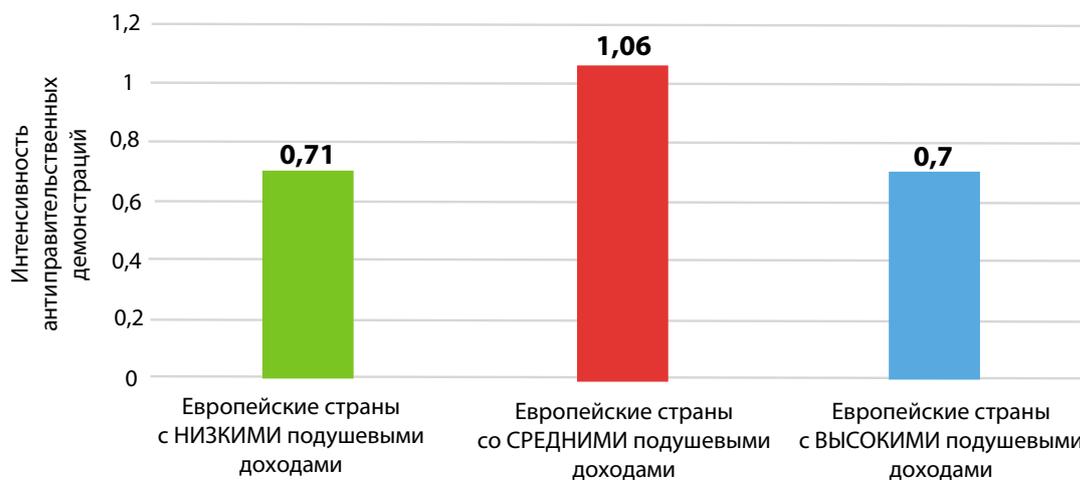
Источник: [Коротаев, Васькин, Билюга 2017: 25].

Примечание: $r = 0,935, p < 0,001$.

Рис. 9. Корреляция между ВВП на душу населения для стран с доходом до 20 тыс. дол. США по ППС и интенсивностью антиправительственных демонстраций на соответствующий год, 1960–2014 гг., диаграмма рассеивания с логарифмической шкалой по оси абсцисс и наложенным контуром логарифмической регрессии

⁶ При воспроизведении рисунка сохранено оформление источника: [Коротаев, Васькин, Билюга 2017: 25]. — Примеч. ред.

Аналогичные зависимости наблюдаются и для европейских стран рассматриваемого периода (см. рис. 10).

Источник: [World Bank 2017].

Рис. 10. Среднее значение интенсивности антиправительственных демонстраций по тертилям по ВВП на душу населения в международных дол. по ППС за период 1991–2014 гг.⁷

На данной гистограмме (см. рис. 10) европейские «страно-годы» за 1991–2014 гг. разбиты на три равные группы (тертили) по ВВП на душу населения. Нижний тертиль соответствует самым бедным европейским странам, верхний — самым богатым странам, а средний — странам со средними по европейским меркам доходами⁸.

Проведённые *t*-тесты показали, что различия между первым и вторым и вторым и третьим тертиями являются статистически значимыми. Как видим, вполне в соответствии с гипотезой Олсона — Хантингтона, максимальный уровень интенсивности антиправительственных демонстраций в Европе (как и в мире) наблюдается у стран со средними подушевыми доходами.

Стоит отметить, что при разбивке на три тертиля все богатые европейские страны оказываются в Западной Европе, практически все бедные страны — в Восточной Европе, страны со средними доходами практически поровну делятся между Западной и Восточной Европой (см. табл. 7).

В соответствии с законом Олсона — Хантингтона о наличии криволинейной перевёрнутой *U*-образной зависимости между уровнем экономического развития и уровнем социально-политической нестабильности можно предполагать, что в странах Восточной Европы должна наблюдаться положительная корреляция между ВВП на душу населения и интенсивностью антиправительственных демонстраций, а в странах Западной Европы — отрицательная. Эмпирические тесты в общем и целом подтверждают это предположение. Для стран Западной Европы вполне выражена отрицательная корреляция между подушевым ВВП и интенсивностью антиправительственных демонстраций (см. рис. 11).

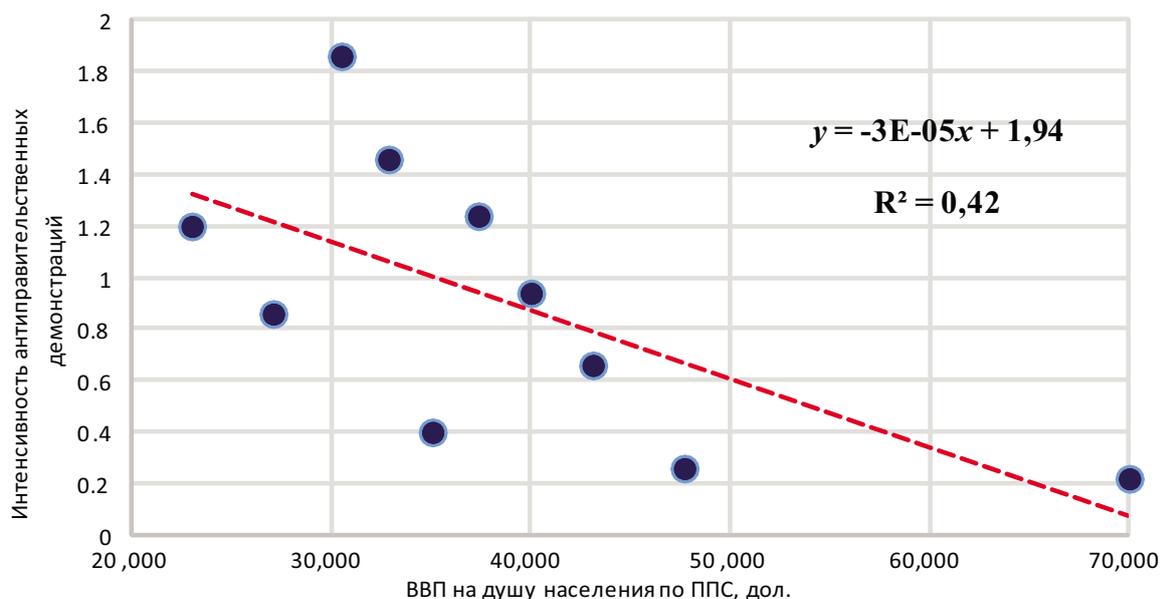
⁷ Примечание: тертиль европейских стран с низкими подушевыми доходами включает в себя страны с ВВП на душу населения в международных долларах менее 17 370 долларов по ППС; тертиль стран со средними доходами — с подушевым ВВП в интервале между 17 370 и 32 814 долларов по ППС; тертиль стран с высокими доходами — с подушевым ВВП выше 32 814 долларов.

⁸ Необходимо отметить, что, конечно, бедные по европейским меркам страны не всегда будут рассматриваться как таковые при глобальных сопоставлениях. При глобальном анализе границы между первым и вторым тертиями будет проходить на уровне 3 250 дол., а между вторым и третьим — на уровне 11 600 дол. Таким образом, заметная часть европейских стран с низкими доходами на мировом уровне была бы отнесена к странам со средними доходами.

Таблица 7

Тертили «страно-лет» непосткоммунистической (Западной) и посткоммунистической (Восточной) Европы по ВВП на душу населения по ППС, %

	Тертили европейских стран по ВВП на душу населения			Итого
	Страны с низкими подушевыми доходами	Страны со средними подушевыми доходами	Страны с высокими подушевыми доходами	
Западная Европа	1 (0,3%)	173 (53,1%)	326 (100%)	500 (51,1%)
Восточная Европа	325 (99,7%)	153 (46,9%)	0 (0%)	478 (48,9%)

Источники данных: [Banks, Wilson 2017; World Bank 2017].

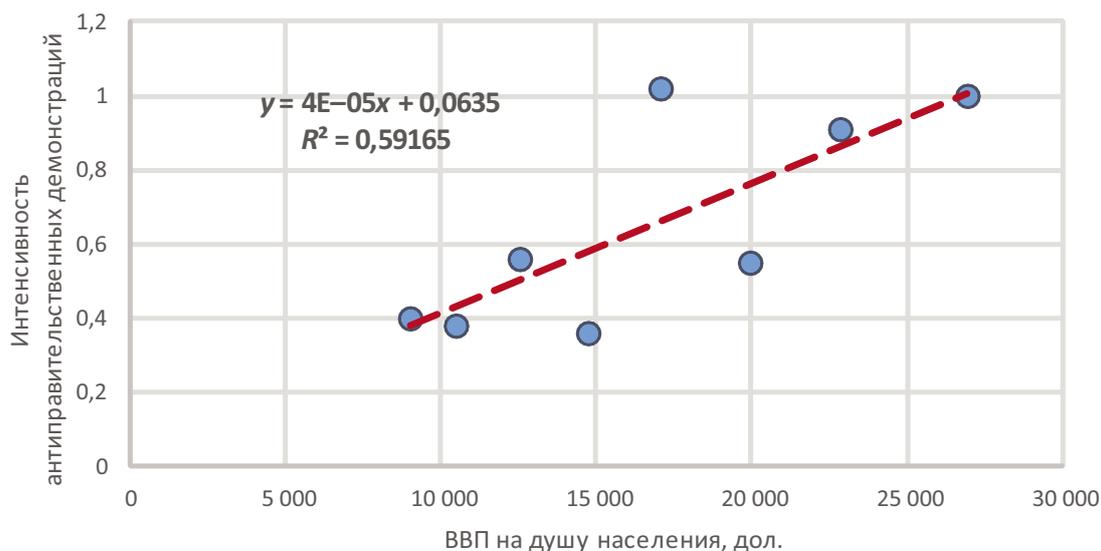
Примечание: $r = -0,653$; $p = 0,040$.

Рис. 11. Подецильная корреляция между ВВП на душу населения по ППС и интенсивностью антиправительственных демонстраций в странах Западной Европы, 1991–2014 гг., диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии

Для стран Восточной Европы выраженная положительная корреляция с интенсивностью антиправительственных демонстраций наблюдается для большей части спектра значений подушевого ВВП (см. рис. 12).

Для стран Западной Европы наблюдается сильно выраженная отрицательная корреляция между подушевым ВВП и уровнем безработицы (см. рис. 13).

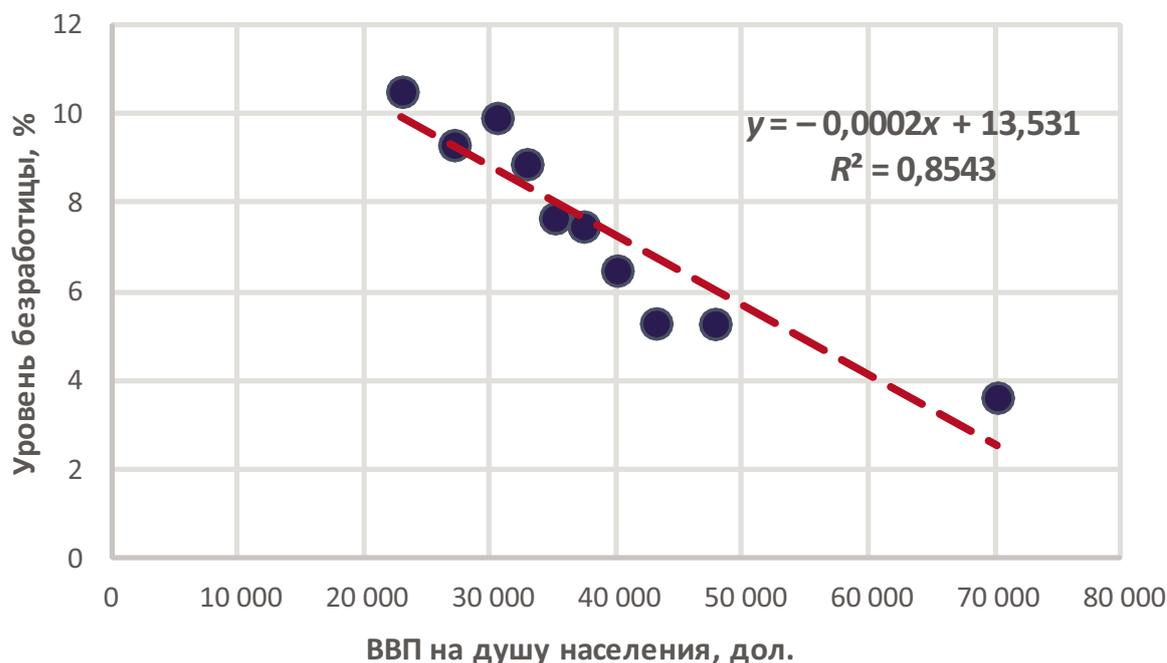
Для стран Восточной Европы также наблюдается вполне выраженная отрицательная корреляция между подушевым ВВП и уровнем безработицы (см. рис. 14).

Источники данных: [Banks, Wilson 2017; World Bank 2017].

Примечание: $r = 0,769$; $p = 0,026$.

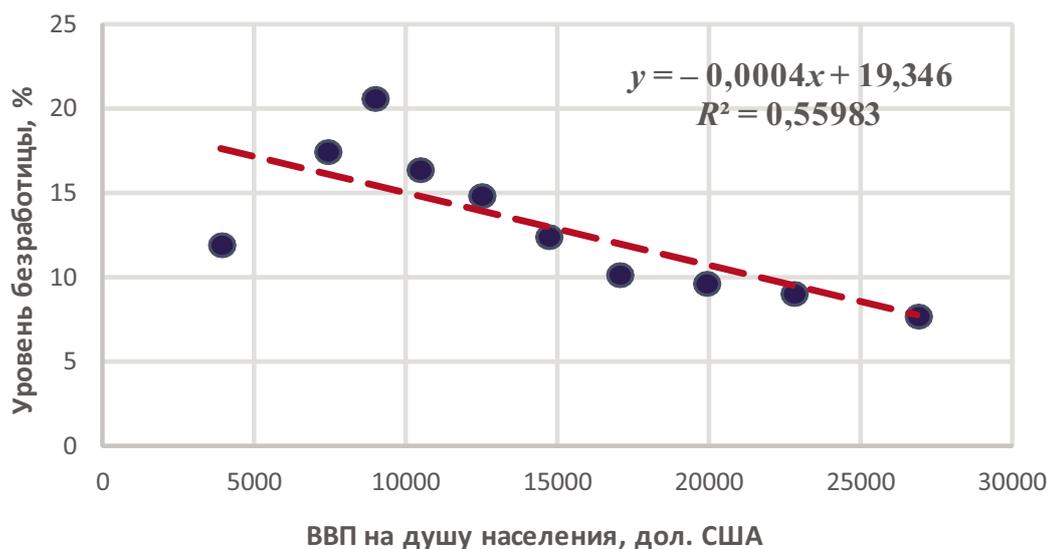
Рис. 12. Поддецильная корреляция между ВВП на душу населения по ППС и интенсивностью антиправительственных демонстраций в странах Восточной Европы, децили 3–10, 1991–2014 гг., диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии

Источники данных: [Banks, Wilson 2017; World Bank 2017].

Примечание: $r = -0,925$; $p < 0,001$.

Рис. 13. Поддецильная корреляция между ВВП на душу населения по ППС и уровнем безработицы в странах Западной Европы, 1991–2014 гг., диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии

Источники данных: [Banks, Wilson 2017; World Bank 2017].
 Примечание: $r = -0,749$; $p = 0,013$.

Рис. 14. Подецильная корреляция между ВВП на душу населения по ППС и уровнем безработицы в странах Восточной Европы, 1991–2014 гг., диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии

Таким образом, обнаруженный нами разительный контраст между Западной и Восточной Европой можно объяснить действием закона Олсона — Хантингтона, однако лишь отчасти. Рассмотрим другие объяснения того, почему в Западной Европе уровень безработицы является мощным статистически значимым предиктором социально-политической дестабилизации, в то время как для стран посткоммунистической (Восточной) Европы не прослеживается ни одной положительной статистически значимой корреляции уровня безработицы ни с одним из индикаторов социально-политической дестабилизации (и, более того, как мы помним, в Восточной Европе для антиправительственных демонстраций прослеживается статистически значимая отрицательная корреляция с безработицей).

Для более детального анализа наблюдаемых различий рассмотрим мотивы участия и неучастия в протестной деятельности людей, потерявших и (или) не нашедших работу.

С одной стороны, безработного останавливают от протестной деятельности следующие мотивы:

- ощущение себя маленьким отверженным человеком, боящимся выступить против власти и общества;
- необходимость посвящать время поиску работы и добыванию sporadических заработков для собственного существования и содержания своих близких (жены (мужа), детей, родителей и др.);
- страх попасть в чёрные списки полиции и особенно в чёрные списки работодателей как бунтовщик и плохой кандидат на получение работы;
- страх потерять расположение благотворителей (в том числе родственников⁹, лидеров кланов и общин), предоставляющих материальную помощь, займы и временные заработки.

⁹ Можно добавить ещё страх перед недовольством жены (мужа) и её (его) родителей, не одобряющих протестное поведение и контакты с различными бунтовщиками, препятствующие получению рабочего места и способствующие выпадению их семьи из «приличного общества».

С другой стороны, безработного подстёгивают к протестной деятельности следующие мотивы:

- негодование против своих бывших работодателей, уволивших его, и потенциальных работодателей, отвергнувших его как работника или предложивших ему работу и заработок, недостойные его квалификации и притязаний;
- негодование против власти, проводящей такую экономическую политику, которая довела его до безработного состояния;
- негодование против власти, установившей слишком малые пособия по безработице, слишком жёсткие правила их получения и слишком короткие сроки выплаты;
- наличие свободного времени для участия в политической деятельности и акциях протестных сообществ.

Участниками протестных акций, естественно, могут стать и становятся не только сами безработные, но и люди, боящиеся потерять работу, или те, кто возмущён действиями властей и работодателей. Не останавливаясь подробно на мотивах, ими движущих, укажем, что у них тоже есть основания как для участия, так и для неучастия в протестных акциях, в первом приближении укладываемые в формулу «страх потери работы и заработка vs возмущение и требования поменять правила и законы или даже само правительство».

Прежде чем обсуждать поведение людей внутри своих стран, необходимо указать, что, кроме поиска работы дома, существует поиск работы в других странах, чем активно пользуются безработные жители восточноевропейских стран. Немалая часть безработных из Восточной Европы перемещается в поисках работы на запад, а так как их собственные страны являются членами ЕС, то они (собираательно — «польские сантехники») обладают законным правом устройства на работу в западноевропейских странах. Но даже многие восточноевропейские страны, не входящие в ЕС, связаны с ним многочисленными соглашениями, в том числе обеспечивающими безвизовый обмен и относительную простоту получения работы в Западной Европе. Некоторая доля отрицательной корреляции на востоке Европы и положительной на западе объясняется поэтому тем, что многие активные люди из Восточной Европы, особенно молодые потенциальные участники протестных акций, при ухудшении ситуации с занятостью перемещаются в Западную Европу, отнимая при этом рабочие места у самих западноевропейцев и повышая их желание протестовать.

Естественно, можно указать немало причин и обстоятельств, которые направят безработного или кандидата в безработные в ту или иную сторону. Однако, если ситуация в стране далека от революционной, а правящий строй — от обрушения в результате народного возмущения и (или) внутриэлитных раздоров, то решающим фактором оказывается наличие или отсутствие источников существования. В основе столь контрастной реакции западных и восточных европейцев на рост безработицы лежат поэтому различные уровни пособий по безработице.

Например, во Франции средний размер пособия составляет около 60% средней заработной платы. Максимальная сумма выплат достигает более 6000 евро в месяц. Пособия начисляются на сроки от четырёх месяцев до двух лет, а если на момент увольнения работнику было 50 лет и более, то пособие выдаётся в течение трёх лет. Безработные в Германии получают пособие в размере также 60% от средней заработной платы, граждане с детьми — 67%. Максимальная сумма выплат составляет более 2000 евро в месяц, продолжительность безработицы составляет 6–24 месяцев. Близкие условия получения пособий характерны и для других западноевропейских стран [Stovicek, Turrini 2012]. Фактически получается,

что доходы безработных немногим ниже доходов работающих. К этому следует добавить, что во многих странах Западной Европы, прежде всего в Финляндии, проводятся эксперименты по введению всеобщего социального пособия, более известного как «безусловный доход» (или «базовый доход»), что полностью освобождает безработных от страха оказаться без каких-либо источников существования.

В странах же Восточной Европы условия получения пособий жёстче, выплачиваются они в течение коротких сроков (от 4–5 до 11 месяцев) и имеют существенно меньшие размеры; например, в Польше среднее пособие по безработице составляет всего 200 дол. США в месяц [Stovicek, Turrini 2012]¹⁰.

Следует отметить, что низкие пособия по безработице и относительно короткие сроки их выплаты характерны не только для Восточной Европы, но также для англосаксонских стран [Stovicek, Turrini 2012]. Это порождает некоторые аналогии влияния безработицы на протестные действия между англосаксонскими странами и Восточной Европой. Например, в годы Великой депрессии в Германии (Веймарской республике), где выплачивались пособия по безработице (правда, несколько сократившиеся в период кризиса), подъем забастовочного и другого протестного движения (включая коммунистическое и нацистское) был существенно выше, чем в США, где в начале 1930-х гг. никаких официальных пособий по безработице не было.

Особую силу контрасту между странами с щедрым обеспечением своих безработных и странами, где безработные сами должны заботиться о своём пропитании и пропитании своей семьи, придают достаточно очевидные положительные обратные связи.

В тех странах, где пособия по безработице малы (жёсткие условия получения, короткие сроки выплаты и т. д.), протестующих мало, и даже это малое количество попадает в чёрные списки работодателей, а соответственно их становится ещё меньше. При этом в годы циклического подъёма, когда рабочей силы не хватает, те, кто не смел заявлять о своих претензиях в годы спада, нередко выходят протестовать — всё равно с работы не выгонят, а в чёрные списки всех не занесут. Наоборот, в тех странах, где пособия велики и длительны, ничем не занятые безработные могут протестовать разнообразными методами, добиваясь увеличения пособий, прихода к власти левых сил и т. д.¹¹.

Хотя близость тенденций в более бедных восточноевропейских странах и в англосаксонских странах, прежде всего в США (особенно дорозвельтовских времён), делает этот эффект непохожим на закономерность Олсона — Хантингтона, на самом деле он, по существу, является одной из составляющих данного эффекта. В бедных странах малообеспеченные и тем более потерявшие работу люди прежде всего заботятся о своём благополучии и вместо участия в протестах ищут возможности прокормиться. Переход к протестным действиям, причём в основном самого радикального толка (массовые беспорядки, политическое насилие, попытки переворота и др.), происходит главным образом в революционных ситуациях, когда у безработных появляется надежда получить всё и сразу. В обеспеченных странах преобладают менее разрушительные формы протестов (демонстрации, митинги, другие различные формы ненасильственного протеста), включающие не только прямые финансовые требования, но также требования изменений социальной политики и поддержку на выборах более левых партий. В странах с переходными экономическими и политическими условиями возможны протестные проявления обоих типов.

¹⁰ При этом низкий уровень пособий здесь также является причиной низкого уровня безработицы.

¹¹ Определённую роль может играть и активная политика занятости на рынке труда, в том числе разного рода программы дополнительного обучения, общественные работы, помощь в открытии собственного бизнеса и др. Влияние этих факторов планируется рассмотреть в следующих работах.

В настоящее время опасность роста безработицы в близком будущем представляет собой одну из основных угроз для развитых стран как из-за перевода производств торгуемых товаров в более бедные страны с меньшей заработной платой и меньшими социальными гарантиями, так и из-за быстро развивающейся автоматизации и роботизации не только в производственной сфере, но и в сфере обслуживания. Зависимость влияния безработицы на протестные действия от величины и характера социальных пособий даёт возможность высказать некоторые предположения о будущих тенденциях протестной активности.

В странах, где не ожидается существенного роста ни заработной платы, ни социальных пособий, несмотря на увеличение имущественного расслоения, по-видимому, и в дальнейшем не следует ждать мощных протестных акций. Напротив, введение базового дохода, который не сможет полностью заменить социальные расходы на помощь и медицинское обслуживание пожилых и больных людей, инвалидов, детей из многодетных семей и т. д., приведёт к фактическому росту социальных затрат и всё менее сбалансированным бюджетам. Сытое существование незанятых людей обеспечит им возможность дальнейшего усиления протестных действий, направленных на увеличение базового дохода, введение антииммигрантских законов и других мер, а также действий, не направленных ни на что, но являющихся проявлениями общего недовольства складывающимися порядками, оставляющими их на самых нижних ступеньках общественной лестницы без ясных перспектив продвижения вверх, и просто формой интересного и яркого времяпрепровождения, придания смысла тусклой и бесцельной жизни.

Заключение

Практически все исследователи сходятся в том, что безработица — важный фактор социально-политической дестабилизации, причём особое значение имеет безработица среди молодёжи, наиболее склонной к уличной активности, включая участие в радикальных и насильственных формах протеста. Тем не менее различные исследования показывают не только разную силу влияния уровня безработицы на протестную активность, но и разное направление этого влияния. Так, например, П. Колльер, Г. Урдал, А. Вуд и другие исследователи указывают, что рост безработицы ведёт к росту протестной активности, увеличению уличного насилия и дестабилизации политической ситуации в целом [Collier 2000; Urdal 2004; Wood 2006]. Напротив, Р. В. Уайт, Э. Берман и его соавторы находят, что высокая безработица понижает уровень политического насилия [White 1993; Bergman et al. 2011]. По данным же Дж. Л. Томпсона, С. Олзака и С. Шанахана, ряда других исследователей, влияние безработицы на протестную активность проявляется лишь в совокупности с другими факторами, при этом сама корреляция между уровнем безработицы и участием в протестных акциях оказывается статистически незначимой [Thompson 1989; Olzak, Shanahan 1996].

В данной работе проведён анализ корреляционной зависимости между уровнем безработицы по исходным данным Всемирного банка [World Bank 2017] и показателями социально-политической дестабилизации *CNTS* [Banks, Wilson 2017] за 1991–2014 гг. в странах непосткоммунистической (Западной) Европы и посткоммунистической (Восточной) Европы. Результаты исследования показали, что тенденции в двух разных частях Европы существенно расходятся. В Западной Европе уровень безработицы является статистически значимым предиктором социально-политической дестабилизации. Особенно сильны эти зависимости при переходе от «постранового» сравнения к сравнениям состояний групп стран в различные годы (вся выборка данных по странам и годам была разделена на 10 групп «страно-лет», различающихся уровнем безработицы). При этом методе анализа зависимости интенсивности политических забастовок, массовых беспорядков, антиправительственных демонстраций и другие коэффициенты корреляции Пирсона достигали значений 0,8–0,95 при значимости корреляций на уровне $< 0,001$.

Совсем иную картину показывают данные по странам посткоммунистической (Восточной) Европы. В отличие от Западной Европы большая часть корреляций носит статистически незначимый характер, и при этом все — как незначимые, так и значимые — корреляции (прежде всего, речь идёт о правительственных кризисах и антиправительственных демонстрациях) имеют отрицательный характер, то есть рост безработицы ведёт, скорее, к политической стабилизации, нежели наоборот.

Также, в отличие от Западной Европы, переход от постранового сравнения к сравнениям состояний групп стран Восточной Европы в различные годы по децилям привёл не к усилению, а к ослаблению корреляций, хотя и не изменил их отрицательного характера. Это указывает на неоднородность выборки. Действительно, исключение из выборки 1990-х гг., когда новая социально-политическая система только формировалась и народ «с терпением и пониманием» переносил трудности роста, уменьшило некоторые отрицательные корреляции, но не устранило их. Также только частично интересующее нас различие может быть объяснено действием закона Олсона — Хантингтона, в соответствии с которым экономический рост (и связанное с этим снижение безработицы) до определённого уровня (приблизительно соответствующего как раз «границе» между Восточной и Западной Европой) сопровождается ростом социально-политической дестабилизации, а после этого он уже в тенденции сопровождается его снижением.

Таким образом, контрастное различие между Западной и Восточной Европой лишь отчасти связано с переходным характером политических и экономических систем восточноевропейских стран.

Анализ поведения людей, потерявших работу или находящихся в области риска, связанного с ее потерей, показывает, что у них имеются мотивы как за участие, так и за неучастие в акциях против своих бывших и новых потенциальных работодателей, а также властей страны. С одной стороны, они возмущены действиями работодателей и властей страны, но, с другой — им нужно искать новую работу, добывать средства для пропитания, они боятся попасть в чёрные списки плохих кандидатов на получение работы и вызвать неодобрение тех, кто их поддерживает в трудные времена.

Решающим фактором, склоняющим их поведение в ту или иную сторону, по всей видимости, оказываются размеры, сроки и условия выплат социальных пособий. Там, где размеры пособий и сроки их выплаты велики (Западная Европа), рост безработицы сопровождается ростом протестных настроений, участия в антиправительственных акциях и т. д. Там, где пособия малы и выплачиваются в течение короткого времени (Восточная Европа), люди, оказавшись безработными, преимущественно уходят в свои личные заботы, менее склонны к участию в протестной деятельности при потере работы или высоком риске её потерять. Особую убедительность этому объяснению придаёт сходство поведения жителей восточноевропейских и англосаксонских стран, ибо в этих последних, несмотря на высокий уровень жизни, действуют более мягкие законы о защите труда, а размеры пособий по безработице и сроки их выплат значительно меньше, чем в западноевропейских странах¹².

Дополнительным фактором, способствующим различию реакции жителей Западной и Восточной Европы на потерю работы, является трудовая миграция из Восточной Европы в Западную, вымывающая «горючий материал» для протестных акций с востока, но зато вызывающая протестные действия западноевропейских безработных в пользу введения антииммигрантских законов.

Как известно, в настоящее время существует достаточно серьёзная опасность роста безработицы в развитых странах, вызванная как переводом производств торгуемых товаров в более бедные страны с

¹² Отметим, что дальнейшего прогресса в интерпретации полученных нами результатов, по-видимому, можно будет добиться, используя микроданные по индивидам таких международных исследований, как *World Values Survey (WVS)*, *European Values Study (EVS)* и *European Social Survey (ESS)*, что должно стать предметом отдельной работы.

меньшей заработной платой и меньшими социальными гарантиями, так и быстро развивающейся автоматизацией и роботизацией не только в производственной сфере, но и в сфере обслуживания. При этом ряд западных стран планирует ввести «базовый доход» для жителей стран, не зависящий от занятости. Проведенное исследование позволяет предположить, что парадоксальным образом весьма вероятным результатом таких действий, несмотря на возможность некоторого снижения неравенства доходов, будет рост протестной активности. И, наоборот, если в странах Восточной Европы не произойдет ни существенного роста заработной платы, ни существенного роста социальных пособий, то, несмотря на некоторое увеличение имущественного расслоения, по-видимому, и в дальнейшем здесь не следует ожидать того, что рост безработицы в этих странах будет вести к росту протестной активности.

Приложение

Описание и методология *Cross National Time Series (CNTS)*

База данных *The Cross National Time Series (CNTS)* [Banks, Wilson 2017] является результатом работы по сбору и систематизации данных, начатой Артуром Банксом в 1968 г. в Университете штата Нью-Йорк в Бингемтоне на основе обобщения архива данных *The Statesman's Yearbook*, публикуемого с 1864 г. В базе данных содержатся около 200 переменных для более чем 200 стран, а также годовые значения переменных, начиная с 1815 г. В базе данных исключены периоды двух мировых войн: 1914–1918 гг. и 1939–1945 гг.

CNTS структурирована по разделам и включает статистические данные по территории и населению страны, информацию по использованию технологий, экономические и электоральные данные, информацию по внутренним конфликтам, использованию энергии, промышленной статистике, по военным расходам, международной торговле, урбанизации, образованию, занятости, деятельности законодательных органов и т. п.

В данной работе мы подробно рассматриваем раздел данных, описывающих внутренние конфликты (раздел *domestic*), которые основаны на анализе событий по восьми различным подкатегориям:

- политические убийства (*Assassinations, domestic 1*);
- политические забастовки (*General Strikes, domestic 2*);
- крупные террористические акты и (или) «партизанские действия» (*Guerrilla Warfare, domestic 3*);
- правительственные кризисы (*Government Crises, domestic 4*);
- политические репрессии (*Purges, domestic 5*);
- массовые беспорядки (*Riots, domestic 6*);
- «революции» (*Revolutions, domestic 7*);
- антиправительственные демонстрации (*Anti-Government Demonstrations, domestic 8*).

В этом разделе представлены данные, начиная с 1919 г.

К политическим убийствам (*Assassinations, domestic 1*) относятся любые политически мотивированные убийства или покушения на убийства высших правительственных чиновников или политиков.

К политическим забастовкам (*General Strikes, domestic 2*) — забастовки, в которых участвовали 1000 или более работников, занятых у более чем одного работодателя, и при этом выдвигались требования, направленные против государственной политики, правительства или органов власти.

К крупным террористическим актам и (или) «партизанским действиям» (*Guerrilla Warfare, domestic 3*) относятся любая вооружённая деятельность, диверсии или теракты, совершаемые группами граждан или нерегулярными вооружёнными силами, которые направлены на свержение или подрыв существующего режима. Речь, таким образом, идёт прежде всего о крупных террористических актах (в особенности когда мы имеем дело со странами современной Европы).

Правительственные кризисы (*Government Crises, domestic 4*) — это любые ситуации, которые грозят привести к падению текущего режима, кроме вооруженных переворотов, напрямую направленных на это.

Политические репрессии (*Purges, domestic 5*) — любое систематическое устранение оппозиционных деятелей (путем лишения свободы или казней) среди действующих членов режима или оппозиционных группировок.

К массовым беспорядкам (*Riots, domestic 6*) относятся любые выступления или столкновения, связанные с использованием насилия, в которых принимали участие более 100 граждан.

«Революции» (*Revolutions, domestic 7*) — это любые незаконные или связанные с принуждением изменения в правящей элите, а также любые попытки таких изменений, любые перевороты или попытки переворотов. Переменная «революции» также учитывает все удачные и неудачные вооружённые восстания, целью которых является получение независимости от центрального правительства. Отметим, что название этой переменной в очень заметной степени вводит пользователя в заблуждение, так как в реальности здесь речь в большинстве случаев идёт не о революциях в обычном понимании (см. нашу сводку определений революции: [Гринин, Исаев, Коротаев 2015]), а, скорее, о переворотах и попытках переворотов. Именно таким образом мы и обозначаем данную переменную в этой статье.

К антиправительственным демонстрациям (*Anti-Government Demonstrations, domestic 8*) относятся любые мирные публичные собрания, в которых принимают участие 100 человек и более, чья основная цель — выразить несогласие с политикой правительства или власти; исключения представляют собой демонстрации, направленные против иностранных государств.

Все перечисленные восемь подкатегорий используются при построении интегрального индекса социально-политической дестабилизации (*domestic 9*). Для этого составители базы данных *CNTS* присвоили каждой подкатегории определённый вес (см. таблицу П. 1).

Таблица П.1

Веса подкатегорий, используемых при построении индекса социально-политической дестабилизации *CNTS*

Подкатегория	Название переменной	Вес в интегральном индексе социально-политической дестабилизации (<i>domestic 9</i>)
Политические убийства (<i>Assassinations</i>)	<i>domestic 1</i>	25
Политические забастовки (<i>General Strikes</i>)	<i>domestic 2</i>	20
«Партизанские действия» (<i>Guerrilla Warfare</i>)	<i>domestic 3</i>	100
Правительственные кризисы (<i>Government Crises</i>)	<i>domestic 4</i>	20
Политические репрессии (<i>Purges</i>)	<i>domestic 5</i>	20
Массовые беспорядки (<i>Riots</i>)	<i>domestic 6</i>	25
Перевороты и попытки переворотов (<i>Revolutions</i>)	<i>domestic 7</i>	150
Антиправительственные демонстрации (<i>Anti-Government Demonstrations</i>)	<i>domestic 8</i>	10

Интегральный индекс социально-политической дестабилизации *CNTS* (*Weighted Conflict Measure, domestic 9*) рассчитывается как сумма произведений численных значений подкатегорий и соответствующих им весов, умноженная на 100 и делённая на 8 (см. формулу (1)):

$$domestic\ 9 = \frac{(25domestic1 + 20domestic2 + 100domestic3 + 20domestic4 + 20domestic5 + 25domestic6 + 150domestic7 + 10domestic8)}{8} * 100 \quad (1)$$

Литература

- Абель Э., Бернанке Б. 2010. *Макроэкономика*. Пер. с англ. Н. Габенова, А. Смольского; науч. ред. Л. Симкина. Изд. 5-е. СПб.: Питер.
- Блауг М. 1994. *Экономическая мысль в ретроспективе*. М.: Дело.
- Булдаков В. П. 1997. *Красная Смута: природа и последствия природного насилия*. М.: РОССПЭН.
- Гринин Л. Е. 2017. Русская революция и ловушки модернизации. *Полис. Политические исследования*. 4: 138–155.
- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2015. *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. М.: Учитель.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2009. История, математика и некоторые итоги дискуссии о причинах русской революции. *История и математика*. 7: 368–427.
- Гришин О. Е. 2015. Политическая стабильность: понятие, факторы, инновации. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 6 (1/56): 51–54.
- Долгов Б. В. 2011. Взрыв в арабском мире: внутренний и внешний контекст. *Перспективы*. 15 апреля. URL: [http://www.perspektivy.info/oykumena/vector/vzryv_v_arabskom_mire_vnutrennij_i_vneshnij_kontekst_2011-04-15 .htm](http://www.perspektivy.info/oykumena/vector/vzryv_v_arabskom_mire_vnutrennij_i_vneshnij_kontekst_2011-04-15.htm)
- Иванов В. Г. 2012. «Естественный уровень образования» как фактор стабильности политического режима. Часть II. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 1: 35–56.
- Кейнс Д. 1948. *Общая теория занятости, процента и денег*. Пер. с англ. проф. Н. Н. Любимова; вступ. ст. проф. И. Г. Блюмина. М.: Государственное издательство иностранной литературы.
- Коротаев А. В. et al. 2011. Социально-демографический анализ Арабской весны. В сб.: *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Вып. 3. М.: Учитель; 28–76.
- Коротаев А. В. et al. 2016a. Арабская весна как триггер глобальной социально-политической дестабилизации: опыт систематического анализа. В сб.: *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Вып. 7. М.: «Учитель»; 22–126.
- Коротаев А. В. et al. 2016b. Промежуточные типы социально-политических режимов и социально-политическая нестабильность: опыт количественного кросс-национального анализа. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 3: 31–51.

- Коротаев А. В. et al. 2017a. Арабская весна и её глобальное эхо: количественный анализ. *Сравнительная политика*. 8 (4): 113–126.
- Коротаев А. В. et al. 2017b. *Дестабилизация: глобальные, национальные, природные факторы и механизмы*. М.: Учитель.
- Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р. 2016. ВВП на душу населения, уровень протестной активности и тип режима: опыт количественного анализа. *Сравнительная политика*. 4 (26): 72–94.
- Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р. 2017a. ВВП на душу населения, интенсивность антиправительственных демонстраций и уровень образования. Кросс-национальный анализ. *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз*. 1 (84): 127–143.
- Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р. 2017b. Экономический рост и социально-политическая дестабилизация: опыт глобального анализа. *Полис. Политические исследования*. 2: 155–169.
- Коротаев А. В., Васькин И. А., Билюга С. Э. 2017. Гипотеза Олсона—Хантингтона о криволинейной зависимости между уровнем экономического развития и социально-политической дестабилизацией: опыт количественного анализа. *Социологическое обозрение*. 16 (1): 9–49.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011. Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ. *Историческая психология и социология истории*. 4 (2): 5–29.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Васильев А. М. 2015. Количественный анализ революционной волны 2013–2014 гг. *Социологические исследования*. 8: 119–127.
- Коротаев А. В., Комарова Н. Л., Халтурина Д. А. 2009. *Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны*. М.: URSS.
- Коротаев А. В., Слинко Е. В., Билюга С. Э. 2016. Тип режима и социально-политическая нестабильность. В сб.: *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Вып. 7. М.: «Учитель»; 282–325.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А. 2009. *Современные тенденции мирового развития*. М.: ЛИБРОКОМ; URSS.
- Коротаев А. В., Шишкина А. Р., Лухманова З. Т. 2017. Волна глобальной социально-политической дестабилизации 2011–2015 гг.: количественный анализ. *Полис. Политические исследования*. 6: 150–168.
- Малков С. Ю. et al. 2013. О методике оценки текущего состояния и прогноза социальной нестабильности: опыт количественного анализа событий Арабской весны. *Полис. Политические исследования*. 4: 137–162.
- Матвеев И. 2017. Конец «стабильности»: политическая экономия пересекающихся кризисов в России с 2009 года. *Социологическое обозрение*. 16 (2): 29–53.
- Матвеева Т. Ю. 2007. *Введение в макроэкономику*. Учеб. пособие. Изд. 5-е, испр. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Мионов Б. Н. 2013. *Страсти по революции*. М.: Весь мир.

- Нефёдов С. А. 2015. «Молодёжный бугор» и первая русская революция. *Социологические исследования*. 7: 140–147.
- Поланьи К. 2002. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. Пер. с англ. СПб.: Алетейя.
- Рейтер О. Д., Ганди Д. 2015. Экономическое развитие и расколы доминантных партий. *Сравнительная политика*. 6 (2 (19)): 22–49.
- Смит А. 1993. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: Наука.
- Цирель С. В. 2012. Условия возникновения революционных ситуаций в арабских странах. В сб.: *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Вып. 3. М.: Учитель; 162–173.
- Хохлов И. И. 2015. О некоторых подходах к объяснению феномена терроризма. *Мировая экономика и международные отношения*. 59 (5): 19–28.
- Abdullah I. et al. 1997. Lumpen Youth Culture and Political Violence: Sierra Leoneans Debate the RUF and the Civil War. *Africa Development/Afrique et Développement*. 22 (3/4): 171–215.
- Акаев А. et al. 2017. Technological Development and Protest Waves: Arab Spring as a Trigger of the Global Phase Transition? *Technological Forecasting and Social Change*. 116: 316–321.
- Alanana O. O. 2003. Youth Unemployment in Nigeria: Some Implications for the Third Millenium. *Global Journal of Social Sciences*. 2 (1): 21–26.
- Alexander M. A. 2017. Involvement of a Capitalist Crisis in the 1900–1930 Inequality Trend Reversal. *Cliodynamics: The Journal of Quantitative History and Cultural Evolution*. 8 (1): 18–47.
- Assaad R., Levison D. 2013. *Employment for Youth: A growing Challenge for the Global Community*. Background Research Paper for United Nations High Level Panel on the Post-2015 Development Agenda.
- Azeng T. F., Yogo T. U. 2013. Youth Unemployment and Political Instability in Selected Developing Countries. *Working Paper Series No. 171*. Tunis: African Development Bank.
- Banks A. S., Wilson K. 2017. *Cross-National Time-Series Data Archive*. Jerusalem, Israel: Databanks International. URL: <https://www.cntsdata.com/>
- Barber N. 2015. Why Behavior Matches Ecology: Adaptive Variation as a Novel Solution. *Cross-Cultural Research*. 49 (1): 57–89.
- Beissinger M. R., Jamal A. A., Mazur K. 2015. Explaining Divergent Revolutionary Coalitions: Regime Strategies and the Structuring of Participation in the Tunisian and Egyptian Revolutions. *Comparative Politics*. 48 (1): 1–24.
- Beissinger M., Sasse G. 2014. An End to Patience? The 2008 Global Financial Crisis and Political Protest in Eastern Europe. In: Bartels L., Bermeo N. (eds) *Popular Reactions to the Great Recession*. Oxford: Oxford University Press; 334–370.

- Benmelech E., Berrebi C., Klor E. 2010. Counter-Suicide-Terrorism: Evidence from House Demolitions. *The Journal of Politics*. 77 (1): 27–43.
- Benson M. L. et al. 2003. Neighborhood Disadvantage, Individual Economic Distress and Violence Against Women in Intimate Relationships. *Journal of Quantitative Criminology*. 19 (3): 207–235.
- Berman E. et al. 2011. Do Working Men Rebel? Insurgency and Unemployment in Afghanistan, Iraq, and the Philippines. *Journal of Conflict Resolution*. 55 (4): 496–528.
- Braungart R. G. 1984. Historical and Generational Patterns of Youth Movements: A Global Perspective. *Comparative Social Research*. 7 (1): 3–62.
- Bricker N. Q., Foley M. C. 2013. The effect of Youth Demographics on Violence: The Importance of the Labor Market. *International Journal of Conflict and Violence*. 7 (1): 179–194.
- Chiricos T. G. 1987. Rates of Crime and Unemployment: An Analysis of Aggregate Research Evidence. *Social problems*. 34 (2): 187–212.
- Cincotta R. 2005. Youth Bulge, Underemployment Raise Risks Of Civil Conflict. *Global Security Brief No 2*. Worldwatch Institute.
- Cincotta R., Engelman R., Anastasion D. 2003. *The Security Demographic: Population and Civil Conflict after the Cold War*. Washington, DC: Population Action International.
- Collier P. 1999. *Doing Well out of War*. Paper Prepared for Conference on Economic Agendas in Civil Wars. London, April 26–27.
- Collier P. 2000. *Economic Causes of Civil Conflict and Their Implications for Policy*. Washington, DC: World Bank.
- Collier P., Hoeffler A. 2001. *On the Duration of Civil War*. Policy Research Working Paper. Washington, DC: World Bank.
- Collier P., Hoeffler A. 2004. Greed and Grievance in Civil War. *Oxford Economic Papers*. 56 (4): 563–595.
- Cramer C. 2010. *Unemployment and Participation in Violence*. Washington, DC: World Bank.
- Di Stefano G., Piacentino B., Ruvolo G. 2017. Mentalizing in Organizations: A Psychodynamic Model for an Understanding of Well-Being and Suffering in the Work Contexts. *World Futures*. 73 (4–5): 216–223.
- Dowd C. 2017. *How Does Work Feature in Literature on Youth Participation in Violence?* Brighton: Institute of Development Studies.
- Elbadawi I., Sambanis N. 2000. Why Are There So Many Civil Wars in Africa? Understanding and Preventing Violent Conflict. *Journal of African Economies*. 9: 244–269.
- Falk A., Kuhn A., Zweimüller J. 2011. Unemployment and Right-Wing Extremist Crime. *The Scandinavian Journal of Economics*. 113 (2): 260–285.

- Fischer S., Modigliani F. 1978. Towards an Understanding of the Real Effects and Costs of Inflation. *Review of World Economics*. 114 (4): 810–833.
- Freeman R. B. 1991. Crime and the Employment of Disadvantaged Youths. *Working Paper No. w3875*. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research.
- Frey B. S., Weck H. 1981. Hat Arbeitslosigkeit den Aufstieg des Nationalsozialismus bewirkt? [Did Unemployment Lead to the Rise of National Socialism?]. *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*. 196 (1): 1–32.
- Goldstone J. A. 1991. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Goldstone J. A. 2001. Demography, Environment and Security: An Overview. In: Weinert M., Russell S. S. (eds) *Demography and National Security*. New York: Berghahn Books; 38–61.
- Goldstone J. A. 2002. Population and Security: How Demographic Change can Lead to Violent Conflict. *Journal of International Affairs*. 56 (1): 3–21.
- Goldstone J. A. 2016. Great Divergence and Great Convergence in a Global Perspective. *Social Evolution and History*. 15 (2): 194–200.
- Gould E. D., Weinberg B. A., Mustard D. B. 2002. Crime Rates and Local Labor Market Opportunities in the United States: 1979–1997. *Review of Economics and Statistics*. 84 (1): 45–61.
- Grogger J. 1998. Market Wages and Youth Crime. *Journal of Labor Economics*. 16 (4): 756–791.
- Grossman H. I. 1991. A General Equilibrium Model of Insurrections. *The American Economic Review*. 81 (4): 912–921.
- Guichaoua Y. 2007. *Who Joins Ethnic Militias?: A Survey of the Oodua People's Congress in Southwestern Nigeria*. Oxford: Centre for Research on Inequality, Human Security and Ethnicity (CRISE).
- Guichaoua Y. 2012. Circumstantial Alliances and Loose Loyalties in Rebellion Making: The Case of Tuareg Insurgency in Northern Niger (2007–2009). In: Guichaoua Y. (ed.) *Understanding Collective Political Violence*. London: Palgrave Macmillan; 246–266.
- Hewitt C. 1981. Catholic Grievances, Catholic Nationalism and Violence in Northern Ireland during the Civil Rights Period: A Reconsideration. *British Journal of Sociology*. 32 (3): 362–380.
- Hilbe J. 2011. *Negative Binomial Regression*. New York: Cambridge University Press.
- Hirshleifer J. 1985. The Expanding Domain of Economics. *The American Economic Review*. 75 (6): 53–68.
- Hirshleifer J. 2001. *The Dark Side of the Force: Economic Foundations of Conflict Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Honwana A. 2011. *Youth and the Tunisian Revolution*. Paper Prepared for the Conflict Prevention and Peace Forum. September. New York: SSRC.

- Horowitz D. L. 1985. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Humphreys M., Weinstein J. 2004. *What the Fighters Say: A Survey of Ex-Combatants in Sierra Leone, June–August 2003*. Interim Report. July. URL: http://www.columbia.edu/~mh2245/Report1_BW.pdf
- Huntington S. P. 1996. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon and Schuster.
- Huntington S. P. 2006. *Political Order in Changing Societies*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Idris I. 2016. *Youth Unemployment and Violence: Rapid Literature Review*. Birmingham, UK: GSDRC; University of Birmingham.
- Izzi V. 2013. Just Keeping Them Busy? Youth Employment Projects as a Peacebuilding Tool. *International Development Planning Review*. 35 (2): 103–117.
- Jones G. A., Rodgers D. 2011. The World Bank's World Development Report 2011 on Conflict, Security and Development: A Critique through Five Vignettes. *Journal of International Development*. 23 (7): 980–995.
- Kahl C. H. 1998. Population Growth, Environmental Degradation, and State-Sponsored Violence: The Case of Kenya, 1991–1993. *International Security*. 23 (2): 80–119.
- Keen D. 1997. A Rational Kind of Madness. *Oxford Development Studies*. 25 (1): 67–75.
- Keen D. 1998. The Economic Functions of Violence in Civil Wars. *The Adelphi Papers*. 38 (320): 1–89. Special Issue.
- Keen S. 2001. *Debunking economics. The Naked Emperor of the Social Sciences*. Annandale; London: Pluto Press Australia; Zed Books.
- Korenman S., Neumark D. 2000. "Cohort Crowding and Youth Labour Markets. In: David G. Blanchflower D. G., Freeman R. B. (eds) *Youth Unemployment and Joblessness in Advanced Countries*. Chicago: University of Chicago Press; 57–105.
- Korotayev A. et al. 2011. A Trap at the Escape from the Trap? Demographic-Structural Factors of Political Instability in Modern Africa and West Asia. *Cliodynamics: The Journal of Quantitative History and Cultural Evolution*. 2 (2): 276–303.
- Korotayev A. et al. 2017. Economic Development, Socio-Political Destabilization and Inequality. *The Russian Sociological Review*. 16 (3): 9–35.
- Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. 2015. Center-Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013–2014: A Cross-National Analysis. *Cross-Cultural Research*. 49 (5): 461–488.
- Korotayev A., Malkov S., Grinin L. 2014. A Trap at the Escape from the Trap? Some Demographic Structural Factors of Political Instability in Modernizing Social Systems. *History & Mathematics. Volgograd: Izdatelstvo "Uchitel"*. 4; 201–267.

- Korotayev A., Vaskin I., Bilyuga S. 2018 (Forthcoming). Economic Development and Sociopolitical Destabilization: A Re-Analysis. *Cliodynamics: The Journal of Quantitative History and Cultural Evolution*. 9.
- Lam D. 2014. Youth Bulges and Youth Unemployment. *IZA World of Labor*. 26. URL: 10.15185/izawol.26
- Levitt S. D., Venkatesh S. A. 2000. An Economic Analysis of a Drug-Selling Gang's Finances. *The Quarterly Journal of Economics*. 115 (3): 755–789.
- Nefedov S. A. 2004. A Model of Demographic Cycles in Traditional Societies: The Case of Ancient China. *Social Evolution & History*. 3 (1): 69–80.
- Nefedov S. A. 2013. Modeling Malthusian Dynamics in Pre-Industrial Societies. *Cliodynamics: The Journal of Quantitative History and Cultural Evolution*. 4 (2): 229–240.
- Nefedov S. A. 2015. Debate on the Population Well-Being and the Russian Revolution. *Social Evolution and History*. 14 (1): 116–124.
- Nordås R., Davenport C. 2013. Fight the Youth: Youth Bulges and State Repression. *American Journal of Political Science*. 57 (4): 926–940.
- Nwogwugwu N., Irechukwu G. N. 2015. Socio-Political Implications of Youth Unemployment on Nigeria's Economic Development. *Journal of Economics and Finance*. 6 (4): 27–34.
- Obeyesekere G. 1974. Some Comments on the Social Backgrounds of the April 1971 Insurgency in Sri Lanka (Ceylon). *The Journal of Asian Studies*. 33 (3): 367–384.
- Olson M. 1963. Rapid Growth as a Destabilizing Force. *The Journal of Economic History*. 23 (4): 529–552.
- Olzak S., Shanahan S. 1996. Deprivation and Race Riots: An Extension of Spilerman's Analysis. *Social Forces*. 74 (3): 931–961.
- Ortmans O. et al. 2017. Modeling Social Pressures toward Political Instability in the United Kingdom after 1960: A Demographic Structural Analysis. *Cliodynamics: The Journal of Quantitative History and Cultural Evolution*. 8 (2): 113–158.
- Öster A., Agell J. 2007. Crime and Unemployment in Turbulent Times. *Journal of the European Economic Association*. 5 (4): 752–775.
- Patel R. B., Burke T. F. 2009. Urbanization — an Emerging Humanitarian Disaster. *New England Journal of Medicine*. 361 (8): 741–743.
- Priks M., Poutvaara P. 2007. *Unemployment and Gang Crime; Could Prosperity Backfire?* Munich: Center for Economic Studies at the University of Munich.
- Raphael S., Winter-Ebmer R. 2001. Identifying the Effect of Unemployment on Crime. *The Journal of Law and Economics*. 44 (1): 259–283.
- Satterthwaite D. 2008. The Social and Political Basis for Citizen Action on Urban Poverty Reduction. *Environment and Urbanization*. 20 (2): 307–318.

- Sengenberger W. 2011. Beyond the Measurement of Unemployment and Underemployment. *ILO Working Paper*. Geneva: International Labour Organization.
- Shimer R. 2001. The Impact of Young Workers on the Aggregate Labor Market. *The Quarterly Journal of Economics*. 116 (3): 969–1007.
- Slinko E. et al. 2017. Regime Type and Political Destabilization in Cross-National Perspective: A Re-Analysis. *Cross-Cultural Research*. 51 (1): 26–50.
- Stewart F. 2015. *Employment in Conflict and Post-Conflict Situations*. Background Think Piece for Human Development Report. New York: UNDP. URL : http://hdr.undp.org/sites/default/files/stewart_hdr_2015_final.pdf
- Stovicek K., Turrini A. 2012. Benchmarking Unemployment Benefit Systems. European Commission. Directorate-General for Economic and Financial Affairs. Publications. B-1049. Brussels: Economic Papers. URL: http://ec.europa.eu/economy_finance/publications/economic_paper/2012/pdf/ecb454_en.pdf
- Surajo A. Z., Karim A. Z. 2016. Youth Unemployment and Poverty in Nigeria: A Threat to Sustainable Growth and Development. *International Journal of Scientific Research and management*. 4 (12): 4919–4928.
- Thompson J. L. 1989. Deprivation and Political Violence in Northern Ireland, 1922–1985 A Time-Series Analysis. *Journal of Conflict Resolution*. 33 (4): 676–699.
- Tjiptoherijanto P., Hasmi E. 2005. Urbanisation and Urban Growth in Indonesia. In: Ness G. D., Talwar P. P. (eds) *Asian Urbanisation in the New Millennium*. Singapore: Marshall Cavendish Academic; 150–177.
- Todaro M. P. 1969. A Model of Labor Migration and Urban Unemployment in Less Developed Countries. *The American Economic Review*. 59 (1): 138–148.
- Turchin P., Gavrillets S., Goldstone J. A. 2017. Linking «Micro» to «Macro» Models of State Breakdown: Improving Methods for Political Forecasting. *Cliodynamics: The Journal of Quantitative History and Cultural Evolution*. 8 (2): 159–181.
- UN Office for West Africa (UNOWA). 2005. *Youth Unemployment and Regional Insecurity in West Africa*. URL: <http://allafrica.com/download/resource/main/main/idatcs/00010742:8de28423f6ac2b75b046035fbd5f643f.pdf>
- Urdal H. 2004. The Devil in the Demographics: the Effect of Youth Bulges on Domestic Armed Conflict, 1950–2000. *Social Development Papers. Conflict Prevention and Reconstruction Series*. No. 14. July. Washington, DC: World Bank. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/794881468762939913/The-devil-in-the-demographics-the-effect-of-youth-bulges-on-domestic-armed-conflict-1950-2000>
- Urdal H. 2011. Demography and Armed Conflict: Assessing the Role of Population Growth and Youth Bulges. *CRPD Working Paper*. No. 2. September. Leuven: University of Leuven.
- Urdal H. 2012. Youth Bulges and Violence. In: Goldstone J., Kaufmann E., Toft M. D. (eds). *Political Demography. How Population Changes Are Reshaping International Security and National Politics*. Oxford; New York: Oxford University Press; 117–132.

- Urdal H., Hoelscher K. 2012. Explaining Urban Social Disorder and Violence: An Empirical Study of Event Data from Asian and Sub-Saharan African Cities. *International Interactions*. 38 (4): 512–528.
- Venugopal R., House Q. E. 2008. The Politics of Market Reform at a time of Civil War: Military Fiscalism in Sri Lanka. *Economic and Political Weekly*. 46 (49): 67–75.
- Walton O. 2010. *Youth, Armed Violence and Job Creation Programs: A Rapid Mapping Study*. Birmingham, UK: University of Birmingham; Norsk Ressurssenter for Fredsbygging.
- White R. W. 1993. On Measuring Political Violence: Northern Ireland, 1969 to 1980. *American Sociological Review*. 58 (4): 575–585.
- Wilson K. A. 2017. *Cross-National Time-Series Data Archive. User's Manual*. Jerusalem, Israel: Databanks International.
- Wilson W. J. 2011. *When Work Disappears: The World of the New Urban Poor*. New York: Vintage.
- World Bank. 2017. *World Development Indicators Online*. URL: <http://data.worldbank.org/indicator>
- Wood A. 2006. *Correlating Violence and Socio-Economic Inequality: An Empirical Analysis*. In: McCarthy T. E. (ed.) *Attacking the Root Causes of Torture, Poverty, Inequality and Violence*. Geneva: World Organization Against Torture; 23–93. URL: http://omct.org/pdf/ESCR/2006/omct_desc_study_2006_cd/read_me_first.html?PHPSESSID=5a8c3a9d95b6c8b2459b5a6dc0da76387

Andrey Korotayev, Alina Khokhlova, Sergey Tsirel

Unemployment as a Predictor of Socio-Political Destabilization in Western and Eastern Europe

KOROTAYEV, Andrey —

Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Laboratory for the Monitoring of Socio-Political Destabilization Risks of the National Research University Higher School of Economics, Senior Research Professor of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. Address: 20 Myasnienskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

Email: akorotayev@gmail.com

KHOKHLOVA, Alina —

Research Associate of the Laboratory for the Monitoring of Socio-Political Destabilization Risks of the National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnienskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

Email: khokhlova.alina@gmail.com

TSIREL, Sergey — Doctor of Technical Sciences, Institute of Mining Geomechanics and Mine Surveying, Chief scientist (St. Petersburg). Address: Vasilievsky Island, 21 line, 2, 199106, St. Petersburg, Russian Federation.

Email: tsirel58@gmail.com

Abstract

Powerful political destabilization processes in recent years (such as Arab Spring) have brought attention to unemployment as a possibly important factor in political destabilization. However, the results of different studies, devoted to exploring the relationship between unemployment and instability, are highly contradictory with respect to the direction, strength, and significance of the detected correlations, especially in high income economies. This article examines the impact of unemployment on political destabilization in non-post-Communist (Western) and post-Communist (Eastern) Europe. We use the World Bank data on annual unemployment rates in 45 European countries, numerical values of instability indicators from the CNTS database from 1991–2014, and a modified version of linear regression analysis for this research. The results indicate a strong positive correlation between unemployment rate and socio-political destabilization indicators in non-post-Communist countries and a weak negative correlation in post-Communist ones. Moreover, we do not find a single positive statistically significant correlation of the unemployment rate with any of the indicators of socio-political destabilization for post-Communist countries. We see the main reason for different reactions to unemployment in the differences in the amounts, timing, and conditions for social payments. The larger the sizes of benefits and periods of payments (Western Europe), the higher the protest moods and the participation in anti-government actions. The smaller the benefits (Eastern Europe), the lower the participation in protest activities. Additional factors are constituted by the labor migration from the East to the West in Europe, which washes out “combustible material” from the East, but provokes protest activities in favor of anti-immigrant laws in the West, the “Olson-Huntington effect,” and “the patience and understanding” factor of the 1990s.

Keywords: unemployment; political destabilization; instability; regression analysis; Western Europe; Eastern Europe.

Acknowledgements

This research has been implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2018 with support of the Russian Foundation for Basic Research (Project No 17-06-00476).

References

Abdullah I., Bangura Y., Blake C., Gberie L., Johnson L., Kallon K., Zack-Williams A. (1997) Lumpen Youth Culture and Political Violence: Sierra Leoneans Debate the RUF and the Civil War. *Africa Development/Afrique et Développement*, vol. 22, no 3/4, pp. 171–215.

- Abel E., Bernanke B. (2010) Makroekonomika [Macroeconomics] (trans. by N. Gabenova, A. Smolsky; ed. L. Simkina), 5th ed., St. Petersburg: Peter (in Russian).
- Akaev A., Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. (2017) Technological Development and Protest Waves: Arab Spring as a Trigger of the Global Phase Transition? *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 116, pp. 316–321.
- Alanana O. O. (2003) Youth Unemployment in Nigeria: Some Implications for the Third Millenium. *Global Journal of Social Sciences*, vol. 2, no 1, pp. 21–26.
- Alexander M. A. (2017) Involvement of a Capitalist Crisis in the 1900-30 Inequality Trend Reversal. *Cliodynamics: The Journal of Quantitative History and Cultural Evolution*, vol. 8, no 1, pp. 18–47.
- Assaad R., Levison D. (2013) *Employment for Youth: A Growing Challenge for the Global Community*. Background Research Paper for United Nations High Level Panel on the Post-2015 Development Agenda.
- Azeng T. F., Yogo T. U. (2013) Youth Unemployment and Political Instability in Selected Developing Countries. *Working Paper Series No. 171*. Tunis: African Development Bank.
- Banks A. S., Wilson K. (2017) *Cross-National Time-Series Data Archive*. Jerusalem, Israel: Databanks International. Available at: <https://www.entsdata.com/> (accessed 9 March 2017).
- Barber N. (2015) Why Behavior Matches Ecology: Adaptive Variation as a Novel Solution. *Cross-Cultural Research*, vol. 49, no 1, pp. 57–89.
- Beissinger M. R., Jamal A. A., Mazur K. (2015) Explaining Divergent Revolutionary Coalitions: Regime Strategies and the Structuring of Participation in the Tunisian and Egyptian Revolutions. *Comparative Politics*, vol. 48, no 1, pp. 1–24.
- Beissinger M., Sasse G. (2014) An End to Patience? The 2008 Global Financial Crisis and Political Protest in Eastern Europe. *Popular Reactions to the Great Recession* (eds. L. Bartels, N. Bermeo), Oxford: Oxford University Press, pp. 334–370.
- Benmelech E., Berrebi C., Klor E. 2010. Counter-Suicide-Terrorism: Evidence from House Demolitions. *The Journal of Politics*, vol. 77, no 1, pp. 27–43.
- Benson M. L., Fox G. L., DeMaris A., Van Wyk J. (2003) Neighborhood Disadvantage, Individual Economic Distress and Violence Against Women in Intimate Relationships. *Journal of Quantitative Criminology*, vol. 19, no 3, pp. 207–235.
- Berman E., Callen M., Felter J. H., Shapiro J. N. (2011) Do Working Men Rebel? Insurgency and Unemployment in Afghanistan, Iraq, and the Philippines. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 55, no 4, pp. 496–528.
- Blaug M. (1994) *Ekonomicheskaya mysl' v retrospektive* [Economic Thought in Retrospect], Moscow: Delo Ltd. (in Russian).
- Braungart R. G. (1984) Historical and Generational Patterns of Youth Movements: A Global Perspective. *Comparative Social Research*, vol. 7, no 1, pp. 3–62.

- Bricker N. Q., Foley M. C. (2013) The Effect of Youth Demographics on Violence: the Importance of the Labor Market. *International Journal of Conflict and Violence*, vol. 7, no 1, pp. 179–194.
- Buldakov V. P. (1997) *Krasnaya Smuta: priroda i posledstviya prirodnoogo nasiliya* [Red Smuta: Nature and Consequences of Natural Violence], Moscow: ROSSPEN (in Russian).
- Chiricos T. G. (1987). Rates of Crime and Unemployment: An Analysis of Aggregate Research Evidence. *Social Problems*, vol. 34, no 2, pp. 187–212.
- Cincotta R. (2005) Youth Bulge, Underemployment Raise Risks of Civil Conflict. *Global Security Brief No 2*. Worldwatch Institute.
- Cincotta R. P., Engelman R., Anastasion D. (eds) (2003) *The Security Demographic: Population and Civil Conflict after the Cold War*, Washington, DC: Population Action International.
- Collier P. (1999) Doing Well out of War. Paper Prepared for Conference on Economic Agendas in Civil Wars, London, April 26–27.
- Collier P. (2000) *Economic Causes of Civil Conflict and Their Implications for Policy*, Washington, DC: World Bank.
- Collier P., Hoeffler A. (2001) *On the Duration of Civil War*. Policy Research Working Paper, Washington, DC: World Bank.
- Collier P., Hoeffler A. (2004) Greed and Grievance in Civil War. *Oxford Economic Papers*, vol. 56, no 4, pp. 563–595.
- Cramer C. (2010) *Unemployment and Participation in Violence*, Washington, DC: World Bank.
- Di Stefano G., Piacentino B., Ruvolo G. (2017) Mentalizing in Organizations: A Psychodynamic Model for an Understanding of Well-Being and Suffering in the Work Contexts. *World Futures*, vol. 73, no 4–5, pp. 216–223.
- Dolgov B. V. (2011). “Vzryv” v arabskom mire: vnutrennij i vneshnij kontekst [“Explosion” in the Arab World: The Internal and External Context]. *Perspektivy*, April 15. Available at: http://www.perspektivy.info/oykumena/vector/vzryv_v_arabskom_mire_vnutrennij_i_vneshnij_kontekst_2011-04-15.htm (accessed 9 March 2017) (in Russian).
- Dowd C. (2017) *How Does Work Feature in Literature on Youth Participation in Violence?* Brighton: Institute of Development Studies.
- Elbadawi I., Sambanis N. (2000) “Why Are There So Many Civil Wars in Africa? Understanding and Preventing Violent Conflict. *Journal of African Economies*, vol. 9, pp. 244–69.
- Falk A., Kuhn A., Zweimüller J. 2011. Unemployment and Right-Wing Extremist Crime. *The Scandinavian Journal of Economics*, vol. 113, no 2, pp. 260–285.
- Fischer S., Modigliani F. 1978. Towards an Understanding of the Real Effects and Costs of Inflation. *Review of World Economics*, vol. 114, no 4, pp. 810–833.

- Freeman R. B. (1991) Crime and the Employment of Disadvantaged Youths. *Working Paper no w3875*, Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research.
- Frey B. S., Weck H. 1981. Did Unemployment Lead to the Rise of National Socialism? *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*, vol. 196, no 1, pp. 1–32.
- Goldstone J. A. (1991) *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*, Berkeley, CA: University of California Press.
- Goldstone J. A. (2001) Demography, Environment and Security: An Overview. *Demography and National Security* (eds. M. Weinert, S. S. Russell), New York: Berghahn Books, pp. 38–61.
- Goldstone J. A. (2002) Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict. *Journal of International Affairs*, vol. 56, no 1, pp. 3–21.
- Gould E. D., Weinberg B. A., Mustard D. B. (2002) Crime Rates and Local Labor Market Opportunities in the United States: 1979–1997. *Review of Economics and Statistics*, vol. 84, no 1, pp. 45–61.
- Goldstone J. A. (2016) Great Divergence and Great Convergence in a Global Perspective. *Social Evolution and History*, vol. 15, no 2, pp. 194–200.
- Grinin L. E. (2017) Russkaya revotutsiya i lovushki modernizatsii [The Russian Revolution and the Traps of Modernization]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya = Polis. Political Studies*, vol. 4, pp. 138–155 (in Russian).
- Grinin L. E., Issaev L. M., Korotaev A. V. (2015) *Revolutsii i nestabilnost na Blizhnem Vostoke* [Revolutions and Instability in the Middle East], Moscow: Uchitel (in Russian).
- Grinin L. E., Korotayev A. V., Malkov S. Y. (2009) Istoriya, matematika i nekotorye itogi diskussii o prichinakh revolutsii [History, Mathematics and Some Results of the Discussion about the Causes of the Russian Revolution]. *Istoriya i Matematika*, vol. 7, pp. 368–427 (in Russian).
- Grishin O. E. (2015) Politicheskaya stabil'nost': ponyatiye, faktory, innovatsii [Political Stability: Concept, Factors, Innovations]. *Istoricheskiye, filosofskiy, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kulturologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 6, no 1 (56), pp. 51–54 (in Russian).
- Grogger J. (1998) Market Wages and Youth Crime. *Journal of Labor Economics*, vol. 16, no 4. pp. 756–791.
- Grossman H. I. (1991) A General Equilibrium Model of Insurrections. *The American Economic Review*, vol. 81, no 4, pp. 912–921.
- Guichaoua Y. (2007) *Who Joins Ethnic Militias?: A Survey of the Oodua People's Congress in Southwestern Nigeria*, Oxford: Centre for Research on Inequality, Human Security and Ethnicity (CRISE).
- Guichaoua Y. (2012) Circumstantial Alliances and Loose Loyalties in Rebellion Making: The Case of Tuareg Insurgency in Northern Niger (2007–2009). *Understanding Collective Political Violence* (ed. Y. Guichaoua), London: Palgrave Macmillan, pp. 246–266.
- Hewitt C. (1981) Catholic Grievances, Catholic Nationalism and Violence in Northern Ireland during the Civil Rights Period: A Reconsideration. *British Journal of Sociology*, vol. 32, no 3, pp. 362–380.

- Hilbe J. (2011) *Negative Binomial Regression*, New York: Cambridge University Press.
- Hirshleifer J. (1985) The Expanding Domain of Economics. *The American Economic Review*, vol. 75, no 6, pp. 53–68.
- Hirshleifer J. (2001) *The Dark Side of the Force: Economic Foundations of Conflict Theory*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Honwana A. (2011) *Youth and the Tunisian Revolution*. Prepared for the Conflict Prevention and Peace Forum. September, New York: SSRC.
- Horowitz D. L. (1985) *Ethnic Groups in Conflict*, Berkeley, CA: University of California Press.
- Humphreys M., Weinstein J. (2004) *What the Fighters Say: A Survey of Ex-Combatants in Sierra Leone, June–August 2003*. Interim Report. July. Available at: http://www.columbia.edu/~mh2245/Report1_BW.pdf (accessed 9 March 2018).
- Huntington S. P. (1996) *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*, New York: Simon and Schuster.
- Huntington S. P. (2006) *Political Order in Changing Societies*, New Haven, CT: Yale University Press.
- Idris I. (2016) *Youth Unemployment and Violence: Rapid Literature Review*, Birmingham, UK: GSDRC; University of Birmingham.
- Ivanov V. G. (2012) “Yestesstvennyi uroven’ obrazovaniya” kak faktor stabil’nosti politicheskogo rejima [“The Natural Level of Education” as a Factor of the Stability of the Political Regime]. Part II. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya = Bulletin of Russian Peoples’ Friendship University. Series Political Sciences*, no 1, pp. 35–56 (in Russian).
- Izzi V. (2013) Just Keeping Them Busy? Youth Employment Projects as a Peacebuilding Tool. *International Development Planning Review*, vol. 35, no 2, pp. 103–117.
- Jones G. A., Rodgers D. (2011) The World Bank’s World Development Report 2011 on Conflict, Security and Development: A Critique through Five Vignettes. *Journal of International Development*, vol. 23, no 7, pp. 980–995.
- Kahl C. H. (1998) Population Growth, Environmental Degradation, and State-Sponsored Violence: The Case of Kenya, 1991–1993. *International Security*, vol. 23, no 2. pp. 80–119.
- Keen D. (1997) A Rational Kind of Madness. *Oxford Development Studies*, vol. 25, no 1, pp. 67–75.
- Keen D. (1998) The Economic Functions of Violence in Civil Wars. *The Adelphi Papers*, vol. 38, no 320, pp. 1–89 (special issue).
- Keen S. (2001) *Debunking Economics. The Naked Emperor of the Social Sciences*, Annandale; London: Pluto Press Australia; Zed Books.

- Keynes D. (1948) *Obshchaya teoriya panyatosti, protsenta i deneg* [The General Theory of Employment, Interest and Money] (trans. N. N. Lyubimov), Moscow: State Publishing House of Foreign Literature (in Russian).
- Khokhlov I. I. (2015) O nekotorykh podkhodakh k ob'yasneniyu fenomena terrorisma [On Some Approaches to Explaining the Terrorism Phenomenon]. *Mirovaya ekonomika i meshdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*, vol. 59, no 5, pp. 19–28 (in Russian).
- Korenman S., Neumark D. (2000) Cohort Crowding and Youth Labour Markets. *Youth Unemployment and Joblessness in Advanced Countries* (eds. D. G. Blanchflower, R. B. Freeman), Chicago: University of Chicago Press; pp. 57–105.
- Korotayev A. V., Bilyuga S. E., Shishkina A. R. (2016) VVP na dushu naseleniya, uroven' protestnoy aktivnosti i tip rejima: opyt kolichestvennogo analiza [GDP per Capita, Level of Protest Activity and Type of Regime: Experience of Quantitative Analysis]. *Sravnitel'naya politika = Comparative Politics*, vol. 4, no 26, pp. 72–94 (in Russian).
- Korotayev A. V., Biluga S. E., Shishkina A. R. (2017a) Ekonomicheskiy rost i sotsial'no-politicheskaya destabilizatsiya: opyt global'nogo analiza [Economic Growth and Socio-Political Destabilization: The Experience of Global Analysis]. *Polis. Politicheskaya issledovaniya = Polis. Political Studies*, no 2, pp. 155–169 (in Russian).
- Korotayev A. V., Bilyuga S. E., Shishkina A. R. (2017b) VVP na dushu naseleniya, intensivnost' antipravitel'stvennykh demonstratsiy i uroven' obrazovaniya. Kross-natsional'nuy alaniz [GDP per Capita, the Intensity of Anti-Government Demonstrations and the Level of Education. Cross-National Analysis]. *Politeia. Analiz. Khronika. Prognoz = Politeia*, no 1 (84), pp. 127–143 (in Russian).
- Korotayev A., Grinin L., Bilyuga S., Meshcherina K., Shishkina A. (2017) Economic Development, Socio-Political Destabilization and Inequality. *The Russian Sociological Review*, vol. 16, no 3, pp. 9–35.
- Korotayev A. V., Grinin L. E., Issaev L. M., Bilyuga S. E., Vaskin I. A., Slinko E. V., Shishkina A. R., Meshcherina K. V. (2017) *Destabilizatsiya: global'nuye, natsional'nuye, prirodnyye faktory i mekhanizmy* [Destabilization: Global, National, Natural Factors and Mechanisms], Moscow: Uchitel (in Russian).
- Korotayev A. V., Issaev L. M., Vasiliev A. M. (2015) Kolichestvennuy analiz revolyutsionnoy volnu 2013–2014 gg. [Quantitative Analysis of the Revolutionary Wave of 2013–2014]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, no 8, pp. 119–127 (in Russian).
- Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. (2015) Center-Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013–2014: A Cross-National Analysis. *Cross-Cultural Research*, vol. 49, no 5, pp. 461–488.
- Korotayev A. V., Khaltourina D. A. (2009) *Sovremennyye tendentsii mirovogo razvitiya* [Modern Trends of World Development], Moscow: LIBROKOM; URSS (in Russian).
- Korotayev A. V., Khodunov A. S., Burova A. N., Malkov S. Y., Khalturina D. A., Zinkina Y. V. (2011) Sotsial'no-demograficheskiy analiz arabskoi vesny [Socio-Demographic Analysis of the Arab Spring]. *Systemnyi monitoring global'nykh i regional'nykh riskov* [System Monitoring of Global and Regional Risks], iss. 3, Moscow: LKI, pp. 28–76 (in Russian).

- Korotayev A. V., Komarova N. L., Khalturina D. A. (2009) *Zakonu istorii. Vekovyye tsikly i tusyachilet- niye trendy. Demographiya, ekonomika, voyny* [The Laws of History. Secular Cycles and Thousand-Year Trends. Demography, Economics, War], Moscow: URSS (in Russian).
- Korotayev A., Malkov S., Grinin L. (2014) A Trap at the Escape from the Trap? Some Demographic Structural Factors of Political Instability in Modernizing Social Systems. *History & Mathematics: Political Demog- raphy & Global Ageing*. Yearbook. Volgograd: Uchitel; vol. 4, pp. 201–267.
- Korotayev A. V., Meshcherina K. V., Isaev L. M., Kulikova E. D., Delyanov V. G., Hern W. D. (2016) Arab- skaya vesna kak trigger globalnoy sotsial'no-politicheskoy destabilizatsii: opyt sistematicheskogo analiza [The Arab Spring as a Trigger for Global Socio-Political Destabilization: the Experience of Systematic Analysis]. *Systemnyy monitoring global'nykh i regional'nykh riskov* [System Monitoring of Global and Regional Risks], iss. 7, Moscow: Uchitel, pp. 22–126 (in Russian).
- Korotayev A. V., Meshcherina K. V., Kulikova E. D., Delyanov V. G. (2017) Arabskaya vesna i eyo global'noye ekho: kolichestvennyi analiz [Arab Spring and Its Global Echo: A Quantitative Analysis] *Sravnitel'naya politika = Comparative Politics*, vol. 8, no 4, pp. 113–126 (in Russian).
- Korotayev A. V., Slinko E. V., Bilyuga S. E. (2016) Tip regima i sotsial'no-politicheskaya nestabil'nost' [Type of Regime and Socio-Political Instability]. *Systemnyy monitoring global'nykh i regional'nykh riskov* [Sys- tem Monitoring of Global and Regional Risks], iss. 7, Moscow: Uchitel, pp. 282–325 (in Russian).
- Korotayev A. V., Slinko E. V., Shulgin S. G., Bilyuga S. E. (2016) Promeschutochnyye tipy sotsial'no-polit- icheskikh regimov i sotsial'no-politicheskaya nestabil'nost': opyt kolichestvennogo kross-natsional'nogo analiza [Intermediate Types of Socio-Political Regimes and Socio-Political Instability: The Experience of Quantitative Cross-National Analysis]. *Politeia: Analiz. Chronika. Prognoz = Politeia*, no 3, pp. 31–51 (in Russian).
- Korotayev A. V., Shishkina A. R., Luhmanova Z. T. (2017) Volna globalnoy sotsialno-politicheskoy destabi- lizatsii 2011–2015: kolichestvennyy analiz [Wave of Global Socio-Political Destabilization in 2011–2015: Quantitative Analysis]. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political Studies*, no 6, pp. 150–168 (in Russian).
- Korotayev A. V., Vaskin I. A., Bilyuga S. E. (2017) Gipoteza Olsona—Khintingtona o krivolineynoy za- visimosti mezhdru urovnem ekonomicheskogo razvitiya i social'no-politicheskoy destabilizatsiyey: opyt kolichestvennogo analiza [Olson—Huntington Hypothesis about the Curvilinear Dependence between the Level of Economic Development and Socio-Political Destabilization: The Experience of Quantitative Analysis]. *Sotsiologicheskoye obozreniye = Russian Sociological Review*, vol. 16, no 1, pp. 9–49 (in Rus- sian).
- Korotayev A. V., Vaskin I. A., Bilyuga S. E. (2018. Forthcoming). Economic Development and Sociopolitical Destabilization: A Re-Analysis. *Clidynamics: The Journal of Quantitative History and Cultural Evolu- tion*, vol. 9.
- Korotayev A. V., Zinkina J. V. (2011) Egipetskaya revolyutsiya 2011 goda: sotsiodemograficheskuy analiz [The Egyptian Revolution of 2011: A Sociodemographical Analysis]. *Istoricheskay psikhologiya i sotsiolo- giya istorii = Historical Psychology & Sociology*, vol. 4, no 2, pp. 5–29 (in Russian).
- Korotayev A., Zinkina J., Kobzeva S., Bogevolnov J., Khaltourina D., Malkov A., Malkov S. (2011) A Trap at the Escape from the Trap? Demographic-Structural Factors of Political Instability in Modern Africa

- and West Asia. *Cliodynamics: The Journal of Quantitative History and Cultural Evolution*, vol. 2, no 2, pp. 276–303.
- Lam D. (2014) Youth Bulges and Youth Unemployment. *IZA World of Labor*. 26. Available at: 10.15185/iza-wol.26 (accessed 9 March 2018).
- Levitt S. D., Venkatesh S. A. (2000) An Economic Analysis of a Drug-Selling Gang's Finances. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 115, no 3, pp. 755–789.
- Malkov S. Yu., Korotayev A. V., Issaev L. M., Kuzminova E. V. (2013) O metodike otsenki tekushchego sostoyaniya i prognoza sotsial'noy stabil'nosti: oput kolishestvennogo analiza sobutiy arabskoy vesnu [On the Methodology for Assessing the Current State and the Forecast of Social Instability: The Experience of Quantitative Analysis of the Events of the Arab Spring]. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political Studies*, no 4, pp. 137–162 (in Russian).
- Matveev I. (2017) “Konets stabil'nosti”: politicheskaya ekonomiya peresekayusthchikhsya krizisov v Rossii s 2009 goda [The End of “Stability”: the Political Economy of Crisscrossing Crises in Russia Since 2009]. *Sotsiologicheskoye obozreniye = Russian Sociological Review*, vol. 16, no 2, pp. 29–53 (in Russian).
- Matveeva T. Y. (2007) *Vvedeniye v makroekonomiku: ucheb. posobiye* [Introduction to Macroeconomics: Textbook], 5th ed., Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Mironov B. N. (2013) *Strasti po revolutsii* [Passion for the Revolution], Moscow: Ves' mir (in Russian).
- Nefedov S. A. (2004). A Model of Demographic Cycles in Traditional Societies: The Case of Ancient China. *Social Evolution & History*, vol. 3, no 1, pp. 69–80.
- Nefedov S. A. (2013). Modeling Malthusian Dynamics in Pre-Industrial Societies. *Cliodynamics: The Journal of Quantitative History and Cultural Evolution*, vol. 4, no 2, pp. 229–240.
- Nefedov S. A. (2015a) Debate on the Population Well-Being and the Russian Revolution. *Social Evolution and History*, vol. 14, no 1, pp. 116–124.
- Nefedov S. A. (2015b) “Molodezhnuy bugor” i pervaya russkaya revolutsiya [«Youth Buldge» and the First Russian Revolution]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, no 7, pp. 140–147 (in Russian).
- Nordas R., Davenport C. (2013) Fight the Youth: Youth Bulges and State Repression. *American Journal of Political Science*, vol. 57, no 4, pp. 926–940.
- Nwogwugwu N., Irechukwu G. N. (2015) Socio-Political Implications of Youth Unemployment on Nigeria's Economic Development. *Journal of Economics and Finance*, vol. 6, no 4, pp. 27–34.
- Obeyesekere G. (1974) Some Comments on the Social Backgrounds of the April 1971 Insurgency in Sri Lanka (Ceylon). *The Journal of Asian Studies*, vol. 33, no 3, pp. 367–384.
- Olson M. (1963) Rapid Growth as a Destabilizing Force. *The Journal of Economic History*, vol. 23, no 4, pp. 529–552.

- Olzak S., Shanahan S. (1996) Deprivation and Race Riots: An Extension of Spilerman's Analysis. *Social Forces*, vol. 74, no 3, pp. 931–961.
- Ortmans O., Mazzeo E., Meshcherina K., Korotayev A. (2017) Modeling Social Pressures Toward Political Instability in the United Kingdom after 1960: A Demographic Structural Analysis. *Cliodynamics: The Journal of Quantitative History and Cultural Evolution*, vol. 8, no 2, pp. 113–158.
- Öster A., Agell J. (2007) Crime and Unemployment in Turbulent Times. *Journal of the European Economic Association*, vol. 5, no 4, pp. 752–775.
- Patel R. B., Burke T. F. (2009) Urbanization—An Emerging Humanitarian Disaster. *New England Journal of Medicine*, vol. 361, no 8, pp. 741–743.
- Polanyi K. (2002) *Velikaya transformatsiya: politicheskaya i ekonomicheskaya istoki nashogo vremeni* [The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time], St. Petersburg: Aleteya (in Russian).
- Priks M., Poutvaara P. (2007) *Unemployment and Gang Crime; Could Prosperity Backfire?* Munich: Center for Economic Studies at the University of Munich.
- Raphael S., Winter-Ebmer R. (2001) Identifying the Effect of Unemployment on Crime. *The Journal of Law and Economics*, vol. 44, no 1, pp. 259–283.
- Reuters O. D., Gandhi D. (2015) Ekonomicheskoye razvitiye i raskoly dominantnykh partiy [Economic Development and Splits of Dominant Parties]. *Sravnitel'naya politika = Comparative Politics*, vol. 6, no 2, pp. 22–49 (in Russian).
- Satterthwaite D. (2008) The Social and Political Basis for Citizen Action on Urban Poverty Reduction. *Environment and Urbanization*, vol. 20, no 2, pp. 307–318.
- Sengenberger W. (2011) *Beyond the Measurement of Unemployment and Underemployment. ILO Working Paper*, Geneva: International Labour Organization.
- Slinko E., Bilyuga S., Zinkina J., Korotayev A. (2017) Regime Type and Political Destabilization in Cross-National Perspective: A Re-Analysis. *Cross-Cultural Research*, vol. 51, no 1, pp. 26–50.
- Smit A. (1993) *Issledovaniya o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [The Nature and Causes of the Wealth of Nations]. 2 vols., Moscow: Nauka (in Russian).
- Stewart F. (2015) *Employment in Conflict and Post-Conflict Situations*. Background think piece for Human Development Report, New York: UNDP. Available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/stewart_hdr_2015_final.pdf (accessed 9 March 2018).
- Stovicek K., Turrini A. (2012) *Benchmarking Unemployment Benefit Systems*. European Commission. Directorate-General for Economic and Financial Affairs. Publications. B-1049. Brussels: Economic Papers. Available at: http://ec.europa.eu/economy_finance/publications/economic_paper/2012/pdf/ecb454_en.pdf (accessed 9 March 2018).

- Surajo A. Z., Karim A. Z. (2016) Youth Unemployment and Poverty in Nigeria: A Threat to Sustainable Growth and Development. *International Journal of Scientific Research and Management*, vol. 4, no 12, pp. 4919–4928.
- Thompson J. L. (1989) Deprivation and Political Violence in Northern Ireland, 1922–1985 A Time-Series Analysis. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 33, no 4, pp. 676–699.
- Tjiptoherijanto P., Hasmi E. (2005) “Urbanisation and Urban Growth in Indonesia”. *Asian Urbanisation in the New Millennium* (eds. G. D. Ness, P. P. Talwar), Singapore: Marshall Cavendish Academic, pp. 150–177.
- Todaro M. P. (1969) A Model of Labor Migration and Urban Unemployment in Less Developed Countries. *The American Economic Review*, vol. 59, no 1, pp. 138–148.
- Tsyrel S. V. (2012) Usloviya voznikoveniya revoliutsionnykh situatsiy v arabskikh stranakh [Conditions for the Emergence of Revolutionary Situations in the Arab Countries]. *Systemnyy monitoring global'nykh i regional'nykh riskov* [System Monitoring of Global and Regional Risks], iss. 3, Moscow: Librkom, pp. 162–173 (in Russian).
- Turchin P., Gavrilets S., Goldstone J. A. (2017) Linking “Micro” to “Macro” Models of State Breakdown: Improving Methods for Political Forecasting. *Cliodynamics: The Journal of Quantitative History and Cultural Evolution*, vol. 8, no 2, pp. 159–181.
- UN Office for West Africa (UNOWA). (2005) *Youth Unemployment and Regional Insecurity in West Africa*. Available at: <http://allafrica.com/download/resource/main/main/idatcs/00010742:8de28423f6ac2b75b046035fbd5f643f.pdf> (accessed 9 March 2018).
- Urdal H. (2004) The Devil in the Demographics: the Effect of Youth Bulges on Domestic Armed Conflict, 1950–2000. *Social Development Papers. Conflict Prevention and Reconstruction Series*, no 14, July, Washington, DC: World Bank. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/794881468762939913/The-devil-in-the-demographics-the-effect-of-youth-bulges-on-domestic-armed-conflict-1950-2000> (accessed 9 March 2017).
- Urdal H. (2011) Demography and Armed Conflict: Assessing the Role of Population Growth and Youth Bulges. *CRPD Working Paper*, no 2, September, Leuven: University of Leuven.
- Urdal H. (2012). Youth Bulges and Violence. Political Demography. *How Population Changes Are Reshaping International Security and National Politics* (eds. J. Goldstone, E. Kaufmann, M. D. Toft), Oxford; New York: Oxford University Press, pp. 117–132.
- Urdal H., Hoelscher K. (2012) Explaining Urban Social Disorder and Violence: An Empirical Study of Event Data from Asian and Sub-Saharan African Cities. *International Interactions*, vol. 38, no 4, pp. 512–528.
- Venugopal R., House Q. E. (2008) The Politics of Market Reform at a Time of Civil War: Military Fiscalism in Sri Lanka. *Economic and Political Weekly*, vol. 46, no 49, pp. 67–75.
- Walton O. (2010) *Youth, Armed Violence and Job Creation Programs: A Rapid Mapping Study*, Birmingham, UK: University of Birmingham; Norsk Ressurssenter for Fredsbygging.

White R. W. (1993) On Measuring Political Violence: Northern Ireland, 1969 to 1980. *American Sociological Review*, vol. 58, no 4, pp. 575–585.

Wilson K. A. (2017) *Cross-National Time-Series Data Archive. User's Manual*, Jerusalem, Israel: Databanks International.

Wilson W. J. (2011) *When Work Disappears: The World of the New Urban Poor*, New York: Vintage.

Wood A. (2006) *Correlating Violence and Socio-Economic Inequality: An Empirical Analysis*. Attacking the root causes of torture, poverty, inequality and violence (ed. T. E. McCarthy), Geneva: World Organization Against Torture, pp. 23–93. Available at: http://omct.org/pdf/ESCR/2006/omct_desc_study_2006_cd/read_me_first.html?PHPSESSID=5a8c3a9d95b6c8b2459b5a6dc0da76387 (accessed 9 March 2018).

World Bank. (2017) *World Development Indicators Online*. Available at: <http://data.worldbank.org/indicator> (accessed 9 March 2017).

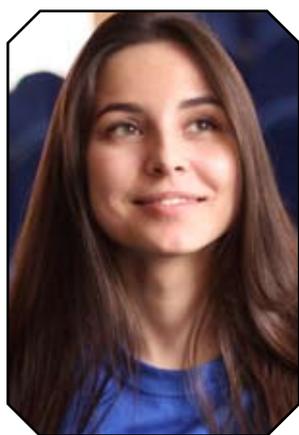
Received: October 21, 2017

Citation: Korotayev A., Khokhlova A., Tsirel S. (2018) Bezrabotitsa kak prediktor sotsial'no-politicheskoy destabilizatsii v stranakh Zapadnoy i Vostochnoy Evropy [Unemployment as a Predictor of Socio-Political Destabilization in Western and Eastern Europe], *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 19, no 2, pp. 118–167. doi: 10.17323/1726-3247-2018-2-117-166

ДЕБЮТНЫЕ РАБОТЫ

Д. М. Асатурян, В. Э. Ергунева

Съесть или не съесть? Современная модель потребления через призму выбрасывания продуктов питания: на примере москвичей¹

АСАТУРЯН Дарья Михайловна — студентка бакалаврской программы «Социология» факультета социальных наук НИУ ВШЭ, стажёр-исследователь Лаборатории экономико-социологических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: darya.asaturyan@gmail.com

Современное российское общество вслед за западным претерпевает трансформации в модели потребления, в частности, продуктов питания. После перехода от «общества дефицита» к «обществу (сверх)потребления» в России встает вопрос о дальнейшем направлении развития. И если западные страны движутся в сторону «сознательного потребления», построенного на идеологической догме заботы об окружающей среде, то нашей стране выбор траектории ещё предстоит сделать. В связи с этим необходимо понять, как будет в дальнейшем развиваться российский фуд-менеджмент, являющийся призмой, сквозь которую можно характеризовать современное потребление. Для данной работы был выбран индикатор, который российские исследователи зачастую обходят стороной при изучении практик питания, а именно выбрасывание продуктов. Эмпирическим объектом исследования будут выступать жители Москвы, так как авторы исходят из предположения, что в Москве по сравнению с другими регионами более высокий уровень жизни позволяет быстрее и раньше развиваться потребительским тенденциям, характерным для западных стран, и делает общество этического потребления или выбрасывающее общество в принципе возможным.

На основе 22 глубинных интервью была предпринята попытка выявить смысловые контексты, удерживающие информантов от выбрасывания продуктов питания или же стимулирующие его. По итогам исследования стало ясно, что, помимо ожидаемых рациональных установок, связанных с оптимизацией использования продуктов питания, данный вопрос осмысливается информантами в ценностном аспекте. Западные тенденции смешиваются со специфическими характеристиками практик российского потребления, выбрасывания и ценности продуктов питания (от влияния «гастрономической травмы» до «демонстративного выбрасывания») и складываются в уникальную, «собственную» модель этического потребления, укоренённую в социальных структурах и отношениях.

Ключевые слова: выбрасывание продуктов питания; «гастрономическая травма»; общество дефицита; общество потребления; сознательное потребление; гражданин-потребитель; этическое потребление; выбрасывающее общество.

¹ Авторы выражают особенную благодарность Е. С. Бердышевой за идейное вдохновение и научное руководство, а также П. А. Дёмину за неоценимую помощь при проведении исследования и концептуализации полученных результатов.

ЕРГУНЕВА Валерия Эдуардовна — студентка бакалаврской программы «Социология» факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: erguneval@yandex.ru

Введение

В России 2017 г. был объявлен годом экологии [2017. Год экологии в России]. По всей стране активизируются организации по защите окружающей среды, правительство выделяет финансирование на развитие инфраструктуры, запускаются новые механизмы сбора и переработки мусора. Известно, что экология зависит не только от государственной политики, но и от поведения обычных граждан, от их потребительских практик и отношения к выбрасыванию. Одним из наиболее чувствительных индикаторов любых трансформаций в обществе (тем более связанных с экологией) является потребление продуктов питания.

Потребление и выбрасывание — две стороны одной медали. «Мусор не существует в социальном вакууме; глядя на практики обращения с отходами, можно понять, какую роль мусор играет в социальной жизни, какие ценности извлекаются и вкладываются в него и как эти ценности понимаются» [Grant-Smith 2015: 250]. Случаи же, когда мусором оказываются продукты питания, заслуживают особого внимания. «С социологической точки зрения питание представляет собой не столько физиологический процесс, сколько деятельность по созданию индивидуальных и социальных смыслов» [Ганскау и др. 2014: 42]. Изоморфизм макро- и микропроцессов в обществе позволяет говорить о том, что глобальные изменения в экономике и социальной структуре могли повлиять на практики питания, а также трансформировать значения и смыслы, которыми люди наделяют продукты питания. Будучи «лабораторией для понимания социальных отношений», «потребление еды исследуется в связи с другими социальными аспектами человеческой жизни и может выступать основой для понимания социальных изменений» [Ганскау и др. 2014: 42]. В данной работе предпринимается попытка оценить на примере Москвы существующие тенденции потребления в российском обществе сквозь призму феномена выбрасывания продуктов питания и смыслов, вкладываемых в него.

Для каждого этапа развития общества и экономики характерно особое отношение к пище. Так, во второй половине XX века на Западе многие страны пожинали продукты массового производства, а в СССР в конце 1980-х гг. в очередной раз наступил период жёсткого дефицита. Тогда же сложилось резкое противоречие в практиках потребления, так как государство, с одной стороны, стимулировало рост заработной платы, а с другой — не успевало поставлять на рынок необходимые потребителям товары. По сравнению с Северной Америкой, СССР превратился в «общество пустых магазинных полок», которому уже грозил не просто дефицит, но настоящий голод [Ильин 2005: 3–4]. Лишь в конце 1990-х гг. и начале «нулевых», на волне экономического подъёма, в России начало формироваться общество потребления, которое в определённых слоях населения постепенно переходило в общество сверхпотребления, или, как его называют, общество изобилия. Так, в 2008 г. каждый третий россиянин регулярно совершал покупки, которые не планировал совершать до похода в магазин [Пресс-выпуск № 993 2008].

Однако ситуация сверхпроизводства и сверхпотребления в экономике также недолговечна, как и ситуация дефицита. Дж. Ритцер, рассуждая на эту тему, приходит к выводу о том, что «гиперпотребление неустойчиво с экономической точки зрения, а также, определённо, с экологической точки зрения и, несомненно, с моральной точки зрения» [Ритцер 2016: 8]. Сверхпотребление — это недальновидная форма и уровень потребления, в итоге ведущий к рецессии.

В то же время в 2008 г. мировое сообщество переживает первую волну экономического кризиса, что снова вызвало критику сверхпотребительской модели, которая в этот раз не обошла стороной и Россию. «<...> В России всё более отчётливо зазвучал критический дискурс в отношении гедонистического, а также демонстративного и расточительного потребления. Отчасти критике способствовал экономический кризис 2008–2009 гг., когда сдержанность в потреблении стала более актуальной, чем демонстративное потребление или гламур» [Гурова, Толкачёва 2014: 4]. Возникает закономерный вопрос: какие тенденции к изменению появляются в практиках потребления? Экономические и социальные шоки вынуждают людей менять свои рутинные практики и, в частности — отношение к продуктам питания и их ценность. В научном дискурсе исследователи зачастую отдают предпочтение изучению моделей потребления, и гораздо реже в поле их зрения попадает выбрасывание, хотя выбрасывание продуктов является достаточно чувствительным индикатором ценности еды в обществе, а также зеркальным отражением практик потребления — расточительного или сознательного. Таким образом, чтобы предположить, какова ситуация в современном российском обществе (на примере Москвы) относительно потребления продуктов питания, необходимо направить фокус исследования на выбрасывание еды и понять, наблюдаются ли практики, присущие выбрасывающему обществу, или же среди москвичей присутствует сознательное, этическое потребление.

Сегодня в мире ежегодно выбрасывается $\frac{1}{3}$ всех произведённых продуктов питания [Monier et al. 2011]. При этом в развивающихся странах потери происходят на этапе производства из-за отсутствия достаточных финансовых, технических и управленческих ресурсов, а в развитых странах — на последних звеньях цепи поставок продуктов питания (дистрибуция, розничная торговля и потребление). По данным Европейской комиссии, 42% всех произведённых пищевых продуктов в Европе выбрасывается во время конечного потребления [Monier et al. 2011]. Также было доказано, что $\frac{2}{3}$ от этого количества выброшенной еды можно было избежать [WRAP 2009]. Несмотря на переходное состояние российского общества, наши граждане всё равно привержены к выбрасыванию «лишних» продуктов. Так, 44% россиян выбрасывают продукты потому, что не успевают их использовать до истечения срока годности [Пресс-выпуск № 993 2008]. Вместе с тем исследователи сходятся во мнении, что из-за выбрасывания еды домашними хозяйствами возникает множество негативных последствий.

Во-первых, выбрасывание еды способствует повышению мировых цен на продукты питания, что делает их менее доступными для бедных слоёв населения, а также увеличивает число людей, страдающих от недоедания, как в развитых, так и в развивающихся странах. Во-вторых, существуют экономические последствия: люди покупают продукты, которые затем не съедают и выкидывают. Например, в Великобритании из-за этого домохозяйства ежегодно теряют примерно 680 фунтов стерлингов. В-третьих, производство и поставка продуктов питания, которые в итоге выбрасываются, имеют негативное влияние на окружающую среду. Последствия проявляются в высоком спросе на земли сельскохозяйственного назначения и в повышенном давлении на и так сокращающиеся леса и плодородную почву. Кроме того, тратится огромное количество воды и энергии, а биоразлагаемые отходы на свалках способствуют выделению вредных газов [Graham-Rowe, Jessop, Sparks 2014].

Цель данного исследования — выявление смысловых контекстов, скрытых установок, способствующих или противодействующих практикам выбрасывания и (или) сохранения продуктов питания. Представляется важным выдвинуть предположения относительно того, какие социально-экономические и культур-

ные обстоятельства, преломляющиеся через жизненные траектории индивидов, могут способствовать вариации смысловых установок по отношению к выбрасыванию продуктов питания среди россиян.

В данном исследовании мы исходим из идеи о том, что подобные установки не только ориентированы на рациональность, но и социокультурно укоренены, имеют ценностную ориентацию. Для изучаемого российского общества ключевое значение имеют несколько предпосылок. Во-первых, это начинающие развиваться тенденции «сознательного потребления», которые приходят в Россию с Запада [Шабанова, Гицалова 2015]. Во-вторых, отголоски периода сверхпотребления, которое сопровождается высоким уровнем (бездумного) выбрасывания продуктов питания [Grant-Smith 2015]. В-третьих, влияние экономических кризисов и рецессий, которые должны рационализировать потребление продуктов питания и минимизировать объёмы выбрасывания [Гурова, Толкачёва 2014]. Наконец, практики сохранения продуктов питания, которые идут из советского общества дефицита. Ввиду социальной укоренённости экономического действия — потребления — в социальных отношениях и структурах мы предполагаем, что навыки сохранения продуктов передались современному поколению от прошлых поколений в ходе социализации.

Таким образом, структура данной работы такова: вначале будет дан обзор результатов предшествующих теоретических и эмпирических исследований, проблематизирующих феномен выбрасывания еды; далее кратко описана методология исследования; потом будут представлены результаты проведённого исследования, а в заключении на основе этих результатов делаются выводы и осмысляются ограничения реализованного исследования. Будет также показано, что новые тенденции, приходящие с Запада, смешиваются со специфическими характеристиками практик российского потребления и восприятия продуктов питания (от «гастрономической травмы» до «демонстративного выбрасывания») и складываются в уникальную, «собственную» модель этического потребления, укоренённую в социальных структурах и отношениях.

Теоретические предпосылки исследования: эволюция общества потребления и альтернативы его развития

При рассмотрении концепта потребления не стоит определять его в чисто экономической терминологии рациональных действий. Так, по Ж. Бодрийяру, «потребление — это не пассивное состояние поглощения и присвоения», но «активный модус отношения — не только к вещам, но и к коллективу и ко всему миру <...> на нём зиждется вся система нашей культуры» [Бодрийяр 1995: 212–213]. Следовательно, при рассмотрении различных альтернатив, которые могут прийти на смену существующей потребительской модели, стоит учитывать социокультурные нормы, отношения и структуры, направляющие экономическое поведение индивидов. Более того, описанные ниже модели демонстрируют, что экономика сверхпроизводства и сверхпотребления дала толчок к рождению новых моделей потребления, основой которых стали различные политические, социальные и этические нормы.

Как альтернативу развития общества сверхпотребления, достигнувшего своего апогея, европейские учёные видят трансформацию в выбрасывающее общество. Под ним понимается «общество, отказывающееся от излишка (*surplus*) ради бесконечной погони за новым» [Gregson, Metcalfe, Crewe 2007: 697]. Более того, в рамках концепции «выбрасывающего общества» потребителю приписывается безответственность и иррациональность в вопросах выбрасывания. Однако западные эмпирические исследования опровергают данную теорию и свидетельствуют о том, что потребители (1) выбрасывают еду по рациональным причинам, стараясь оптимизировать качество потребления, (2) делают это не бездумно, решение о выбрасывании еды имеет смысловую, ценностную и эмоциональную окраску [Evans 2011].

В то же время, как уже было сказано выше, по всему миру в конце «нулевых» вслед за экономическим кризисом прошла новая волна критики гедонистического потребления. На Западе уже давно ведётся

наблюдение за противостоянием двух «героев» рынка потребления — «гражданина-потребителя» и «покупателя-потребителя». Хотя исследователи и отмечают, что в течение XX века идеальные типы «гражданин» и «потребитель» иногда находились в конфронтации, а иногда пересекались, сейчас гражданин-потребитель стал важной фигурой на политической и экономической арене, играющей значительную роль в вопросах сознательного потребления [Cohen 2001]. Кто же он такой — гибрид гражданина и потребителя? Согласно концепции Коэн, в каждом индивиде сочетаются одновременно рациональный индивид, который стремится максимально эффективно удовлетворить свои потребности, и гражданин, который, будучи подверженным различным социальным нормам, стремится оптимизировать процесс потребления так, чтобы принести минимальный вред окружающей среде — природной и социальной [Johnston 2008: 229–270]. В противовес покупателю-потребителю, гражданин-потребитель думает не только о своих гедонистических потребностях, но и об общем благе. Такой индивид подходит к процессу потребления ответственно, оценивает последствия своего выбора, думает о реальном исходе потребительской деятельности и моральных ценностях.

Вслед за появлением гражданина-потребителя возникает концепция «радикального потребления», описанная в книге Джо Литтлер [Littler 2009]. Речь идёт о кризисе морализма, который случился в американском обществе как следствие нерационального массового потребления. «Радикальное потребление» — это как и уже растиражированное «этическое потребление», которое зачастую у российских обывателей ассоциируется лишь с потреблением экологически чистых продуктов и сортировкой мусора, так и «ответственное», «сознательное» потребление, подразумевающее обращение значительного внимания на социальные и политические контексты, что позволяет индивидам видеть и воспринимать более широкую картину потребления. В целом все эти течения объединяет одно — гражданин-потребитель несёт ответственность за то, что и как он потребляет, делая это в соответствии с многочисленными этическими принципами. Его цель — рациональное потребление с минимальным ущербом окружающей среде и обществу. Концепция «радикального потребления» предполагает не только потребление экологически чистых продуктов, но и ориентацию на различные культурные, социальные и моральные нормы, что Дж. Литтлер объединяет под общим понятием «этика потребления».

«Радикальное потребление» опирается на укоренённые в определённом обществе или группах социальные нормы, окружающие индивида. Потребитель, каким бы эгоистичным и экономически рациональным он ни был, осуществляет свой выбор, в том числе исходя из включённости в социальные структуры. М. Грановеттер отмечал, что «плодотворный анализ человеческого действия требует, чтобы мы избегали атомизации, подразумеваемой в теоретических крайностях пере- и недосоциализованного взглядов. Актеры не действуют и не принимают решения вне социального контекста, подобно разрозненным атомам, они не подчиняются рабски предписаниям, определённым тем особым пересечением социальных позиций, которое им случилось занять. Вместо этого их попытки целенаправленного действия укоренены в конкретных системах длящихся социальных отношений» [Грановеттер 2002: 49]. Таким образом, мы не можем исключить из анализа потребления и выбрасывания продуктов питания все неэкономические факторы, связанные с установками индивидов.

Как уже отмечалось, более частным (и популярным) видом «радикального потребления» является этическое (этичное) потребление. В самом общем понимании этическое потребление детерминировано не только ценностью продукта, но и нравственными факторами, связанными со способами производства и последствиями потребления. В основном этическое потребление сводится к нескольким стратегиям: этичный шоппинг (осознанное приобретение товаров, при производстве которых не был нанесён вред окружающей среде); бойкотирование товаров, произведённых неэкологичным способом; сортировка мусора [Шабанова, Гицалова 2015: 150–151]. По мнению М. Шабановой и Т. Гицаловой, приверженцев первых двух стратегий можно назвать рыночными этическими потребителями; к нерыночным же относятся те, кто, например, сортирует мусор или не выбрасывает батарейки; всех остальных потребителей

можно отнести к традиционным. Тем не менее предложенные М. Шабановой и Т. Гицаловой стратегии сосредоточены в основном на потреблении товаров (в частности, продуктов питания), в данной же статье предполагается направить фокус исследования на практики выбрасывания продуктов питания, в частности, на те смыслы, которые вкладывают люди в утилизацию. Если следовать описанной выше логике, то (не)выбрасывание продуктов питания, скорее, относится к стратегиям нерыночных этических потребителей.

Существующие исследования, направленные на изучение пищевых отходов в домохозяйствах, ориентированы в основном на определение того, *какие* продукты питания будут, скорее всего, выброшены, *кто*, скорее всего, будет выбрасывать еду и *что* эти люди при этом чувствуют. Например, Б. Линдхёрстом были выявлены три главных опасения людей по поводу выбрасывания еды [Lyndhurst 2007]: (1) это выглядит как пустая трата денег; (2) это потеря пригодной пищи; (3) это заставляет чувствовать себя виноватым. В это же время Н. Дорон показал, что экологические проблемы превращаются в дополнительную категорию беспокойства по поводу выбрасывания еды [Doron 2012]. Однако *WRAP (The Waste and Resources Action Programme)*, некоммерческая организация в Британии, занимающаяся вопросами изучения ресурсных отходов, пришла к выводу, что экологическая проблема — не ключевая для домохозяйств в настоящее время [Quested et al. 2013].

В 2011 г. в Великобритании было проведено исследование, направленное на выявление конкретных мотиваций и препятствий для минимизации выбрасывания продуктов питания у британских домохозяйств, по результатам которого были обнаружены семь категорий, описывающих данные стратегии [Graham-Rowe, Jessop, Sparks 2014: 15–23]. К мотивам снижения выбрасывания авторы относят *проблему денежных потерь и ощущение неиспользования полезности продукта; желание делать «правильные вещи» («doing the ‘right’ thing»)* — многие домохозяйства говорили о выбрасывании еды как о «плохом» поступке, ссылаясь на времена в истории, когда выбрасывать еду не допускалось или не было возможным, на воспитание в семье и беспокойство об экологии. Другим триггером для минимизации пищевых потерь признавался *фуд-менеджмент*: информанты атрибутируют отсутствие выбрасывания продуктов питания в домохозяйстве умением применить специфические знания и рационально подойти к покупке, приготовлению, хранению и своевременному потреблению еды.

Говоря о снижении выбрасывания продуктов питания, исследователи в ходе изучения британских домохозяйств выделили следующие барьеры:

- *погоня за статусом «хорошего родителя и кормильца семьи»*: информанты, чаще всего женщины, описывают важность покупки разнообразных и свежих продуктов, даже если это означает, что недоеденная, но ещё пригодная для потребления пища идёт на выброс уже на следующий день. Тем самым они демонстрируют свою роль заботливого(ой) и ответственного(ой) супруга(и) или родителя;
- *неудобство минимизации*: некоторые домохозяйства предпочитают совершать покупки редко, но в больших объёмах и в удобное для себя время, а также запасаться едой для освобождения времени для других занятий, однако накопление скоропортящихся товаров приводит лишь к их выбрасыванию;
- *выбрасывание еды — это своего рода «статус-кво»*, социально приемлемая норма. Таким образом, выбрасывание не проблематизируется, а, скорее, воспринимается как само собой разумеющееся и очевидное;
- *перекладывание некоторыми домохозяйствами ответственности за их продуктовые отходы на пищевую промышленность и супермаркеты*. Информанты настаивают на том, что выбра-

сывание продуктов питания происходит из-за низкого качества производимых и продаваемых продуктов, а также из-за размера порций и упаковок, которые зачастую слишком большие, например, для домохозяйств из одного или двух человек, что непременно приводит к выбрасыванию излишней еды.

Российские исследования, направленные на изучение причин выбрасывания, осуществлены в основном в количественной логике, и в качестве мотивации к выбрасыванию в них выделяются исключительно материальные свойства еды — истечение срока годности (ответ 50% респондентов) или неприглядный внешний вид, не вызывающий желание потребить пищу (18%). В 2008 г. 36% россиян заявили, что, в принципе, не выбрасывают продукты питания, такими данными своего опроса делится ВЦИОМ [Пресс-выпуск № 993 2008].

Как показано, некоторая специфика выбрасывания продуктов питания изучена иностранными исследователями, но всё ещё остаётся важным проследить, как выбрасывание перекликается с различными рациональными, экономическими, социально-культурными аспектами, нормами и традициями в российских реалиях. Все эти индикаторы могут объяснить тенденции трансформации практик потребления, которые сегодня характеризуют российское общество. Стоит предположить, что для России может существовать ряд ограничений, связанных с особенностями постсоветского периода, которые могут формировать модель потребления. Так, сюда можно отнести распространённые в обществе установки о бережном отношении к еде в связи с пережитым дефицитом и отголосками послевоенного периода. Кроме того, этический «консюмеризм присущ сытому обществу, а это характерно лишь для меньшинства россиян» [Ильин 2014: 17]. Тем не менее все эти особенности российского общества не умаляют актуальности исследовательской проблемы данной статьи, а, наоборот, позволяют предположить, что российская модель потребления и выбрасывания продуктов питания имеет уникальные черты, что ставит данную работу в один ряд с исследованиями по постсоветскому потреблению в России.

Методология исследования

В рамках данной работы был выбран качественный дизайн исследования. Методом сбора данных являлось полуструктурированное интервью, так как для понимания смыслов, которые вкладывают информанты в практики выбрасывания и сохранения продуктов питания, а также для корректной интерпретации их слов и действий нужно как можно полнее увидеть контекст и насытить описание. Осуществить это возможно именно в формате качественного «гибкого» исследования [Гирц 2004].

Теоретически объектом нашего исследования является всё население России. Однако исходя из предположения, что в Москве по сравнению с регионами быстрее и раньше развиваются тенденции, характерные для западных стран, а также уровень жизни выше, чем в регионах, что делает общество этического потребления или выбрасывающее общество в принципе возможным, данное исследование фокусируется именно на жителях Москвы.

Исследование нацелено на изучение не определённой социальной группы, но самого феномена выбрасывания продуктов питания. Соответственно необходимо репрезентировать социальный феномен путём получения гетерогенных смыслов, поэтому казалось логичным сформировать теоретическую выборку, присущую обоснованной теории. Из предшествующих исследований нам было известно, что женщины выбрасывают больше еды, чем мужчины [Gallo 1980: 13–16], хотя и имеют больше шансов сократить масштабы выбрасывания еды по сравнению с мужчинами [Barr 2007: 435–473]. Также ранее было выявлено, что молодёжь выбрасывает больше пригодной еды, чем зрелые люди. А пожилые люди (65+) выбрасывают значительно меньше еды, чем все остальные возрастные группы [Koivupuro et al. 2012: 183–191]. Что касается такой характеристики, как располагаемый доход и уровень образования,

то выводы исследователей на этот счёт противоречивы: с одной стороны, было обнаружено, что люди с более высоким располагаемым доходом и образованием, как и семьи с высоким достатком, выбрасывают больше пригодной еды, чем более бедные домохозяйства [Lyndhurst 2007]; с другой стороны, была найдена лишь слабая или вообще отсутствующая корреляция между доходом домохозяйства и выбрасыванием еды [Dowler 1977]. Изучение зарубежной литературы даёт основание полагать, что вариативность будет проявляться на основе возрастных, доходных и гендерных различий. Изначально нами было принято решение об использовании открытой выборки в связи с тем, что выбрасывание еды — это довольно скрытое и слабо изученное социальное явление в России. «Поскольку мы ещё не уверены в том, какие понятия существенны для теории, то не можем знать в этот момент самые благоприятные места, людей, документы, чтобы искать доказательства для наших понятий. Прежде всего, мы открыты для всех возможностей, и, скорее, открытость, чем конкретность, направляет выборку на ранней стадии» [Страусс, Корбин 2001: 150].

Всего было проведено 22 интервью с информантами обоих полов из каждой возрастной категории экономически активного населения (18–29 лет; 30–49 лет; 50–64 года; 65 лет и больше); младшему информанту был 21 год, старшему — 72 (см. Приложение).

В качестве базовой выборки исследования мы рассматривали экономически активное население. Тем не менее для того, чтобы получить максимально насыщенный спектр смысловых контекстов, были проведены интервью с информантами, не входившими в категорию экономически активного населения: студенты, пенсионеры, а также домашние хозяйки, временно не работающие или не имеющие работы. Таких интервью было пять.

Результаты

Первостепенной задачей исследования было выявление смысловых контекстов, скрытых установок, способствующих или противодействующих практикам выбрасывания и (или) сохранения продуктов питания. Анализ полученных эмпирических данных даёт основание предполагать, что (не)выбрасывание пищи не объясняется информантами лишь в терминах рациональности, но также сопровождается эмоциональными переживаниями и социокультурно укоренено. Кроме того, важно отметить, что в рамках данного дизайна исследования не подразумевается генерализация полученных выводов, а представляется лишь попытка формулировки предположений, основанных на сравнении вариативности нарративов, полученных в ходе исследования. Полученные смысловые установки мы разделили на те, что связаны с выбрасыванием продуктов питания, и те, что отражают стремление к их сохранению.

Помимо выявления смысловых контекстов, была предпринята попытка проанализировать возможные различия по социально-демографическим характеристикам в мотивации индивидов к выбрасыванию или сохранению продуктов питания с целью дальнейшей формулировки количественных гипотез для будущих исследований.

Смысловые контексты выбрасывания продуктов питания

В данном разделе будут приведены обнаруженные в ходе исследования смысловые контексты выбрасывания продуктов питания.

Фуд-менеджмент (Food-Management)

Фуд-менеджмент, или планирование потребления продуктов питания, по-видимому, является одной из значимых категорий, фигурирующих в нарративах информантов при разговоре об иррациональном

выбрасывании еды. Истоки проблем с фуд-менеджментом имеют разные основания — от простого нарушения ранее составленного плана до асинхронности ритма жизни и темпоральности еды.

Так, одним из оснований выбрасывания продуктов питания, по мнению информантов, является *неточное планирование*, ошибочность калькуляций человека, закупающего продукты и (или) занимающегося их приготовлением, что часто происходит из-за неспособности предвидеть поведение других членов домохозяйств или из-за нарушения собственных планов:

Периодически ты рассчитываешь: «Вот, я сейчас куплю 10 порций чего-либо, и эти 10 порций человек будет есть». А потом оказывается, что вот этот не съел, вот этот не съел, и это выкидывается (мужчина, 22 года, студент).

Информанты отмечают, что, помимо отсутствия планирования походов в магазин, покупок продуктов питания и их потребления, в качестве интенции к выбрасыванию также выступают смена желаний и планов, импульсивные «голодные покупки» и несовпадение информации о существующем наличии продуктов питания в домохозяйстве. В нашем случае можно выделить два типа информационного несовпадения: индивидуальное и межличностное. Индивидуальное несовпадение информации заключается в том, что человек по той или иной причине забыл, что необходимый ему продукт уже есть дома, поэтому совершает повторную покупку, вследствие чего старый (но ещё не испортившийся) выбрасывается:

А его [молочный напиток] ещё в холодильнике затолкнёт куда-нибудь поглубже, чтобы я его не увидела. Ну и всё, пиши пропало. Я могу завтра купить новый и забыть про первый, сегодняшний (женщина, 26 лет, студентка, владелица интернет-магазина).

В такой ситуации, при осуществлении повторной покупки, предпочтение отдаётся более свежему продукту. В результате старый продукт выбивается из потребительского паттерна и выбрасывается.

Межличностное несовпадение — это то, что удобно назвать английским словом *miscommunication*, то есть неспособность двух и более членов домохозяйства договориться о параллельном совершении покупок.

Иногда хлеб почему выбрасывается... Я, например, не знаю, что папа сходил в магазин. Я утром встаю, вижу, что нет хлеба, естественно, с работы еду и заезжаю в магазин, покупаю его, а потом прихожу домой, а там хлеб лежит уже, им купленный (женщина, 43 года, массажист).

Также одной из возможных проблем существования феномена выбрасывания еды может являться асинхронность ритма жизни и сроков годности продуктов питания, что Дэвид Эванс в статье «За пределами общества потребления: типичные бытовые практики и социологический подход к пищевым отходам домохозяйства» называет «несоответствием между *ритмом повседневной жизни и темпоральностью пищи*» [Evans 2012].

Отчасти эта смысловая категория пересекается с проблемами планирования, особенно с переменной планов. Ритм жизни, планирование покупок и паттерн потребления — взаимосвязанные понятия. Нарушение хотя бы одного из них часто ведёт к выбрасыванию еды. Понятно, что у человека был определённый план на потребление пищи в ближайшие несколько дней, который построен в соответствии с его ритмом жизни, однако изменчивость этого ритма приводит к выбрасыванию, так как срок годности продуктов питания не имеет возможности подстроиться под мобильность потребителя.

Планировали, например, поужинать, а взяли и заехали куда-то в другое место или в гости пошли. И вот так, знаешь, не были дома три-четыре вечера, а потом открываешь холодильник, и можно выкидывать всё, в принципе (мужчина, 35 лет, частный водитель).

Кроме того, возникают ситуации, когда из-за плотного графика и отсутствия времени информанты отдают предпочтение не хранящимся в холодильнике «обычным» продуктам, требующим определённых энергетических и временных затрат на готовку, а еде быстрого приготовления. Таким образом, так называемая правильная еда, имеющая свои рамки временного периода потребления, асинхронна жизненному циклу человека, что ведёт к её выбрасыванию.

Всегда же лень взять и разогреть себе супчик, например. Можно же съесть что-то менее сложно разогреваемое, и тогда какие-то общие продукты выбрасываются (мужчина, 21 год, студент, стажёр-исследователь, преподаватель).

Территориальная мобильность и приобретение независимости как триггер увеличения выбрасывания пищи

Многие изменения в восприятии еды, её ценности, в отношении к её потреблению и выбрасыванию происходят в процессе так называемых *жизненных переходов*. При проведении данного исследования были выделены несколько видов подобных переходов: переезд в другой населённый пункт (в основном говорилось о переезде из малых городов и сел в большие города), а также переезд от родителей и начало самостоятельной жизни. Казалось бы, с приобретением независимости, в том числе в ведении хозяйства, информанты должны были начать более бережно относиться к продуктам питания, учитывая отсутствие вышеописанного межличностного несовпадения информации. Однако, по-видимому, можно сказать о наступлении обратного эффекта. В основном молодые информанты, недавно переехавшие от родителей, говорят о том, что бездумная покупка и выбрасывание продуктов — это своего рода проявление обрётённой свободы и результат отсутствия ограничений и контроля «сверху».

Если раньше меня родители в чем-то ограничивали <...> то теперь я осталась одна, никто мне ничего не говорит, не ограничивает <...> Вот и получается, что я выбрасываю продукты, потому что я, наконец, могу выбрасывать всё, что я захочу (девушка, 20 лет, студент, переводчик).

Информанты же, переехавшие в более крупные населённые пункты, заключают, что ввиду отсутствия в больших городах каналов утилизации продуктов питания реально осуществимый в новых условиях вариант только один — выбрасывание. Можно предположить, что новая инфраструктура ведения хозяйства и обращения с отходами помещает переехавшего в большой город индивида в иные рамки, не совпадающие с его прежними практиками, что провоцирует не только повышение уровня выбрасывания, но и трансформацию ценности продуктов питания.

Когда я жила в деревне, еда не выбрасывалась, её доедали свиньи или собаки, потому что там собаки не такие вредные, как городские породистые. Они кушали почти всё, что им давали. Поэтому мы не выбрасывали еду никогда. Потом, когда переехала сюда, ну, конечно, как-то было жутко выбрасывать, но привыкает человек ко всему (женщина, 33 года, владелица парикмахерской).

Перекалывание ответственности

Не все информанты возлагают ответственность за выбрасывание продуктов только на себя, некоторые имеют интенцию и вовсе отказываться от неё. Так, одни информанты обвиняют продуктовые сети в

недобросовестной работе, а другие полностью снимают с себя ответственность за выбрасывание продуктов, описывая это как естественный процесс, которого невозможно избежать.

При *перекладывании ответственности на ритейл* было выделено два направления критики: намеренное индуцирование спроса, или, как обозначают это респонденты, «впаривание» лишней еды, и недобросовестное хранение продуктов. «Впаривание» заключается, с одной стороны, в наличии специальных этикеток, акций и прочего, что привлекает внимание потребителя и принуждает к незапланированным покупкам; с другой стороны, в том, что некоторые продукты продаются в упаковках такого размера, что априори домохозяйствам, состоящим из одного-двух человек, потребить их до исхода срока годности невозможно.

Обвинение ритейла в недобросовестном хранении продуктов возникает тогда, когда встаёт вопрос о выбрасывании как о глобальной проблеме. Считается, что некоторые продуктовые сети уделяют недостаточное внимание качеству хранения и используют всяческие манипуляции с продуктами. Таким образом, покупая с виду качественный продукт, потребители получают испортившуюся «по непонятным причинам» пищу, которая неминуемо выбрасывается.

Потому что все хитрые, и еду просто выбрасывать — это выбрасывать свои деньги. А кто будет выбрасывать свои деньги? Никто. Это добросовестные американские магазины, если у них близится к «просрочке», то они выбрасывают, а у нас уже «просрочка», но они берут, дату стирают, новую пишут и нормально. Продаётся это. А зачем выбрасывать?» (мужчина, 26 лет, аспирант, инженер).

В контексте обсуждения выбрасывания как глобальной проблемы звучало и более радикальное мнение информантов: это некий *естественный, объективный и одобряемый процесс*. По сравнению с другими жизненными трудностями, выбрасывание еды не кажется информантам значительной проблемой. Что касается переживаний по поводу выбрасывания, то их переживают далеко не все; некоторые даже испытывают чувство удовлетворения, очистив холодильник от старой еды.

Да нет никаких переживаний. Освобождается место в холодильнике — хорошо (мужчина, 22 года, студент).

<...> А еда что? Ну, пропала и пропала. Это же никак не навредит экологии. Я, в общем, ни вижу в этом глобальной проблемы (мужчина, 37 лет, инженер электростанции).

По сути, социальная проблема переводится в экологическую плоскость, в рамках которой выбрасывание рассматривается как естественный, безвредный процесс. Однако даже если посмотреть на выбрасывание еды как на глобальную социальную проблему, то можно встретить точку зрения, сформулированную в логике оправдания своего отношения к продуктам питания социальной эволюцией и существованием общества потребления.

Ну, тут, скорее всего, не проблема, тут, так скажем, некоторая социальная эволюция. Например, раньше мамонта было сложно поймать, соответственно, если его ловили, его использовали по полной: кости разбирали, мясо, сухожилия — всё шло на нужды. Берём современный мегаполис, и тут есть изобилие, и человек может купить больше, чем он хочет... Ну, если он этого хочет соответственно. Это, скорее, не проблема, а вопрос потребления. У нас общество потребления всё-таки (мужчина, 22 года, студент).

Однако стоит отметить следующее: по интервью заметно, что даже при активном выбрасывании продуктов питания не все респонденты относятся к этому безразлично и незэмоционально. Часть респондентов испытывают определённые укоры совести при выбрасывании пригодной для потребления пищи и нивелируют их путём «складирования» (*binning*) в холодильнике продуктов и ожидания момента, когда они станут непригодными для потребления, а единственным выходом будет их выбрасывание «со спокойной совестью». Возникает парадокс: холодильник используется для отсрочки, возможно, неизбежного выбрасывания определённых продуктов питания, хотя исторически его функция определялась как их сохранение. В современных реалиях холодильник можно рассматривать в качестве активного участника процесса выбрасывания и облегчения беспокойства людей по поводу избавления от пищи.

Были попытки замораживать. Но всё равно лично в моём сознании, когда я это размораживаю, мне кажется, что вкус уже не тот, свежесть уже не та, и прочее. И после того, как я это размораживаю... То есть просто добавляется ещё одна стадия между готовкой и выбрасыванием — это замораживание (женщина, 38 лет, технолог).

Ориентация на благополучие

В нарративах некоторых информантов из разных сфер деятельности и доходных групп прослеживается мысль о том, что люди, живущие в достатке и находящиеся в состоянии экономического и социального благополучия, не имеют привычки задумываться о важности проблемы выбрасывания еды. Более того, образ *экономического благосостояния* подкрепляется такими смыслами, как гедонистические ориентации в удовлетворении своих потребностей при приёме пищи и даже описании практик *демонстративного выбрасывания*.

Интересно, что соображение об отсутствии у обеспеченных людей нужды следить за количеством покупаемых и выбрасываемых продуктов питания в основном высказывают те, кто к таковой категории себя не причисляет. Ссылаясь на своих достаточно обеспеченных знакомых или просто рассуждая, информанты говорят о том, что человек, выбрасывающий еду, уже — мысленно — включил затрачиваемые на это деньги в свой бюджет и понимает, что никакого урона для него выбрасывание не принесёт.

Также существует мнение о том, что в условиях развитости и повышающегося благосостояния жителей нашей страны переживания по поводу выбрасывания продуктов питания в принципе бессмысленны.

<...> Жил бы я в Африке, наверное, я бы страдал, еды ведь нет. А у нас еды много, вот поэтому, если человек её не доел, что с ней делать, хранить это, как последний бомж? (мужчина, 22 года, студент).

Кроме того, информанты отмечают, что отказ от выбрасывания продуктов — это во многом привычка, навеянная условиями дефицита и невысоких доходов, а не сознательный выбор. Таким образом, можно отметить своего рода инерционность процесса (не)выбрасывания продуктов питания.

Если бы у меня было очень много денег, то я бы всё равно не выкидывал, потому что я привык к этому. Но если бы изначально пошло так, что у меня было много денег, и я не парюсь об их происхождении, сколько и чего их там у меня, то, конечно, я бы не парился насчёт еды (мужчина, 26 лет, аспирант, работает инженером).

Существуют также информанты, выбрасывание в жизни которых связано с установками о том, что излишняя обеспокоенность об утилизации продуктов питания, постоянный подсчёт и калькуляция — это

признак недостаточно обеспеченных людей, для которых стремление не выбрасывать — жизненно важная необходимость. Бережливость в отношении еды, так называемая «нищета в голове», является в понимании определённой группы информантов атрибутом бедности. При этом так презируемая «нищета в голове» может быть признаком не только мало-, но и высокообеспеченных людей, которых в интервью называют «скрягами».

Это ещё такая философия матери, скорее, мне это тоже как-то передалось, что нельзя жить в нищете, что ли. Нищета в голове такая, знаешь, когда всё надо оставить, любая сломанная вещь, недоеденная еда — всё это нужно хранить, чтобы это укрыть (мужчина, 22 года, студент).

В рамках данной работы смысловой контекст, содержащий отрицание практик по сохранению продуктов питания, мы будем называть «демонстративное выбрасывание».

Демонстративное выбрасывание также может сопровождаться стремлением информантов получать от приёма пищи не только удовлетворение физиологических потребностей, но и эмоциональное наслаждение и удовольствие. *Гедонистические ориентации*, отношение к еде как к источнику положительных эмоций, а не «топлива» для организма приводят к желанию отказаться от потребления «вчерашней еды» и к предпочтению исключительно свежих продуктов. В таком случае происходит отрицание многодневных рутинных практик потребления одних и тех же продуктов, а также стремления непременно доесть — «впихнуть в себя» — всю порцию приготовленной еды. Результатом отрицания становится выбрасывание.

Отношение к тому, чтобы доесть через силу, было негативное в семье, потому что ты в ресторан ходишь, чтобы получить удовольствие, не для того, чтобы там съесть обязательно всё. А это уже какая-то мелочность, если так, то зачем ты пошёл тогда (мужчина, 25 лет, спортивный комментатор, индивидуальный предприниматель).

Смысловые контексты минимизации выбрасывания продуктов питания

Как уже отмечалось, в данном исследовании нас интересовали не только оправдания информантами практик избавления от пригодной для потребления пищи, но и смыслы, вкладываемые индивидами в отказ от выбрасывания, и практики его избегания.

Невозможность выбрасывания

Иногда продукты питания используются оптимально по финансовым соображениям. В рассуждениях информантов можно проследить соединение логики финансового благополучия и масштаба выбрасывания продуктов питания: чем человек беднее, тем меньше вероятность выбрасывания им любой еды, и, наоборот, индивиды с более высоким уровнем достатка реже задумываются о проблеме выбрасывания продуктов, относятся к этому легкомысленнее, так как не заботятся о расходах на потребление.

Ну, когда денег не было, они [продукты питания] вообще не выбрасывались <...> в тот момент. Когда есть деньги, ты вообще не думаешь об этом, на самом деле. Это всё-таки зависит от финансов (мужчина, 35 лет, частный водитель).

Данный смысловой контекст отражает невозможность нерационального потребления, широкого выбора в условиях ограниченных финансовых ресурсов и, как следствие, выбрасывания пищи. Предполагается, что информанты, транслирующие подобную установку, потребляют продукты питания ровно в том количестве, которое необходимо для удовлетворения физиологических потребностей организма.

Таким образом, финансовые ограничения информантов, или, проще говоря, бедность, становятся одним из объективных барьеров, которые упоминаются в качестве условий, сдерживающих выбрасывание продуктов питания.

Интервьюер. *То есть у нас какая-то другая культура отношения к этому [выбрасыванию еды]?*

Респондент. *Да не культура, а необходимость, конечно же. Денег мало, есть хочется. Надо рационально подходить к этому вопросу* (мужчина, 72 года, пенсионер, сторож).

Сознательное потребление: ценности, рациональность и экология

Когда информанты говорят о причинах невыбрасывания, они используют слова «рациональность» и «расчёт» для описания своего поведения. Для них потребление всех купленных продуктов питания и отсутствие выбрасывания связано с грамотным планированием количества продуктов, необходимых для домохозяйства, и с оптимизацией их использования. Это проявляется в наличии списка продуктов при походе в магазин, в планировании меню на несколько дней вперёд или в умении правильно оценить количество еды, необходимой для домохозяйства. Подобное поведение, как отмечают сами информанты, позволяет минимизировать выбрасывание продуктов питания и приготовленной пищи. Более того, подобная рациональность заметна не только в простом планировании количества еды, необходимой для домохозяйства, но и её качества. Информанты специально выбирают продукты с более удобным для длительного потребления сроком годности, чтобы избежать выбрасывания ещё не до конца потреблённых продуктов питания. Невыбрасывание — сигнал о том, что человек умеет «пустить деньги в нужное русло, а не покупать ненужную еду, а потом выбрасывать её».

Частным случаем данного смыслового контекста является категория, которая была названа «хорошая хозяйка». Отрицание выбрасывания еды отчётливо возникало в нарративах женщин, которые самостоятельно ведут домашнее хозяйство и не выкидывают продукты питания в связи с устоявшимися гендерными убеждениями, что роли «хорошей хозяйки» не соответствуют такие практики обращения с едой. Роль «хорошей хозяйки» подразумевает точный расчёт количества покупаемых и потребляемых продуктов на каждого члена семьи, знание их предпочтений и способов переработки и повторного использования еды.

Продукты надо покупать в таком количестве, в котором они необходимы. А если они по каким-то причинам остаются, то их всегда можно использовать, а не выбрасывать. Я думаю, что нормальная хозяйка всегда в состоянии рассчитать, сколько ей приготовить, чтобы много не осталось или не оставалось вообще — не важно, сколько людей в семье. Я думаю, это у каждой женщины как-то на подсознательном уровне (женщина, 44 года, учредитель компании по производству упаковки).

Другим наблюдаемым нарративом касаясь причин отказа от выбрасывания еды является сюжет про выражение продуктов питания через непищевые эквиваленты. Информанты, рассуждая о барьерах выбрасывания еды, приходят к мысли о том, что *выбрасывание еды означает буквально выбрасывание ресурсов* — времени, потраченного на поход в магазин или приготовление еды, денег, израсходованных на покупку продуктов, а также того труда, который они произвели во время покупок, готовки и зарабатывания денег.

Информанты упоминают не только собственный труд, но и тот, который был затрачен на производство продуктов питания другими людьми. Таким образом проявляется культура уважительного отношения к еде как к продукту чужого производства, заложенная ещё со времён крестьянской России.

То есть, даже независимо от того, чьи продукты я выбрасываю, я их покупал или не я, мне одинаково жалко и сил потраченных — того, кто произвёл, и того, кто вырастил, ну и в целом денег — что они потрачены зря (мужчина, 21 год, студент, стажёр-исследователь, преподаватель).

Категория «безотходное производство» описывает ситуацию, когда ценностные установки информантов отрицают выбрасывание еды как таковое. Информанты находят разнообразные каналы избегания выбрасывания и не жалеют времени и ресурсов, которые затрачиваются на поиск и реализацию этих практик ради сохранения полезности продуктов и их «правильного» использования. Возможными каналами такого избегания, выявленными в рамках данной работы, становятся: (1) соседи и друзья; (2) домашние и бездомные животные; (3) переработка продуктов питания внутри домохозяйства; (4) дачные участки.

Конечно, если я возьму колбасу, с виду она была, допустим, свежая, а на следующий день, бывает такое, она испортилась, хотя лежит в холодильнике. Что я делаю? Я её опять же отвариваю в двух водах и тогда могу покормить животных на улице. Но просто так я не выкину (женщина, 38 лет, технолог).

Говоря об *этическом потреблении* в его классической трактовке, стоит отметить, что данная категория смысловых контекстов, выраженная именно в пищевом эквиваленте, достаточно слабо прослеживалась в нарративах информантов. Тем не менее некоторые из них (в данной работе это представители молодого поколения) всё же смогли описать основные признаки этического потребления в его исходном понимании. Так, одна из информантов отразила идеи о том, что производство продуктов само по себе очень ресурсно затратный процесс, который загрязняет окружающую среду не меньше, чем само выбрасывание еды. Покупая слишком много, а следовательно, и выбрасывая немало, общество наносит вред окружающей среде.

Но по максимуму я стараюсь как-то не выкидывать, потому что это, во-первых, не экологично. Убили свиночку какую-нибудь, а ты её не доел. И так ещё мало того, что она умерла, чтобы ты её съел, так ты ещё и не съел, и просто выкинул... То есть по этическим соображениям мне как-то сложно отказать от мяса, а вот в связи с экологией, например, я стала задумываться об этом. По крайней мере, не есть говядину, потому что её производство в пять или в шесть раз больше вреда природе наносит, чем курятины (девушка, 22 года, студентка).

В целом можно сказать, что исследуемая нами группа людей достаточно слабо рефлексировала на тему экологически чистого потребления, если речь идёт о продуктах питания, и мало кто стремится минимизировать выбрасывание продуктов, чтобы помочь природе; скорее, главными лейтмотивами подобных побуждений остаются личные, а не общественные ценности.

Социальная укоренённость минимизации выбрасывания продуктов питания

Согласно основному постулату экономической социологии, предложенному М. Грановеттером, любое экономическое действие является социальным по своей природе и укоренено в социальных структурах и взаимоотношениях [Грановеттер 2010]. Проведённый анализ позволил предположить, что отказ от выбрасывания продуктов питания и несколько смысловых контекстов, объясняющих его, не оказались исключением. Ниже приведены наиболее ярко ценностно окрашенные, социокультурно ориентированные смысловые контексты, являющиеся для информантов барьерами при выбрасывании продуктов питания.

Категория «гастрономическая травма» — одна из ключевых в данном исследовании; она отчётливо описывает специфику потребления и выбрасывания продуктов питания, укоренённую в социально-историческом контексте нашей страны. Понятие «гастрономическая травма» отсылает к «коллективной травме, связанной с голодом и дефицитом» [Селина 2014], сложившейся в СССР за годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период, а также во времена дефицита в 1980–1990-е гг. Этот аргумент лейтмотивом проходит в интервью с респондентами и, вероятно, является существенным социально-психологическим барьером расточительного потребления и выбрасывания, хотя в рамках данной работы и её объективных ограничений мы не можем экстраполировать данный вывод на всё население России.

Стремление минимизировать пищевые отходы в этой категории связано с непосредственно пережитым голодом, воспитанием в советской «культуре бедности», ставшей порождением условий дефицита и демонстрирующей проявление особенного, бережливого отношения к вещам и продуктам питания. Также данный нарратив прослеживается у респондентов молодого поколения в связи с непосредственной близостью с людьми, пережившими «гастрономическую травму», или из-за солидарности к ним.

Да, я чувствую укоры совести [при выбрасывании продуктов]. Ну, потому что опять же в моём детстве и в моей памяти жив пример бабушки (женщина, 27 лет, молодая мать, в отпуске по уходу за ребёнком).

Кроме того, важно отметить, что у некоторых информантов существует символическое разделение продуктов питания и эмоций, связанных с их выбрасыванием. Они испытывают особые переживания при выбрасывании лишь определённых продуктов, например хлеба. При упоминании о нём информанты говорили о чувстве стыда, о грехе, отрицали его выбрасывание, приводили множество вариантов его повторного использования.

Наверное, это со времён блокады Ленинграда пошло, ну да, это с детства осталось, то есть я вот вижу, что он вроде зачерствел, я вроде раз — хочу выкинуть, а потом думаю, что нет, нельзя выкидывать (мужчина, 35 лет, частный водитель).

Ну, хлеб как бы это стыдно, я каждый раз, когда выбрасываю, у меня внутри что-то сжигается. Почему-то именно с хлебом как-то, не знаю... Прямо как будто грех совершаю, как говорится (женщина, 43 года, массажист).

Примечательно, что такие установки информантов не согласуются с результатами количественного исследования ВЦИОМа [Пресс-выпуск № 993 2008], согласно которым хлебобулочные изделия выбрасываются чаще всего. Такое несовпадение смыслов не видится возможным проинтерпретировать в рамках данного исследования, однако оно несомненно заслуживает внимания в будущем.

Нельзя не отметить и религиозные установки, которые также являются стимулом к сохранению пищи и её невыбрасыванию.

Отношение к продуктам должно быть святым. Это грех — выбрасывать пищу, особенно хлеб. Ну, это в народе так. Вообще грех выбрасывать продукты (мужчина, 72 года, пенсионер, сторож).

Кроме того, в ходе интервью в качестве одного из смысловых контекстов сбережения продуктов питания было выявлено устоявшееся уже как фразеологизм в нашем языке сострадание к африканским детям и чувство стыда за бездумное выбрасывание продуктов в то время, как определённые группы

людей находятся в ситуации нищеты и голода. Информанты в действительности рефлексиируют своё потребительское поведение, соотнося его с существующим социальным неравенством в перераспределении ресурсов. Подобное *сопереживание жителям менее развитых стран* может служить индикатором развития этического потребления.

Среди прочих категорий информанты отмечают *воспитание в семье*, называя его важным источником приобретаемых практик и установок относительно фуд-менеджмента. Именно опыт семьи зачастую связывают с умением правильно хранить продукты и перерабатывать их в случае исхода срока годности. Можно предположить, что члены семей информантов относятся ещё к военным и послевоенным поколениям, которые так или иначе оказались подверженными «гастрономической травме». Следовательно, подразумевается, что этот феномен сквозь поколения оказывает влияние на поведенческие установки людей в отношении продуктов питания.

Кроме того, информанты отмечали, что усвоенные в процессе первичной социализации паттерны потребления и отношения к еде зачастую соотносятся с тем, как они сейчас регулируют потребление и выбрасывание продуктов питания. Так, если в семье было не принято расточительство продуктов, то многие и сейчас сохраняют подобные стратегии поведения в своих домохозяйствах.

Дело в том, что мы не избалованные. Нас кормили, чем кормили, и мы рады были, поэтому стараешься сейчас как-то всё или сразу съесть, или потом чего-то придумать. Где-то чего-то запёк, где-то протушил, чего-то добавил (женщина, 58 лет, начальница отдела в котельной).

И наоборот, если информанту в семье с детства не прививалась культура бережного отношения к еде, избегания бездумного выбрасывания, то и в его современных практиках отсутствует подобное поведение. Более того, сами информанты фиксируют влияние прошлого опыта на свои нынешние привычки и практики. Таким образом, как уже упоминалось ранее, возникает инерционность потребительского поведения.

Как отмечают информанты, ещё одним барьером при выбрасывании еды становятся вспоминаемые *присказки и пословицы из детства* о ценности и важности продуктов питания.

Я никогда не оставляю непустую тарелку. Как мама говорила, это нехорошо, иначе не женишься (смеётся) (мужчина, 26 лет, аспирант, инженер).

Но мне даже знаете, как в советской школе учили, что хлеб всему голова, и все прочее, и сколько там усилий вложено в это. Вот эти ростки, которые в меня когда-то заложили, они во мне сильны (женщина, 38 лет, владелица сети школ иностранного языка).

Тем не менее, несмотря на декларируемую важность семейного воспитания и высокую степень влияния семейных установок на паттерны потребления и выбрасывания продуктов, информанты отмечают, что в силу различия поколений они не придерживаются столь строгих правил и практик в отношении продуктов питания. Это может быть связано как с улучшившейся ситуацией в продовольственном секторе, так и с возросшим темпом жизни и мобильностью современного человека, «автоматизированным поведением», не позволяющим столь бережно и ответственно относиться к продуктам питания.

Я очень ограничена во времени, реализовать родительскую модель просто по времени не могу. То есть если моя мама может спокойно посвятить приготовлению ужина два часа, то у меня время готовки блюда — 15 минут. И я готовлю просто (женщина, 38 лет, владелица сети школ иностранного языка).

Вариативность установок выбрасывания и сохранения продуктов питания

Стоит отметить, что, вероятно, существуют отличительные особенности по отношению к выбрасыванию продуктов питания среди информантов разных поколений. Мы не можем экстраполировать следующие выводы на всех москвичей или россиян в силу ограничений дизайна нашего исследования, но, исходя из сравнения полученных нарративов, допустимо предположить, что людям старших возрастов присуще более бережное отношение к продуктам питания и сведение выбрасывания к минимуму или вообще его отсутствие. Возможно, это связано с процессом воспитания и социализации в обществе дефицита, где, по словам информантов, выбрасывание было не принято, а функционализм еды был её главной ценностью. Также непосредственная близость к послевоенному времени, уже упомянутая выше «гастрономическая травма» привили чувство «святости» и высокой ценности пищи. Такие установки по отношению к выбрасыванию старшего поколения отмечают как взрослые люди, так и молодёжь.

Вообще, родители наши, что твои, что мои, жили немного в другое время, когда был дефицит, когда были довольно небольшие зарплаты, и нельзя было себе позволить расточительно-сти в этом плане. Поэтому у них это всё построже было (мужчина, 37 лет, инженер электростанции).

Говоря о современных детях, информанты ссылаются на то, что им не свойственна такая ценность продуктов в связи с тем, что они воспитываются в обществе потребления и при отсутствии значительных проблем с финансами.

Слушай, этим [детям] вообще, по-моему, всё равно [о выбрасывании]. Он [сын] всё-таки рос не со складом бедноты в голове, то есть в этом плане у него всё есть, ну балованный, короче, судьбой (мужчина, 35 лет, частный водитель).

Более того, сами информанты, относящиеся к молодому поколению, говорят о том, что они росли и живут в таких условиях, когда им не нужно задумываться о проблеме невыбрасывания, поскольку они всегда могут купить что-то новое.

Это получается пере... даже не перепотребление, а переполупка, скорее, чем потребление, которое вот ведёт к тому, что... к тому, к чему оно ведёт (мужчина, 22 года, студент).

Информантов молодого поколения можно условно разделить на тех, кто выбрасывает продукты питания и при этом не переживает; на тех, кто выбрасывает, но при этом чувствует укоры совести, солидарность с людьми, пережившими голод и лишения, тем самым воспроизводя влияние «гастрономической травмы» в современном рационализирующемся обществе; и на тех, кто вообще не выбрасывает. Интересно отметить, что те информанты, которые вообще не выбрасывают еду, в основном апеллируют к мотивам рациональности и сохранения денег, а не к каким-то этическим переживаниям.

Также можно предположить, что наличие семьи, а точнее, других членов домохозяйства, вносит дополнительную неопределённость в планирование покупок и их потребления. Причём речь может идти как о трудностях с планированием рациона для нескольких человек и о несовпадении расписаний членов семьи, так и о трудностях с коммуникацией. Не всегда все члены домохозяйства разделяют одни и те же ценности, установки и практики выбрасывания и сохранения.

Ну и опять же, когда ты готовишь сам для себя и живёшь один, без семьи, то тебе как-то проще. Ты можешь сам с собой договориться — это гораздо проще, чем объяснить мужу, ре-

бёнку, что это нужно доест, а это не нужно доедать, нужно выбросить (женщина, 27 лет, молодая мать, в отпуске по уходу за ребёнком).

Как уже неоднократно отмечалось, в нарративах информантов прослеживается неоднородная смысловая структура относительно выбрасывания и (или) невыбрасывания еды в контексте принадлежности человека к той или иной *доходной группе*. Так, информанты, в чьём опыте так или иначе присутствует бедность, сообщают о том, что в такие периоды еда, в принципе, не выбрасывается.

<...> Это всё доедалось. А что не доедалось, то есть это кости, чёрная горбушка от хлеба, кто-то, допустим, не ел, но такого почти не было, потому что жили мы очень бедно. У нас не выбрасывалась еда, у нас не было такого, что кто-то что-то не доел (женщина, 33 года, владелица парикмахерской).

Здесь срабатывает то, что уже ранее было названо невозможностью выбрасывать. Для российского общества была и остаётся характерной высокая доля бедности, которая просто не позволяет вести себя иррационально и выкидывать то, что не хочется есть. Этой позиции противопоставляется поведение индивидов с высоким уровнем достатка.

Ну, у него [мужа] более пофигистичное [отношение к выбрасыванию], потому что он жил в достатке, всю жизнь. А я из бедности вышла, поэтому я как-то всё-таки бережнее отношусь к этому, стараюсь не готовить, там, слишком много, потому что я понимаю, что это надоест, и ты не будешь есть и выкинешь. А ему как-то более спокойно (женщина, 33 года, владелица парикмахерской).

Отношения внутри домохозяйства также влияют на смыслы, которые индивиды вкладывают в практики (не)выбрасывания. Примечательной в этом смысле оказалась фигура отца (мужа), которому, по мнению информантов, можно «скормить» всё, что в противном случае подлежит выбрасыванию.

Ну, у нас в этом плане батя, да, может продлить жизнь продуктам (смеётся), я не скажу, что он подъедалкин, но постоянно слышу: «Оставь это, отец доест» (мужчина, 35 лет, частный водитель).

Что мы не едим — папа съест (мужчина, 26 лет, аспирант, инженер).

Также существуют ситуации, когда у партнёров проявляется несовпадение в отношении выбрасывания еды, и тогда один из них пытается повлиять на другого. В частности, информанты, не приемлющие выбрасывание еды, могут пытаться воздействовать на расточительное поведение своего партнёра, изменяя его поведенческие установки и нивелируя практики выбрасывания.

Но он часто оставляет еду на тарелке, меня это раздражает. И если я могу его заставить это есть, я это делаю, но за ним не доедаю. Получается, если он оставляет, я должна это выбросить, поэтому я его заставляю доедать (женщина, 26 лет, молодая мать в отпуске по уходу за ребёнком).

Таким образом, от того, насколько солидарны информанты в вопросах выбрасывания еды и насколько один партнёр может повлиять на другого, вероятно, может зависеть регулирование фуд-менеджмента в домохозяйстве.

Заключение

Одной из первоначальных задач данной работы была попытка оценить возможные изменения потребительских практик в России, возникающие под влиянием различных мировых тенденций, в частности практик сознательного потребления или выбрасывающего общества, с помощью выявленных смысловых контекстов, способствующих или противодействующих выбрасыванию продуктов питания. Однако полученные в ходе исследования данные, скорее, приводят к мысли о том, что, несмотря на констатируемый материальный переход к обществу потребления и на изобилие товаров на прилавках, в реальности воссоздающиеся через поколения поведенческие установки, приобретённые во времена дефицита и бедности, оказываются сдерживающим механизмом расточительного отношения к продуктам питания и их выбрасыванию. Значительную роль, по-видимому, играет социальная укоренённость отношения к продуктам питания и их потреблению, которую можно назвать собственным видом этики и этического потребления. Кризисная экономическая ситуация, а также набирающая силу рационализация общества потенциально подкрепляют настрой информантов на оптимальное использование продуктов питания. Однако среди мотивов невыбрасывания все ещё присутствует объективная причина нехватки денег. По данным Росстата, в 2016 г. более 13% населения России остаётся за чертой бедности [Численность населения... 2017], что, по сути, делает одно из превалирующих в западных странах и США потребительских течений — экологически чистое, этическое потребление — слабо развивающимся в наших реалиях, поскольку обеспокоенность социальными, политическими и экологическими последствиями потребления возможна только при наличии удовлетворённых в полной мере первичных потребностей человека.

В ходе работы также был выявлен ряд смысловых контекстов выбрасывания и невыбрасывания продуктов питания, оказавшихся схожими с западными. Таким образом, можно предположить, что профиль потребления и выбрасывания продуктов питания у россиян имеет схожие черты с европейским и американским. Однако, по-видимому, на данном этапе это не избавляет российское общество от пережитой «гастрономической травмы», которая берёт своё начало в послевоенное время и продолжается во времена дефицита 1980–1990-х гг. Отпечатавшийся в культуре исторический опыт, наслаиваясь на стандартные характеристики модели общества потребления, смешивается с ещё одной национальной особенностью — демонстративным выбрасыванием, и, как следствие, с отрицанием бережливого отношения к продуктам питания. Всё это приводит к модифицированной модели общества потребления с уникальными национальными чертами, отличающими её от классической трактовки. В данном варианте этическое потребление связано не с обеспокоенностью об экологии и общественном благе, а с нормами и традициями, отголосками постсоветского периода, которые одновременно порождают и отрицают практики выбрасывания продуктов питания.

Кроме того, этические установки, связанные с заботой об общественном благе вместо частного, должны если не навязываться, то, как минимум, курироваться государством. В России можно говорить о некоторой дистанцированности государства от народа. Как пишет Л. Ионин, «мы не можем не назвать советскую повседневность тоталитарной повседневностью, тоталитарность которой состоит в том, что отношения повседневности как одной из конечных областей значений с другими конечными сферами значений искусственно затруднены и ограничены» [Ионин 2004: 427]. Получается, что повседневная сфера оторвана от политической, от государства, а значит, люди живут «собственными усилиями». Как следствие, в восприятии вовлечённых в исследование москвичей приоритет часто отдаётся тому, что принесёт пользу человеку и (или) его семье, а не обществу в целом или планете. Но не из-за эгоизма, а, вероятнее всего, из-за отсутствия дополнительных ресурсов, которые можно было бы направить не на себя.

Данное исследование носит разведывательный характер и подняло большой пласт вопросов, связанных с современной моделью потребления в российском обществе, которые требуют дальнейшего изучения. В частности, качественный дизайн не позволяет оценить структуру выявленных смысловых контекстов и установок, для чего требуется будущая верификация на количественном уровне. Кроме того, за рамками работы остались такие аспекты потребления продуктов, как еда в общественных местах и доставка на дом, которые могут серьёзно влиять на перераспределение продуктов внутри домашнего хозяйства. Тем не менее в исследовании была осуществлена попытка собрать основные смысловые контексты выбрасывания и сохранения продуктов питания, присущие российскому обществу, что должно послужить подспорьем для дальнейших исследований.

Приложение

Данные об информантах

Информант 1	Мужчина, 26 лет. Аспирант, работает инженером, живёт в общежитии. Достаток ниже среднего.
Информант 2	Женщина, 43 года. Медсестра по массажу. Достаток средний.
Информант 3	Мужчина, 21 год. Студент, стажёр-исследователь, преподаватель. Достаток ниже среднего. Финансово независим от родителей. Сын информанта № 2.
Информант 4	Женщина, 33 года. Владелица парикмахерской. Достаток выше среднего.
Информант 5	Мужчина, 22 года. Студент. Не имеет постоянных работы и заработка. Живёт с родителями.
Информант 6	Мужчина, 35 лет. Частный водитель. Достаток средний. Муж информанта № 4.
Информант 7	Мужчина, 25 лет. Спортивный комментатор, ИП. Достаток выше среднего.
Информант 8	Мужчина, 37 лет. Инженер электростанций. Часто находится в командировках, с семьёй живёт только последний месяц. Достаток выше среднего.
Информант 9	Женщина, 26 лет. Молодая мать. Находится в отпуске по уходу за ребёнком, ведёт хозяйство самостоятельно, муж не вовлечёт. Достаток высокий.
Информант 10	Женщина, 27 лет. Молодая мать. Находится в отпуске по уходу за ребёнком. Хозяйство ведёт практически самостоятельно, муж вовлечён лишь частично. Достаток средний.
Информант 11	Женщина, 25 лет. Молодая мать. Находится в отпуске по уходу за ребёнком. Хозяйство ведёт самостоятельно, муж не вовлечён. Достаток ниже среднего.
Информант 12	Женщина, 44 года. Учредитель и главный технолог в компании по производству картона. Достаток высокий.
Информант 13	Женщина, 20 лет. Студентка. Работает переводчиком. Достаток высокий.
Информант 14	Женщина, 38 лет. Технолог. Работает в компании по производству упаковки. Достаток средний.
Информант 15	Мужчина 72 года. Пенсионер. Работает сторожем. Достаток низкий.
Информант 16	Женщина 22 года. Студентка. Не имеет постоянного заработка, живёт одна.
Информант 17	Женщина, 58 лет. Работает начальником отдела в котельной. Достаток низкий. Живёт с мужем.
Информант 18	Женщина, 44 года. Работает начальницей отдела домоуправления. Живёт с мужем, взрослой дочкой и больной мамой. Достаток средний.
Информант 19	Женщина, 26 лет. Студентка. Владелица интернет-магазина. Живёт с родителями. Достаток средний.
Информант 20	Женщина, 38 лет. Мать-одиночка. Владелица сети школ иностранного языка. Достаток высокий.
Информант 21	Женщина, 62 года. Сотрудник управления Товарищества собственников жилья (ТСЖ). Достаток низкий.
Информант 22	Мужчина, 54 года. Охранник. Достаток низкий.

Литература

2017. *Год экологии в России*. Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. URL: <http://ecoyear.ru/>
- Бодрийяр Ж. *Система вещей*. М.: Рудомино, 1995.
- Ганскау Е. Ю. и др. 2014. Повседневные практики питания жителей Санкт-Петербурга и Ленинградской области. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 1: 41–58.
- Гирц К. 2004. *Интерпретация культур*. Пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Гурова О. Ю., Толкачёва А. Н. 2014. Критический подход к потреблению. *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. 2: 4–8.
- Грановеттер М. 2002. Экономическое действие и социальная структура: проблема укоренённости. *Экономическая социология*. 3 (3): 44–58. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205035/ecsoc_t3_n3.pdf
- Ильин В. И. 2005. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность. *Мир России. Социология. Этнология*. 2 (14): 3–40.
- Ильин В. И. 2014. Дуальность структур индивидуального потребления в исторической динамике: от советского к постсоветскому обществу. *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. 2: 9–18.
- Ионин Л. Г. 2004. *Социология культуры*. Изд. 4-е, перераб. и доп. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Коос С. 2009. Объясняя этическое потребительское поведение в Европе (эмпирические данные по 19 странам). *Экономическая социология*. 2 (10): 76–97. URL: [https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204976/ecsocMarch2009\[2\].pdf](https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204976/ecsocMarch2009[2].pdf)
- Носкова А. В. 2014. Питание: методологические подходы к исследованию и повседневные практики. *Вестник МГИМО Университета*. 6 (39): 209–218.
- Пресс-выпуск № 993*. 2008. М.: ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10337>
- Ритцер Дж. 2016. Динозавры потребления. *ЭСФорум*. 2 (48). Апрель: 6–11.
- Селина М. В. 2014. Фастфуд разрушает семейные связи. *Научно-образовательный портал IQ*. URL: <https://iq.hse.ru/news/177667321.html>
- Страусс А., Корбин Дж. 2001. *Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники*. Пер. с англ. и послесловие Т. С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС.
- Ткач О. А., Бредникова О. Е. 2008. «Грязная деревня» и «замусоренный город» (обыденные практики обращения с мусором в разных сообществах). *Антропологический форум*. 8: 338–352.

- Томпсон Э. П. 1996. *Плебейская культура и моральная экономика*. М.: РГГУ. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_725.htm
- Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в целом по России и по субъектам Российской Федерации. 2017. *Росстат*. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/#
- Шабанова М. А., Гицалова Т. А. 2015. Социально-экономические факторы развития этичного потребления в современном мире: есть ли будущее в России? *Социологические исследования*. 3: 150–160.
- Barr S. 2007. Factors Influencing Environmental Attitudes and Behaviours: A U. K. Case Study of Household Waste Management. *Environment and Behavior*. 39 (4): 435–473.
- Cohen L. 2001. *Citizen and Consumers in the United States in the Century of Mass Consumption*. New York: Berg Publishers.
- Doron N. 2012. A Clear Plate Means a Clear Conscience. In: Doron N. (ed.) *Revaluating Food*. London: Fabian Society. URL: <http://www.fabians.org.uk/wp-content/uploads/2012/11/Revaluating-Food WEB.pdf>
- Dowler E. A. 1977. A Pilot Survey of Domestic Food Wastage. *Journal of Human Nutrition*. 31 (3): 171–180.
- Evans D. 2012. Blaming the Consumer — Once Again: The Social and Material Contexts of Everyday Food Waste Practices in Some English Households. *Critical Public Health*. 21 (4): 429–440.
- Evans D. 2011. Beyond the Throwaway Society: Ordinary Domestic Practice and a Sociological Approach to Household Food Waste. *Sociology*. 46 (1): 41–56.
- Gallo A. E., 1980. Consumer Food Waste in the U.S. *Consumer Research*. Fall: 13–16.
- Grant-Smith D. 2015. A Crisis of Waste? Understanding the Rubbish Society. *Australian Planner*. 52 (3): 249–250.
- Gregson N., Metcalfe A., Crewe L. 2007. Identity, Mobility, and the Throwaway Society. *Environment and Planning D: Society and Space*. 25 (4): 682–700.
- Graham-Rowe E., Jessop D. C., Sparks P. 2014. Identifying Motivations and Barriers to Minimising Household Food Waste. *Resources, Conservation and Recycling*. 84: 15–23.
- Johnston J. 2008. The Citizen-Consumer Hybrid: Ideological Tensions and the Sase of Whole Foods Market. *Theory and Society*. 37 (3): 229–270.
- Koivupuro H. K. et al. 2012. Influence of Socio-Demographical, Behavioural and Attitudinal Factors on the Amount of Avoidable Food Waste Generated in Finnish Households. *International Journal of Consumer Studies*. 36 (2): 183–191.
- Littler J. 2009. *Radical Consumption. Shopping for Change in Contemporary Culture*. New York: Open University Press.

- Lyndhurst B. 2007. Food Behaviour Consumer Research — Findings from the Quantitative Survey. *Briefing Paper*. UK: WRAP.
- Monier V. et al. 2011. *Preparatory Study on Food Waste across EU 27*. Report for the European Commission [DG ENV—Directorate C]. 2010, October. Brussel: European Communities,
- Sayer A. 2007. Moral Economy as Critique. *New Political Economy*. 12 (2): 261–270.
- Stancu V., Haugaard P., Lähteenmäki L. 2016. Determinants of Consumer Food Waste Behaviour: Two Routes to Food Waste. *Appetite*. 96: 7–17.
- Quested T. E. et al. 2013. Spaghetti Soup: The Complex World of Food Waste Behaviors. *Resources, Conservation and Recycling*. 79: 43–51.
- WRAP. 2009. *Household Food and Drink Waste in the UK*. Banbury, UK.

DEBUT STUDIES

Daria Asaturian, Valeriya Erguneva

To Eat or Not to Eat? The Modern Consumption Model Through the Prism of Food Wasting: Moscow Citizens Case

ASATURIAN, Daria — BA Student, Faculty of Social Sciences; Research Assistant, Laboratory for Studies in Economic Sociology, National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation

Email: darya.asaturyan@gmail.com

ERGUNEVA, Valeriya — BA Student, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation

Email: erguneval@yandex.ru

Abstract

Following Western and American trends, modern Russian society is going through a change in consumption patterns, particularly related to food products. After Russia's transition from a "deficit society" to "a society of (over)consumption," the question regarding the further direction of development arises. If Western countries are now moving toward "conscious consumption," which is ideologically based on environmental concerns, then Russia has yet to make a choice. In this regard, it is necessary to understand how Russian food management will develop in the future. For this paper, an indicator often bypassed by researchers in the study of nutrition practices was chosen—food wasting. This research is based on 22 in-depth interviews and attempts to identify the semantic contexts that keep informants from wasting food or that stimulate food waste food. According to the results of the study, it became clear that, in addition to the expected rational attitudes tied to the optimization of food management, this issue is interpreted

in terms of informants' values, coupled with the social embeddedness of their practices of throwing out or saving food products, whose roots originate in the Soviet past and are transmitted from generation to generation.

Keywords: food waste; gastronomic trauma; deficit society; consumption society; conscious consumption; citizen consumer; ethical consumption; rubbish society.

Acknowledgements

The authors express special gratitude to Elena Berdysheva for research guidance and thoughtful comments, and to their colleague Pavel Demin for an invaluable assistance throughout the study and conceptualization of research results.

References

- Barr S. (2007) Factors Influencing Environmental Attitudes and Behaviours: A U.K. Case Study of Household Waste Management. *Environment and Behavior*, vol. 39, no 4, pp. 435–473.
- Baudrillard J. (1995) *Sistema veshchey* [The System of Objects], Moscow: Rudomino (in Russian).

- Chislennost' naseleniya s denezhnymi dokhodami nizhe velichiny prozhitochnogo minimuma v tselom po Rossii i po subektam Rossiyskoy Federatsii (2017) [Number of People with Incomes Below Living Wage Across Regions of the Russian Federation]. *Rosstat*. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/# (accessed 26 February 2018) (in Russian).
- Cohen L. (2001) *Citizen and Consumers in the United States in the Century of Mass Consumption*, New York: Berg Publishers.
- Doron N. (2012) A Clear Plate Means a Clear Conscience. *Revaluing Food* (ed. N. Doron), London: Fabian Society. Available at: <http://www.fabians.org.uk/wp-content/uploads/2012/11/Revaluing-Food WEB.pdf> (accessed 26 February 2018).
- Dowler E. A. (1977) A Pilot Survey of Domestic Food Wastage. *International Journal of Food Sciences and Nutrition*, vol. 31, no 3, pp. 171–180.
- Evans D. (2011) Blaming the Consumer — Once Again: The Social and Material Contexts of Everyday Food Waste Practices in Some English Households. *Critical Public Health*, vol. 21, no 4, pp. 429–440.
- Evans D. (2012) Beyond the Throwaway Society: Ordinary Domestic Practice and a Sociological Approach to Household Food Waste. *Sociology*, vol. 46, no 1, pp. 41–56.
- Gallo A. E. (1980) Consumer Food Waste in the U.S. *Consumer Research*, Fall, pp. 13–16.
- Ganskau E. U. (2014) Povsednevnye praktiki pitaniya zhiteley Sankt Peterburga i Leningradskoy oblasti [Everyday Eating Practices of Residents of St. Petersburg and the Leningrad Region]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 17, no 1, pp. 41–58 (in Russian).
- Geertz C. (2004) *Interpretatsiya kultur* [The Interpretation of Cultures], Moscow: ROSSPEN (in Russian).
- God ekologii v Rossii* [Year of Ecology in Russia] (2017) Ministerstvo prirodnykh resursov i ekologii Rossiyskoy Federatsii. Available at: <http://ecoyear.ru/> (accessed 12 March 2018) (in Russian).
- Graham-Rowe E., Jessop D. C., Sparks P. (2014) Identifying Motivations and Barriers to Minimising Household Food Waste. *Resources, Conservation and Recycling*, no 84, pp. 15–23.
- Granovetter M. (2002) Ekonomicheskoe deystvie i sotsialnaya struktura: problema ukorenennosti [Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 3, no 3, pp. 44–58. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205035/ecsoc_t3_n3.pdf (accessed 12 March 2018) (in Russian).
- Grant-Smith D. (2015) A Crisis of Waste? Understanding the Rubbish Society. *Australian Planner*, vol. 52, no 3, pp. 249–250.
- Gregson N., Metcalfe A., Crewe L. (2007) Identity, Mobility, and the Throwaway Society. *Environment and Planning D. Society and Space*, vol. 25, no 4, pp. 682–700.
- Gurova O. U., Tolkacheva A. N. (2014) Kriticheskiy podkhod k potrebleniyu [Critical Approach towards Consumption]. *Labyrinth: The Journal of Social and Humanitarian Studies*, no 2, pp. 4–8 (in Russian).

- Ilin V. I. (2005) Obshchestvo potrebleniya: teoreticheskaya model' i rossiyskaya realnost' [Consumer Society: The Theoretical Model and the Russian Reality]. *Mir Rossii = The World of Russia. Sociology. Ethnology*, vol. 14, no 2, pp. 3–40 (in Russian).
- Ilin V. I. (2014) Dualnost' struktur individualnogo potrebleniya v istoricheskoy dinamike: ot sovetского k postsovetскому obshchestvu [The Duality of Structures of Individual Consumption in Historical Dynamics: From the Soviet to Post-Soviet Society]. *Labyrinth: The Journal of Social and Humanitarian Studies*, no 2, pp. 9–18 (in Russian).
- Ionin L. G. (2004) *Sotsiologiya kultury* [Sociology of Culture], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Johnston J. (2008) The Citizen-Consumer Hybrid: Ideological Tensions and the Case of Whole Foods Market. *Theory and Society*, vol. 37, no 3, pp. 229–270.
- Koivupuro H. K., Hartikainen H., Silvennoinen K., Katajajuuri J. M., Heikintalo N., Reinikainen A., Jalakanen L. (2012) Influence of Socio-Demographical, Behavioural and Attitudinal Factors on the Amount of Avoidable Food Waste Generated in Finnish Households. *Consumer Studies*, vol. 36, no 2, pp. 183–191.
- Koos S. (2009) Obyasnyaya eticheskoe potrebitelskoe povedenie v Evrope (ehmpiricheskie dannye po 19 stranam) [Explaining Ethical Consumption Behavior in Europe: Empirical Evidence from 19 Countries]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 10, no 2, pp. 76–97. Available at: [https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204976/ecsocMarch2009\[2\].pdf](https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204976/ecsocMarch2009[2].pdf) (accessed 12 March 2018) (in Russian).
- Littler J. (2009) *Radical Consumption. Shopping for Change in Contemporary Culture*, New York: Open University Press.
- Lyndhurst B. (2007) Food Behaviour Consumer Research — Findings from the Quantitative Survey. *Briefing Paper*. UK: WRAP.
- Monier V., Mudgal S., Escalon V., O'Connor C., Gibon T., Anderson G., Montoux H., Reisinger H., Dolley P., Ogilvie S., Morton G. (2011) *Preparatory Study on Food Waste across EU 27*. Report for the European Commission [DG ENV—Directorate C]. 2010, October. Brussel: European Communities,
- Noskova A. V. (2014) Pitaniye: metodologicheskie podkhody k issledovaniyu i povsednevnye praktiki [Research of the Nutrition Problem: Methodological Approaches and Daily Practices]. *Bulletin of the Moscow State Institute of International Relations*, no 6 (39), pp. 209–218 (in Russian).
- Press-vypusk* No 993 (2008) [Press-Issue], Moscow: VCIOM. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10337> (accessed 12 March 2018) (in Russian).
- Quasted T. E., Marsh E., Swannell R., Parry A. D. (2013) Spaghetti Soup: The Complex World of Food Waste Behaviours. *Resources, Conservation and Recycling*, no 79, pp. 43–51.
- Ritzer D. (2016) Dinozavry potrebleniya [The Dinosaurs of Consumption]. *ESForum*, no 2, April, pp. 6–11 (in Russian).
- Sayer A. (2007) Moral Economy as Critique. *New Political Economy*, vol. 12, no 2, pp. 261–270.

Selina M. V. (2014) Fastfud razrushaet semeynye svyazi [Fastfood Destroys Family Ties]. *Scientific and Educational Portal IQ* (electronic journal). Available at: <https://iq.hse.ru/news/177667321.html> (accessed 26 February 2018) (in Russian).

Shabanova M. A., Gitsalova T. A. (2015) Sotsialno-ekonomicheskie factory razvitiya etichnogo potrebleniya v sovremennom mire: est' li budushchee v Rossii? [Socio-Economic Factors in the Development of Ethical Consumption in the Modern World: Is There a Future in Russia?]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, no 3, pp. 150–160 (in Russian).

Stancu V., Haugaard P., Lähtenmäki L. (2016) Determinants of Consumer Food Waste Behaviour: Two Routes to Food Waste. *Appetite*, no 96, pp. 7–17.

Strauss A., Corbin D. (2001) *Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teoriya, protsedury i tekhniki* [Basics of Qualitative Research Techniques and Procedures for Developing Grounded Theory], Moscow: Editorial URSS (in Russian).

Tkach O. A., Brednikova O. E. (2008) “Gryaznaya derevnya” i “zamusorennyy gorod” (obydennye praktiki obrashcheniya s musorom v raznykh soobshchestvakh) [“Dirty Village” and “A Littered City” (Everyday Practices of Dealing with Garbage in Different Communities)]. *Anthropological Forum*, no 8, pp. 338–352 (in Russian).

Tompson E. P. (1996) *Plebeyskaya kultura i moralnaya ekonomika* [Patrician Society, Plebeian Culture], Moscow: RSUH (in Russian).

WRAP (2009) *Household Food and Drink Waste in the UK*. Banbury, UK.

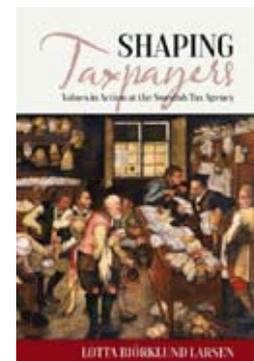
Received: March 1, 2018

Citation: Asaturian D., Erguneva V. (2018) Sest' ili ne sest'? Sovremennaya model' potrebleniya cherez prizmu vybrasyvaniya produktov pitaniya: na primere moskvichey [To Eat or Not to Eat? The Modern Consumption Model Through the Prism of Food Wasting: Moscow Citizens Case], *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 19, no 2, pp. 167–195. doi: 10.17323/1726-3247-2018-2-167-194

НОВЫЕ КНИГИ

Н. В. Конрой

Креолизация ценностей: как достигается налоговая справедливость для каждого

Рецензия на книгу: Björklund Larsen L. 2017. *Shaping Taxpayers: Values in Action at the Swedish Tax Agency*. New York; Oxford: Berghahn Books. 220 p.

КОНРОЙ Наталья Викторовна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований (ЛЭСИ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; научный сотрудник Лаборатории «Социология религии» Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Адрес: 115184, Россия, г. Москва, ул. Новокузнецкая, д. 23Б.

Email: nconroy@hse.ru

Книга шведского антрополога Лотты Бьёрклунд Ларсен — это шанс взглянуть на кухню необычной команды исследователей, аналитиков налоговой службы, цель которых — выяснить, почему малые предприниматели ошибаются при заполнении налоговых деклараций. Забегая вперёд, скажу, что ответа на этот вопрос мы не получим, но узнаем, как налоговый орган оправдывает свою миссию и легитимирует свои интерпретации закона в глазах шведского общества, для того чтобы обеспечить справедливый вклад каждого, поощрять желание людей участвовать и поддерживать налоговую дисциплину. Автор показывает, что для этого налоговой службе приходится сохранять тонкий баланс своих и общественных ценностей — «жестких», таких как следование букве закона, соблюдение процедур аудита, экономическая калькуляция, и «мягких», выражающихся в эмпатии, разумности и кооперации. Чтобы не потерять большим трудом заработанное доверие шведов, руководство ведомства иногда готово пожертвовать принципами открытости и амбициями своих аналитиков, запрятав «под ковёр» результаты исследовательских проектов. Но внутри организации такие исследования и полученные в них знания вызывают множество разногласий и дискуссий о действующем законодательстве, мерах по повышению налоговой дисциплины, исследовательских методах, адекватных для изучения практик налогоплательщиков, и, конечно, о роли самих корпоративных исследователей: являются ли они лишь поставщиками аналитики, помогающей в принятии политических решений, или им всё же позволено быть чуть более «любопытными»? Бьёрклунд Ларсен выбрала для своей этнографии популярную форму истории социальной жизни вещи — и этой вещью является аналитический отчёт, за которым она следовала с момента возникновения идеи проекта оценки рисков до принятия решения о том, что публикация результатов политически невозможна.

Ключевые слова: налогоплательщики; налоговая дисциплина; пара-этнография; социальная жизнь вещей; акторно-сетевая теория; Швеция.

Представьте, что вы антрополог и защитили диссертацию о том, как граждане оправдывают получение услуг на «чёрном» рынке. Представьте, что в налоговой службе с интересом обсуждали вашу книгу [Björklund Larsen 2010]. Более того, вас пригласили в ведомство провести параэтнографию и пона-

блюдовать за реализацией одного из внутренних проектов оценки рисков. Как бы невероятно это ни звучало для российского читателя, именно так случилось с Лоттой Бьёрклунд Ларсен. Возможно, причина в том, что последние 40 лет Skatteverket, налоговая служба Швеции, прилагает немало усилий для легитимации своей деятельности в глазах меняющегося общества. В стране, где идентичность налогоплательщика является едва ли не стержневым элементом «шведскости», идею прогрессивного налогообложения не подвергают сомнению ни медиа, ни политики, ни население. Политики не используют лозунги уменьшения налогов в предвыборной борьбе и публичных дебатах, а рядовые граждане очень редко называют высокие налоги в числе насущных социальных проблем¹, выражая поистине поразительную удовлетворённость работой налоговой службы² и доверие государству. Так было не всегда и, судя по предыдущим публикациям Бьёрклунд Ларсен (см., например: [Björklund Larsen 2012; 2013a; 2013b]), несогласие с налоговой политикой есть и сейчас. Однако в этой работе её интересуют не укрытие и уклонение от налогов, а готовность шведов вносить общественный вклад и практики поддержания налоговой дисциплины (*tax compliance*)³. Свой подход к изучению этих явлений она называет фискальной антропологией и рассматривает налогообложение как один из видов экономического обмена, а уплату налогов — как едва ли не основной способ создания экономических отношений человека с государством благосостояния и с согражданами (р. 14–21). Источником своего вдохновения исследовательница называет Й. Шумпетера, который считал, что понимание любого общества начинается с понимания его налоговой системы.

Контексты

Отправной точкой для антропологии Бьёрклунд Ларсен становится история шведского налогообложения и налоговой службы (см. главу 1 «От контроля к сочувствию: история шведского налогового ведомства», р. 43–87). Не вдаваясь в детали, отмечу те ключевые события и особенности текущей ситуации, без которых трудно понять аргументацию автора.

В современной Швеции две трети всех налоговых поступлений приходятся на подоходный налог, который составляет основу региональных и муниципальных бюджетов. Им облагаются все виды личных доходов, включая заработную плату, пенсию, больничный. Подоходным налогом, по сути, являются и социальные взносы, выплачиваемые работодателями от имени работников, хотя эти отчисления и не отражаются в налоговых декларациях граждан. В 1991 г. налоговую систему радикально реформировали: были разделены налоги от наёмного труда и налоги на доходы от инвестиций и ведения бизнеса; все обмены трудом и услугами наделены экономической ценностью и обложены подоходным налогом вне зависимости от фактической формы компенсации (бартер, ответная услуга, деньги). Отношения между обменивающимися сторонами признаны несущественными, а бартер на законодательном уровне приравнен к денежному обмену.

Бьёрклунд Ларсен показывает, что в Швеции на протяжении XX века идея подоходного налога и индивидуальной ответственности граждан за предоставление достоверной информации о доходах практически не менялась, в то время как механизмы контроля претерпели серьёзные трансформации. Возникно-

¹ Так, Л. Бьёрклунд Ларсен отмечает, что в 1987–2005 гг. доля шведов, которые считают, что вопрос о налогах заслуживает место в первой тройке насущных для общества проблем, ни разу не поднималась выше 14% и, в основном, составляла 3–7% опрошенных (р. 74).

² По данным опросов начала 2000-х гг., 67% шведов были довольны работой Ведомства. Бьёрклунд Ларсен приводит типичный, по её мнению, отзыв шведского налогоплательщика: «На налоговую службу невозможно злиться, поскольку её сотрудники всегда готовы помочь» (р. 177).

³ Готовность платить привлекала внимание антропологов гораздо реже, чем уклонение от налогов. Однако были и исключения; см., например, работы датчанки Карен Болл: [Boll 2011; 2014; 2015].

вание института мониторинга датируется 1907 г., когда в каждом районе Швеции появились налоговые бюро. В них часто работали непрофессионалы, аудит основывался на личных знаниях и мнениях проверяющих о налогоплательщиках. В последние десятилетия своего существования налоговые бюро уже комплектовались узкими специалистами, но по-прежнему вызывали резкую критику населения. В 1991 г. институт был упразднён, провинциальные налоговые офисы объединены в единую службу с централизованным контактными центром, введена иерархия аудиторов, в которой предпочтение было отдано наиболее опытным.

В 1990–2010 гг. налоговая служба перенесла внимание с количественной верификации нарушений на выяснение их причин. Был введён институт налоговых комитетов, в которые входили как профессионалы, так и выборные члены. Задачей этих последних было рассмотрение жалоб и обращений налогоплательщиков. С 2012 г. выборные должности упразднены, а рассмотрение спорных случаев передано профессиональным аудиторам — сотрудникам налоговой службы. Сейчас за администрирование и сбор всех налогов страны отвечает национальное налоговое ведомство Skatteverket (далее — Ведомство) и его четыре региональных офиса, которые стремятся «быть активными, надёжными и полезными» (р. 56–57) гражданам и государству.

Поворот Ведомства к сервисному подходу начался с громкого дела Ингмара Бергмана, публично задержанного в 1976 г. и обвинённого в уходе от налогов. Несмотря на то что режиссёр был оправдан, врачи диагностировали у него нервный срыв. Позже он покинул страну, заявив, что налоговая служба Швеции может распоряжаться его имуществом как ей будет угодно. Этот случай стал кульминацией десятилетия повышения налогов, на протяжении которого налоговики по умолчанию рассматривали граждан как мошенников, заслуживающих разоблачения и наказания. Общественный резонанс заставил руководство Ведомства переосмыслить и стратегии сбора, и отношение к налогоплательщикам (р. 57–58). К функциям сбора и контроля налоговики добавили разъяснительную и информационную работу с населением и бизнесом, стали изучать и тестировать различные теории и исследования о налоговой дисциплине. Кроме того, в Ведомстве появился собственный аналитический отдел, хотя его сотрудники и не считают себя исследователями, видя свою миссию в том, чтобы обеспечивать поддержку менеджменту, принимающему решения.

Уже в 1980-х гг. развитие IT-технологий позволило значительно упростить заполнение и автоматизировать подачу налоговых деклараций, и сегодня рядовому налогоплательщику ничего не приходится вносить самостоятельно: информацию предоставляют работодатели, банки, ипотечные организации и др. Однако для самозанятых граждан и коммерческих организаций процедура значительно сложнее и связана с ручным вводом данных, что оставляет возможности для совершения как случайных, так и намеренных ошибок, вот почему эти категории налогоплательщиков с большей вероятностью становятся субъектами контрольных мероприятий. Интерес Ведомства приводит к тому, что в средствах массовой информации самозанятые и предприниматели чаще представляются как нарушители налоговой дисциплины или мошенники (р. 69). При этом в 2000-х гг. шведские политики активно поддерживали развитие малого бизнеса, в котором видели панацею в борьбе с безработицей, что поставило Ведомство в довольно щекотливое положение.

Перенос акцента с роста собираемости на укрепление налоговой дисциплины увеличил число личных контактов аудиторов с гражданами, потребовал развития управленческих и коммуникативных навыков, поэтому в текущей кадровой политике Ведомство отдаёт стратегическое предпочтение тем, кто демонстрирует установки на помогающий и просвещающий подход, даже если аудиторские навыки таких кандидатов оставляют желать лучшего.

Ещё одним стратегическим изменением является регулярное информирование общества о работе по сокращению налогового разрыва⁴, которое Ведомство интерпретирует как свидетельство роста налоговой дисциплины.

Бьёрклунд Ларсен на ярких примерах из медийных кампаний Ведомства в 1955–2000-х гг. показывает, как сервисный поворот трансформировал способы говорить о налогоплательщиках. В современной риторике Skatteverket налогоплательщик предстаёт гражданином–потребителем информационных и консультативных услуг, предоставляемых налоговой службой. Налогоплательщик наделён правами и обязанностями, хотя, конечно, налоговой службе трудно полностью принять идею «потребитель всегда прав». В 1990-х гг. у Ведомства появился его современный слоган — «Люди должны хотеть соблюдать» (*to comply*), отражающий установку на поддержание желания каждого вносить справедливый вклад, а в 2000-х гг. политика справедливого участия распространилась на корпорации.

Исследование

Бьёрклунд Ларсен проводила наблюдение в аналитическом отделе налоговой службы, который, по словам автора, находится одновременно и на передовой, и на периферии жизни Ведомства. Главный продукт отдела — отчёты для внутреннего (служебного) использования и для широкой публики. Команда привлекает количественные и качественные методы, тематика изысканий касается как очень узких вопросов (например, влияние снижения НДС в ресторанах на уплату налогов), так и широких проблем, связанных с налогообложением. Все аналитики (а их около 50 чел. при общей численности сотрудников налоговой службы примерно в 10 тыс. чел.) имеют высшее образование, некоторые — научные степени в разных дисциплинах. Каждый задействован одновременно в нескольких проектах на разных стадиях реализации. Одним из приоритетных направлений является оценка рисков. Также регулярно проводятся анализ последствий, выборки, влияний и, конечно, поведенческие (установочные) опросы.

Бьёрклунд Ларсен была приглашена для наблюдения за проектом, у которого, как и у многих других, не было однозначного заказчика: его появлению способствовали несколько разных событий. К тому же из-за стремительного роста малого предпринимательства почти у каждого в отделе были друзья и знакомые, работающие или владеющие небольшими компаниями. Анекдоты про то, что те покупают компьютеры, телефоны, снегоуборочные машины, ездят в отпуск с семьями, относя эти расходы к затратам на ведение бизнеса, подтолкнули руководителя отдела к началу исследования того, как малые предприниматели в реальной жизни проводят различия между частными и производственными затратами и какие риски это несёт в контексте налоговой дисциплины.

Бьёрклунд Ларсен выбрала перспективу *социальной биографии вещи*, чтобы показать рождение, взросление (дисциплинирование) и смерть исследовательского отчёта, возникшего в результате реализации упомянутого проекта оценки рисков. Она рассматривает и само Ведомство, и его ключевые практики как *социотехнические агентства* (*socio-technical agencement, STA*)⁵, состоящие из технологий, знания, текстов, исследований, цифр и людей. Другим важным для её анализа понятием является концепт

⁴ Страновые определения и методологии расчёта налогового разрыва незначительно отличаются. В Швеции под ним понимают разницу между налогами, теоретически подлежащими сбору (при условии, что все сведения поданы налогоплательщиками правильно), и фактически уплаченными после всех контрольных мероприятий Ведомства налогами. Важно также, что в Швеции с 2013 г. сокращение налогового разрыва как показатель, учитываемый при оценке качества работы налоговой службы, не представляется в цифрах или процентах.

⁵ Понятие, введённое Мишелем Каллоном [Callon 2005].

хинтерланда (Law 2009)⁶, с помощью которого Бьёрклунд Ларсен объясняет, что некоторые практики Ведомства обретают собственную «социальную жизнь» (и уничтожить её непросто).

Основная часть книги Бьёрклунд Ларсен (главы 2–4) представляет собой этнографически детализированную хронологию проекта: подготовка, проведение, интерпретация данных исследовательской части, написание и обсуждение отчёта и, наконец, принятие решения о том, что результаты не могут быть опубликованы.

Самым наблюдаемым этапом жизни проекта для исследовательницы оказался пилотный, на котором команда аналитиков реализовывала опрос предпринимателей⁷ (см. главу 2 «Разговоры с людьми: что мы можем узнать, исследуя аттитюды?»⁸, р. 88–118). Несколько месяцев Бьёрклунд Ларсен присутствовала на обсуждениях структуры опроса, формулировок и порядка ответов, выборки, способов проведения исследования, и это продолжалось до тех пор, пока в седьмой редакции сам опрос и сопроводительное письмо не прошли, наконец, внутреннее и внешнее рецензирование и не получили одобрение. Антрополог также сумела понаблюдать за работой интервьюеров сторонней консалтинговой компании, и эта часть главы, на мой взгляд, этнографически оказалась одним из наиболее удачных мест книги. Глава насыщена голосами участников рабочей группы проекта, показывая множество их разногласий и интересов. Наблюдение привело исследователя к нескольким выводам:

- несмотря на скептицизм в отношении возможности ответить на свой исследовательский вопрос — «Почему малые предприниматели неправильно вычитают затраты» — с помощью опросных данных, рабочая группа проекта считала опрос наиболее легитимным, экономичным и надёжным инструментом. «Опросы — это то, что мы обычно делаем», — объясняли аналитики (р. 92). Более того, горячее обсуждение альтернатив неизменно оканчивалось выбором *телефонного* опроса, который «доказал свою эффективность» (р. 97) (так, например, фокус-группы признавались лучшим инструментом установления личного контакта с людьми, но неизменно отвергались под предлогом сложности обработки данных, более высокой стоимости и временных затрат; опросы по почте, которые были дешевле, а также надёжнее, чем телефонные, обеспечивали анонимность респондентов, браковались, поскольку давали меньший отклик);
- сложнее всего для рабочей группы было контекстуализировать опрос, понятно для респондентов определить ошибочный вычет расходов и сформулировать те вопросы, целью которых было выявить причины ошибок предпринимателей, поскольку всё это затрагивало репутацию Ведомства и имело политические последствия. Так, например, сказать респонденту, что цель опроса — лучше понять проблемы налогоплательщиков, означало признать наличие проблем, а сформулировать вопрос так, что он представит предпринимателей как гомогенную группу, «коллектив» потенциальных нарушителей и мошенников, противостоящий другим, честным, налогоплательщикам, значило вызвать поток жалоб предпринимателей на то, что налоговая служба делает из них козлов отпущения;

⁶ Кроме упомянутой статьи Джона Ло «Глазами опроса» (см.: [Law 2009]), для книги Бьёрклунд Ларсен теоретически важны более поздние тексты: [Law, Ruppert, Savage 2011; Law, Ruppert 2013; Savage 2013].

⁷ Рабочая группа включила в выборку индивидуальных предпринимателей и организации разного типа и размера, которые Бьёрклунд Ларсен обозначила общей аббревиатурой COEN (Commercial Entity) — коммерческая организация.

⁸ В аналитическом отделе пользуются термином *attitudinal survey* (установочный опрос), понимая под аттитюдами не только установки, но и реальные практики (действия) опрашиваемых, хотя, как показывает Бьёрклунд Ларсен, возможности опроса быть инструментом изучения поведения горячо дебатировались командой проекта. Автора же интересовали не столько сам опрос и связанные с ним методологические проблемы, сколько то, что он говорит о существующих в Ведомстве представлениях и знаниях о налогоплательщиках, а также то, как эти знания формируют налогоплательщиков и формируются ими.

— Бьёрклунд Ларсен утверждает, что вне зависимости от сомнений аналитиков опросы в Ведомстве живут своей социальной жизнью: они не только описывают, но и создают (*enact* в акторно-сетевой теории) реальность. Однако Бьёрклунд Ларсен с осторожностью говорит о перформативности опросного знания, поскольку акторы используют результаты в разных контекстах, с разными целями, и первоначальная идея всегда мутирует. Кроме того, хотя создатели и исполнители опроса опасаются перформативного эффекта, они никогда не знают и не могут предсказать, как опрос повлияет на респондентов.

Любопытно, что ещё в 1980-х гг. Ведомство реализовало большой исследовательский проект, в рамках которого были собраны почти 1200 интервью, по 45 мин каждое, с налогоплательщиками о налогах и связанных с ними практиках. Данные, по признанию аналитиков, оказались неконсистентными и противоречивыми: ответы сильно зависели от контекста, в котором задавались вопросы. С тех пор аналитики налоговой службы не интерпретируют результаты опросов, пока не получены материалы выборочных аудиторских проверок, с помощью которых установки пытаются соотнести с реальными практиками. В случае наблюдаемого проекта итоги сведения двух реальностей оказались более чем скромными, но то, что статистический метод под сомнение ни разу не ставился, по мнению Бьёрклунд Ларсен, говорит нам о том, что статистика как способ производства знания в современной Швеции находится вне критики (р. 109).

Ещё одна практика, которую наблюдала антрополог, используется Ведомством как для контроля, так и для исследований. Выборочную аудиторскую проверку (далее — ВАП) для проекта вычета затрат проводил соответствующий департамент регионального отделения, расположенного в городе Эребру (см. главу 3 «Икс процентов: рождение цифры в отделе выборочной аудиторской проверки», р. 119–140). Налоговики различают две формы ВАП — кабинетную и выездную; эта последняя сопряжена с бóльшим вмешательством в рутину налогоплательщика. Любая проверка верифицируется и утверждается директором регионального офиса и является для Ведомства чётко отработанной, но дорогой процедурой.

В основе практики ВАП — работа в соответствии с инструкцией и чек-листами⁹, чтобы лишить аудитора возможности сосредоточиться на тех аспектах проверки, которые он считает наиболее важными. Выборка субъектов ВАП является целевой и предполагает не полный аудит, а точечную проверку определённой, интересующей Ведомство информации. Сотрудники говорят, что обычно чётко задают параметры выборки, так как знают, где искать ошибки. Это позволяет им точнее оценить размах и степень вовлечённости отдельных категорий налогоплательщиков в практики нарушения налоговой дисциплины. У проверки, которую наблюдала Бьёрклунд Ларсен, было две цели: понять (1) масштаб бедствия с неправильными вычетами у конкретной категории налогоплательщиков (которую в рамках проекта назвали COEN): сколько людей практикует, какие суммы вычитаются, сколько поступлений теряет бюджет; (2) по каким категориям транзакций, в каких коммерческих секторах и какими типами COEN совершаются «ошибки».

Автор книги подробно описывает, как рабочей группой проекта обсуждались методологические ограничения, критерии и география выборки; согласовывались формы коммуникации аудиторов и координаторов, порядок заполнения общих *x/s*-форм и общения на интрафоруме, возможности оптимизации транспортных, командировочных и временных расходов налоговой службы. В результате было отобрано 450 коммерческих организаций (COEN), что сделало эту проверку самой масштабной в истории Ведомства. Чтобы реализовать её, потребовалось 4000 рабочих дней, 40 аудиторов, 10 региональных ответственных за процессы на местах.

⁹ Так, например, для наблюдаемого исследования были разработаны 17 чек-листов и форм.

На каждую проверку стандартно отводятся 10 дней: две трети этого времени уходит на административную работу и треть — на собственно аудит (при этом личный визит проверяющего не должен длиться больше двух часов). Разрешительные документы подписываются главой департамента в четыре этапа. Процедурная задача, стоящая перед аудитором — получить как можно больше информации по телефону. Именно поэтому чек-листы очень детализированы и индивидуализируются под конкретную проверку. Кроме вопросов о бухучете, налогоплательщику по телефону объясняют цель и процедуру личного визита аудитора; называют состав документов, которые нужно будет подготовить к приходу проверяющего; уведомляют, какие документы аудитор заберёт в отделение налоговой службы, и проч. Ведомство рассматривает аудиторскую проверку как вторжение в жизнь налогоплательщика, поэтому особое внимание уделяет вопросам кооперации («слушать налогоплательщика, понять, как он работает», «если мы возьмём неверный тон, аудит неоправданно затянется», «наша цель — вмешиваться как можно меньше, чтобы у них было ощущение, что мы делаем нашу работу хорошо и качественно», р. 127–130).

В главе, посвящённой аудиту, почти нет этнографических заметок: специфика процедуры не позволила автору её наблюдать, поэтому текст основывается на анализе разговоров аудиторов и риторики Ведомства. Бьёрклунд Ларсен утверждает, что практики департамента ВАП одновременно и поддерживают, и противоречат ценностям, декларируемым Skatteverket. С одной стороны, аудиторы гордятся строгостью своих процедур, которая обеспечивает им надёжный результат. С другой стороны, они постоянно говорят об ответственности и разумности решений, о необходимости понять рутину налогоплательщика. По словам исследовательницы, политики рассудительности аудиторы придерживаются всегда — от первого звонка до личного визита. Если же аудитор не может принять решения об адекватности расходования средств СОЕН, он прибегает к помощи коллег и юристов. Бьёрклунд Ларсен рассматривает два кейса, вердикты по которым принимались сообща. Чтобы гуманизировать холодные факты и цифры, аудиторы обсуждают интимные детали жизни налогоплательщиков (например, состояние здоровья, потерю близких, способность эффективно вести предпринимательскую деятельность и проч.)¹⁰.

Если сомнительные вычеты составляют менее 4% от общей суммы, Ведомство ограничивается тем, что направляет налогоплательщику уведомительное письмо. Во многих случаях, когда налогоплательщик не может представить полный пакет документов и обоснование вычета расходов, аудиторы на основании анализа ситуации идут навстречу и утверждают вычет 50% от поданных налогоплательщиком сумм. Налоговики считают, что законодательство даёт им больше гибкости в правоприменении и толковании закона, чем, например, сотрудникам иммиграционной службы. Аудиторы накапливают и используют для принятия решений кейсы и знания о повседневности налогоплательщиков. Чтобы сохранять легитимность в глазах общества, Ведомство старается держать «человеческое лицо», демонстрировать эмпатию и формировать доверие для поддержания налоговой дисциплины (р. 132).

Бьёрклунд Ларсен утверждает, что аудит является одновременно и очень техническим (на этапе проверки), и очень личным (на этапе принятия решения) процессом, в результате чего работа аудитора превращается в искусство сочетания процедуры, норм законодательства, шведской идеи «лагом» (достаточность), практического знания и оценки рациональности поведения налогоплательщика в конкретной ситуации. Отмечу, что одним из слабых мест книги мне показалось то, как мало автор привлекает антропологические понятия и теорию для объяснения своих данных¹¹; только однажды она

¹⁰ Бьёрклунд Ларсен утверждает, что это интимное знание о налогоплательщиках качественно иное, чем то, которым когда-то руководствовались при принятии решений налоговые бюро.

¹¹ В частности, автор обошла вниманием понятия «дар», «реципрокность» и др., что я собиралась отметить в критической части, однако, уже закончив чтение этой книги, узнала о выходе новой монографии Л. Бьёрклунд Ларсен, в которой результаты нескольких её исследований (включая это) анализируются в контексте антропологических теорий реципрокности [Björklund Larsen 2018].

проводит параллели с работой Макса Глакмена о Замбии [Gluckman 1963], в которой он даёт локальное определение рациональности (*reasonableness*). Глакмен пишет, что в Замбии судья выносит вердикт на основании доказательств и практик обвиняемого, сравнивая поведение «рационального человека» в целом (в теории) и поведение «рационального человека» в ситуации, в которой действовал обвиняемый. Примерно так же, показывает Бьёрклунд Ларсен, принимают решения и современные шведские аудиторы.

Так в Эребру появилась надёжная и разумная цифра — $x^0\%$ налогоплательщиков, неверно вычитающих расходы, которая в формате x/s была передана в штаб-квартиру Ведомства рабочей группе проекта, шокировав и смутив аналитиков. Результаты ВАП не только решительно противоречили итогам опроса, но и не позволяли сделать каких-то выводов относительно динамики явления. Таким образом, в результате самого масштабного аудита была получена одновременно и надёжная, и сомнительная, спорная цифра. Статистически был получен хороший материал, но в нём не оказалось ни точности, ни аккуратности, поскольку налогоплательщики, как, в принципе, большинство людей, не делают того, что они говорят, что делают.

Последняя глава книги (см. главу 4 «Публиковать или не публиковать? Обсуждение и легитимизация соображений, относящихся к выводам отчёта», р. 141–167) — это насыщенное описание эмоций, реакций и дискуссий, которые вызвал отчёт на разных уровнях Ведомства, хотя, как и в случае с аудитом, доступ Бьёрклунд Ларсен к наблюдению был ограничен в силу сензитивности обсуждаемых проблем. Наибольшие волнения вызывали вопросы «кто?», «почему?» и «что делать?»:

- несмотря на все усилия по ограничению выборки, руководство налоговой службы опасалось, что в случае публикации отчёт будет воспринят как попытка Ведомства связать налоговые нарушения с предпринимателями как гомогенной группой, а готовность платить налоги (*tax compliance*) окажется «моральным» водоразделом между разными категориями налогоплательщиков;
- результаты проекта не смогли объяснить, почему люди совершают ошибки при ручном вводе данных, поэтому публикация отчёта несла в себе подрывной потенциал. Проблема для Ведомства заключалась в том, что на практике аудиторы стремятся к компромиссу и иногда становятся на сторону налогоплательщика, а не закона. Они исходят из того, что ошибки совершаются как по незнанию, так и наудачу, но отличить одно от другого в процессе проверки практически невозможно. Опытные проверяющие утверждают, что среди предпринимателей всегда находятся те, кто искренне считает, что деятельность, которую они ведут в нерабочее время, не подлежит налогообложению. Фермеры уверены, что могут потреблять в домохозяйстве производимую на продажу сельхозпродукцию или пользоваться снегоуборочной машиной, купленной на средства ИП, для расчистки подъезда к жилому дому. В то же время один из аудиторов, участвовавших в проекте, отмечал, что очень немногие корректировки проверяющего становятся для предпринимателей полной неожиданностью. Так или иначе, большая часть нарушений преследует не столько цели налоговой оптимизации, сколько экономии ресурсов и зарабатывания дополнительных денег. Среди аудиторов нет единой позиции относительно того, принесёт ли пользу жёсткое преследование таких нарушителей и не будут ли предприниматели компенсировать потери за счёт мошенничества в других сферах. Одна из информанток Бьёрклунд Ларсен предположила, что нарушения — это ответ предпринимателей на то, что они считают *несправедливым* по отношению к себе (р. 151). Особенно это касается расходов, которые подлежат вычету в случае наёмных работников, но не подлежат — в ситуации предпринимателей;

— действующее законодательство ставит Ведомство в сложную ситуацию. Отсутствие чёткого регулирования заставляет налоговиков каждый раз думать о том, где провести границу; но даже когда буква закона ясна налогоплательщику, практика демонстрирует другое понимание справедливости. Если до 1991 г. существовал чёткий перечень того, что облагается налогом, то после объектом налогообложения стало всё, что не входит в состав исключений. Решением могло бы быть введение единой ставки налога, но для многих в современной Швеции она неприемлема, поскольку подрывает идею единства правил для всех налогоплательщиков; её проще контролировать, но она несправедлива. Отчёт, вносящий неясность и наводящий на размышления о несовершенстве законодательства, по мнению руководства Ведомства, вряд ли укрепил бы репутацию налоговой службы. Она слишком тяжело зарабатывала доверие общества, чтобы рисковать и раскачивать лодку. Руководству казалось разумнее бездействовать и похоронить результаты отчёта, чем позволить широкой публике интерпретировать их непредсказуемым образом. Так всё, что налоговая служба не могла контролировать, было спрятано от рядовых налогоплательщиков «под ковёр». Однако результаты проекта побудили Ведомство активнее искать способы установления контроля над некоммуницируемыми проблемами и минимизации возможностей совершения предпринимателями как случайных, так и умышленных ошибок.

Итоги и размышления

Таким образом, в повседневной работе Ведомство принимает на себя риски интерпретации закона, и, чтобы правоприменение было легитимным в глазах шведов, Skatteverket старается опираться на ценности, разделяемые обществом, идёт на кооперацию с налогоплательщиками. В то же время налоговая служба не может отказаться от своих ценностей единства процедуры и надёжности. Бьёрклунд Ларсен приходит к выводу, что именно в результате этой комбинации технологий, человеческого действия и противоречащих друг другу ценностей формируется желание платить налоги, поддерживается налоговая дисциплина, создаётся эффект реализации принципа «честный вклад каждого» и укрепляется уверенность в том, что любой потенциальный «безбилетник» будет выявлен. Мостиком между жёсткими ценностями стандартных процедур аудиторской проверки и мягкими ценностями кооперации во взаимодействии с налогоплательщиками является *справедливость* — то, чего налогоплательщики всех времён всегда требовали в отношении себя, своего вклада и того, что получают в обмен на участие.

Существует множество ситуаций, которые не разрешены законом, но в них проявляются общественные ценности. Например, в Швеции, с её строгим контролем над доходами, граждане активно практикуют бартер, чтобы снизить издержки. Ведомство знает и разрешает множество повседневных оптимизирующих практик населения, основанных на принципах взаимопомощи, поддержки, безопасности, хотя и не говорит об этом публично. Бьёрклунд Ларсен считает: между Ведомством и обществом достигнуто негласное соглашение: мы, Skatteverket, не говорим о том, что знаем, и не предпринимаем ответных мер до тех пор, пока ваша налоговая оптимизация не является слишком очевидной и настойчивой.

В том, как Ведомство балансирует ценности, есть определённая логика. Жёсткие ценности (следование букве закона и процедуры, экономическая калькуляция) больше проявляются во внутренней деятельности и аудиторских проверках, мягкие (эмпатия, справедливость, разумность, сотрудничество) — во внешних взаимодействиях и коммуникациях Ведомства. Жёсткие ценности помогают Ведомству получить надёжные цифры, легитимировать свою работу, показав обществу, что оно собирает «правильное» количество денег и объективно оценивает экономическую деятельность. С помощью «жёсткой» составляющей своих принципов Ведомство отделяет экономику от нравственных и общественных ценностей, но в то же время и в практике, и в публичном оправдании своей миссии полагается на мягкие принципы и неэкономические ценности, создавая сложную концепцию налоговой справедливости.

Иными словами, подытоживает автор книги, Ведомство постоянно «производит экономические оценки, которые пересматривает с учётом неэкономических ценностей» (р. 182). Бьёрклунд Ларсен нашла удачную, на мой взгляд, метафору, чтобы объяснить эти практики Ведомства: она говорит, что налоговый орган *креолизирует* разные ценности (экономические, культурные, социальные) с учётом тех изменений, которые происходят в шведском обществе. Именно эта креолизация позволяет Skatteverket оставаться на одной волне с населением, обретать и сохранять легитимность в его глазах.

Книга Лотты Бьёрклунд Ларсен — очень интересное событие по ряду причин. Во-первых, в современном мире, где антрополог может найти множество увлекательных объектов и тем, некоторые «поля» по-прежнему труднодостижимы. И штаб-квартира налоговой службы, несомненно, в верхних строчках моего виртуального списка труднодоступных полей. Во-вторых, немногие антропологи берутся за объяснение рутинной работы государственных органов. В-третьих, этнографы на практике нечасто обращаются к каллоновской идее «социотехнического агентства» (СТА). Перечень достоинств можно было бы продолжить, но я оставлю это читателю.

Слабыми местами книги, кроме уже отмеченного невнимания автора к антропологическим теориям обмена, мне кажется то, что рамка СТА остаётся для Бьёрклунд Ларсен все же декларативной. Исследовательница фокусируется на человеческом действии и очень редко говорит об агентности вещей. Она объясняет это тем, что хотя проведение исследования и стало возможным только благодаря СТА людей, технологий, устройств, компьютерных программ, знаний и т. п., принятие решения о публикации его результатов принималось людьми (р. 165). Исключение она сделала только для цифры ($x\%$) и зданий налоговой службы. И напрасно, поскольку краткий исторический очерк об участии зданий в формировании отношений налоговой службы с населением для меня оказался самой увлекательной частью книги (р. 51–56).

Однако, сосредоточившись на людях и их решениях, автор книги не попыталась расширить круг привлекаемых теорий. Даже с учётом того, что приводимые в книге данные уже пропущены через выбранное исследователем теоретическое сито, мне кажется, что понятия, используемые в других подходах (таких, например, как SCOT — Social Construction of Technology), могли бы существенно обогатить анализ.

На мой взгляд, книга выиграла, если бы автор подняла тему различных пониманий справедливости не в заключении, а — с учётом её центральности для отношений экономического обмена — намного раньше, и сделала бы это с привлечением этнографических аргументов. Слишком поздно Бьёрклунд Ларсен вводит и самую удачную свою находку — идею креолизации ценностей, которой легко было найти место в главе о практиках аудита.

При этом в книге много как смысловых, так и содержательных повторов (так, подробности случая Бергмана появляются в разных главах, как минимум трижды; несколько раз встречается отсылка к высказыванию Й. Шумпетера). Привлекло внимание и небрежение политической географией, из-за которого Львов оказался городом в Польше. Вероятно, ответственность за эти особенности монографии всё же отчасти лежит на редакторах. Остаётся надеяться: то, что не удалось и чему не нашлось места в «Формировании налогоплательщиков», Лотта Бьёрклунд Ларсен сделала фокусом своей новой работы «Справедливая доля налогов: фискальная антропология современной Швеции» [Björklund Larsen 2018].

Литература

- Björklund Larsen L. 2010. *Illegal Yet Licit: Justifying Informal Purchases of Work in Contemporary Sweden* (Stockholm Studies in Social Anthropology). Stockholm: Stockholm Universitet.
- Björklund Larsen L. 2012. Cleaning (in) the Swedish Black Market. *Anthropology in Action*. 19 (1): 8–21.
- Björklund Larsen L. 2013a. The Making of a ‘Good Deal’. *Journal of Cultural Economy*. 6 (4): 419–433.
- Björklund Larsen L. 2013b. Buy or Barter? Illegal yet Licit Purchases of Work in Contemporary Sweden. *Focaal. Journal of Global and Historical Anthropology*. 66: 75–87.
- Björklund Larsen L. 2018. *A Fair Share of Tax: A Fiscal Anthropology of Contemporary Sweden*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.
- Boll K. 2011. *Taxing Assemblages: Laborious and Meticulous Achievements of Tax Compliance*. PhD Thesis. Faculty Group of Technologies in Practice. IT University, Copenhagen.
- Boll K. 2014. Mapping Tax Compliance. Assemblages, Distributed Action and Practices: A New Way of Doing Tax Research. *Critical Perspectives on Accounting*. 25: 293–303.
- Boll K., Tell M. 2015. Proactive Public Disclosure: A New Regulatory Strategy for Creating Tax Compliance? *Nordic Tax Journal*. 2015 (2): 36–46.
- Callon M. 2005. Why Virtualism Paves the Way to Political Impotence: A Reply to Daniel Miller’s Critique of “The Laws of the Markets”. *Economic Sociology: European Electronic Newsletter*. 6 (2): 3–20.
- Gluckman M. 1963. The Reasonable Man in Barotse Law. In: Gluckman M. (ed.) *Order and Rebellion in Tribal Africa*. London: Cohen & West; 178–206.
- Law J. 2009. Seeing Like a Survey. *Cultural Sociology*. 3 (2): 239–256.
- Law J., Ruppert E. 2013. The Social Life of Methods: Devices. *Journal of Cultural Economy*. 6 (3): 229–240.
- Law J., Ruppert E., Savage M. 2011. *The Double Social Life of Methods*. CRESC: Goldsmiths Research Online. URL: <http://research.gold.ac.uk/7987/>
- Savage M. 2013. The ‘Social Life of Methods’: A Critical Introduction. *Theory, Culture & Society*. 30 (4): 3–21.

NEW BOOKS

Natalia Conroy

Creolization of Values: How Fair Taxation is Achieved for Everyone

Book Review: Björklund Larsen L. (2017) *Shaping Taxpayers: Values in Action at the Swedish Tax Agency*, New York; Oxford: Berghahn Books. 220 p.

CONROY, Natalia — Candidate of Sciences in History, researcher, Laboratory for Studies in Economic sociology (LSES), National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitckaya str., Moscow, 101000, Russian Federation; researcher, Laboratory “Sociology of Religion”, St. Tikhon’s Orthodox University. Address: 23B Novokuznetskaya str., Moscow, 115184, Russian Federation.

Email: nconroy@hse.ru

Abstract

Lotta Björklund Larsen’s new book is an ethnography written as a “social biography of things” which is not a rare case in modern Western anthropology. What makes this ethnography special is that the “thing” under study is a report by in-house analysts of the Swedish Tax Agency based on their own two-year research into errors made by small businesses in their annual tax returns. Of course, the anthropologist followed the Agency’s Task Force, not in order to understand why Swedish entrepreneurs make such mistakes, but to understand how the Agency obtains its information about tax compliance and uses it to motivate citizens to comply, and to what extent the Agency itself is shaped by taxpayers’ perceptions of fairness and by their ways of defining the boundaries between private and public and between household and business in everyday

life. Björklund Larsen claims that, because of the law’s inconsistency, Swedish auditors work as the law’s interpreters and develop artistic skills to balance two different sets of values—“hard” and “soft.” Hard values of controllability are used to legitimate audits, soft values of empathy help to show society that the Agency collects a “fair” amount of money. Even though the Agency appears to have been very successful in this “creolization” of values over the last few decades, the balancing is always very political and risky, and, in order to save its reputation and to maintain the trust of society in most ambiguous situations, the Agency prefers not to rock the boat and to brush research results under the carpet. I would highly recommend *Shaping Taxpayers* to anyone interested in knowledge production, technology, and government studies.

Keywords: taxpayers; tax compliance; para-ethnography; social life of things; Actor-Network Theory; Sweden.

References

- Björklund Larsen L. (2010) *Illegal Yet Licit: Justifying Informal Purchases of Work in Contemporary Sweden* (Stockholm Studies in Social Anthropology), Stockholm: Stockholm Universitet.
- Björklund Larsen L. (2012) Cleaning (in) the Swedish Black Market. *Anthropology in Action*, vol. 19, no 1, pp. 8–21.
- Björklund Larsen L. (2013a) The Making of a ‘Good Deal’. *Journal of Cultural Economy*, vol. 6, no 4, pp. 419–433.

- Björklund Larsen L. (2013b) Buy or Barter? Illegal yet Licit Purchases of Work in Contemporary Sweden. *Focaal. Journal of Global and Historical Anthropology*, vol. 66, pp. 75–87.
- Björklund Larsen L. (2018) *A Fair Share of Tax: A Fiscal Anthropology of Contemporary Sweden*, Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.
- Boll K. (2011) *Taxing Assemblages: Laborious and Meticulous Achievements of Tax Compliance*. PhD Thesis. Faculty Group of Technologies in Practice. IT University, Copenhagen.
- Boll K. (2014) Mapping Tax Compliance. Assemblages, Distributed Action and Practices: A New Way of Doing Tax Research. *Critical Perspectives on Accounting*, vol. 25, pp. 293–303.
- Boll K., Tell M. (2015) Proactive Public Disclosure: A New Regulatory Strategy for Creating Tax Compliance? *Nordic Tax Journal*, vol. 2015, no 2, pp. 36–46.
- Callon M. (2005) Why Virtualism Paves the Way to Political Impotence: A Reply to Daniel Miller's Critique of "The Laws of the Markets". *Economic Sociology: European Electronic Newsletter*, vol. 6, no 2, pp. 3–20.
- Gluckman M. (1963) The Reasonable Man in Barotse Law. *Order and Rebellion in Tribal Africa* (ed. M. Gluckman), London: Cohen & West, pp. 178–206.
- Law J. (2009) Seeing Like a Survey. *Cultural Sociology*, vol. 3, no 2, pp. 239–256.
- Law J., Ruppert E. (2013) The Social Life of Methods: Devices. *Journal of Cultural Economy*, vol. 6, no 3, pp. 229–240.
- Law J., Ruppert E., Savage M. (2011) *The Double Social Life of Methods*. CRESC: Goldsmiths Research Online. Available at: <http://research.gold.ac.uk/7987/> (accessed 15 January 2018).
- Savage M. (2013) The 'Social Life of Methods': A Critical Introduction. *Theory, Culture & Society*, vol. 30, no 4, pp. 3–21.

Received: March 12, 2018

Citation: Conroy N. (2018) Kreolizatsiya tsennostey: kak dostigaetsya nalogovaya spravedlivost' dlya kazhdogo [Creolization of Values: How Fair Taxation is Achieved for Everyone. Book review: Björklund Larsen L. (2017) *Shaping Taxpayers: Values in Action at the Swedish Tax Agency*, New York; Oxford: Berghahn Books. 220 p.], *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 19, no 2, pp. 195–208. doi: [10.17323/1726-3247-2018-2-195-207](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2018-2-195-207)

Р. Н. Абрамов

«Нам хватает!»: жизнь и приключения постсоветского рабочего класса, увиденные глазами зарубежного этнографа

Обзор книги¹: Morris J. 2016. *Everyday Post-Socialism. Working-Class Communities in the Russian Margins*. London: Palgrave Macmillan. 292 p.

**АБРАМОВ Роман
Николаевич** —

кандидат
социологических
наук, доцент
кафедры анализа
социальных институтов
департамента
социологии факультета
социальных наук
НИУ ВШЭ, старший
научный сотрудник
ФНИСЦ РАН. Адрес:
101000, Россия,
г. Москва, ул. Мясницкая
20.

Email: rabramov@hse.ru

Эта статья является рецензией на книгу этнографа Джереми Морриса «Повседневный постсоциализм: сообщества рабочего класса в российской периферии». Книга основана на этнографическом исследовании жизни и труда населения провинциального индустриального российского города Излучино в 2009–2012 гг. Дается характеристика советского и постсоветского феномена моногородов, которые в настоящее время часто имеют много социальных проблем. Автор анализирует социальное положение жителей Излучина и описывает их семейные, трудовые, биографические траектории. Исследование показывает важность перехода от советского к постсоветскому периоду для российского рабочего класса. В 1990-е гг. рабочие этого города утратили уважаемый статус и стабильную занятость и перешли в ситуацию выживания. Моррис анализирует философию населения Излучина, в центре которой находятся принципы «Нам хватает!» и «Жить можно!». Автор книги описывает биографические траектории различных поколений и касается семейных отношений. Между старшим и младшим поколениями жителей Излучина возникает недопонимание, связанное с различным видением своего места в социальной и профессиональной структурах. Рассматривается роль женщины в семьях рабочего класса, чья функция заключается в заботе и поддержании семейной целостности. Отдельно уделяется внимание трудовым отношениям на местных предприятиях; показана трансформация корпоративных культур местного бизнеса. На смену мягкому патернализму советских предприятий приходят жёсткие менеджерские модели управления. В книге содержится методическая рефлексия автора о его работе в качестве этнографа. Книга Дж. Морриса представляет интерес для социологов, антропологов, этнографов, специалистов по гендерным исследованиям и трудовым отношениям.

Ключевые слова: этнография; рабочий класс; малый город; повседневность; труд; гендер; постсоветский.

¹ Текст подготовлен для проекта «Этнография рабочего места» (Фонд Хамовники), URL: <http://khamovniki.ru/projects/etnografiya-rabochego-mesta.html>

Этнографическое освоение постсоветского пространства

Постсоветский мир для западных этнографов, антропологов и социологов на долгое время превратился в чудесную страну Эльдорадо, откуда, подобно сталкерам Стругацких, можно приносить «хабар» в виде исследований, статей, монографий и диссертаций, описывающих «жизнь других» — людей и сообществ, обитавших на осколках советской империи, чей ландшафт, архитектура и устройство повседневности, казалось, так сильно отличаются от западных. В основном бывший Советский Союз был и остаётся удобным пространством для антрополога — в большинстве мест не так опасно, как, например, на Ближнем Востоке, от Европы не так далеко, как до островов Тихого океана, имеется своя экзотика, но есть и близость к европейскому социальному и культурному контексту, а при этом беспронижаем имидж России как «мрачного бурого медведя», мечтающего о территориальном и военном реванше после конца советской империи. Внешний взгляд на российскую жизнь действительно нередко бывает точнее и глубже, нежели «туземный», поскольку объективная социальная и культурная дистанция формирует необходимое напряжение восприятия реальности, фильтр, с помощью которого здравый смысл (*common sense*) практики и способы мышления становятся проблематизированными и поддаются описанию. Конечно, есть опасность экзотизации исследовательского поля, но даже если это происходит, то обычно касается осевых точек реальности, лишь гиперболизируя их.

Антрополог Джереми Моррис² на первый взгляд относится к той же волне академических сталкеров, посвятивших значительную часть своей научной биографии изучению и пониманию провинциальной российской жизни, и жизни рабочего класса в малых городах страны. Результатом этих исследований стала книга «Повседневный постсоциализм: сообщества рабочего класса в российской периферии», где раскрываются жизненный мир и социальное устройство индустриального моногорода Излучино (Калужская область) в 2009–2012 гг.

Книга начинается, как пьеса, с кратких характеристик действующих лиц («Cast Characters»), основных и второстепенных, — информантов из Излучина, с которыми тесно общался исследователь. Для российского читателя сведения об информантах говорят столь же много об их жизненной ситуации и окружающей действительности, как «список кораблей» для Гомера. Это люди, связанные семейными узами, живущие в небольшом городе и имеющие ограниченные шансы для территориальной и социальной мобильности. Они всё ещё остаются в культурной среде рабочего класса, хотя некоторые из них создали или пытались создать собственный мелкий бизнес, уезжали в Москву на заработки или получили высшее образование и имеют «беловоротничковую» работу.

Саша: квалифицированный водитель автопогрузчика. Примерно 35 лет, старший сын Льва. Планирует между формальной и неформальной занятостью, но, в конце концов, интерпретирует формальную занятость как потерю независимости. В результате работает в качестве неформального таксиста («бомбила»), переместившись в неформальный сектор экономики [Morris 2016: VI].

Полина, примерно 25 лет, мерчандайзер электронных сигарет, пыталась начать новую жизнь в Москве, но встретила много трудностей и лишений, из-за чего вернулась в Излучино. Ей отвратительны инфантильные мужчины Излучина. Схожие дилеммы женской судьбы и у ее подруги Юлии [Morris 2016: VI].

«Тетьа Маша», примерно 60 лет, работает в качестве библиотекаря в местном Доме культуры» [Morris 2016: VI].

² Сведения об авторе исследования см. на его университетской странице: URL: [http://pure.au.dk/portal/en/persons/id\(075b3bed-2a7a-4c07-af5c-9632de377b6e\).html](http://pure.au.dk/portal/en/persons/id(075b3bed-2a7a-4c07-af5c-9632de377b6e).html)

После прочтения этих и других коротких характеристик участников исследования человеку, знакомому с жизнью российской провинции становится понятно многое об атмосфере, в которой проходило исследование.

Философия достаточности

В предисловии автора, которое называется «Долгий закат фабричных феодалов» («Preface: The Long Twilight of the Factory Fiefdoms»), Моррис рассуждает о специфике изучения рабочего класса провинциальной России и характеризует важный для этой части населения водораздел — ДО и ПОСЛЕ советской власти. При этом информанты Морриса не выделяют каких-то более дробных периодизирующих категорий и не рассуждают о том или ином финансовом и экономическом кризисе 1990-х гг., поскольку весь постсоветский период для Излучина — это постепенная утрата статуса промышленного моногорода и соответствующей трудовой идентичности его жителей. Ссылаясь на исследования позднесоветского и постсоветского сознания С. Ушакина, А. Юрчака, Д. Кроули, С. Рейд, О. Шевченко и С. Бойм, Моррис подчёркивает различия в их оптике восприятия времени, делая это через мнение и нарративы представителей городского образованного среднего класса и собственный взгляд, насыщенный исследовательскими впечатлениями, которые получены в ходе общения с жителями провинциального моногорода, преимущественно с рабочими и мелкими служащими. Моррис работает в жанре современной этнографии и пишет о «людях как о теориях или идеях» [Morris 2016: XIII].

Первая вводная глава книги «“Грошовой” приданое советской промышленной современности» («Introduction: The ‘Worthless’ Dowry of Soviet Industrial Modernity») продолжает введение и начинается как скандинавский хоррор — с авторского рассказа о том, что после почти часового пути от Калуги на старом автобусе, по плохой дороге, в компании примерно 20 пассажиров возник указатель «Излучино», за которым была видна местность, изрытая в ходе многолетнего производства цемента в этом городке. Потом на сцене появляются первые жители из числа пожилых людей Излучина, и ведут неспешный рассказ о состоянии промышленности и особенностях местной повседневности. Один из таких жителей — «Иван Иванович», скусающий пенсионер в ожидании внуков, готов поделиться собственным мнением о произошедшем с предприятиями города в перспективе глобальной геополитики, он с ностальгией вспоминает времена, когда даже при советской экономике дефицита в холодильниках жителей Излучина было столько «колбасы, что она портилась и её приходилось выбрасывать» [Morris 2016: 6].

Моррис отмечает, что жизненной философией его информантов стала философия не достатка, но достаточности, выражающаяся в формуле «Нам хватает!», то есть в концентрации на том, что есть сейчас, и этого вполне достаточно, для того чтобы более-менее жить, а не выживать, и турбулентность неопределённости 1990-х гг. уже осталась позади. Эта философия отличается от жизненных позиций образованного среднего класса из больших городов [Абрамов, Зудина 2009; 2010; 2012], который не желает мириться с имеющимся уровнем и качеством жизни, но ориентирован на его улучшение, пусть даже в сугубо потребительском измерении: следующий автомобиль, новый смартфон, холодильник или курорт должны быть лучше, престижнее предыдущих, а следующая должностная позиция — выше. Также социальный этнограф активно пользуется термином *Habitability* [Morris 2016: 9], который лучше всего переводится распространённой в России фразой, определяющей текущую ситуацию как «Жить можно!», тогда как в 1990-е гг., скорее, соответствующей высказыванию «Жить невозможно!». Термин *Habitability* (дословно — обитаемость) вобрал в себя чувство настороженности в отношении этого отчасти эфемерного, основанного на импровизированном эквilibриуме практик труда и повседневности времени, к которому определение «стабильность» практически не применимо, и в этом его отличие от определения позднесоветского времени как в первую очередь «застоя» [Klumbytė, Sharafutdinova 2015]. Иными словами, в сознании информантов Морриса существуют три эпохи: «ста-

бильное» время реального социализма; период выживания 1990-х гг.; терпимое время относительной понятности и безопасности, начавшееся в первые годы нового века. «Обитаемость» можно понимать как термин, отражающий хрупкие, неуправляемые и импровизированные формы и практики жизни людей на российской окраине.

Как показано в книге, между старшим и младшим поколениями жителей Излучина возникает недопонимание, связанное с различным видением своего места в социальной и профессиональной структурах. Например, для одного из молодых героев книги личная автономия, хобби и возможность менять источники заработка и не быть привязанным к рабочему месту важнее, чем «стабильность» постоянного найма и ощущения себя частью сплоченного трудового коллектива у представителей старшего поколения.

В этой же главе, как и во всей первой части книги, которая называется «Места и пространства» («Spaces and Places»), Моррис обращается к характеристике советского и постсоветского феномена моногородов, которые в настоящее время нередко являются социальной проблемой для региональной и федеральной власти. Обращаясь к работам Н. Зубаревич и других исследователей, этнограф вступает в дискуссию относительно определения провинциальной России как депрессивного пространства нищеты, безработицы и социального распада. Моррис полагает контрпродуктивной «демонизацию» [Morris 2016: 19] обычных людей, живущих в малых и моногородах. Впрочем, по его замечанию, схожие оценки рабочего класса как отмирающей архаичной социальной группы, олицетворяющей неэффективность и негибкость реального социализма, давались в странах бывшего советского блока Восточной и Центральной Европы. То, что происходило в Излучине в течение 1990-х и в начале 2000-х гг., можно назвать периодом полураспада деиндустриализации [Linkon 2013], и этот длительный период умирания «инфицировал» окружающее социальное пространство и сказался на сознании жителей данного моногорода.

Моррис предлагает ретроспективный взгляд на послевоенную историю Излучина, от строительства деревянных бараков на месте изб, сгоревших в ходе краткой оккупации вермахтом, до интереса Минсредмаша к этой местности и строительства панельного жилья в 1960–1970-е гг. Долгое время Излучино действительно было моногородом (хотя и имело статус посёлка городского типа), но в настоящее время здесь работают несколько предприятий, дающих примерно 2000 рабочих мест для местных жителей. Производственные площадки советских предприятий фрагментируются и руинируются, и на их территории появляются полуформальные малые бизнесы, занимающиеся кустарным производством или услугами — заправкой ацетиленовых баллонов, авторемонтом и т. п. Занятость на этих точках также чаще неформальная, зарплаты выдаются просто на руки.

Женщины из рабочего класса занимают особое положение на производстве и в семье. Одна из героинь исследования, Галина, является опытной работницей на производстве пластика и после выхода на пенсию своего мужа стала главной кормилицей в семье. Несмотря на низкую зарплату, она продолжает работать и ощущать привязанность к предприятию, не утратив профессиональной идентичности рабочей. Одновременно она выполняет домашнюю работу — готовит еду, присматривает за порядком, детьми и внуками, фактически объединяя как материальные, так и символические основы семьи [Morris 2016: 24]. Моррис отмечает высокую значимость труда для Галины, поскольку именно здесь она ощущает себя компетентной, востребованной, профессиональной, и для работодателя такой тип работницы — аккуратной, исполнительный и соблюдающей трудовую этику — должен быть удобен.

Изменчивое и постоянное в культуре труда

Патернализм был в центре управленческой и социальной политики советских предприятий, и сформировался особый моральный порядок отношений между работодателем и рабочими, где ключевым было

слово «авторитет» [Morris 2016: 32]. Этот порядок подразумевает взаимное понимание и демонстрацию уважения между рабочими и руководством предприятия, которые составляли вместе «трудовой коллектив», и — одновременно — понимание того, что условия труда недостаточно хороши. Возникла ситуация молчаливого компромисса между рабочими и управленческим звеном. В системе этих отношений социальные гарантии и социальные выплаты были не менее важны, нежели основная заработная плата. К тому же предприятие обеспечивало работников соответствующей социальной инфраструктурой, в том числе медицинским обслуживанием, культурным досугом, путёвками в санатории и, например, возможностью приобретения дефицитных товаров. Всё это исчезло вместе с распадом советской системы, и, по мнению Морриса, именно в этом проявились первые признаки прекариатизации труда «синих воротничков» в Излучине: после ухода Минсредмаша они остались предоставленными самим себе, к чему добавились общие для всей страны проблемы — хронические невыплаты зарплат, инфляция и массовые увольнения с разоряющихся предприятий.

Далее Моррис фокусируется на характере труда в малых бизнесах, возникших на остатках советской промзоны, где нередко работают без трудовых книжек, получая зарплаты наличными, без какого-либо учёта. Эти бизнесы появляются нередко как результат предпринимательских усилий бывших работников социалистических предприятий и действуют хаотично, то разоряясь, то открываясь снова и меняя профиль своей работы. Обычно на таких бизнесах численность занятых колеблется от 10 до 100 человек.

Рядом с Излучином всё ещё продолжает существовать натуральная форма хозяйствования, получившая распространение в 1990-е гг. Сельские жители старше 40 лет нередко пробавляются торговлей самогонном, сбором грибов и ягод с последующей их продажей за совсем небольшие деньги или даже сбором и сдачей лекарственных растений. Это, скорее, режим выживания, а не режим достаточности [Morris 2016: 37]. По возможности сельские жители перебираются в Излучино или куда-то ещё в городские центры, где есть работа.

Моррис рассуждает о связи между локальным и глобальным контекстами жизни Излучина и отмечает, что провинциальную Россию не следует исключать из глобальных цепочек производственных отношений: международные концерны нередко располагают свои промышленные филиалы в малых городах, туда приезжают европейские специалисты налаживать технологические линии, а местные жители включаются в международную торговлю, предлагая уникальные товары (например, выращивают гусей для рождественских столов жителей Скандинавских стран) [Morris 2016: 39]. К тому же и в малые города, и в сельскую местность направляются этнические мигранты, чей приток стимулируется бизнесом, заинтересованным в простой и послушной рабочей силе, не интегрированной в местный социальный контекст.

Характеризуя новые бизнесы, возникшие в Излучине в течение 1990-х гг., Моррис упоминает о важности патерналистских принципов отношений между предпринимателем и рабочими, такой формат им был знаком по советскому опыту и рассматривается ими как понятный в новых условиях. Так, именно идеологию «защиты» рабочего люда в ситуации перемен через предоставление постоянного найма исповедует один из местных бизнесменов, создавший небольшое производство пластиковых труб на останках минсредмашевского предприятия.

В целом можно сказать, что первая глава книги Морриса лишь развивает темы и идеи, относящиеся к характеру идентичности и повседневности Излучина, давая читателю возможность немного глубже понять устройство трудовых отношений на территориях промзон.

Вторая глава книги «Синеворотничковая индивидуальность после фабрики» («Blue-Collar Personhood³ After the Factory») посвящена сумеречной зоне непостоянной занятости в так называемой гаражной экономике, куда попали те, кто был подростками в позднюю перестройку и 1990-е гг., кто так и не нашёл себя в профессиональном смысле уже во взрослом состоянии. Таков один из героев этой главы — 35-летний Саша, поработавший на всех предприятиях, во всех мастерских и магазинах Излучина и нигде подолгу не задержавшийся. В социологии таких, как он, принято относить к прекариату или фрилансерам, но оба термина не слишком хорошо подходят к социологической классификации Саши: в первом «защита» интенция леволиберальных требований социальной защиты и постоянного найма, а второй больше ассоциируется со столичным веб-дизайнером, разрабатывающим креатив для очередного хипстерского медиа, или с девушкой, продающей онлайн крафтовые украшения. Саша не является ни тем, ни другим, ни третьим. Он своего рода «человек без свойств», ни от кого не ждущий помощи, стремящийся ни к чему не привязываться надолго и лишь продолжающий много лет вести жизнь 18-летнего выпускника школы накануне призыва в армию, который мается от безделья и находит то один, то другой случайный приработок. Нельзя сказать, что Саша является социальным маргиналом; он оставался по контракту в армии, затем вернулся, женился, у него двое детей, вместе с семьёй он живёт в 25-метровой комнате бывшего рабочего общежития в Излучине.

В этой главе Моррис даёт слово Саше и его друзьям — тем, кто не смог и не захотел продолжить трудовую династию и быть промышленными рабочими, как их родители, кто отказался примерять на себя определённый профессиональный статус (Саша говорит о себе так: «Я просто обычный парень, не рабочий»), однако при этом обладает широкими навыками ремонта всего и вся и предпочитает постоянному найму беспокойное дело нелегального таксиста. Опираясь на идеи М. Буравого, Моррис показывает, как в этом низовом экономическом сегменте размываются понятия «досуг» и «приработок», «дружеская взаимопомощь» и «оказание платных услуг», уходит в прошлое разделение времени труда и отдыха, основанное на фабричном трудовом ритме.

В советское время таких, как Саша, называли летунами из-за частой смены рабочего места и относились к ним с подозрением, считая нелояльными трудовому коллективу и предприятию, которое боролось с «текучкой кадров», предпочитая долгосрочную лояльность сотрудников. Однако непостоянная занятость Саши связана не только с его психологическими особенностями, но и с изменением условий труда на промышленных предприятиях Излучина, где социальные обязательства со стороны работодателей были полностью отброшены.

Моррис не отказывается от анализа отношений между предприятием и работником в новых условиях и показывает нестыковку взаимных ожиданий владельцев бизнеса и сотрудников: такие, как Саша, стремятся к самостоятельности, определённым образом ими понимаемой, а предприниматели считают подобных сотрудников конфликтными [Morris 2016: 58]. Саше и подобным ему трудно отказать в трудолюбии, просто они не могут найти свою нишу в системе постоянного найма. Как свидетельствует Моррис, знакомые Саши, работающие на цементном производстве, далеко не всегда понимают своего товарища, полагая, что он просто «дурит», вместо того чтобы осесть на одном рабочем месте. Между тем Саша попробовал себя и на современных гибких производствах, казалось бы, не обременённых советской патерналистской культурой; в частности, он устраивался на зарубежное автосборочное предприятие в Калужской области, корпоративная культура которого предполагала стимулирование рационализаторских предложений и низовых инициатив рабочих. По словам Саши, на деле это оказалось ложью. Он предложил внести изменения в инструкцию для сборщиков, что позволило бы повысить производительность труда. Однако менеджеры были озабочены буквалистским соблюдением инструк-

³ Используемое в названии главы слово *personhood* может быть переведено и как «субъективность», и как «личность», и как «индивидуальность», но ни один из этих переводов не отражает всей полноты содержания данного понятия.

ций, поэтому его инициатива не нашла поддержки, а сам труд рабочих жёстко контролировался, при этом не оставлялось пространства для творчества [Morris 2016: 65–67]. Так Саша разочаровался и в работе на современном производстве и вернулся в «сумеречную зону» самозанятости и свободы ремесла в духе DIY (Do It Yourself, или «Сделай сам»), а его философия труда стала опираться на принципы специфически понимаемой независимости и возможности творческой реализации различного рода задумок, связанных с ремонтом и улучшением окружающих вещей и машин.

Однако в этой же главе книги слышна и позиция работодателя — владельца и менеджеров одного из ведущих цементных заводов Излучина, прошедшего модернизацию и, с одной стороны, внедрившего современные технологии и методы управления, а с другой — унаследовавшего патерналистские черты советских предприятий — от организации питания до проведения конкурса, подобного «социалистическому соревнованию», и даже предоставляющего медицинскую страховку лучшим рабочим.

Моррис говорит о трансформациях труда на российских предприятиях в постсоветский период, ссылаясь на работы Л. Левинсона, Б. Кагарлицкого, С. Алашеева и С. Кларка. Он пишет о различиях в трудовой культуре советских рабочих (долгое время изолированных от глобального производственного контекста) и в культуре новых капиталистических предприятий. Ссылаясь на различные исследования, автор говорит о чувстве товарищества и особом типе автономии в сфере труда, которой обладали рабочие социалистического производства. Менеджерам необходимо искать компромисс с рабочими, тогда как в условиях капитализма, с одной стороны, возникла потребность в гибкости как особой социально-психологической характеристике работника [Абрамов, Климова 2010], а с другой — рабочие стали рассматриваться только как человеческий ресурс, который требуется подчинить жёстким инструкциям, минимизировав самостоятельность. Соответственно, менеджеры низшего звена — мастера, прорабы и начальники участков — теперь говорили от лица менеджмента, а не были, как раньше, частью сложной системы переговоров и компромиссов между руководством заводов и рабочими.

В целом данная глава показывает амбивалентность социальной и трудовой позиций работающих нового типа, отказавшихся от рутины постсоветского промышленного производства, но так и не нашедших себя в полной мере в других профессиональных сферах, а поэтому находящихся в пространстве «гаражной экономики», «сумеречной зоны» труда и занятости. Это далеко не всегда значит, что несостоявшиеся «синие воротнички», подобные герою этой главы Саше, ощущают дискомфорт, поскольку отключены от базовых социальных систем: неформальная занятость не даёт им возможности рассчитывать на пенсию, а зарабатывать на жизнь они могут исключительно до тех пор, пока физическое состояние организма позволит им «крутиться» и маневрировать в неопределённости труда.

«Гаражные» вселенные малого российского города

Третья глава книги называется «Неформальная экономика: уходя в подполье, но выходя из тени» («Informal Economy: Going Underground but Coming Out of the Shadow») и посвящена тому, что теперь можно назвать «гаражной экономикой», если только под экономикой подразумевается исходный смысл — способы ведения хозяйствования, а не монетарные отношения. В начале главы Моррис рассказывает читателю о том, что «русский гараж» — это явление, выходящее далеко за пределы функционального предназначения, то есть хранения автомобиля, но увязывающее вместе практики мужского братства, бесконечные «русские разговоры» [Рис 2005], обмен навыками, опытом и знаниями в разных прикладных областях, мелкий бизнес, а также семейный эскапизм. Гаражные посёлки возникли вместе с массовой автомобилизацией в 1970–1980-е гг., и наличие автомобиля и гаража долгое время рассматривалось как один из символов материального и социального благополучия, о чём свидетельствует социальный состав гаражного кооператива в известном фильме советского режиссёра Э. Рязанова.

В 1990-е и начале 2000-х гг. в гаражных городках возникли очаги неформальной экономики — ремесленные мастерские и авторемонты, что дало название целому феномену экономики, определив её как «гаражную», но функцию мужского клуба гаражи при этом сохранили. Моррис также говорит об особой материальной среде гаража, составленной из запасных частей автомобилей, старых механизмов и велосипедных рам. Это то, что можно принять за технический мусор, но что сами владельцы считают «ценнее золота» [Morris 2016: 88]. Моррис также интерпретирует «русский гараж» как пространство изобретательности и инновационного мышления, которое владельцы гаражей применяют для того, чтобы приспособить что-то из старого железа к новым нуждам, раскрыть свой творческий потенциал. Безусловно, гараж стал местом производства новой трудовой автономии, связанной с практиками неформальной экономики, в том числе с услугами по авторемонту, незарегистрированному производству пластиковых окон; используются гаражи и как стоянка автомобилей «цыганского такси» и т. д.

Как уже говорилось ранее, книга Морриса имеет собственную сложную композицию: в центре повествования каждой главы находятся жизненные истории и практики повседневности одного-двух героев. В третьей главе такими героями стали Ваня и Маша, супружеская пара, а также Женя и Никита. Эти люди связаны между собой гаражным миром. Для Маши гараж является и проблемой, и решением: с одной стороны, муж уходит из семьи, поскольку «возится» в гараже круглые сутки, а с другой — она знает, где именно он находится, и даже если он переберёт с алкоголем, то не пропадёт неизвестно куда, как муж одной из соседок, у которого нет гаража, и, уходя в запой, он пропадает из поля зрения супруги [Morris 2016: 91]. Молодые жители Излучина Никита и Женя находятся в сложных отношениях обмена, услуг и взаимопомощи, разворачивающихся на фоне общей заботы об автомобилях, хранящихся в их гаражах; эти отношения не имеют монетарного измерения, а являются формой «гаражного товарищества». Для них гараж — это и кафе, и мужской клуб по интересам, и возможность быть независимыми. Отчасти в гараже они продолжают ощущать себя подростками, над которыми не довлеет ответственность за семью и работу.

Для Морриса важной является территориальная локация гаражных кооперативов, которые, как правило, располагаются на окраинах населённых пунктов, на пустырях и вдоль железнодорожного полотна, то есть в пазухах города, куда редко добираются цивилизация и власть в виде патрульных полицейских или муниципальных служб. Это одновременно и пространство риска и опасности, поскольку лабиринты гаражей удобны для совершения преступлений, и интимное убежище от проблем внешнего мира — проблем с работой, безденежья и жалоб жены. Моррис активно рассуждает о маргинальности этого места, находящегося «на задах» городской цивилизации, однако, пожалуй, называть гараж маргинальным пространством — это ошибка, поскольку он стал значимой частью мужской культуры жителей России вместе с рыбалкой и охотой. На это указывает и сам автор исследования, говоря о роли гаражной социализации для «синих воротничков», обретения ими особого рода компетенций и умений общаться и возиться с техникой, быть независимыми и включёнными в мужское братство.

В этой главе хорошо описана раздвоенность трудовой идентичности обитателей гаражного мира: с одной стороны, многие из них сохраняют привязанность рабочим профессиям и постоянной занятости на местных предприятиях, а с другой — пытаются найти собственную нишу автономного приложения умений и мастерства, в которой они ощущали бы себя свободными от внешнего контроля. Частая смена форм занятий сопровождается сильной вовлечённостью в «гаражную экономику», и одно из популярных занятий здесь — предоставление услуг такси без официальной регистрации. Для многих такой путь является хорошей возможностью поддерживать маскулинные практики рабочего класса без того, чтобы работать на фабрике [Morris 2016: 107], то есть быть гибким и мобильным, самому распоряжаться своим временем, хотя и теряя в стабильности заработка. По сути, это возвращение к формату жизни молодого человека накануне призыва в армию, находящегося в вечном статусном транзите. Однако, согласно Моррису, это не отменяет базовой идентичности рабочего класса, где экономическая

выгода от многочисленных подработок порой менее важна, нежели поддержка товарищеских отношений и возможность реализации имеющихся навыков DIY [Morris 2016: 113–114]. К тому же метапрофессиональная идентичность, по мнению автора исследования, тесно связана с маскулинностью; как говорят сами информанты, быть настоящим мужиком значит уметь делать много вещей и не теряться в сложных ситуациях [Morris 2016: 115]. В книге подробно разбирается пример с самостоятельным изготовлением домашнего аквариума большого объёма, в котором приняло участие несколько членов «гаражного братства», и каждый из них смог продемонстрировать мастерство, изобретательность и смётку — умение использовать подручные материалы и инструменты для изготовления новых вещей [Morris 2016: 116]. Это хорошо раскрыто в известном антропологическом и арт-проекте В. Архипова «Вынужденные вещи» [Архипов 2003].

В заключение Моррис рассуждает в этой главе о роли моральной взаимной поддержки маргинализованными представителями рабочего класса в условиях общего социального равнодушия (а иногда и презрения) к этой социальной группе. Находясь под прессом жёсткого менеджмента на основной работе или уйдя в мир неформальной экономики, рабочие тем не менее сохраняют свою метапрофессиональную идентичность, обживая пограничные территории гаражных кооперативов, превращая их в мир мужского братства, где ценятся взаимопомощь, товарищество и уникальные навыки мастерского и изобретателя, по своей творческой составляющей сопоставимые, пожалуй, с креативными индустриями глобальных мегаполисов или даже технопарками Кремниевой долины. Отличием, правда, является внеэкономическая мотивация «гаражников» Излучина: для них такая деятельность самоценна и помогает выстраивать моральные классификации в отношениях друг с другом.

Реалии «женского королевства»

Четвёртая глава книги «Женское королевство? Аффект, забота и гендерная реорганизация труда» («A Woman's Kingdom? Affect, Care and Regendering Labour») переключает внимание читателя с преимущественно мужского мира рабочих Излучина на мир женский, не менее важный для понимания устройства повседневности малого российского города. Эта глава начинается чеховско-вампировскими мотивами: «Мы с Галиной Вильгельмовной сидим на её кухне и едим борщ, перед тем как она отправится на вечернюю смену в цех завода “Полимер”. Её зарплата «синего воротничка» составляет 20 тыс. руб. в месяц, или 540 дол. (по курсу на момент исследования), что наряду с небольшой пенсией составляет всё, чем она должна поддерживать своего мужа-пенсионера, взрослую дочь Елену с годовалым ребёнком и собственную престарелую мать» [Morris 2016: 123]. Затем идёт описание жизни семьи Елены Вильгельмовны, в котором находится место жалобам на низкий урожай помидоров в этом году и другим обыденным вещам.

Переходя к трудовой роли Елены Вильгельмовны, Моррис говорит о сочетании её «мужской» и «женской» ролей рабочего, поскольку, с одной стороны, она выполняет свою основную рабочую функцию, а с другой — участвует в облагораживании (*beautification*) пространства, где трудится, помогая поддерживать газоны на территории предприятия и осуществляя благоустройство своего рабочего места — разводя кактусы и другие комнатные растения. Автор исследования позицию заботы Елены о семье и работе описывает в терминах «трудной любви», когда получатель заботы может не только не просить о ней, но даже, кажется, и не нуждаться в ней или не знать о ней [Morris 2016: 126]. Смыслом жизни Елены становится любовь как «нужность», востребованность другими [Morris 2016: 127].

Работа и привязанность к идентичности «синих воротничков» является важным компонентом психологической самотерапии для работниц старшего поколения, таких как Елена или её коллега Галина. К тому же на предприятиях, подобных «Полимеру», нередко низовой производственный процесс владельцы и менеджмент пускают на самотёк, поскольку заинтересованы в прибыли [Ильин 1996], и тогда

его организация ложится на плечи опытных рабочих, в данном случае Елены и Галины. Моррисом дискутируется тезис о том, что распад социалистического гендерного контракта и трудовой мобилизации женщин ведёт к тому, что в новых условиях они предпочтут вернуться к роли домохозяек. Для Морриса важно, что работа — столь же важный центр женской социализации и объект «трудной любви», как и семейный круг героинь его книги.

Следующая героиня исследования относится к младшему поколению; это дочь Елены Вильгельмовны — Елена, которая работала в детском саду, а потом стала матерью-одиночкой, зависимой от заботы родителей. Она уже не столь жёстко привязана к работе, как поколение её матери, и вполне спокойно воспринимает своё домашнее пребывание в декретном отпуске, не стремясь к выходу на рынок труда.

Далее Моррис раскрывает трудовые и личностные стратегии двух молодых женщин, которые выросли и начали свой профессиональный путь уже в постсоветское время и попытались расстаться с «синеворотничковой идентичностью». Юлия работает в колл-центре в Калуге и получает образование детского психолога, а её подруга Полина работала в Москве в качестве мерчандайзера электронных сигарет. Моррис отмечает общее для его героинь отвращение к своему провинциальному и классовому происхождению, сквозившее в нарративах Юлии и Полины. Они относились с презрением к любому виду «синеворотничковой» работы, а также к мужчинам этого города, которых полагают инфантильными. Обе подруги видят в получении высшего образования возможность перейти на следующую ступеньку социальной лестницы, хотя пока их трудовой и профессиональный статусы не определены. Этнограф довольно много места уделяет личной жизни Полины и Юлии и соглашается с финскими исследователями [Salmenniemi 2014], что российская женщина находится в противоречивой позиции: с одной стороны, ей важно быть самодостаточной и иметь широкую личную автономию, а с другой — она ожидает эмоциональной поддержки от своего мужчины-партнёра и материнской помощи. В целом же отмечается переходный характер профессиональной и гендерной идентичности Полины и Юлии, которые олицетворяют собой одну из стратегий адаптации к неолиберальному миру постсоветской экономики.

Завершается четвёртая глава историей Кати и её семьи, приехавшей в Излучино для работы на местных предприятиях. Катя после получения высшего образования в Калуге стала дипломированным менеджером и, вернувшись в Излучино, смогла получить относительно престижную по местным меркам должность бухгалтера на одном из небольших предприятий города. Свою жизнь она определяет через достижения, среди которых высшее образование, карьера и рождение ребёнка. При этом она рассуждает о лени многих жителей Излучина, не желающих получать дополнительное образование и игнорирующих должностные инструкции на своём рабочем месте. Я слышал подобные рассуждения предпринимателей и топ-менеджеров региональных предприятий малого и среднего бизнеса: они говорили о лени рабочих, об отсутствии у них мотивации к развитию и о нежелании быть полезными для компаний. Для них рабочие — малопонятная и требующая постоянного мелкого надзора масса, которая, скорее, мешает, нежели помогает, развивать бизнес. Дистанция нередко была тем сильнее, тем ближе по своему исходному социальному происхождению находились предприниматели и менеджеры к «синим воротничкам»; их родители нередко были обычными рабочими или низовыми техническими сотрудниками на советских заводах, однако дети нарочито дистанцируются от рабочей идентичности, видя себя «цивилизаторами» как в технологическом плане, так и в социальном. Катя — именно такой пример: в одной из бесед с автором исследования она сетует на слишком гуманное отношение руководства её предприятия к сотрудникам, что ведёт к падению трудовой дисциплины. При этом она полагает себя незаменимой и субъектом заботы на предприятии — к ней «ходят поплакаться в жилетку», она пытается помочь всем. В этом отношении она может рассматриваться как преемница работниц старшего поколения, чья идентичность также строилась на распространении своей заботы на окружающий мир.

В заключение Моррис подчёркивает, что его кейсы — это, скорее, успешные примеры личной и профессиональной реализации, тогда как многие женщины Излучина вынуждены перебиваться на низко-статусных и низкооплачиваемых должностях уборщиц и разнорабочих, поэтому, как и многие мужчины молодого возраста, относительно легко фланируют между постоянной занятостью и переходом в неформальную экономику.

Исчезающее наследие советского и повседневность малого города

В пятой главе Моррис продолжает использовать разработанный им приём драматургической экспликации различных городских социальных типов, населяющих Излучино. Эта глава посвящена пожилым людям и называется «Живое настоящее: травма и ценности терпения у стареющих людей» («Unhomely Presents: Trauma and Values of Endurance Among Older People»). Впрочем, под стареющими людьми (*older people*) исследователь понимает тех, кому в момент полевой работы было около 50 лет, кто родился в 1950–1960-е гг. и начал свой трудовой путь в 1970–1980-е гг., как одни из главных героев этой главы — квалифицированный сварщик Лёва и его жена Маша. В главе речь идёт о ностальгии и исторической травме, связанной с коррозией и утратой идентичности «настоящего рабочего класса», которой были наделены рабочие, вступавшие в трудовую жизнь в 1970-е гг., когда продолжалась модернизация советских производств и на многих предприятиях реализовывались значительные по объёму социальные программы для персонала. Всё это закончилось в 1990-е гг., и люди этого поколения вдруг оказались «в другой стране», которая была далека от привычного мироустройства. В этот период пространство промышленного социализма стало увядать и сокращаться, как шагреновая кожа. Объекты социальной инфраструктуры приходили в руинированное состояние, а вместо крупных производственных предприятий возникали непонятные мелкие фирмочки и полукустарные мастерские. Согласно Моррису, поколение 50-летних рабочих стало воспринимать это пространство как территорию горя и фантомной боли по утрачиваемой идентичности. Впрочем, работа и отношения на микроуровне трудовой ячейки отчасти стали убежищем для Лёвы и других героев этой главы. Трудовые отношения одновременно воспринимались ими и как патерналистские, и как антименеджералистские [Morris 2016: 153], то есть социальное наставничество руководства предприятия должно бы сочетаться с минимизацией формального жёсткого управленческого контроля, но строиться на компромиссах и договорённостях, что довольно сложно организовать в новых условиях капитализма.

Ностальгия по позднему советскому времени и пространству советского предприятия принимает вполне материальные формы; например, техник Маша разводит кактусы на подоконниках цехов и подсобок небольшой производственной фирмы, как делала это в 1980-е гг., когда пришла работать на этот завод. В сознании рабочих данного поколения существует разделение времени на «время ДО» и «время ПОСЛЕ». При этом «время ДО» служит олицетворением стабильности и заботы о трудовых людях, а «время ПОСЛЕ» — это своего рода дикое безвременье с неопределённостью и травмой поломанной идентичности.

Исчезающие знаки прошлого в городской среде для старшего поколения рабочих, живущих в городе, также являются символом печального конца советского времени. Моррис приводит пример: в начале 1980-х гг. у одной из главных рабочих столовых Излучина была установлена скульптурная композиция, выполненная из жести и нержавеющей стали, — чаепитие с самоваром. В 2009 г. она была сдана в металлолом одним из руководителей местного ЖКХ. Сама столовая примерно тогда же закрылась и стала магазином китайских товаров и одежды. Для информантов антрополога, которые помнили вкусные пирожки и недорогое меню советской столовой, снос скульптуры и закрытие столовой стали ещё одним звеном «проклятой цепи» утрат их прошлого.

Еда и особенно главный её позднесоветский символ — колбаса⁴ занимают отдельное место в мышлениях и жизни рабочих этого поколения. Для них, например, важно, что в советское время «холодильники ломались от мяса», хотя они и признают, что причина этого изобилия крылась в особом («минсредмашевском») режиме снабжения города, тогда как в 1990-е гг. холодильники опустели или там хранились варенья и овощи собственной консервации. Соответственно новый период относительной стабильности и изобилия связывается с тем, что стали больше есть покупных продуктов и мясо снова стало доступным. В целом, отмечает Моррис, дешёвое, сытное и изобильное питание является важным признаком благополучия рабочего класса и частью гостеприимства, объектом которого стал и исследователь, побывав в гостях у Лёвы и других излучинских семей [Morris 2016: 159].

Антрополог использует понятие «социальная травма», заимствованное из работ С. Ушакина (см.: [Oushakine 2000]), для описания состояния семьи Лёвы в 1990-е гг. Социальная травма была результатом не точечного, короткого по времени события, но протяжённой стагнации и распада промышленного и социального наследия советской эпохи. Эта травма включает непривычное для советского рабочего класса состояние незащитности, неопределённости внешней среды и непредсказуемости будущего, что воспринимается чрезвычайно болезненно. Семейный круг и разного рода внеэкономическая активность (например, готовка и консервация множества банок компота на зиму) стали эмоциональным убежищем от социальной травмы, в первую очередь для женщин. У мужчин есть гараж, дача, заводская мастерская и выпивка с друзьями — собственное пространство маскулинной социальности [Morris 2016: 169].

Травматичное руинирование советского пространства и советского институционального порядка затрагивало не только промышленные предприятия, но всю социальную инфраструктуру, в том числе школы, детские сады, центры культуры и парки, и этот видимый глазу распад придал дополнительную катастрофичность восприятию своей жизненной ситуации излучинцами, которым около 50 лет, чьё детство и начало трудового пути пришлось на бурное развитие города и производства. Закрытие столовой, превращение школьного бассейна в «заброшку» и жалкое существование местного дома культуры описываются информантами как «знаки беды» и распада всего их жизненного уклада. Это не значит, что Лёва или его жена активно занимались в кружках дома культуры или мечтают поплавать в бассейне; это значит, что привычная для них пространственная среда уходит в прошлое, разрушается.

Моррис останавливается и на роли алкогольных практик в поддержании мужского авторитета Лёвы, который рассматривает возможность уйти в запой как особую степень свободы, противостоящую новым капиталистическим формам найма, когда любой прогул может стать основанием для увольнения. Ссылаясь на российские и зарубежные работы, антрополог пытается найти объяснение природы и причин российского пьянства в среде рабочего класса, которое то ли было ответом на невозможность противостоять эксплуатации в сталинский период, то ли реакцией на социальную атомизацию горбачёвского периода [Morris 2016: 178]. Впрочем, таких причин и объяснений можно найти множество; ни одно из них не будет достаточно убедительным. Антрополог свидетельствует: в Излучине до сих пор принято выпивать на рабочем месте, и эта форма пьянства не рассматривается как алкоголизм, но как часть обыденной жизни значительной доли мужчин-рабочих. Моррис настаивает, что жизнь 50-летних рабочих нельзя сводить исключительно к пассивному спасению в период неопределённости 1990-х гг.; она была сложным конгломератом компромиссов, социальной травмы и поисков новой идентичности в сильно изменившемся мире.

Новые идентичности рабочего класса в меняющемся мире

Шестая глава книги называется «Нет страны для молодого человека: встречая неолиберализм в транснациональных корпорациях» («No Country for Young Man: Encountering Neoliberalism in Transnational

⁴ О сакральной роли колбасы в наборе продуктов питания советского человека см.: [Klumbyté 2010; Глущенко 2015].

Corporations») и начинается с рассуждений о статусной роли автомобилей российского и зарубежного производства (иномарок). Покупка новой иномарки вместо ржавого «ВАЗа», даже если это не самый престижный для 2011 г. «Nissan QASHQAI», отражает переход в новый социальный класс, где вместо случайных приработков и труда в полуподпольных гаражных мастерских имеются стабильный доход и «чистая работа». В центре рассмотрения в этой главе находится столь же важный переход одного из героев книги от статуса прекарного рабочего в кустарном цеху в статус «рабочей аристократии» — «синего воротничка» на высокотехнологичном сборочном производстве зарубежного автомобильного концерна, что, однако, не спасает от поиска пространства выживания. Впрочем, тема автомобилизма и его связи с социальным статусом не оставляется Моррисом без внимания: он подчёркивает объективную необходимость наличия автомобиля в таком населённом пункте, как Излучино, где машина нужна в том числе и для хозяйственных нужд. При этом обращается внимание на практическое чувство классовых различий у мужчин из Излучина, воплощённое в привязки модели автомобиля к статусу владельца. Например, один из героев исследования сказал в отношении приятеля, купившего корейский джип: «Не по Сеньке шапка», — имея в виду, что автовладельческие амбиции этого приятеля не соответствуют его реальному социальному статусу [Morris 2016: 194].

Далее Моррис возвращается к обсуждению динамики персональной идентичности нового поколения рабочего класса — тех, кто решил связать свою трудовую карьеру с занятостью на крупных совместных и зарубежных предприятиях, расположенных в Калужской области. Этот индустриальный кластер вырос благодаря удачному расположению региона, находящегося недалеко от Москвы — главного российского центра потребления, а также в результате умелой политики руководства области, ориентированной на создание сборочных площадок для транснациональных компаний. Моррис отмечает, что некоторые из жителей Излучина, выбравших путь работника в зарубежной компании, держатся особняком среди своих сверстников, оставшихся работать в городке, — возможно, опасаясь зависти.

Для героев этой главы важным стал совершенно новый опыт не только работы в новых технологических и организационных условиях, но и взаимодействия с иностранными менеджерами, чей стиль общения оказался отличным от того, к чему привыкли излучинцы. Настойчивость и требовательность этих менеджеров не выливались в крики и ругань, как это нередко бывало на российских предприятиях; «иностранцы» были спокойны и последовательны. При этом у рабочих из Излучина сохранялась тревожность, связанная в том числе с формальным менеджералистским подходом к промахам в процессе труда. Если на некоторых местных предприятиях на эти промахи закрывали глаза, что, впрочем, компенсировалось более низким уровнем оплаты труда, то зарубежные компании не испытывали угрызений совести по поводу штрафов или увольнений [Morris 2016: 202]. Впрочем, отсутствие «штурмовщины» и тейлористски организованный труд имели для информантов и свои преимущества: рабочие точно знали, сколько и за что они получают в данный конкретный момент времени и труд какого качества от них требуется.

Эти преимущества нивелировались недостатками, связанными с чрезмерно жёстким дисциплинированием трудового процесса, элиминированием автономии на рабочем месте и превращением производственного пространства в своего рода офшорные «государства в государстве», где действуют отдельные правила и инструкции и уволить могут просто за запах алкоголя, оставшийся от вчерашней вечеринки. Даже перемещение по этим закрытым промышленным зонам регламентировано и происходит только на корпоративном транспорте. Отчасти это напоминает советские «закрытые города», но, конечно, очень далеко от излучинских практик организации труда [Morris 2016: 205]. Встреча глобальной корпоративной культуры современного сборочного производства и привычных рамок труда и отдыха «слободского» типа, откуда нанимаются рабочие на иностранные предприятия в Калужской области, приводит к столкновению культур: для иностранных менеджеров необязательность и слабая трудовая дисциплина наёмных работников являются неприятным сюрпризом, а для рабочих жёсткий

формализм западного менеджмента выглядит как форма бесчеловечной эксплуатации трудящихся, осуществляемой к тому же в интересах западного капитализма. В целом можно сказать, что проблема кроется в отсутствии серьёзных исследований специфики российской трудовой культуры, результаты которых могли бы быть имплантированы в управленческие технологии, что позволило бы сформировать эффективную модель менеджмента, учитывающую местные реалии и современные технологии управления. Вместо этого чаще всего стандарты управления просто навязываются работникам.

Методическая рефлексия этнографа

Седьмая глава книги Морриса «Интимная этнография и кросс-культурные исследования» («Intimate Ethnography and Cross-Cultural Research») обобщает методический опыт исследователя и является важной для понимания сложностей и вызовов, с которыми сталкивался этнограф, работая в Излучине. Сам автор называет свой опыт эмоциональным трудом [Morris 2016: 215]. Моррис говорит о своём желании максимально полно и аутентично донести голоса и интерпретации информантов до читателей книги, хотя и понимает, что это порой невозможно в силу объективной дистанции между социальной реальностью и способностью исследователя аутентично её выразить. Этнограф пишет о том, что на первых этапах исследования ему удалось открыть для себя потаённые миры гаража и мастерских, поскольку информанты рассматривали его в качестве экзотического гостя-иностранца, которым можно «поделиться» с друзьями, и Моррис находился в роли «исследователя-талисмана». Постепенно, по мере адаптации к языковой среде и утраты статуса «экзотической новинки», автор книги смог избавиться от этой роли и до какой-то степени стать почти «своим» в Излучине. Этнограф детально описывает особенности взаимоотношений с различными информантами и надеется, что, несмотря на откровенность содержания книги, он не переступил черту профессиональной этики, раскрывая подробности личной и трудовой жизни своих героев. При этом Моррис говорит о том, что ему приходилось мимикрировать, особенно когда его информантами становились предприниматели и менеджеры местных предприятий: для них было важно, что он является иностранцем, образованным представителем среднего класса, то есть они могли не беспокоиться о том, что роняют свой социальный статус в процессе общения [Morris 2016: 218]. Этнограф отдельно отмечает, что в российском контексте статус иностранца-аутсайдера работает в пользу исследователя, перед ним открываются двери, которые закрыты для местных, и информанты легче раскрывают свою душу. Тут стоит вспомнить первые опыты посещения Московии зарубежными путешественниками в XVI–XVII веках или книгу Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году», где упоминается о насторожённости жителей страны по отношению к иностранцам, но одновременно и о готовности показать и рассказать о том, о чём местным не будут рассказывать или что не будут показывать.

Также Моррис рассуждает о разных типах этнографического наблюдения и не склонен поддерживать сторонников наблюдения, которые *a priori* исходят из жёстких теоретических рамок вместо того, чтобы следовать полевой динамике [Morris 2016: 222]. Свой подход Моррис обозначил как «интимную этнографию», которая предполагает глубокое погружение в жизненный мир информантов и разделение с ними большинства повседневных практик. Исследователь считает, что без этого невозможно полноценное изучение жизни людей рабочего класса в Излучине: нейтральность и дистанцирование создают риски редукционизма — сведения интерпретаций к простым марксистским формулам отчуждения и эксплуатации либо к характеристикам социальной и культурной маргинализации исследуемой группы.

Автор довольно много рассуждает о тяжёлой эмоциональной работе, которая сопровождает подобного рода этнографические исследования, и ссылается на опыт российского антрополога А. Гарифзяновой [Garifzianova 2010], которая провела впечатляющее исследование в среде воркутинских скинхедов. В заключение автор затрагивает проблему языковой компетентности, которая необходима при проведении столь погруженных этнографических наблюдений.

В восьмой главе, которая называется «Заключение: создавая привычную жизнь в малом российском городе» («Conclusions: Making Habitable Lives in Svall-Town Russia») и является заключением к книге, Моррис обобщает свои итоговые впечатления от излучинской экспедиции и подводит черту под своими эмпирическими наблюдениями, завершающая часть которых пришлась на 2012 г. Он отмечает, что одним из признаков относительной нормализации жизни «синих воротничков» Излучина стала, например, «сушимания» — общее увлечение адаптированной версией японской кухни в виде самостоятельного приготовления суши и роллов из имеющихся в продаже ингредиентов⁵. По мнению Дж. Морриса, так проявляется тяга к стилю жизни среднего класса и в то же время дают о себе знать традиции изобретательства в стиле DIY, поскольку локальная версия японской кухни довольно далека от оригинала. Далее, рассуждая об урбанистических особенностях изучения бывших советских промышленных моногородов, подобных Излучино, автор называет их полигонами, то есть испытательными зонами, где люди и социальные практики проходили и проходят испытания, сначала связанные с социалистическим индустриальным строительством, а потом и с его окончанием и распадом инфраструктуры, когда население вынуждено было превращаться из квалифицированных работников в «выживальщиков». В заключительной главе автор вновь напоминает о ключевой теме всей работы — о жизненной философии обитателей Излучина, которая может быть обобщена простым тезисом: «Нам хватает!» (или: «Нам достаточно!»). Население Излучина продолжает сочетать советские и досоветские практики натурального обмена и домашней сетевой экономики, различные формы низового изобретательства с попытками — иногда успешными, иногда нет — интеграции в новые режимы капиталистического труда и потребления; они устраиваются работать на современные предприятия, организованные по лекалам западного менеджмента, уезжают из Излучина в мегаполисы, в том числе в Москву, приобретают новые товары и новые консьюмеристские привычки. В действительности жизнь в Излучине нельзя назвать застойным болотом; это очень подвижная, по-своему динамичная и, безусловно, заслуживающая исследовательского внимания социальная и культурная среда русской провинции.

Заключение

Книга Дж. Морриса находится в ряду известных антропологических и этнографических исследований позднесоветского и постсоветского мира, которые были посвящены различным темам, в том числе странностям жизни Бурятии начала 1990-х гг. [Абрамов 2007; Хамфри 2010], дачной жизни Санкт-Петербурга [Ловелл 2008], перестроечным интеллигентским разговорам на московских кухнях [Рис 2005] и сравнительному изучению культуры закрытых атомоградов в СССР и США [Brown 2013], а также многому другому. Между тем в работе Морриса есть свои особенности, заставляющие внимательно отнестись к данному этнографическому исследованию.

Прежде всего, это работу Морриса отличает внимание автора к деталям и высокая степень погруженности в объект исследования, которая имеет и свои преимущества, и свои риски, охарактеризованные автором в заключительной главе книги. Сама по себе методическая рефлексия Дж. Морриса, касающаяся поиска равновесия между отстраненной позицией антрополога-иностранца и наблюдателя как участника жизни Излучина полезна для понимания проблем, с которыми сталкивается большинство исследователей, работающих в жанре социальной этнографии и качественной методологии в социологии. Главные риски кроются в нащупывании необходимой дистанции относительно объекта исследования, позволяющей, с одной стороны, давать обоснованные описания и обобщения, а с другой — не выглядеть «этнографом в пробковом шлеме». Однако такой подход даёт возможность характеризовать повседневность других социальных групп и классов без чувства цивилизаторского превосходства или снисходительной жалости. Тем не менее он не исключает отождествления себя с полем, когда снятие коммуникативной дистанции между информантами и исследователем, выход в пространство эмоцио-

⁵ О феномене популярности японской кухни в России в контексте глокализации см. также: [Абрамов 2010: 181].

нально насыщенных отношений влекут за собой сложные этические дилеммы. Похоже, Дж. Моррису удалось показать и проанализировать эти риски.

В настоящее время в России можно видеть взрывной рост популярности экспедиционной и полевой работы, которая ещё лет 15 назад была в основном уделом фольклористов, а отдельные полевые исследования трудовых отношений (преимущественно проводимых под эгидой Института сравнительных исследований трудовых отношений (ИСИТО) в 1990-е гг.) были, скорее, редкостью. Теперь же социальные географы, урбанисты, социальные антропологи и социологи активно открывают для себя «глубинную» Россию [Глазычев 2005], рассказывая аудитории о сельской жизни посёлков Костромской области [Ильин, Покровский 2016], изучая отходничество [Жидкевич 2016] и «гаражную экономику» Подмосковья [Селеев, Павлов 2016], вовлекаясь в жизнь городских сообществ [Жвирблис, Рудь, Герасименко 2017]. В этом отношении книга Дж. Морриса не просто становится ещё одним ценным источником сведений о повседневности российской провинции, но служит отличным пособием по тому, как можно проводить исследования, бережно сочетая теоретические перспективы с анализом полевого материала и методической рефлексией. Важным уроком этой книги является видимая трудоёмкость этнографической экспедиционной работы, которую невозможно провести десантной высадкой «в поля», быстрым сбором данных и последующим столь же быстрым переходом к публичной презентации полученного материала. Моррис делает «медленную этнографию», годами находясь в «своём» поле, и это сильно повышает качество и достоверность итогового текста.

Итак, можно констатировать, что книга Дж. Морриса — это большое и содержательно насыщенное исследование, работа, которая читается с интересом и, конечно, может служить важным методическим и даже теоретическим источником для антропологов, социологов и этнографов, занятых изучением российской жизни и рабочего класса.

Литература

- Абрамов Р. Н. 2007. Преодолевая джунгли постсоветской реальности. Рецензия на книгу: Humphrey C. The Unmaking of Soviet Life: Everyday Economies After Socialism (2002). *Экономическая социология*. 1 (8): 94–102. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2007-8-1/26593346.html>
- Абрамов Р. Н. 2010. Трансформация концепта массового общества в эпоху глобализации: российский контекст идеологии масскультуры. В кн.: Девятко И. Ф., Фомина В. Н. (отв. ред.) *Глобализация и социальные институты: социологический подход*. М.: Наука; 134–185 (гл. 5).
- Абрамов Р. Н., Зудина А. А. 2009. Люди XXI как рефлексивные консьюмеры: социологический анализ потребительского потенциала. *Практический маркетинг*. 9: 11–23.
- Абрамов Р. Н., Зудина А. А. 2010. Социальные инноваторы: досуговые практики и культурное потребление. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 6: 109–119.
- Абрамов Р. Н., Зудина А. А. 2012. Культурное потребление и досуговые практики «социальных инноваторов»: социологический анализ. *Вестник Удмуртского университета*. 3–1: 52–64.
- Абрамов Р. Н., Климова С. Г. 2010. Современный работник: концептуализация и эмпирическая проверка понятия. *Мир России: Социология, этнология*. 19 (2): 98–117.
- Архипов В. 2003. *Вынужденные вещи. 105 штукovin с голосами их авторов из коллекции Владимира Архипова*. М.: Типолигон.

- Глазычев В. 2005. *Глубинная Россия: 2000–2002*. М.: Новое издательство.
- Глушченко И. В. 2015. *Общепит. Микоян и советская кухня*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Жвирблис Л. В., Рудь Д. С., Герасименко А. В. 2017. Топография счастья: Курьяново. От искусственно созданного сообщества к самоорганизованному. *Научный результат. Социология и управление*. 3 (1): 49–57. URL: http://dspace.bs.u.edu.ru/bitstream/123456789/19644/1/Zhvirblis_Topografiya_17.pdf
- Жидкевич Н. Н. 2016. Социальный портрет современного российского отходника. *Журнал социологии и социальной антропологии*. XIX (1): 73–89.
- Ильин В. 1996. «Белые воротнички» в современной России: новые средние слои или конторский пролетариат? *Рубеж. Альманах социальных исследований*. 8–9: 98–122.
- Ильин В. И. Покровский Н. Е. (отв. ред.) 2016. *Горожане в деревне. Социологические исследования в российской глубинке: дезурбанизация и сельско-городские сообщества*. М.: Университетская книга.
- Ловелл С. 2008. *Дачники. История летнего жилья в России (1710–2000)*. СПб.: Академический проект.
- Рис Н. 2005. *Русские разговоры. Культура и речевая повседневность эпохи перестройки*. М.: Новое Литературное обозрение.
- Селеев С. С., Павлов А. Б. 2016. *Гаражники*. М.: Страна Оз.
- Хамфри К. 2010. *Постсоветские трансформации в азиатской части России (антрополог. очерки)*. М.: Наталис.
- Brown K. 2013. *Plutopia: Nuclear Families, Atomic Cities, and the Great Soviet and American Plutonium Disasters*. Oxford: Oxford University Press.
- Garifzianova A. 2010. Research Emotions: The View from the Other Side. In: Pilkington H., Omel'chenko E., Garifzianova A. B. (eds) *Russia's Skinheads: Exploring and Rethinking Subcultural Lives*. London; New York: Routledge; 200–210.
- Klumbyte N. 2010. The Soviet Sausage Renaissance. *American Anthropologist*. 112 (1): 22–37.
- Klumbyte N., Sharafutdinova G. 2015. Introduction: What Was Late Socialism. In: Klumbyte N., Sharafutdinova G. (eds) *Soviet Society in the Era of Late Socialism, 1964–1985*. Plymouth: Lexington Books; 1–15.
- Linkon S. L. 2013. Narrating Past and Future: Deindustrialized Landscapes as Resources. *International Labor and Working-Class History*. 84: 38–54.
- Morris J. 2016. *Everyday Post-Socialism. Working-Class Communities in the Russian Margins*. London: Plagrave Macmillan.
- Oushakine S. 2000. In the State of Post-Soviet Aphasia: Symbolic Development in Contemporary Russia. *Europe-Asia Studies*. 52 (6): 991–1016.

Salmenniemi S. 2014. The Making of Civil Society in Russia: A Bourdieuan Approach. *International Sociology*. 29 (1): 22–37.

Salmenniemi S., Adamson M. 2014. New Heroines of Labour: Domesticating Postfeminism and Neoliberal Capitalism to Russia. *Sociology*. 49: 188–105.

Roman Abramov

“It Is Enough!”: The Life and Adventures of the Post-Soviet Working Class Seen Through the Eyes of a Foreign Ethnographer

Book Review: Morris J. (2016) *Everyday Post-Socialism. Working-Class Communities in the Russian Margins*, London: Palgrave Macmillan. 292 p.

ABRAMOV, Roman — Associate Professor, Candidate Science in Sociology, the Analysis of Social Institutions Department, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics; senior researcher The Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.

Email: r Abramov@hse.ru

Abstract

This is a review of the new book by ethnographer Jeremy Morris entitled *Everyday Post-Socialism: Working-Class Communities in the Russian Margins*. The book is based on the ethnographic study of the life and work of the population of the provincial industrial Russian town of Isluchino in the period from 2009–2012. Characteristics of the phenomenon of Soviet and post-Soviet single-industry towns are given. These settlements have many social problems now because of the deindustrialization period during the 1990s. The author analyses the social positions of Isluchino’s inhabitants and describes their families, labors, and biographical traces. This study shows the importance of the transition from the Soviet to the post-Soviet period for the Russian working class. Workers lost their respected status and stable employment during the 1990s and moved to the survival mode, and the elderly and younger generations came to have misunderstandings

about the perceptions of their positions in the social and occupational structure. Morris speaks of the women’s role in working class families, describing how their function is to care for and maintain family integrity. The author pays special attention to labor relations at local enterprises and demonstrates the transformation of local businesses into corporate cultures. Rigid managerial models of the business administration changed former soft paternalism in the management of Soviet enterprises. The book also contains a methodological reflection of Morris on his professional role as an ethnographer. This book is of particular interest to sociologists, anthropologists, ethnographers, and experts in gender studies and labor relations.

Keywords: ethnography; working class; small town; everyday life; labor; gender; postsoviet.

Acknowledgements

The article is prepared for the research project “The Ethnography of the Working Place” (Khamovniki Foundation), <http://khamovniki.ru/projects/etnografiya-rabochego-mesta.html>

References

Abramov R. N. (2007) Preodolevaya dzhungli postsovetskoy real’nosti. Retsenziya na knigu: Humphrey C. The Unmaking of Soviet Life: Everyday Economies After Socialism (2002) [Overcoming the Jungles of Post-Soviet Reality. Book Review: Humphrey C. The Unmaking of Soviet Life: Everyday Economies After Socialism]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 8, no 1, pp. 94–102. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2007-8-1/26593346.html> (accessed 20 March 2018) (in Russian).

- Abramov R. N. (2010) Transformatsiya kontsepta massovogo obshchestva v ehpokhu globalizatsii: rossiyskiy kontekst ideologii masskul'ta [Transformation of the Concept of Mass Society in the Era of Globalization: The Russian Context of Mass Culture Ideology]. *Globalizatsiya i sotsial'nye instituty: sotsiologicheskii podkhod* [Globalization and Social Institutions: A Sociological Approach] (eds. I. F. Devyatko, V. N. Fomina), Moscow: Nauka: 134–185 (Ch. 5) (in Russian).
- Abramov R. N., Klimova S. G. (2010) Sovremennyy rabotnik: kontseptualizatsiya i ehmpiricheskaya proverka ponyatiya [Modern Employee: Conceptualization and Empirical Verification of the Concept]. *Mir Rossii = Universe of Russia: Sociology, Ethnology*, vol. 19, no 2, pp. 98–117 (in Russian).
- Abramov R. N., Zudina A. A. (2009) Lyudi XXI kak reflektivnye kons'yumery: sotsiologicheskii analiz potrebitel'skogo potentsiala [People of the XXI Century as Reflective Consumerists: Sociological Analysis of Consumer Potential]. *Practical Marketing*, no 9, pp. 11–23 (in Russian).
- Abramov R. N., Zudina A. A. (2010) Sotsial'nye innovatory: dosugovye praktiki i kul'turnoe potreblenie [Social Innovators: Leisure Practices and Cultural Consumption]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 6, pp. 109–119 (in Russian).
- Abramov R. N., Zudina A. A. (2012) Kul'turnoe potreblenie i dosugovye praktiki "sotsial'nykh innovatorov": sotsiologicheskii analiz [Cultural Consumption and Leisure Practices of "Social Innovators": Sociological Analysis]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, no 3–1, pp. 52–64 (in Russian).
- Arkhipov V. (2003) *Vynuzhdennye veshchi. 105 shtukovin s golosami ikh avtorov iz kolleksii Vladimira Arkhipova* [Forced Things. 105 Pieces with Voices of Their Authors from the Collection of Vladimir Arkhipov], Moscow: Tipoligon (in Russian).
- Brown K. (2013) *Plutopia: Nuclear Families, Atomic Cities, and the Great Soviet and American Plutonium Disasters*, Oxford: Oxford University Press.
- Garifzianova A. (2010) Research Emotions: The View from the Other Side. *Russia's Skinheads: Exploring and Rethinking Subcultural Lives* (eds. H. Pilkington, E. Omel'chenko, A. Garifzianova), London; New York: Routledge, pp. 200–210.
- Gidkevich H. H. (2016) Sotsial'nyj portret sovremennogo rossiyskogo otkhodnika [Social Portrait of the Modern Russian Migrant Worker]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. XIX, no 1, pp. 73–89 (in Russian).
- Glasichev V. (2005) *Glubinnaya Rossiya: 2000–2002* [Deep Russia: 2000–2002], Moscow: Novoe izdatel'stvo (in Russian).
- Glushenko I. V. (2015) *Obshchepit. Mikoyan i sovetskaya kukhnya* [Public Catering. Mikoyan and Soviet Cuisine], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Il'in V. (1996) «Belye vorotnichki» v sovremennoy Rossii: novye srednie sloi ili kontorskiy proletariat? [“White Collars” in Modern Russia: The New Middle Strata or the Office Proletariat?]. *Rubezh. Almanac of Social Studies*, no 8–9, pp. 98–122 (in Russian).
- Il'in V. I., Pokrovskij N. E. (eds) (2016) *Gorozhane v derevne. Sotsiologicheskie issledovaniya v rossiyskoy glubinke: dezurbanizaydiya i sel'sko-gorodskie soobshchestva* [Townspeople in the Village. Sociological

Research in the Russian Outback: De-Urbanization and Rural-Urban Communities], Moscow: Universitetskaya kniga (in Russian).

- Klumbytė N. (2010) The Soviet Sausage Renaissance. *American Anthropologist*, vol. 112, no 1, pp. 22–37.
- Klumbytė N., Sharafutdinova G. (2015) Introduction: What Was Late Socialism. *Soviet Society in the Era of Late Socialism, 1964–1985* (eds. N. Klumbytė, G. Sharafutdinova), Plymouth: Lexington Books, pp. 1–15.
- Linkon S. L. (2013) Narrating Past and Future: Deindustrialized Landscapes as Resources. *International Labor and Working-Class History*, no 84, pp. 38–54.
- Lovell S. (2008) *Dachniki. Istoriya letnego zhil'ya v Rossii (1710–2000)* [Summer Residents. The History of Summer Housing in Russia (1710–2000)], St. Petersburg: Academic Project (in Russian).
- Morris J. (2016) *Everyday Post-Socialism. Working-Class Communities in the Russian Margins*, London: Plagrave Macmillan.
- Oushakine S. (2000) In the State of Post-Soviet Aphasia: Symbolic Development in Contemporary Russia. *Europe-Asia Studies*, vol. 52, no 6, pp. 991–1016.
- Ris N. (2005) *Russkie razgovory. Kul'tura i rechevaya povsednevnost' ehpokhi perestroyki* [Russian Conversations. Culture and Speech Everyday Life of the Era of Perestroika], Moscow: New Literary Observer Publishing House (in Russian).
- Salmenniemi S. 2014. The Making of Civil Society in Russia: A Bourdieuan Approach. *International Sociology*, vol. 29, no 1, pp. 22–37.
- Salmenniemi S., Adamson M. (2014) New Heroines of Labour: Domesticating Postfeminism and Neoliberal Capitalism to Russia. *Sociology*, no 49, pp. 188–205.
- Selev S. S., Pavlov A. B. (2016) *Garazhniki* [Garages], Moscow: Country Oz (in Russian).
- Zhvirlis L. V., Rud' D. S., Gerasimenko A. V. (2017) Topografiya shchast'ya: kur'yanovo. ot iskusstvenno sozdannogo soobshchestva k samoorganizovannomu [Topography of Happiness: Kuryanovo. From an Artificially Created Community to a Self-Organized One]. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie = Research Result. Sociology and Management*, vol. 3, no 1, pp. 49–57. Available at http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/19644/1/Zhvirlis_Topografiya_17.pdf (accessed 20 March 2018) (in Russian).

Received: December 12, 2017

Citation: Abramov R. (2018) “Nam khvataet!”: zhizn' i priklyucheniya postsovetskogo rabocheho klassa, uvidennye glazami zarubezhnogo etnografa [“It Is Enough!”: The Life and Adventures of the Post-Soviet Working Class Seen by Through the Eyes of a Foreign Ethnographer. Book Review: Morris J. (2016) *Everyday Post-Socialism. Working-Class Communities in the Russian Margins*, London: Palgrave Macmillan. 292 p], *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 19, no 2, pp. 208–229. doi: 10.17323/1726-3247-2018-2-208-228

КОНФЕРЕНЦИИ

ХІХ Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества

10–13 апреля 2018 г.

ХІХ Апрельская международная научная конференция НИУ ВШЭ по проблемам развития экономики и общества состоится в Москве 10–13 апреля 2018 г. Её проводит Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» при участии Всемирного банка. Председателем Программного комитета конференции является научный руководитель НИУ ВШЭ профессор Е. Г. Ясин.

Программа секционных заседаний¹

СЕКЦИЯ В. СПЕЦИАЛЬНЫЕ СЕССИИ И КРУГЛЫЕ СТОЛЫ

10 апреля,
вторник
17:00–18:30
Аудитория
311, М-20

Сессия В-04. Почётный доклад А. А. Яковлева (НИУ ВШЭ) «Нестандартные институты, элиты и “реформы снизу”»

Исторический опыт многих стран показывает, что стандартные решения могут способствовать стабилизации в условиях кризиса, но они редко ведут к опережающему экономическому росту. Условия для устойчивого роста скорее создаются нестандартными решениями и нестандартными институтами. Примерами такого рода могут служить предоставление госсубсидий предприятиям в зависимости от их экспортной активности в Корее 1960–1980-х гг., «поселковые предприятия» (township & village enterprises) в Китае 1980-х гг., механизмы ГЧП в стимулировании диверсификации экспорта в Чили в 1980–1990-е гг., а также в развитии венчурной индустрии на Тайване в 1980-е и в Израиле в 1990-е. Однако такие нестандартные институты не возникают сами по себе. Обычно их появление становится возможным благодаря «инициативам снизу» и активности определённых представителей элиты, поддерживающих эти инициативы и действующих с согласия основных групп в правящей элите. В докладе будет показана логика формирования нестандартных институтов, создающих возможности для экономического развития, а также в терминах теории Норта, Уоллиса, Вайнгаста о «порядках ограниченного доступа» будет обсуждаться роль рент в возникновении таких институтов.

11 апреля,
среда
12:00–13:30
Аудитория
311, М-20

Круглый стол В-06/1. Стимулы к ведению академических и прикладных исследований и воспроизводство профессионального экономического сообщества. Организуется совместно с Ассоциацией независимых центров экономического анализа (АНЦЭА)

Председатель: А. А. Яковлев (НИУ ВШЭ)
Вопросы для обсуждения:

- Насколько сильно в России проявляются эффекты смещения в фокусе экономических исследований, обусловленные стимулами к публикации результатов исследований в международных журналах?

¹ Здесь приводится информация о некоторых наиболее интересных с точки зрения экономической социологии секциях (предварительная версия от 20.03.2018). С полной версией программы конференции можно ознакомиться на сайте: URL: <https://conf.hse.ru/2018/program/> — Примеч. ред.

- Какие механизмы могут обеспечивать связь академических исследований с решением практических прикладных задач?
- В силу каких причин квалифицированные эксперты продолжают вести академические исследования, не имея для этого формальных стимулов?
- Какие меры могут способствовать сближению российских исследований, двигающихся в русле мировой экономической науки и обсуждающих общемировые проблемы, и исследований, сфокусированных на проблемах российской трансформации – которые должны представлять самостоятельный и главный дискурс для российской экономической науки?

Участники: Л. М. Григорьев (НИУ ВШЭ), Е. Т. Гурвич (ЭЭГ), А. П. Заостровцев (Леонтьевский центр), Н. А. Волчкова (РЭШ/ ЦЭФИР), В. М. Полтерович (ЦЭМИ РАН)

СЕКЦИЯ DC. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Руководитель: А. В. Белянин (НИУ ВШЭ)

13 апреля,
пятница
10:00–11:30
Аудитория
328, М-11

Сессия Dc-13. Experimental Economics – 1

Председатель: А. В. Захаров (НИУ ВШЭ)

A. Nesterov (HSE)

Moral Wiggle Room Reverted: Information Avoidance is not Strategic

И. С. Меньшиков (ФИЦ ИУ ВЦ РАН), Д. Старков (МФТИ), А. О. Седуш (МФТИ), О. Р. Меньшикова (МФТИ)

Лабораторный анализ социальных и психофизиологических аспектов формирования информационных каскадов

A. Belianin (НИУ ВШЭ), M. Martinez-Saito (HSE)

Learning, Equilibrium Selection and Strategic Behavior in Auction Games

Я. В. Шокин (Университет «Дубна»)

Моделирование поведения потребителей с применением искусственных нейронных сетей

13 апреля,
пятница
12:00–13:30
Аудитория
328, М-11

Сессия Dc-14. Experimental Economics – 2

Председатель: А. В. Белянин (НИУ ВШЭ)

S. Oestbye (UiT)

History versus Expectations in Economic Geography: An Experimental Analysis

С. И. Долгих (НИУ ВШЭ)

Влияние удачи на принятие решений в условиях риска

В. Корепанов (ИПУ РАН), Н. Коргин (ИПУ РАН)

Причины константного поведения игроков в экспериментальных играх распределения ресурса

А. В. Захаров (НИУ ВШЭ)

Ложь — национальное времяпровождение? Экспериментальные свидетельства

13 апреля,
пятница
15:00– 16:30
Аудитория
328, М-11

Сессия Dc-15. Поведенческое подталкивание и экономическая политика

Председатель: Д. Б. Цыганков (НИУ ВШЭ)

М. А. Юнусова (Минэкономразвития России), Д. Б. Цыганков (НИУ ВШЭ)

Институциональные развилки формирования *nudge unit* в системе современного государственного управления

Д. О. Вахрушева (НИУ ВШЭ)

Анализ опыта трансфера передовых технологий поведенческого регулирования (надж-техники) на примере Великобритании и Сингапура

А. В. Белянин (НИУ ВШЭ), О. Г. Исупова (НИУ ВШЭ), А. В. Смирнова (МКНЦ ДЗМ)

Поведенческие ловушки в медицине, и как с ними бороться

- 12 апреля,
четверг
10:00–11:30
Аудитория
230, М-20
- Г. В. Чернов (НИУ ВШЭ), В. Матюхин (Рациональное антикафе «Кочерга»)
Прививка от иррациональности, или Методика работы с когнитивными искажениями
СЕКЦИЯ Н. СОЦИАЛЬНАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
Руководители: А. Б. Каменский (НИУ ВШЭ), М. А. Давыдов (НИУ ВШЭ)
Сессия Н-09. Социально-экономическая история России Средневековья и Нового времени
В. С. Успенский (НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург)
Дети боярские пишут государю: к анализу политической культуры служилого сословия в России второй половины XVI века
А. В. Ефимов (НИУ ВШЭ)
Денежная масса в России при Петре I
М. М. Дадыкина (НИУ ВШЭ)
Соль на воде: практики обращения с ресурсами и формирование пространства Русского Севера в XVI–XVII веков
А. Ю. Володин (МГУ)
Природные ресурсы в России: конструирование концепта и вопросы экономической политики в XIX — начале XX века
М. В. Лоскутова (НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург)
Практики природопользования, международная торговля лесом и региональная специфика в Российской империи начала XIX века
- 12 апреля,
четверг
15:00–16:30
Аудитория
230, М-20
- Сессия Н-11. Социальная и экономическая история 1920-х гг.**
Т. I. Marinova (NBU)
Russian and Soviet Influence on the Bulgarian Cooperative Development after the WWII (The Case of the Labour Cooperative Agricultural Farms 1944–1989)
M. Munthiu (ASE)
The Evolution of Marketing Education and Research in Communist Romania and the Soviet Union
М. Г. Фивейская (РАНХиГС)
Феномен советского качества
В. Л. Некрасов (ИВИ РАН)
Госплан СССР и ресурсная зависимость советской экономики: группы интересов, трубопроводы, распределение нефтегазовой ренты, вторая половина 1950-х — первая половина 1970-х гг.
А. О. Ogunlana (TPU), О. Р. Nedospasova (TPU)
Challenges of Oil Producing Countries with Poor Rankings
- 12 апреля,
четверг
17:00–18:30
Аудитория
230, М-20
- Сессия Н-12. Экономика социалистического лагеря после Второй мировой войны**
Е. Д. Благодетелева (НИУ ВШЭ), О. Павленко (EUI)
Исследование социально-экономического неравенства по материалам подоходного налога 1917 г. (на примере г. Москвы)
С. С. Селеев (НИУ ВШЭ)
Деятельность страховых организаций в период революции и Гражданской войны, 1917–1921 гг.: от ликвидации к государственной монополии
С. Б. Ульянова (СПбПУ), И. В. Сидорчук (СПбПУ)
Экономика девиантного досуга советских нэпманов в 1920-е гг.
СЕКЦИЯ J. МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ
Руководитель: В. С. Автономов (НИУ ВШЭ)

- 10 апреля,
вторник
12:00–13:30
Аудитория
328, М-11
- Сессия J-02. «Капитал» в России**
Председатель: В. С. Автономов (НИУ ВШЭ)
F. D'Onofrio (UNIL), F. Allisson (UNIL)
Towards an Intellectual Biography of N. I. Sieber
Д. Расков (СПбГУ)
Зибер как интерпретатор Рикардо и Маркса
Л. Д. Широкоград (СПбГУ)
История «Капитала» К. Маркса в России (1871–1956 гг.)
Р. М. Нуреев (Финуниверситет)
Исторические судьбы «первого великого открытия» К. Маркса
- 10 апреля,
вторник
15:00–16:30
Аудитория
328, М-11
- Сессия J-03. Почётный доклад Томаса Кучински «Marx' Capital Volume One — A Work in Progress»**
Председатель: В. С. Автономов (НИУ ВШЭ)
The first edition of Capital Vol. I (1867) was followed by a second, revised, German edition (1872–1873) and a French edition (1872–1875) which was not a simple translation of the German one but delivered a strongly improved representation. Marx gave, therefore, potential translators the instruction to base their translations on a careful comparison of the two editions. He himself planned in 1881 to make a newly revised German edition. Although his death prevented the compliance of this plan it shows that he saw his opus magnum as a work in progress. My paper will point out some aspects of Marx's continuous rethinking of allegedly fixed truths.
- 10 апреля,
вторник
17:00–18:30
Аудитория
328, М-11
- Сессия J-04. О чём рассказывают рукописи Маркса — 1**
Председатель: Р. Рот (BBAW)
R. Roth (BBAW)
The Legacy of Karl Marx and Friedrich Engels in the Critical Edition (MEGA). Concepts and Perspectives
R. F. Hecker (MEGA-Foerderverein Berlin)
Marx' Critique on Capitalism During the Crisis 1857
Л. Л. Васина (РГАСПИ)
К. Маркс и Россия (к публикации выписок Маркса по экономике России в издании МЭГА)
О. И. Ананьин (НИУ ВШЭ)
Философия и экономика в интеллектуальной истории «Капитала» Маркса
- 11 апреля,
среда
10:00–11:30
Аудитория
328, М-11
- Сессия J-05. О чём рассказывают рукописи Маркса — 2**
Председатель: Д. В. Мельник (НИУ ВШЭ)
С. Gehrke (University of Graz)
On Marx's Unfinished Manuscripts for Volumes 2 and 3 of Capital: Theoretical Problems and Alternative Explanations
И. И. Елисеева (СПбГЭУ), А. Л. Дмитриев (СПбГЭУ)
Математические рукописи Карла Маркса
D. Melnik (HSE), N. Nenovsky (University of Picardie Jules Verne)
Reconstructing Marx's Monetary Theory: Comparing French Monetary School and Isaak Rubin's «Essays on Marx's Theory of Money»
Р. Г. Хаиткулов (НИУ ВШЭ)
Марксистские теории эксплуатации после Маркса: развитие и критика

- 11 апреля,
среда
12:00–13:30
Аудитория
328, М-11
- Сессия J-06. Почётный доклад Хайнца Курца (Университет Грац) «Scrutinizing the Foundations of Marx's Labour Value-Based Reasoning. From Aristotle to Piero Sraffa»**
Председатель: О. И. Ананьин (НИУВШЭ)
Marx was very well read in Greek philosophy, especially Aristotle. He related his own theory of value, the centre piece of his analysis of the capitalist mode of production, to insights encountered in Aristotle. The main idea was that of a 'common third', that is, the problem of whether qualitatively different commodities could be said to represent equal or different quantities of the same substance, which determined the exchange values of commodities. While Aristotle denied the existence of such a substance, Marx's answer was in the positive. According to him, the common third was abstract human labour. The paper scrutinizes critically Marx's theory of value and the role of tertium comparationis in it and compares it to the theory of value elaborated by the classical economists from Adam Smith to David Ricardo. The reasoning put forward draws inter alia on reflections contained in Piero Sraffa's hitherto unpublished papers at Trinity College, Cambridge.
- 11 апреля,
среда
15:00–16:30
Аудитория
328, М-11
- Сессия J-07. Влияние Маркса на дальнейшее развитие экономической науки**
Председатель: R. Hecker (MEGA-Foederverein Berlin)
В. С. Автономов (НИУ ВШЭ)
Влияние Маркса на экономическую науку: на предмет или на метод?
Л. А. Тутов (МГУ)
Является ли марксизм революцией в экономической науке?
А. И. Колганов (МГУ)
Применение метода «Капитала» к изучению трансформаций экономических систем
М. С. Сушенцова (НИУ ВШЭ), И. Чаплыгина (МГУ)
К методологии К. Маркса: экономический детерминизм или «этический волюнтаризм»?
- 11 апреля,
среда
17:00–18:30
Аудитория
328, М-11
- Сессия J-08. Маркс в XXI веке**
Председатель: О. И. Ананьин (НИУ ВШЭ)
А. В. Бузгалин (МГУ)
Постсоветская школа критического марксизма: основные черты
Л. С. Гребнев (НИУ ВШЭ)
Человек как родовое существо: 1844 г. и современность
С. Н. Мареев (Институт МИРБИС), Е. В. Мареева (МГИК)
«Стоимость» или «ценность»: теоретические и идеологические основания дискуссии
О. В. Барашкова (МГУ)
Неравенство в XXI веке: марксистский анализ
- 12 апреля,
четверг
10:00–11:30
Аудитория
328, М-11
- Сессия J-09. Различные области современного марксистского анализа**
Председатель: Г. Д. Гловели (НИУ ВШЭ)
Г. Д. Гловели (НИУ ВШЭ)
Дилеммы политэкономии мануфактурного периода
У. Г. Николаева (МГУ)
Экономика до и вне рынка: теоретические дискуссии и современный марксистский анализ
О. Н. Борох (ИДВ РАН)
Современная марксистская история экономической мысли: китайский ракурс
Г. А. Маслов (МГУ)
Перспективы сокращения рабочего времени: марксистский подход

- 12 апреля,
четверг
12:00–13:30
Аудитория
328, М-11
- Сессия J-10. Проблемы экономического образования**
Председатель: А. Ю. Чепуренко (НИУ ВШЭ)
А. Ю. Чепуренко (НИУ ВШЭ)
Маркс в университете 3.0: почему история не повторяется?
А. Н. Поддьяков (НИУ ВШЭ)
Обучение экономическому мышлению: что экономист может ответить студенту — призёру конкурса за исследования нетранзитивных костей о нетранзитивной конкуренции в биологии и экономике?
E. Zawojcka (University of Warsaw), M. Czajkowski (University of Warsaw)
Are Preferences Stated in Web vs. Personal Interviews Different? A Comparison of the Results for a Large Multi-Country Valuation Study of the Baltic Sea Eutrophication Reduction
G. W. Musiał (UE Katowice)
Методологический анализ: между универсальным и временно-пространственным ограничением действия научных законов
- 12 апреля,
четверг
15:00–16:30
Аудитория
328, М-11
- Сессия J-11. О предмете экономической науки**
Председатель: П. А. Ореховский (ИЭ РАН)
В. М. Полтерович (ЦЭМИ РАН)
Институты и теория общественного развития Кристиана Вельцеля
О. Н. Волкова (НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург)
Предметное поле экономической дисциплины: парадигмы и исследовательские программы (на примере «бухгалтерского» учета)
П. А. Ореховский (ИЭ РАН, Финуниверситет)
Структурализм и «слепые пятна» мейнстрима экономической теории
СЕКЦИЯ Р. ДЕМОГРАФИЯ И РЫНКИ ТРУДА
Руководители: Л. И. Смирных (НИУ ВШЭ),
М. Б. Денисенко (НИУ ВШЭ)
- 11 апреля,
среда
10:00–11:30
Аудитория
513, М-20
- Сессия Р-05. Политика доходов и заработная плата на рынке труда**
Председатель: Р. И. Капелюшников (НИУ ВШЭ)
Е. М. Чернина (НИУ ВШЭ), В. Е. Гимпельсон (НИУ ВШЭ)
Реальное и воспринимаемое распределение доходов:
чем обусловлены различия?
В. Ю. Ляшок (РАНХиГС), М. В. Лопатина (РАНХиГС)
Гибкость заработных плат в России: что говорят микроданные
С. Д. Капелюк (СибУПК), А. Бурдастов (СибУПК)
Последствия повышения минимальной заработной платы:
метод синтетической контрольной группы
А. В. Шарунина (НИУ ВШЭ)
Работающие бедные в России
- 11 апреля,
среда
12:00–13:30
Аудитория
513, М-20
- Сессия Р-06. Занятость и участие в рабочей силе**
Председатель: С. Ю. Рошин (НИУ ВШЭ)
М. А. Гильтман (ТюмГУ), Н. В. Обухович (ТюмГУ),
О. Е. Токарева (ТюмГУ)
Влияние активной и пассивной политики на рынке труда на регистрируемую безработицу в России
Е. Я. Варшавская (НИУ ВШЭ), М. Б. Денисенко (НИУ ВШЭ)
Продолжительность трудовой жизни российского населения

А. А. Зудина (НИУ ВШЭ)

Масштаб, динамика и факторы выпадения российской молодёжи из сферы занятости и образования в 1995–2016 гг.

Д. Х. Куддусов (ИИЦ «Соцсервис»)

Особенности перехода от образования к труду молодёжи и взрослых (на основе результатов социологического исследования 2016–2017 гг. в Таджикистане).

11 апреля,
среда
15:00–16:30
Аудитория
513, М-20

Сессия Р-07. В поисках дискриминации на российском рынке труда

Председатель: Л. И. Смирных (НИУ ВШЭ)

А. В. Демьянова (НИУ ВШЭ), А. Л. Лукьянова (НИУ ВШЭ)

Низкий уровень занятости инвалидов в России — результат дискриминации?

Б. С. Потанин (НИУ ВШЭ), Е. В. Коссова (НИУ ВШЭ)

Применение многомерной иерархической свич-пробит-модели для анализа дискриминации замужних женщин на российском рынке труда по данным РМЭЗ за 2016 г.

М. Д. Ким (СибУПК), С. Д. Капелюк (СибУПК),

Н. Н. Рябушкин (СибУПК)

Дискриминация на российском рынке труда: экспериментальный анализ

12 апреля,
четверг
10:00–11:30
Аудитория
513, М-20

Сессия Р-09. Почётный доклад Хартмута Леманна (University of Bologna) «Informal Employment in Post-Transition Countries»

Председатель: В. Е. Гимпельсон (НИУ ВШЭ)

Even though informal employment is wide-spread in transition economies the literature on this phenomenon in the region is rather scarce. In the first part of the lecture we summarize the general theoretical literature on labor market segmentation along the formal-informal divide with an eye on specific features of labor markets in the post-transition region. Since for policy makers it is important to know the incidence and the determinants of informal employment and to understand the heterogeneity of jobs within the informal sector, we then demonstrate that the incidence of informal jobs and to a lesser degree their determinants depend on the definition used. We furthermore highlight the weaknesses of most studies that test for labor market segmentation in post-transition economies along the formal-informal dimension. Last but not least we introduce a new research area that links risk preferences and selection into labor market states. This research using risk preferences can help us disentangle issues regarding segmentation of labor markets in post-transition countries.

12 апреля,
четверг
12:00–13:30
Аудитория
513, М-20

Сессия Р-10/1. Приглашённый доклад Паолы Жулиано (UCLA Anderson School of Management) «Long-Term Orientation and Educational Performance»

Председатель: Х. Леманн (Болонский университет)

We use population-level matched administrative data from Florida education and birth records to study the role of Long-Term Orientation on the educational attainment of immigrant students living in the US. Controlling for the quality of schools and individual characteristics, we find that students from countries with long-term oriented attitudes perform better than students from cultures with less emphasis on the importance of delayed gratification. These students perform better in third grade reading and math tests, have larger test score gains over time, have fewer absences and disciplinary incidents, are less likely to repeat grades, and are more likely to graduate from high school in four years. In addition, they are more likely to enroll in advanced high school courses, especially in scientific subjects. Parents from long-term oriented cultures are more likely to secure better educational opportunities for their children. Long-term oriented students perform better when there is a large fraction of immigrants speaking the same language in their school. We validate these results using a sample of immigrant students living in 37 different destination countries.

- 12 апреля,
четверг
12:00–13:30
Аудитория
309, М-20
- Круглый стол P-10/2. Youth and Women in the Russian Labour Market: Access, Restrictions, and Opportunities**
Председатель: I. Kozina (HSE)
Issues for discussion:
• Insecurities, informalities and precariousness of the Russian labour market: evaluating the position of youth;
• Women in the Russian labour market: barriers and strategies of employment;
• The role of the State in the labour market: the assessment of the social support for youth and women;
• Looking for the inclusion: what resources do young people and women possess.
Participants: E. Omelchenko (HSE — St. Petersburg), G. Sabirova (HSE — St. Petersburg), C. Walker (University of Southampton), C. Gerry (University of Oxford), D. Omelchenko (HSE — St. Petersburg), Y. Krupets (HSE — St. Petersburg), S. Polyakov (HSE — St. Petersburg)
СЕКЦИЯ ТВ. СОЦИОЛОГИЯ
Руководитель: Е. Ю. Рождественская (НИУ ВШЭ)
- 10 апреля,
вторник
12:00–13:30
Аудитория
421, М-11
- Сессия Тб-02. Социология пространства и территориальные политики**
Председатель: А. В. Стрельникова (НИУ ВШЭ)
О. Ю. Ключина (НИУ ВШЭ)
Жизнь без заводов: «настоящее» района Тушино глазами молодого поколения
Т. Крихтова (ПСТГУ)
Часовни в московских больницах: места пересечения смыслов
О. С. Сидорова (ИЭОПП СО РАН), Н. Л. Мосиенко (ИЭОПП СО РАН)
Индикаторы социально-пространственной сегрегации города: стоимость и престижность жилья (на примере г. Новосибирска)
О. Б. Савинская (НИУ ВШЭ), И. П. Удовенко (Московская федерация профсоюзов)
Московский городской конкурс «Лучшее предприятие для работающих мам» (2008–2015) — что дал этот опыт?
- 10 апреля,
вторник
17:00–18:30
Аудитория
421, М-11
- Сессия Тб-04. Макроэкономические и макросоциальные проблемы общества**
Председатель: М. Е. Маркин (НИУ ВШЭ)
А. Д. Казун (НИУ ВШЭ), О. Е. Дорофеева (НИУ ВШЭ)
Проблема импортозамещения в российских СМИ: анализ фреймов и сетевой повестки дня
К. С. Григорьева (Институт социологии ФНИЦС РАН)
Роль бюрократии в формировании и поддержании враждебности по отношению к выходцам с Кавказа и из Средней Азии
А. А. Широканова (НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург)
Измерение субъективного благополучия: сравнительный обзор практики
- 11 апреля,
среда
10:00–11:30
Аудитория
421, М-11
- Сессия Тб-05. Динамика профессиональных идентичностей**
Председатель: К. А. Гаврилов (НИУ ВШЭ)
R. Mrowczynski (Leipzig University)
Professional Misconduct of Russian Lawyers between Ad-Administration of Justice, Clients and State Power
М. Р. Хуснутдинова (МГППУ), Е. М. Новикова (МГППУ),
Е. В. Аржаных (МГППУ)
Профессиональная идентичность педагога общеобразовательной организации
А. И. Нефедова (НИУ ВШЭ)
Причины выбора российского высшего образования иностранными студентами

- В. Э. Деминская (НИУ ВШЭ)
Социологический портрет линейного менеджера в современной России: связь должностных обязанностей и производительности
- 11 апреля, среда
12:00–13:30
Аудитория 421, М-11
- Сессия Тб-06. Баланс семьи и работы — 1**
Председатель: В. В. Уткина (НИУ ВШЭ)
А. В. Кулешова (ВЦИОМ), М. О. Макушева (ВЦИОМ)
Материнство и наука: о (дис)функциях и (не)совместимости
Е. Ю. Рождественская (НИУ ВШЭ)
Академическая женская карьера в европейском контексте: балансы и дисбалансы жизни и труда
Е. В. Бобровская (МГУ)
Влияние семейных обязанностей на реализацию женщинами права на труд: российский и зарубежный опыт
Р. Н. Абрамов (НИУ ВШЭ), И. А. Груздев (НИУ ВШЭ),
Е. А. Терентьев (НИУ ВШЭ)
К метафорике академического стресса: проблемы *work-lifebalance* в системе высшего образования
- 11 апреля, среда
15:00–16:30
Аудитория 421, М-11
- Сессия Тб-07. Баланс семьи и работы — 2**
Председатель: О. Г. Исупова (НИУ ВШЭ)
О. Г. Исупова (НИУ ВШЭ)
Мужчины, женщины и профессия: семья и работа в жизни сотрудников полиции Вологодской области
И. В. Костерина (Фонд Белля)
Между семьёй и работой: гендерные стратегии на Северном Кавказе
О. Н. Борисова (ПСТГУ)
Некоторые аспекты «вовлечённого отцовства» в межстрановой перспективе
В. В. Уткина (НИУ ВШЭ)
Совмещение карьеры и семьи? Молодые женщины на госслужбе в России
- 12 апреля, четверг
10:00–11:30
Аудитория 421, М-11
- Сессия Тб-09/1. Заводские территории в контексте трансформационных процессов: от советского к постсоветскому**
Председатель: А. В. Стрельникова (НИУ ВШЭ)
Е. А. Чернец (КБ «Стрелка»)
Локальная история «рабочего посёлка» в восприятии местных жителей (на примере Шаболовки)
Д. С. Рудь (Урбан Стрит 14)
Жильё рабочих социалистических предприятий: анализ кейсов России и Китая
Е. В. Полухина (НИУ ВШЭ), А. Ваньке (Институт социологии ФНИЦС РАН)
«Заводские» районы в постсоветской России: трансформация территориальных идентичностей в столичном и региональном контекстах
А. В. Стрельникова (НИУ ВШЭ)
Исчезающая идентичность исчезающего поколения: история «заводского района» Тушино
Дискуссанты: О. Н. Запорожец (НИУ ВШЭ), М. Н. Королёва (РАНГХиС), Я. А. Багина (НИУ ВШЭ)
- 13 апреля, пятница
10:00–11:30
Аудитория 421, М-11
- Сессия Тб-13/1. Структуры, организации, эмоции. Специальная сессия с представлением научных результатов НИУ ВШЭ**
Председатель: О. Оберемко (НИУ ВШЭ)
С. А. Коротаев (НИУ ВШЭ)
Неиерархический конструктивистский подход к исследованию социальной структуры

О. А. Симонова (НИУ ВШЭ)

Теоретико-методологические возможности современной социологии эмоций:
основные дисциплинарные принципы

Е. А. Гудова (НИУ ВШЭ)

Драматичная, неуправляемая и повествующая: организация сквозь призму нарративного анализа

13 апреля,
пятница
15:00–16:30
Аудитория
428, М-11

**Сессия Тб-15/2. Экономические практики от резидентов до мигрантов.
Специальная сессия с представлением научных результатов НИУ ВШЭ**

Председатель: М. Е. Маркин (НИУ ВШЭ)

Е. С. Бердышева (НИУ ВШЭ), Р. И. Романова (НИУ ВШЭ)

Экономия как хобби: практики хозяйственной оптимизации в домашней бухгалтерии российских женщин

П. А. Попова (НИУ ВШЭ)

Финансовые разногласия в российских семьях: типы и детерминанты

I. O. Oni (HSE)

Socioeconomic Integration: A Determining Factor of Migrant Workers; A Case of Nigerian Labour Migrants in Russia

13 апреля,
пятница
17:00–18:30
Аудитория
428, М-11

**Сессия Тб-16/2. Трудовые отношения, ценности, организационная культура — 2.
Специальная сессия с представлением научных результатов НИУ ВШЭ**

Председатель: Д. О. Стребков (НИУ ВШЭ)

Е. Balabanova (HSE), S. John (Hanken School of Economics), M. Ehrnrooth (Hanken School of Economics), W. Barner-Rasmussen (Åbo Academy University)

The Antecedents of Employee Voice: A Comparative Analysis between Russia and Finland

А. В. Шевчук (НИУ ВШЭ), Д. О. Стребков (НИУ ВШЭ),

Н. Э. Соболева (НИУ ВШЭ)

Взаимосвязь между трудовыми ценностями и типом занятости

А. С. Гоголева (НИУ ВШЭ)

Организационные практики в сфере трудовых отношений и их связь с экономическими показателями деятельности организации

О. Р. Михайлова (НИУ ВШЭ), И. А. Павлов (НИУ ВШЭ),

Г. Е. Новиков (НИУ ВШЭ)

Конструирование и легитимация трудовых отношений на рынке домашнего аутсорсинга в современной России

**Экономическая
социология**
Т. 19. № 2.
Март 2018

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,
г. Москва,
ул. Мясницкая,
д. 20, комн. 406
тел.: (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

**Journal of
Economic Sociology**
Vol. 19. No 2.
March 2018

Electronic journal
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Contacts

20 Myasnitskaya street,
room 406
101000 Moscow,
Russian Federation
phone: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Доступ к журналу

- Доступ ко всем номерам журнала — постоянный, свободный и бесплатный.
- Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).
- Если хотите, чтобы Вас оповещали о выходе очередного номера, пожалуйста, заполните форму подписки: <https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html>

Open Access Policy

- All issues of the Journal of Economic Sociology are always open and free access.
- Each entire issue is downloadable as a single PDF file.
- If you wish to receive notification when new issues are published, please fill out the following form: <https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html>